НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НовГУ:

Материалы XXVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.

Часть 1

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НовГУ:

Материалы XXVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.

Часть 1

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2020

УДК 001(08)
Д54

Печатается по решению
РИС НовГУ

Оргкомитет:

Ефременков А. Б.	– председатель, проректор по научной работе и инновациям НовГУ
Донина И. А.	– начальник Управления аспирантуры и ординатуры
Пчелина Е. А.	– ученый секретарь Совета по молодёжной науке
Андреева Ю. А.	– директор Центра развития талантов
Фихтнер О. А.	– директор ЦРПА
Волошина Г. В.	– начальник отдела по МН
Елкин С. М.	– зам. директора ИНПО
Тошкина Е. А.	– профессор кафедры технологии производства и переработки с.-х. продукции ИСХПР
Новикова Я. В.	– доцент кафедры дизайна ИПТ
Иванова Л. А.	– зам. директора ИГУМ
Сулиманов Р. А.	– зам. директора ИМО
Ариас Е. А.	– зам. директора ИЭИС
Окомина Е. А.	– зав. отделением экономики ИЭУП

Рецензенты:

канд. филос. наук, доцент **О. В. Труфанова**

канд. филос. наук, доцент **Н. В. Власова**

(Санкт-Петербургский гос. экономический университет)

Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXVII научной
Д54 конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.: в 3 ч. / сост. Г. В. Волошина, О. И. Тетерина; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2020. – Ч. 1. – 317 с.
ISBN 978-5-89896-666-9

Часть 1 сборника включает в себя 49 научных статей по педагогике, психологии, филологии, медиа, истории, культурологии и философии, авторы которых явились победителями в секционных заседаниях конференции, и посвящена традиционным и современным проблемам социально-гуманитарного знания, диалогу религий, культур, мировоззрений и картин мира в условиях полидискурсивной цифровой эпохи.

Издание предназначено как для специалистов в соответствующей области науки, так и для широкого круга интересующихся достижениями гуманитарного и философского знания читателей.

УДК 001(08)

ISBN 978-5-89896-666-9

© Новгородский государственный университет, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

ИГУМ – ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

Алексеева А.А. Перевод фразеологизмов с соматическим компонентом с немецкого на русский язык 8

Бураго Н.Н. Новостные тексты о коронавирусе как инструмент политического влияния 15

Валуева А.К. Метафорические неологизмы в сфере информационных технологий 21

Васильева Д.Н. Изменение типа газеты «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»: от универсальной к официальной 27

Волов А.И. Культура сопок: история появления термина и дальнейшая дискуссия 33

Гагарина Д.В. Особенности организации готического художественного пространства (на материале новеллы М.Р. Джеймса “Canon Alberic’s Scrap-book”) 39

Гринь И.А. Перевод сниженной лексики 45

Емельянов А.А. Выборы президентов России и Франции: палитра жанров 51

Закоптелкова А.С. Визуализация фатализма в американском фильме ужасов 57

Кобяков А.В. Феминитивы в медиапрактике: лингвистическое видение ... 62

Коломейчук В.С. Формирование городов Циркумбалтийского региона в эпоху викингов в отечественной историографии 68

Крохмаль И.В. Слова с общим значением *одежда* в Новгородском областном словаре 74

Кулагин М.С. Февраль 1917 года в Новгородской губернии в воспоминаниях современников 80

Лебедев Д.А. Актуальность учения Платона о душе в цифровую эпоху 86

Левченко А.С. Движение за исправление нравов в Англии рубежа XVII–XVIII вв. на примере деятельности «Обществ исправления нравов» 92

Макейцева И.А. Перевод сленга в современных немецких песнях 98
Михайлова Е.Н. Заголовки модных журналов 104
Мурашова Е.Д. Сложности перевода имён собственных в жанре фэнтези 110
Наволоцкая О.В. Развёрнутое сравнение как авторское средство изобразительности (на материале произведений Н. Хорнби) 117
Никитина А.С. История игровой журналистики 123
Павлова В.Ю. Специфика передачи имплицитного смысла как средства создания комического эффекта в переводе рецензии 129
Парийская О.Л. Роль этнопсихолингвистики в современных лингвистических исследованиях 135
Платонова К.А. Тематическое поле как принцип описания диалектной лексики 142
Прохорова К.С. Формирование новых представлений о сущности любви и брака в России на рубеже XIX–XX вв. (на примере Новгородской губернии) 148
Рормозер К.Н. «Moskauer Deutsche Zeitung»: специфика отражения российской действительности 154
Рыжкова О.А. Новые форматы коммуникации музея с аудиторией 160
Семёнова Е.И. Структурообразующая функция романса в чеховской «Драме на охоте» 166
Смертин И.В. Инструментальный подход к писательскому мастерству переводчика в контексте когнитивной поэтики текста 173
Смирнова Е.А. Перевод говорящих имён в романе Крессиды Коуэлл «Как приручить дракона» 179
Тазеева Д.Д. Средства образной номинации научно-популярного дискурса 185
Харламов Ю.В. Интенсификаторы на разных уровнях языка и их образование 191
Чистякова Я.Д. Принципы составления словарной статьи в диалектном этнолингвистическом словаре 198
Шершневская П.А. Специфика французского публицистического текста 204
Широкова О.В. Архетипы и музыка в американском фильме ужасов 211

Якунина В.А. Военно-стратегическое значение Нарвы в политике Ливонского ордена в XV веке 217
Якусик С.А. Человек-симулякр: проблема современной философской антропологии 223
Яшина Д.С. Аргументация в школьном итоговом сочинении: риторический аспект 229

ИНПО – ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Васильева А.В. Римский скульптурный портрет 236
Заводова А.К. Развитие звуковой культуры речи детей младшего дошкольного возраста в дидактической игре 246
Иванова С.А. Риски суицидального поведения у современных подростков 252
Исмаилова Д.А. Формирование социокультурной компетенции при обучении лингвострановедческому чтению на корейском языке 258
Кузьмина А.А. Изучение уровня школьной тревожности у подростков на уроках физической культуры 264
Куриленко А.П. Церковное пение в жизни человека. Развитие музыкального слуха воспитанников воскресных школ Русской православной церкви на занятиях по церковному пению 271
Леонтьева Ю.С. Педагогические возможности триз-технологии по работе с картиной в развитии монологической речи старших дошкольников 280
Лепёхина Д.А. Литературное развитие детей старшего дошкольного возраста на основе принципа интеграции 286
Никандрова А.В. Возможности интерактивного обучения на уроках изобразительного искусства для развития младшего школьника как грамотного зрителя 292
Петрова И.С. Пространственно-пластические возможности гобелена 298
Фёдорова О.А. Нравственные основы Победы в произведениях советских писателей военного поколения 306
Кощейкова Р.С. Применение интерактивных кроссвордов для развития творческого мышления у учащихся на уроках технологии 313

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Дни науки и инноваций НовГУ» посвящён научной конференции, ежегодно проводимой в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого уже более 25 лет и ставшей прочной научной традицией. В 2020 году конференция проводилась в рамках Всероссийского фестиваля науки с 6 по 11 апреля.

В работе «Дней науки и инноваций НовГУ» приняли участие преподаватели, молодые учёные, аспиранты и студенты всех структурных подразделений университета. В соответствии с дополнительными мерами по предупреждению распространения коронавирусной инфекции в целях защиты здоровья обучаемых и работников НовГУ все мероприятия проходили в дистанционном режиме.

Формат онлайн-конференции позволил создать пространство коммуникации для представления результатов научных достижений молодых исследователей и обучаемых НовГУ, обмена научными идеями и тезисами по актуальным вопросам естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, формирования и развития умения логично формулировать и аргументировать собственную мировоззренческую позицию по поставленной научной проблеме и способу её разрешения.

В рамках XXVII научной конференции НовГУ удалось организовать и успешно провести 100 секционных заседаний, заслушать 1300 докладов, среди которых 1226 – доклады студентов, 13 – доклады аспирантов, 61 – преподавателей и сотрудников университета.

Тематика докладов, активное обсуждение основных тезисов, провокационные вопросы и совместные поиски ответов на них позволяют говорить не только о вовлечённости участников конференции в научно-исследовательский и коммуникативный процесс, но также и о сформированности у ряда участников системного видения изучаемых проблем, способности использовать знания для выявления возможностей диалога науки и инноваций в условиях современности.

По итогам конференции оргкомитет отобрал ряд статей, выполненных на материалах лучших докладов и прошедших процедуру рецензирования для публикации в этом выпуске сборника.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей и считает себя не вправе отвергать материалы, содержание которых расходится с мнением большинства членов редколлегии. Мы полагаем, что полемика и дискуссия по проблемным вопросам будут только способствовать активизации научной мысли, а также приведут к выработке междисциплинарных подходов.

Сборник «Дни науки и инноваций НовГУ» состоит из трёх частей. Часть 1 сборника включает в себя 49 научных статей по педагогике, психологии, филологии, медиа, истории, культурологии и философии, авторы которых явились победителями в секционных заседаниях конференции, и посвящена традиционным и современным проблемам социально-гуманитарного знания, диалогу религий, культур, мировоззрений и картин мира в условиях полидискурсивной цифровой эпохи.

Заместитель начальника отдела
аспирантуры и молодёжной науки
Труфанова О. В.

УДК 811.112.2:811.161.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.01

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Алексеева А.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Petrov73@mail.ru

TRANSLATION OF PHRASES WITH A SOMATIC COMPONENT FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Alekseeva A.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: nastalex98@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема перевода фразеологизмов с соматическим компонентом с немецкого на русский язык. Для решения данной проблемы был структурирован материал по выбранной тематике, отобраны и классифицированы наиболее употребительные актуальные фразеологизмы-соматизмы немецкого языка, практически доказаны теоретические положения.
Ключевые слова: *фразеологизм, соматизм, сопоставительная фразеология, перевод, эквивалент*.

Abstract. This article deals with a translation problem of phrases with a somatic component from German into Russian. To address the problem theoretical knowledge on the chosen theme were structured, the most common relevant phrases of the German language were identified and classified, theoretical foundations were practically proved.
Keywords: *phrase, somatism, contrastive phraseology, translation, equivalent.*

Современный мир отличается бесконечным потоком информации, с которым ежедневно сталкивается каждый человек. Информационная среда, в которой мы живем, практически обязывает каждого из нас быть более образованным и, как минимум, владеть речевой культурой. Особенно это касается таких специалистов, как филологи, лингвисты, журналисты и переводчики, которым ежедневно приходиться лаконично, доступно и одновременно образно излагать свои мысли. Чтобы справиться с этими непростыми задачами, часто прибегают к использованию фразеологизмов. В теории и практике перевода проблеме перевода фразеологизмов также уделяют особое внимание, так как прежде всего фразеологические единицы являются отражением культуры и языка и тем

самым стимулируют своё употребление в речи [1], а также могут быть источником недопонимания.

Дать определение фразеологизмам нелегко, так как результат будет зависеть от положенных в основу критериев. В.В. Виноградов выдвигал как наиболее существенный признак фразеологического оборота его эквивалентность и синонимичность слову, а В.Л. Архангельский, З.Н. Анисимова, В.Н. Телия определяют фразеологизм как языковую единицу, для которой характерны такие второстепенные признаки, как метафоричность, эквивалентность и синонимичность слову [2]. Учитывая вышеперечисленные особенности фразеологизмов, можно дать доступное определение: фразеологизм – это целое, устойчивое словосочетание или предложение, значение которого не определяется значением входящих в него слов, взятых по отдельности [3].

Когда говорящий хочет донести определённую мысль, она должна быть выражена в доступной для слушателей форме. В этом случае также часто прибегают к использованию фразеологизмов, которые рационализируют способ выражения наших мыслей, так как это шаблон мышления, сохраненный в уже готовом виде, и он может применяться в соответствии с ситуацией (Телия 1996). Кроме того, иногда уже готовое даёт некоторым людям возможность выразить что-то лучше, чем то, что они могли бы сформулировать сами.

Корни многих ФЕ восходят к древности народов, когда с развитием артикулированной речи и формированием первобытнообщинной жизни человек научился выражать свои чувства, желания, потом мысли и когда вместо инстинктивности появляется сознательность. Примитивный человек пользовался образами окружающего мира, чтобы выразить чувства, желания, мысли – всё, что он хотел сообщить. Эта форма «окультуренного» восприятия мира лежит в основе метафорического смысла фразеологизма (Нассири 2014).

Фразеология – достаточно молодая научная дисциплина. Особый вклад в её развитие внесли советские учёные, продолжившие изучать исследования лингвистов XIX века, которые в то время начали наделять фразеологизмы особым статусом среди других словосочетаний. Это были первые предпосылки для формирования теории фразеологии. В этом плане следует отметить труды А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и И.А. Бодуэна де Куртэне [3]. Швейцарский лингвист Шарль Балли также сыграл большую роль в становлении фразеологии. Он занимался выражением «субъективности» в языке, средствами отражения личности и эмоций говорящего. Однако в Центральной и Западной Европе его работы осталась без особого внимания, хотя Балли ещё тогда поднимал вопросы, которые лингвисты обсуждают и по сей день. В советской фразеологии его исследовательские подходы возобновились и развились. (Назарьян 1976).

Благодаря работам В.В. Виноградова в советской лингвистике фразеология сформировалась как самостоятельная дисциплина. Значимость его работ состояла в том, что он перешел от эмпирически определённого описания феномена к его теоретическому исследованию, а составленная им трёхчленная классификация фразеологизмов с точки зрения семантической слитности является наиболее распространённой до сих пор. В основе классификации, предложенной Виноградовым, два важнейших признака фразеологизмов: идиоматичность значения и мотивированность значения. Идиоматичность значения – это смысловая неразложимость фразеологизма на значения слов компонентов и его составляющих. Идиоматичность может возникать в результате утраты реальных смысловых соотношений между словами. Мотивированность значения – это признак, обусловленный тем, что между компонентами и общим значением фразеологизма сохранилась по крайней мере отдельная связь. В немотивированных такая связь отсутствует [7].

Несмотря на то, что фразеологизмы не теряют своей значимости, исследований, посвящённых их классификации, немного, а для детального исследования какой-либо группы фразеологизмов необходимо опираться на классификации по происхождению, структуре, сфере возникновения, экспрессивно-стилистической окраске, устойчивости состава и т.д.

Одной из групп, на которые разделяют фразеологические единицы являются соматизмы. Этот термин относительно неизвестен, однако то, что он обозначает, знакомо каждому носителю языка и используется им в повседневной речи. Отличительной чертой соматических фразеологизмов является наличие в их структуре в качестве знаменательного компонента лексемы, обозначающей часть тела человека или животного: не только внешние физические формы организма человека (нос, голова, рука), но и элементы сердечно-сосудистой, нервной и других систем (печень, кровь, мозг) [8].

Впервые в лингвистический обиход термин «соматический» был введен в финно-угроведении Ф. Вакком, а понятие «соматический фразеологизм» в употреблении к материалу русского языка впервые применяет Э.М. Мордкович в своём труде «Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов» [8].

С помощью зрения, слуха, тактильных и вкусовых ощущений, обоняния и вестибулярного аппарата человек кодирует воспринимаемую информацию и подразделяет получаемые сигналы на категории, поэтому неудивительно, что вокруг тела, его частей и функций сформировалась основа для образования широко распространённых фразеологизмов. Лингвисты стали более подробно исследовать соматическую лексику лишь в конце XX – начале XXI века. Вместе с тем человек интересует науку в качестве субъекта, владеющего языком, так как соматизмы принимают активное участие в формировании фразеологизмов [8].

В качестве эмпирического материала для настоящего исследования были было отобрано 35 наиболее употребительных фразеологизмов-соматизмов. Источником стал Linguistik Online – Phraseologisches Optimum für Deutsch als Fremdsprache, в котором представлены списки наиболее употребляемых фразеологизмов [9]: 8 со словом «Hand» – рука (кисть); 5 со словом «Kopf» – «голова»; 4 со словами «Herz» – «сердце», «Auge» – «глаз»; 3 со словом «Nase» – «нос»; 2 со словами «Bein» – «нога», «Rücken» – «спина»; по одному со словами «Finger» – «палец», «Faust» – «кулак», «Hals» – «шея», «Arm» – «рука», «Mund» – «рот», «Nerven» – «нервы», «Haare – «волосы».

Перед тем, как перейти непосредственно к переводу фразеологизмов, необходимо ознакомиться с положениями сопоставительной фразеологии. Сопоставительная фразеология в точном её смысле начала активно развиваться с середины 60-х годов XX века. Однако, если учесть сравнительно-исторические исследования, в которых так или иначе использовался фразеологический материал, эта традиция намного старше. Сопоставительная фразеология в современном понимании – это особое направление исследований, ориентированное на выявление сходств и различий между фразеологизмами различных языков (Добровольский 2013).

Фразеологические единицы можно классифицировать по нескольким признакам (Кунин 1996). Объектом исследований сопоставительной фразеологии является весь спектр формальных и семантических характеристик фразеологизмов, причём предмет анализа – не только отдельные фразеологизмы, но и группы выражений, объединяемые по тому или иному признаку [10].

Исследования в области сопоставительной фразеологии активно развиваются, что определяется их практической значимостью: результаты сопоставления фразеологических систем находят применение в преподавании иностранных языков, в двуязычной лексикографии, а также в теории и практике перевода [10].

Традиционно выделяются следующие типы межъязыковой эквивалентности:

1) «Полные эквиваленты»;

2) «Частичные эквиваленты»;

3) «Фразеологические аналоги»;

4) «Безэквивалентные фразеологизмы».

«Полные эквиваленты» – это фразеологизмы сопоставляемых языков, которые практически идентичны с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры и внутренней формы. Некоторые «полные эквиваленты» допускают морфологическое и минимально лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы идиомы, например: «von Kopf bis Fuß» (букв.: с головы до ноги) и

русск. «с головы до ног» [10]. Примеры: «den Rücken kehren/wenden» – «повернуться спиной»; «ins Auge fallen» – «бросаться в глаза»; «auf den Beinen sein» – «быть на ногах»; «um Hals fallen» – «броситься на шею»; «in die Hand nehmen» – «брать в свои руки»; «die rechte Hand» – «правая рука»; «Hand in Hand» – «рука об руку»; «sich die Hände reiben» – «потирать руки»; «von ganzem Herzen» – «от всего сердца»; «an Händen und Füßen gebunden sein» – «быть связанным по рукам и ногам»; «an der Nase herumführen» – «водить за нос» [12].

«Частичные эквиваленты» – это фразеологизмы исходного языка и языка перевода, актуальные значения которых почти совпадают, а синтаксические структуры, лексический состав и образные составляющие несколько различаются. Можно сказать, что отношение частичной эквивалентности имеет место, когда при семантическом сходстве сопоставляемые идиомы характеризуются ещё и существенным (но не полным) сходством в компонентном составе и синтаксической структуре, причём сходство явно доминирует над различиями [10]. Примеры: «im Auge behalten» – «держать в поле зрения»; «aus den Augen verlieren» – «терять из виду»; «freie Hand lassen» – «предоставить свободу действий»; «auf der Hand liegen» – «лежать на поверхности»; «auf die Nerven gehen» – «действовать на нервы»; «in den Rücken fallen» – «нанести удар в спину» [12].

«Фразеологическими аналогами» называют идиомы исходного языка и языка перевода с близкими актуальными значениями, но различной внутренней формой. Они характеризуются семантическим сходством при (почти) полном отсутствии формального сходства, то есть сходства синтаксической структуры и компонентного состава [5]. Примеры: «auf eigene Faust» – «на свой страх и риск»; «sich in den Kopf setzen» – «вбить себе в голову»; «an den Kopf werfen» – «бросить в лицо» (например, оскорбления, обвинения) [12].

«Безэквивалентные фразеологизмы» – это выражения исходного языка, у которых в языке перевода нет фразеологических соответствий. Так, у немецкой идиомы «etw. nicht übers Herz bringen können» (букв.: «не мочь пронести что-л. через сердце»), которая может быть переведена на русский только описательно, с помощью свободного сочетания слов типа «не мочь себя заставить» (сделать что-л.) [10]. Примеры: «ins Auge fassen – намечать, планировать»; «auf die Beine stellen» – «наладить» (работу). При переводе последнего выражения трудность состоит не только в подборе эквивалента, но и в том, чтобы правильно раскрыть значение, так как в русском языке есть похожий фразеологизм «встать на ноги» в значении улучшить своё финансовое состояние. Буквально «auf die Beine stellen» означает «поставить на ноги». То же самое с сочетанием «sich in die Haare geraten» внешне похожим на «вцепиться в волосы», которое на самом деле означает «сцепиться», «схватиться». «Auf die Finger

schauen» – «наблюдать за кем-то», «контролировать кого-л.»; «jmdm. am Herzen liegen» – «быть дорогим кому-л.»; «unter die Arme greifen» – «помогать кому-л.»; «aus der Hand geben» – «отступиться от чего-л.»; «durch den Kopf gehen lassen» – «обдумывать»; «ins Herz schließen» – «полюбить»; «vor den Kopf stoßen» – «оскорбить»; «in den Mund legen» – «подсказать»; «Nase gestrichen voll haben» – «надоесть»; «auf die Nase fallen» – «потерпеть фиаско» [12].

Приведённые выше примеры доказывают, что значение фразеологизмов не является суммой значений их отдельных компонентов. В силу чего пословный перевод этих выражений невозможен [13, 65]. Вследствие несовпадения лексического состава сопоставляемых языков, а также закономерных расхождений в использовании грамматических средств, фразеологические сочетания русского языка не всегда переводятся устойчивыми сочетаниями. При наличии в немецком языке тождественного фразеологического сочетания используется формально близкий вариант, а при отсутствии подбирается функционально равноценное устойчивое или свободное сочетание (Добровольский 2013, Павлова 2007). Нередко постоянными лексическими соответствиями являются отдельные слова, в частности сложные. Во многих случаях возможно параллельное использование как фразеологического сочетания, так и отдельного слова.

Литература

1. Kahl, S. Kontrastive Analyse zu phraseologischen Somatismen im Deutschen und Italienischen, University of Bamberg Press, 2015. S. 49.
2. Фразеологизмы: определение понятия, функции, типология [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Flektsii.org%2F3-7715.html (дата обращения: 06.04.20201).
3. Фразеология в контексте культуры. Понятие фразеологизма. Этапы развития фразеологии [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/2425767/literatura/frazeologiya_kontekste_kultury (дата обращения: 06.04.2020).
4. Телия, В.Н. «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты». М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 33.
5. Нассири, М. Соматические фразеологизмы с компонентом рука и их качественно-характеризующее значение // Преподаватель XXI век. 2014. Ч. 2, № 3. С. 313–322.
6. Назарьян, А.Г. Фразеология современного французского языка: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1976. С. 16.
7. Семантическая классификация фразеологизмов [Электронный ресурс]. URL: http://book-science.ru/humanities/linglang/lexicology/semanticheskaja-klassifikacija-frazeologizmov.html (дата обращения: 06.04.2020).

8. Соматизм как компонент фразеологической единицы [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo/s/studopedia.net/6_73656_somatizm-kak-komponent-frazeologicheskoy-edinitsi.html (дата обращения: 13.05.2020).
9. Linguistik Online – Phraseologisches Optimum für Deutsch als Fremdsprache. Ein Vorschlag auf der Basis von Frequenz- und Geläufigkeitsuntersuchungen [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-ch-d.eu/MATERIALIEN/KOLLOK/FU-DaF/Phraseologisches%20Optimum%20DaF.html (дата обращения: 06.04.2020).
10. Добровольский, Д.О. Беседы о немецком слове. РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 528–533.
11. Кунин, А.В. Английская фразеология: (Теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. С. 9.
12. Академик. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/ (дата обращения: 06.04.2020).
13. Павлова, А.А. Теория и практика перевода: учебные материалы для самостоятельной работы студентов / Рос. гос. гуманит. ун-т, филиал в г. Великий Новгород, каф. гуманит. и соц.-экон. дисциплин. Великий Новгород: Типография «Виконт», 2007. С. 65–66.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Ушановой И.А.

УДК 070.15+32.019.51+818.9
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.02

НОВОСТНЫЕ ТЕКСТЫ О КОРОНАВИРУСЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Бураго Н.Н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: nataliawhite3@gmail.com

NEWS TEXTS ABOUT CORONAVIRUS AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL POWER

Burago N.N.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: nataliawhite3@gmail.com

Аннотация. Анализируется актуальный материал СМИ о пандемии вируса COVID-19 на предмет имплицитности плана содержания, чтобы выявить его влияние на общественное сознание. Рассматриваются перцептивные схемы. Выявлено, как именно СМИ служат инструментом политического влияния на мнение людей.
Ключевые слова: *рецептивная схема, имплицитность, подтекст, общественное сознание.*

Abstract. The analysis is made of mass media material about ongoing pandemic of coronavirus disease (COVID-19) to find the implication plan, in order to determine the influence on public consciousness. Reception schemes are considered. It is revealed how mass media serves as a political instrument.
Keywords: *receptive scheme, implication, message, public consciousness.*

Наступила эра информационных технологий, когда эффективное существование и развитие общества стало невозможным без массовой коммуникации, активного воздействия информационных потоков на общественное сознание. На данный момент средства массовой информации являются одним из наиболее влиятельных институтов [1].

Ряд исследований показал, что когда новостные организации в тесной последовательности запускали несколько историй на спорные темы, такие как качество воды или изменение климата, они значительно активизировали публичные разговоры на эти темы – и даже изменили мнение некоторых людей.

Средства массовой информации оказывают влияние на многие аспекты человеческой жизни, которые могут включать голосование определённым образом, индивидуальные взгляды и убеждения или искажение знаний человека по конкретной теме из-за предоставления

ложной информации. Масс медиа – это постоянно меняющаяся область, и сейчас она, как никогда, подвергается критике со стороны широкой общественности [2].

Манипулировать людьми при помощи СМИ можно в разных целях, будь то коммерция или политика. Органы власти активно используют СМИ: стараются внушить обществу определённую позицию, поменять отношение, побудить к каким-либо действиям, укрепить свою власть, испортить репутацию оппонентов или повысить собственный авторитет. Способы воздействия СМИ на массовое сознание достаточно разнообразны: эмоциональное воздействие, искажение и изменение содержания; в основе большинства из них лежит язык: лингвистические средства.

Чтобы информация попала в новостную ленту, журналистам приходится постараться, информационные потоки необъятны, и за удачное положение и место в информационной повестке нужно побороться. И, конечно же, есть те, кто управляют этой сферой и принимают решения или имеют определённое влияние на размещение, и сейчас, когда на фоне сложившейся ситуации политика интересует людей чуть меньше, сенсационность используется необычным способом, под видом новостей о вирусе COVID-19 всплывают различные политические заявления [3].

Часто используется некоторая семантическая константа. Статьи общей семантики помещаются в одну рубрику, интересующую общественность больше всего. Когда текст определяется в рубрику «Вирус», читатели сразу настраиваются на его отнесенность к тематике последних новостей и статистических данных о коронавирусной инфекции. Однако, несмотря на подобную пропозицию, данный элемент смысла может варьироваться, иногда присутствуют другие намеки. Таким образом, в публикациях могут содержаться различные скрытые утверждения. Так, например, в статье об отсутствии действий российского правительства заголовок «*Late in the Game, Russia Steps Up to Covid-19»* несет большую часть смысла, однако утверждений про болезнь в самой статье нет.

Активно используется приём помещения текстов в определённую рубрику: при поиске статей о вирусе позже система поиска предлагает публикации с одним лишь упоминанием борьбы с COVID-19, но при этом содержание политического характера. Вирус используется только для того, чтобы статья попалась читателям, даже не заинтересованным в критике власти: *Donald Trump picked fights with Democrats on Tuesday even as he called for them to "keep politics out" of the battle against what he called, in a return to nationalist rhetoric, "the Chinese virus".*

Информация имеет колоссальное значение как для общественно-политической жизни целого государства, так и для каждого отдельного его гражданина, а следовательно, и средства, этой информацией обладающие и

транслирующие ее. Но не всегда политическое влияние оказывается открыто, информация проскальзывает как эксплицитно, так и имплицитно в условиях отличных от обычных [4].

У большинства носителей языка в сознании есть когнитивные схемы по извлечению имплицитной языковой информации из эксплицитной, то есть «читая выраженную словесно мысль, мы интерпретируем и значения, скрытые между строк» [5]. Подобные когнитивные схемы А.Н. Баранов называет «рецептивными схемами» (в дальнейшем мы будем использовать этот термин) и считает, что чтобы языковое сознание их воспринимало, а скрытый смысл транслировался, они должны иметь некий постоянный характер, то есть повторяться. Они присутствуют в сознании людей как некие модели понимания.

Побуждение к самостоятельному осмыслению приведённых негативных фактов равнозначно утверждению данного негативного факта (рецептивная схема «Думайте сами…»):

«A Japanese doctor treating COVID-19 patients in New York – a hotspot of infections – has issued a strong warning over the virus situation in Tokyo, saying that Japan's capital now "looks like" New York two to three weeks ago.

"People in Japan do not seem serious enough about the situation", the 37-year-old doctor observed. "In New York three weeks ago, people weren't taking basic infection prevention measures, such as wearing face masks, washing hands and avoiding closed, crowded places involving close contact", he added».

Утверждение о том, что некоторое негативное событие произошло после другого, равнозначно утверждению, что оно является следствием предыдущего (рецептивная схема «после того – значит, вследствие того»).

Donald Trump was warned at the end of January by one of his top White House advisers that coronavirus had the potential to kill hundreds of thousands of Americans and derail the US economy, unless tough action were taken immediately, new memos have revealed.

Если в публикации содержится сообщение о том, что человек не исполнил свои обязанности или нарушил социальные нормы ранее, то это равнозначно сообщению о его некомпетентности, ненадежности и ложности его суждений. То есть в данном случае под сомнение ставятся действия Трампа и его администрации, и в целом меняется отношение к его решениям в будущем:

They show that even within the Trump administration alarm bells were ringing by late January, at a time when the president was consistently downplaying the threat of Covid-19.

Сообщение подвергает сомнению компетентность обоих лидеров государств, «одним ударом» критикуются оба президента. В качестве приёма выражения скрытого смысла используется пресуппозиция.

Пресуппозиции образуют такой компонент плана содержания высказывания, который предполагается известным участникам ситуации общения или является основой осмысленности высказывания – оценки его как истинного или ложного. В подобной ситуации читатель чётко знает последствия распространения вируса, которые имеют место на данный момент.

For once, Vladimir Putin followed in the path of his American counterpart, President Trump, and with similar results – a greater risk of catastrophe that might have been avoided.

В данном случае присутствует определённое упоминание как упрек в бездействии, призыв использовать имеющиеся средства. Притом под сомнения опять ставится внутренняя политика, а как следствие – и внешняя. Обсуждения позднего принятия мер в данном случае случат призывом к действию. Мы наблюдаем и следствие, и пресуппозицию, так как читатель заведомо знаком с ситуацией в Штатах и может легко прийти к выводу на основе написанного, что такой сценарий повторится. Даже при отсутствии открытой вербальной формы выражения отчёт ливо можно проследить критику в адрес американского президента, когда его сравнивают с российским лидером:

«There is certainly no shortage of police in Moscow. But the Kremlin has been late in introducing consistent quarantine measures, because it is undecided. It evokes the confusion now engulfing the United States, where President Trump's late and muddled start has contributed to disaster. President Vladimir Putin did no planning for a coronavirus coming in from abroad».

Здесь прослеживается очень очевидная персептивная схема: читателю говорят о возможных последствиях и позиции, которая к ним привела. То есть присутствует сопоставление двух фактов, которое должно навести на соответствующе выводы о неправильности действий власти, отсутствии заботы о народе и вызвать недовольство и негативный отклик. При этом были использованы слова, в элементах значений которых уже присутствует оценка:

«Now it has interfered with his politics – which in his view should always take precedence over everything else. As a result, his country will face a far more destructive outcome than might have been avoided had he started earlier».

В этом примере присутствует утверждение о бездействии как призыв к действию:

«…The UK is losing a very small window of opportunity to minimize the disease burden from Covid-19 and prevent a health system collapse. Public health lessons learnt from countries ahead of the UK in the epidemic curve need to be implemented without further delay».

Присутствует вопрос, чтобы читатель сам сделал выводы, но какие именно, можно понять из вышесказанного. Сама по себе проблема, поставленная в таком ключе, идёт в качестве утверждения, во всем тексте

прослеживается, пусть и не выраженная словами позиция автора, которая должна передаться читателю.

The Central Asian country claims it still has zero coronavirus cases. But can we trust the figures provided by a government renowned for censorship?

Далее в этой же статье приводятся слова авторитетного человека – «эксперта», что также должно выглядеть убедительно для читателя и служить определённой почвой для размышлений, чтобы были сформулированы весьма конкретные выводы. Подобные рецептивные схемы часто используются в публицистике:

«Official health statistics from Turkmenistan are notoriously unreliable», said Professor Martin McKee from the London School of Hygiene and Tropical Medicine, who has studied the Turkmen healthcare system.

Всё в той же статье факт из настоящего сопоставляется с прошлым, то есть ложная информация, предоставляемая ранее, подается как пример того, что отчёт о текущем положении дел ложный, без словесного выражения данной мысли:

«For the past decade they have claimed to have no people living with HIV/Aids, a figure that is not plausible. We also know that, in the 2000s, they suppressed evidence of a series of outbreaks, including plague».

Также в статьях, посвящённых статистическим данным и их оценке, стали появляться данные об афроамериканцах и явные намёки на расовое неравенство и несостоятельность нынешнего общества:

«Black Chicagoans account for half of all cases in the city and more than 70% of deaths, despite making up only 30% of the population».

Используются всё те же методы воздействия и подачи информации, даже через «экспертное» мнение, в различных данных всплывают оценочные суждения, целью которых является вызвать негативный отклик в отношении внутренней политики и тех, кто принимает решения:

«Dr. Anthony Fauci said the crisis has shined "a bright light" on the racial disparities in the US. Data from some states and cities suggest that the pandemic is disproportionately killing Black Americans».

Присутствует персептивная стратегия «нет дыма без огня», при помощи статистики показывается, что есть неуверенность людей в текущем положении дел и сомнения касательно будущего, что также наталкивает читателя на мысли о несостоятельности Трампа. Между строк читается информация, которая не выражена словесно, но при этом весьма очевидна, что раз большой процент людей, согласно исследованию CNN, сомневается, значит, есть повод, так проявляется призыв к смене президента, особенно актуален этот и вышеупомянутые примеры в преддверии выборов, которые состоятся в этом году:

«The wave of deaths across the US is reflected in growing anxiety among Americans both about the mortal danger of Covid-19 and about the way that Donald Trump has been responding to the crisis».

Таким образом, в средствах массовой информации присутствуют скрытые смыслы, которые люди воспринимают благодаря определённым моделям восприятия, присутствующих в их языковом сознании. Имплицитные смыслы транслируются людям сейчас в статьях о коронавирусной инфекции при помощи различных схем и методов. Для выявления этих намёков и скрытой информации в СМИ, целью которых является воздействие (особенно политическое), в сложившейся на данный момент ситуации нужно подвергать материал более тщательному и детальному анализу. Рецептивные схемы, чтобы быть действенными, должны повторяться, поэтому их можно вычислить. На данный момент, когда поток информации увеличился и за ней следит весь мир, изобретение новых схем не эффективно, так как важно оказать влияние на общественное сознание здесь и сейчас, пока позволяют условия, поэтому скрытую имплицитную информацию может быть проще идентифицировать при анализе.

Подводя итог, можно сказать, что медиапространство сейчас наводнено информацией и статьями о вирусе COVID-19, так как именно они наиболее актуальны для людей в сложившейся ситуации. Под видом публикаций о коронавирусе подаются различные скрытые намеки политического толка и транслируются разнообразные позиции в отношении как внутренней, так и мировой политики, деятельности официальных лиц. Огромное количество информации подается в имплицитной форме, её прямое выражение отсутствует, но следует из написанного.

Литература

1. Гаврилов, А.А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества // Молодой учёный. 2012. № 8 (43). С. 152–155.
2. Sciencemag.org [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencemag.org/news/2017/11/small-news-outlets-influence-us-more-we-think (дата обращения: 07.04.2020).
3. Стернин, И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте: учеб. пособие. Воронеж: Истоки, 2011. 66 с.
4. Горбатова, Н.В., Малькевич, А.А. Современные СМИ как инструмент политической социализации молодёжи // Управленческое консультирование. № 5. 2015. С. 52–62.
5. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Александровой О.А.

УДК 004+81.373.43
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.03

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Валуева А.К.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: arina.valueva1998@gmail.com

METAPHORICAL NEOLOGISMS IN THE INFORMATION TECHNOLOGY SPHERE

Valueva A.K.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: arina.valueva1998@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме классификации и способов перевода англоязычных неологизмов в сфере информационных технологий. В статье описаны основные пути передачи на русский язык метафорических неологизмов, используемых в современной компьютерной терминологии.
Ключевые слова: *неологизмы, информационные технологии, метафора, описательный перевод.*

Abstract. This paper is devoted to the problem of classification and methods of translation of English-language neologisms in the field of information technology. The article describes the main ways of transmitting metaphorical neologisms used in modern computer terminology into Russian language.
Keywords: *neologisms, information technology, metaphor, descriptive translation.*

Прогресс в нашем мире не останавливается, примером этому может служить повсеместная компьютеризация. Техника и технологии становятся неотъемлемой частью жизни людей.

Информационные технологии добавили в каждый из языков большое число специальных слов и выражений, создав обширную терминологическую базу: сетевая карта, процессор, система, пиксель, окно диалога, форматирование. Как и в других профессиональных языках в среде людей, связанных с информационными технологиями, существует большое количество неофициальных обозначений явлений. Это можно обозначить термином «профессиональное арго» или «жаргон». Определить, что именно относится к жаргону, а что к языку техническому, непросто, но принято считать, что изначально неологизмы распространяются по жаргонной системе профессионалов, лишь затем становясь официальными терминами технического языка.

Для описания относительно новых лексем в современном языкознании используют несколько, по сути, синонимичных терминов, которые всё же имеют разную внутреннюю форму: неологизмы, новообразования или инновации. Поэтому наиболее употребительным и распространённым является первый из терминов – неологизм. Одним из самых наиболее используемых и удачных определений неологизмов может быть следующий: **неологизмы** – лексемы, которые называют некоторые новые предметы или явления в жизни и, соответственно, речи и которые ещё не лишились новизны в них.

Неологизмы в основном своём многообразии создаются людьми по уже имеющимся стратегиям или моделям. Существует достаточно много способов образования новых слов применительно для новейших технологий или, как их можно назвать иначе, компьютерных [1]. Рассмотрим некоторые их них:

1. **Универбация** – использование в речи лишь части исходного слова: *E-MAIL – Electronic Mail.*

2. **Аббревиация**, или **сокращение слова** по первым буквам или начальным частям слов: *BIOS (Base Input-Output System) – «Базовая система ввода-вывода», FAT (File Allocation Table) – «Таблица размещения файлов».*

3. **Деривация**, то есть прибавление к исходному слову иных морфем, например суффикс или префикс. Для лексики из сферы высоких технологий чаще всего используются префиксы латинского и греческого происхождения: *auto (automatic – «автоматический»), bio (bioelectret – «биологический электрет»), eco (ecozone – «зона экологической безоасности»), hydro (hydroacoustic – «гидроакустический»)* и др. [2].

4. **Словосложение**, например *chatbot («программа, способная воссоздать диалог с живым человеком, основываясь на искусственный интеллект, заложенный в программу ранее»)* или *netgod («человек, который имеет широкие знания об сети Интернет»). Chatbot* состоит из слов *chat («общаться»)* и *bot («робот»)*, а *netgod* из слов *net (сокращенно от «сети Интернет»)* и *god («бог»)*.

5. **Сращение** – способ, при котором слова «превращаются» в одно, как, например:

• *fablab (fabrication + laboratory); научная лаборатория, оснащенная новейшими цифровыми технологиями;*

• *commjacking (communication + hijacking); способ захвата потока информации при подключении к сети.*

6. **Неологичные фразеологизмы и метафоры**, смысл которых будет ясен только кругу лиц, разбирающихся в информационных технологиях, например: *Blue Death Screen – синий экран смерти (текст сообщения об ошибке Windows на синем фоне), Three Fingers Combination –*

комбинация из трёх клавиш или отправить на три пальца (Ctrl/Alt/Delete – экстренное завершение любой запущенной программы);

В данной статье рассмотрим такой вид неологизмов, как метафорические. Для начала введем определение метафоры.

Метафора – такой вид тропа, при котором слово употребляется в переносном значении или словосочетание, которое характеризует определённое явление с помощью перенесения на него признаков другого явления по какому-либо их сходству, которое таким образом его замещает.

Говоря о метафорических неологизмах, можно пояснить, что такой вид новообразованных слов или словосочетаний будет включать некое выражение, которое вне языка информационных технологий имеет простое и понятное значение, но заключенное в компьютерную сферу, приобретает новый оттенок или совершенно иной смысл, схожий с изначальным лишь в некоторых, обычно образных, признаках, например:

- *cuckoo egg* – часто используется, чтобы обозначить «*некий файл, который напоминает искомый только объёмом, но на деле содержит иную информацию или является вредоносным»*, когда в повседневной речи выражение означает просто *«яйцо кукушки»* (в этом неологизме чётко видно соотнесение с метафорическим выражением, которое базируется на том факте, что кукушки подкидывают свои яйца в гнёзда других птиц, маскируя их под другие) [3];
- *Easter egg* – выражение, под которым понимают *«спрятанное сообщение на экране, в приложении или игре, которое обычно содержит сюрпризы, отсылки к известным фактам или явлениям»*, мы же знаем это сочетание как *«пасхальное яйцо»* (стоит отметить, что сейчас активно распространяется слэнговый вариант перевода этого словосочетания, который известен как «пасхалка», но значение выражение весьма заужено и стало пониматься лишь как намёки на известную информацию или популярные произведения искусства, например, размещения в фильме или игре зашифрованного имени создателя или детали сюжета другого фильма, персонажи; также получает распространение как понятие *«отсылки»*);
- *spaghetti code* – словосочетание в терминологии обычно используется, чтобы обозначить «*беспорядочную систему без чёткой структуры*», дословно же означает бессмысленное *«код спагетти».*

На подобных примерах чётко видно, что основной проблемой при переводе неологизмов не только в сфере информационных технологий является невозможность использования других способов перевода, кроме как описательного. **Описательный перевод** представляет собой приём перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия [4]. К этому приёму прибегают в том случае, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она не известна переводчику. Это обусловлено тем, что множеству выражений нелегко подобрать аналог в русском языке. Причина этого в том, что

метафорические неологизмы часто имеют в составе слова такие же неологизмы, которые вошли в русский язык чуть ранее и с помощью методов транскрипции или транслитерации. Поэтому перевод данных частей неологизмов представляется нецелесообразным для понимания всего выражения. К тому же часто возникает проблема невозможности обращения к справочным материалам, и переводчику приходится вычленять значение метафорического неологизма из контекста. Поэтому в условиях ограниченного доступа к дополнительной информации и времени единственным приемлемым способом перевода неологизмов становится перевод описательный [5]. Рассмотрим несколько примеров метафорических неологизмов, не имеющих в русском языке соответствующих переводов:

- *Digital tattoo* – цифровой след, который человек оставляет, размещая информацию онлайн и получая доступ к ресурсам сети и который практически невозможно удалить.
- *Digital detox* – это время, которое человек проводит без использования компьютера или иных технологий.
- Неологизм *personality spam* – это устойчивое выражение, которое в современном мире означает постоянное демонстрирование в сети своей личной жизни или хобби [6].

Как видно на примерах, полноценный перевод таких метафорических неологизмов не может быть выполнен по причине того, что вторая часть выражений уже вошла в русский язык в созвучных форматах, поэтому экспликация будет наиболее подходящим способом перевода. Чтобы более подробно показать проблему перевода метафорических неологизмов на русский язык, рассмотрим варианты новообразований в рамках контекста и дадим им максимально адекватные переводы:

- *Swivel chair network* представляет собой компьютерную сеть, которую можно настроить и контролировать лишь с помощью нескольких устройств и терминалов.

A visitor using a corporate Web site may think it is a single, streamlined system, but actually, people are more often manually taking information from one application and entering it into the other one. Such swivel chair networks are inefficient, slow, and mistake ridden [7].

Пользователь, использующий корпоративный сайт, может подумать, что он является единой и упорядоченной системой, но на самом деле люди часто вручную берут информацию из одного приложения и вносят её в другое. Такие сети, контролируемые с помощью нескольких устройств, неэффективны, медлительны и подвержены ошибкам.

- *Sorcerer's apprentice mode* можно расшифровать как постоянный и неконтролируемый поток данных, который обычно вызван ошибкой в программе, когда одна команда системы вызывает множественные ответы,

которые в свою очередь провоцируют новые команды или ответы и так далее.

This example is also applicable (although it is not technology-related) to the societal convolutions that will result from the onrushing "data tsunami." Are we getting to the point where we are no longer in control of the spirits that we have invoked? Perhaps we are already in "sorcerer's apprentice mode" without being aware of it [7].

Этот пример также применим (хотя и не связан с технологией) к социальным взаимодействиям, которые будут возникать в результате надвигающегося «цунами из данных». Мы уже подходим к тому моменту, когда не можем больше управлять духами, которых вызвали? Возможно, мы уже находимся в режиме неконтролируемого потока данных, даже не осознавая этого.

• *Device-agnostic* – это метафорическое выражение, которое подразумевает программное обеспечение достаточно гибкое для того, чтобы работать на любом из возможных устройств.

The most likely solution for any large-scale program, however, is a device-agnostic approach, allowing for a flexibility among user interfaces that could meet the demands of the broadest possible audience [7].

Однако наиболее подходящим решением для любой крупномасштабной программы, является подход, основанный на использовании устройств с универсальным программным обеспечением и гибким пользовательским интерфейсом, которые могли бы удовлетворить потребности самой широкой аудитории.

• *Bill Gates tax* – определённая сумма, вычитаемая из цены персонального компьютера, которая отчисляется компании Microsoft в виде лицензионных сборов за использование операционной системы.

Even if the court extracts a penalty on Microsoft's PC business, it will have shifted its money into new markets. Today, we pay a 'Bill Gates tax' on every PC. Tomorrow, we'll pay a similar toll to Bill for satellite systems and cable systems [7].

Даже если суд наложит штраф на бизнес компьютерной компании Microsoft, она переведет свои деньги на новые рынки. Сегодня мы платим определённую пошлину этой компании в качестве лицензионных сборов за каждый компьютер. Завтра мы будем платить такую же сумму и за спутниковые, и кабельные системы.

Таким образом, неологизмы в дискурсе информационных технологий являются подвижной системой и отображают изменение языка и глобализацию в целом. Метафорические неологизмы можно считать одной из самых важных проблем при переводе технических текстов, так как передача их на другой язык требует дополнительных усилий от специалиста. На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что

одним из самых целесообразных способов перевода метафорических неологизмов является перевод описательный, или экспликация. Данный метод обеспечивает возможность донести до реципиента информацию в максимальном объёме.

Литература

1. Блохина, Е.А. Английские неологизмы, их перевод на русский язык (на материале компьютерной лексики) // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск: ТПУ, 2014. С. 216–219.
2. Вьюнова, Е.К. Вариативность перевода неологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–3 (50). С. 41–46.
3. Горшков, А.И. Неологизм: словарная статья // Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 2013. С. 130–159.
4. Борисова, Л.И. Лексико-стилистические трансформации в англо-русских научно-технических переводах. М.: ВЦП, 2012. С. 160–168.
5. Петрова, Е.Е. Анализ и перевод некоторых английских неологизмов последних лет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: ВЦП, 2014. № 8–2 (38). С. 23–36.
6. Неологизмы в современном английском языке [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/4200604/page:75/ (дата обращения: 28.03.2020).
7. The Word Lover's Guide to New Words [Электронный ресурс]. URL: https://wordspy.com/ (дата обращения: 24.03.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Жуковой Е.Ф.

УДК 070.2(470.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.04

ИЗМЕНЕНИЕ ТИПА ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ НОВГОРОДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ»: ОТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ К ОФИЦИАЛЬНОЙ

Васильева Д.Н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: IvanovaD.19@ya.ru

CHANGE OF THE NEWSPAPER TYPE «IZVESTIYA OF THE NOVGOROD SOVIET OF WORKERS', SOLDIERS AND PEASANTS' DEPUTIES»: FROM UNIVERSAL TO OFFICIAL

Vasileva D.N.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: IvanovaD.19@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена газете «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и трансформациям, которые преодолело издание с конца 1917 года и до момента закрытия в декабре 1918 года. В течение этого времени газета искала новые пути информирования граждан и стала фундаментом, на котором, в том числе, была выстроена система изданий советского официального типа.
Ключевые слова: *«Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», Новгородская губерния, эсеры, большевики, трансформация, официальный тип газеты.*

Abstract. The article is devoted to the newspaper "Izvestia of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies". The newspaper has changed a lot in its last year of existence (from the end of 1917 until the close of the newspaper in December 1918). During this time, the newspaper was looking for new ways to inform people. The newspaper became the foundation for creating a system of publications of the Soviet official type.
Keywords: *"Izvestiya of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies", Novgorod Governorate, SocialistsRevolutionaries (SRs), Bolsheviks, transformation, official type of newspaper.*

После революционных событий февраля 1917 года к власти пришло Временное правительство, а наряду с этим возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который стал органом самуправления и оказывал существенное влияние на социально-политическую ситуцию в стране [1]. В Петрограде появилась первая советская газета «Известия

Петроградского совета рабочих депутатов». В губерниях стали возникать местные советы, причём различного уровня: губернские, уездные. Все они стремились издавать свои «Известия» на местах.

В Новгороде весной 1917 года также были созданы советы, издававшие газету «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Во многом материалы этой газеты были направлены на агитационно-пропагандистскую работу в массах [2]. Новости газеты не ограничивались городским и губернским уровнем, в ней нередко публиковались новости всей страны.

В первый год существования газета была проэсеровской и вела большую работу по привлечению масс к выборам в Учредительное собрание – это была партийная газета, выполнявшая также функции издания официального. При этом в ней публиковались литературные материалы, стихи, фельетоны, что, несомненно, делало газету универсальной. После Октябрьского переворота наблюдается изменение в контенте «Известий», когда практически все полосы были заполнены воззваниями, декретами и постановлениями партии большевиков. Газета стала единственным в губернии печатным органом власти, её формат и контент стали сугубо официальными [3].

«Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» за период своего существования с 10 мая 1917 года по 15 декабря 1918 года претерпели множество изменений, которые касались как политической направленности издания, так и структурных элементов.

Уже в середине октября 1917 года в контенте «Известий» стала прослеживаться неприкрытая критика Временного правительства. После Октябрьского переворота издатели «Известий» стали называть большевиков «элементами, захватившими власть», а то, что происходило в стране в то время, – «анархией». Не прошло и двух месяцев с момента установления власти большевиков, как произошли изменения и в редакции, и в политической направленности, и в материалах «Известий».

С № 71 от 08.12.1917 года вместо «Редактор-издатель – редакционная коллегия Исп. Ком. Совета Р., С. и К.Д.» появились имена. Практически весь 1918 год в составе ответственной редакции находились: М. Рошаль, В. Ромм, Н. Алексеев. Но это было не единственным изменением: в № 76 от 23.12.1917 года немного трансформировалось название. Теперь оно звучало так: «Известия Новгородского Губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этим подчёркивается губернский уровень издания, которое теперь помогало большевикам выстраивать свою вертикаль власти. С этого времени в «Известиях» всё более проявляется административная функция, а публикации становятся более официальными по стилю» [3].

Кроме того, выходившая три раза в неделю газета с февраля 1918 года начинает выпускаться ежедневно, кроме праздничных дней.

И если в 1917 году число полос в «Известиях» могло достигать шести или восьми, то теперь, из-за частого выпуска номеров, не превышает четырёх полос.

До марта 1918 года можно ещё увидеть в газете тексты, присланные читателями в редакцию, их письма с жалобами, как в № 83 от 20.01.1918 года: «Крестьяне деревни Гряды открыли свою потребительскую лавку и пользуются ею, не соблюдая никакой справедливости. При делёжке ржи и ржаной муки <…> те, кто не имеют куска хлеба, получили только по 10 фунтов на человека, а те, кто имеют свои хлеба <…>, забрали с собой несколько пудов. Товарищи, это происходит, потому что у нас в деревне 50 дворов, а из них любая треть кулаки-пауки деревенские».

Позже ситуация меняется. Привычные рубрики (Новгородская жизнь. Солдатская жизнь. Рабочая жизнь. Крестьянская жизнь. Военная жизнь. Партийная жизнь. Письма в деревню. Телеграммы. Последние известия. Из газет. Письма в редакцию. Объявления. Реклама) исчезают из газеты, а на смену приходят другие.

В первых номерах газеты были обязательные передовицы, которые рассказывали об общероссийской повестке дня. Также на первой полосе указывались цены на объявления, помещались приказы министров, иногда воззвания к гражданам. Со сменой власти в стране стали публиковаться на первой полосе «Действия Губернского Исполнительного Комитета» с новостями о назначении или снятии с должностей. Тексты с зарубежными новостями становятся неотъемлемой частью газеты: «Разрыв с Румынией», «На Украине», «Международное рабочее движение». Подобные публикации заполняют две, а то и три полосы газеты. Тем временем местные новости отодвигаются на второй план, а позже и вовсе появляются лишь в отчётах.

Видимо, редакция осознала, что «Известия» стали больше напоминать собрание отчётов и протоколов, потому с № 88 от 14.02.1918 года содержание издания разделяется. Две последние полосы теперь занимает «Официальная часть». Но необходимость и эффективность такого разделения остаётся под вопросом, ведь и в неофициальной части попадались документы.

В 1918 году появилась рубрика «По России». По сути, она заменяла привычную рубрику «Телеграммы». Там печатались короткие новости из различных уголков страны: Петроград, Иркутск, Минск, Феодосия, Харьков, Симферополь Екатеринбург. Помещалась рубрика в неофициальной части, а рассказывалось в ней обычно о контрреволюционерах, Белой гвардии, германских войсках и Красной Армии.

Удивительным становится появление в то время в «Известиях» рубрики «Театры и зрелища». Она практически единственная сохранила

новгородский контент, а замечания к выбору пьес и работе театральной комиссии в целом были очень едкими. Например, в № 92 от 26.02.1918 г. в статье «Театр народа» говорилось об ошибках театральной комиссии. Автора удивляет выбор репертуара: «Театр в Новгороде, пролетарский народный театр необходим и эта необходимость выдвинута самим Советом, в сознании которого созданный им театр – источник духовной работы и школа новой жизни народа. <…> Для пролетариата нужен героический репертуар, ибо он идёт в театр не развлекаться, а учиться. <…> Дайте народу великого».

Практически в конце существования издания появляются рубрики: «Городская хроника» и «Уездная хроника». Новости в этих хрониках сводились к «Открытию коммунистического армейского клуба» или подобным заметкам. Другими словами, редакция пыталась вновь наладить связь с читателями и больше публиковать местных новостей, которые, конечно же, были более интересны для жителей Новгородской губернии.

Уже в апреле 1918 года в газете размещаются объявления с призывом присылать свои тексты: «Товарищи! Присылайте статьи, рассказы, резолюции, письма о вашей жизни, нуждах и желаниях». Но читательских публикаций на полосах газеты нет. Виной тому была и административно-территориальная реформа Новгородской губернии. После чего губерния значительно уменьшилась и, соответственно, многие связи и контакты, которые поддерживало издание прежде, – прервались.

С февраля 1918 года «Известия» были единственной официальной газетой Новгородской губернии (после закрытия «Новгородских губернских новостей»). В номерах 1918 года прослеживается переход газеты к советскому официальному формату, где были периоды отказа от новостей губернии и попытка возвращения к ней перед самым закрытием. Всего за время существования газеты «Известия Новгородского совета» вышло 306 номеров, 77 из которых были выпущены в 1917 году. С 15 декабря 1918 года «Известия» были заменены ежедневной губернской газетой «Звезда».

До октября 1917 года главная задача этой газеты – подготовить жителей губернии к выборам в Учредительное собрание, объяснить их права и подвести к мысли, что только от них самих зависит будущее страны и каждого в отдельности. Разумеется, революционный пафос был в текстах «Известий Новгородского совета», но до событий Октября все надеялись на Учредительное собрание и иных задач, кроме пропагандистской работы с населением, не было.

После Октябрьского переворота газета перешла в руки большевиков. Необходимость удержать власть, показать силу нового правительства – Совета народных комиссаров, влияние которого ещё мало кто ощущал, было главной задачей партии большевиков тогда.

Большевики, понимая популярность советов, избрали этот орган для «выстраивания вертикали власти» [2]. Это было невозможно сделать без подчинения себе местных советов и их печатных органов.

В первые месяцы после перехода «Известий» от одной политической силы к другой газета трансформируется. Сначала это прослеживается неявно, а уже к февралю, с появлением официальной и неофициальной части, публикацией многочисленных документов, упрощением верстки, стало более понятно.

Победа одной партии над другими и выстраивание однопартийной журналистики стала трудной задачей для самих большевиков. Изучая «Известия Новгородского совета», можно ощутить колебания в публикации местных новостей и официальных текстов, а потом заметить попытку обратного перехода к местной хронике. «Известия» находились в поиске нового формата в течение всего 1918 года.

В конце своего существования газета пришла к типу «однопартийного издания в однопартийном государстве» [4]. «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» перестали существовать в декабре 1918 года. Причин для такого радикального шага было несколько. Во-первых, из-за проэсеровского прошлого газеты (новгородских советов в том числе), во-вторых, потому что в названии самого слова «советы», которое воспринималось как понятие многопартийное, не было чётко отражена идея однопартийности, в-третьих, партия большевиков была переименована в Российскую коммунистическую партию и у неё была необходимость создать свой, партийный, орган печати на местах. «Известия» сменила губернская газета «Звезда», которая стала «органом Новгородского губернского комитета российской коммунистической партии (большевиков) и Новгородского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [5].

И при эсерах, и при большевиках «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» были политической трибуной. Но в руках одних – более понятной и простой для обывателя, а в руках других – новым, ещё непривычным форматом передачи официальных новостей страны, и чрезвычайно авторитарной пропаганды и агитации.

«Специфической особенностью становления советской журналистики стало придание унитарного и системного характера, обусловленного задачами, поставленными перед издателем. По мере стабилизации режима эта тенденция приобретает устойчивый характер и переходит в главную закономерность функционирования СМИ при тоталитаризме» [6]. Газете «Известия Новгородского совета» пришлось стать «переходной» площадкой для информирования новгородцев в одно из самых нестабильных времён в России. Издания, которые пережили

такие же метаморфозы в 1917–1918 годах, создали фундамент, на котором в дальнейшем и была выстроена система изданий советского официального формата.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новгородской области в рамках научного проекта № 18-412-530004 РФФИ «Периодические издания Новгородской губернии (1918–1927): историко-типологическое исследование».

Литература

1. Курукин, И.В. История: универсальный справочник. М.: Яуза-пресс, 2013. С. 259.
2. Тропов, И.А. Особенности функционирования советской системы в России в 1917–1920 годы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti funktsionirovaniya-sovetskoy-sistemy-v-rossii-v-1917-1920 gody (дата обращения: 01.05.2019).
3. Семёнова, А.Л., Иванова, Д.Н. «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» – первое новгородское советское издание // Вопросы журналистики. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2018. С. 8.
4. Кузнецов, И.В. История отечественной журналистики (1917–2000): учебный комплект: учеб. пособие по специальности «Журналистика»: хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 11.
5. Василенко, Е.В., Василенко, И.В. Дизайн газеты начала XX века: «Звезда» Новгородской губернии (1918–1921) // Учёные записки. 2018. № 6 (18). URL: https://www.novsu.ru/file/1483623 (дата обращения: 29.05.2019).
6. Тобольцева, Н.М. Проблемы типологии газет в первые годы советской власти // История отечественных СМИ. 2013. № 1. С. 96.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Семёновой А.Л.

УДК 902.2+001.4(470.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.05

КУЛЬТУРА СОПОК: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕРМИНА И ДАЛЬНЕЙШАЯ ДИСКУССИЯ

Волов А.И.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Email: Andrey-Igorevich97@yandex.ru

CULTURE OF THE HILLS: HISTORY OF THE TERM AND FURTHER DISCUSSION

Volov A.I.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Andrey-Igorevich97@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории появления и развития термина «культура сопок». Это понятие впервые появилось в археологической литературе в 70-х годах XX века. Однако за всё время существования термина за ним так и не закрепилось устойчивого, развёрнутого и признанного научным сообществом определения. В статье содержится краткая характеристика основных публикаций по данной тематике, анализ содержания термина «культура сопок» и оценка актуальности его использования для современных исследований.
Ключевые слова: *сопки, культура сопок, погребальные памятники Средневековья.*

Abstract. The article describes the history of the appearance and development of the term “culture of sopka’s”. This concept appeared in archaeological literature in the 70s of the 20 century. However, the term does not have an exact definition recognized by the scientific community. The text of the report contains a brief description of the main publications of this topic. The author analyzes the content of the term “culture of sopka’s” and evaluates the relevance for modern research.
Keywords: *sopka’s, culture of sopka’s, funerary objects of the Middle Ages.*

Термин «культура сопок» не имеет устоявшегося определения в исторической науке несмотря на то, что изучение этого круга древностей и дискуссии вокруг этой формулировки продолжаются на протяжении уже почти полувека. За это время появилось значительное число работ на заданную тему. Существует несколько мнений касательно того, какие погребальный памятники следует именовать «сопками». Многие исследователи предпринимали попытки классификации этих древностей [1]. Имеется множество публикаций, посвящённых критериям выделения «культуры сопок» среди утвердившихся в науке археологических культур и включению её в контекст археологической, этнической и общеисторической картины Северо-Западного региона во второй половине

I тысячелетия н.э. Однако единого представления об определении, идентификации, терминологии, локализации, происхождении и хронологии «культуры сопок» в археологической науке так и не было сформировано. В задачи данной статьи входит краткая характеристика и анализ имеющейся историографии, касающейся «культуры сопок».

Археологическое изучение погребальных памятников, за которыми в историографии закрепился термин «сопка», насчитывает не одно столетие. Ещё в 30-х годах XVIII века И.Г. Гмелин, Д. Кроер и Г.Ф. Миллер провели раскопки сопки у села Бронница. Работы не дали больших результатов (кроме скопления углей на глубине 1 сажени, ничего обнаружено не было) и не были завершены [2]. Это событие является первым упоминанием подобных погребальных памятников в историографии. Изучение этих древностей было продолжено З.Д. Ходаковским, спустя практически столетие, в 20-х годах XIX века. В дальнейшем раскопками и исследованием сопок занимались Н.Е. Бранденбург, Н.К. Рерих, В.С. Передольский, Л.К. Ивановский, А.А. Спицын, В.И. Равдоникас, Н.Н. Чернягин, Н.Н. Гурина, С.Н. Орлов, А.В. Куза и другие. Но всплеск интереса к тематике и определённый историографический взрыв следует связать с 70-ми годами XX века и трудами Г.С. Лебедева, В.В. Седова и В.Я. Конецкого. Не менее значительный вклад в изучение сопок внес Е.Н. Носов. Перечисленные авторы сформировали основной понятийный аппарат, введя в научный оборот новые термины, выделив новые культуры и включив их в общеисторический контекст. В некотором смысле именно их труды задали общий вектор развития исследуемой проблематики. Но развёрнутого, верифицируемого на материале и признанного большей частью исследователей определения как самого погребального памятника – сопки, так и, в целом, культуры сопок ими не было выработано.

Слово «сопка» у населения Приильменья XIX–XX вв. является полным синонимом слова «курган» и не имеет никакой специфики в своём значении. Однако в археологической литературе за этим термином закрепился вполне конкретный тип насыпей. В.В. Седов описывал сопки как «высокие крутобокие насыпи уплощенной или горизонтальной вершиной и… с кольцом из камней в основании» [3], высота этих курганов варьирует в диапазоне 2–2,5 м, а диаметр площадки на вершине равен примерно трети от диаметра основания [4]. Но форма кургана и высота кургана на момент исследования могут существенно отличаться от изначальных показателей в момент сооружения объекта. Ещё в начале XIX века З.Д. Ходаковский отмечал, что сопки «различествуют по наружности в том, что одни уцелели совершенно, другие лишились зеленаго деревом обклада, иныя испорчены временем и различными случаями» [5]. Поэтому подобный «метрический» подход к идентификации насыпи следует признать дискуссионным.

Публикация В.В. Седова «Новгородские сопки» явилась фундаментом для дальнейших исследований. Автор проанализировал

результаты всех раскопанных объектов, провёл картографирование известных сопок, описал общие черты погребального обряда, опубликовал материалы части этих памятников и реконструировал методику сооружения насыпей. Что подстегнуло интерес к проблеме и позволило другим исследователям, опираясь на публикацию полного комплекса сопок, продолжить дальнейшее изучения древностей подобного рода.

Термины «Культура длинных курганов» (далее – КДК) и «Культура сопок» (далее – КС) впервые были введены в научный оборот в трудах Г.С. Лебедева [6]. Исследователь полагал, что обе культуры синхронны и ведут своё происхождение от общего истока – выделенной им же, так называемой «предкурганной культуры». Он поддерживал концепцию И.И. Ляпушкина о принадлежности полусферических курганов к расселившимся по региону в третьей четверти I тысячелетия н.э. славянским племенам, а также сопках и длинных курганах как памятниках местного неславянского населения [11]. Но позиция И.И. Ляпушкина и развившего её Г.С. Лебедева вскоре была подвергнута обоснованной аргументированной критике. Е.Н. Носов справедливо указал на наличие полусферических насыпей в одних могильниках, хронологический разрыв между КДК и КС, а также принял во внимание не раз описанную в предшествующей историографии, но мало учитываемую, различную ландшафтную привязку памятников этих двух культур. Сопки в большинстве случаев располагаются на открытых пространствах, высоких берегах рек и озер, в то время как длинные курганы, как правило, располагаются в сосновых борах, порою на значительном расстоянии от воды. Е.Н. Носов один из первых выделил такой тип погребальных памятников, как высокие насыпи КДК [7]. Исследователь не только отрицал единство КДК и КС, но и противопоставил их друг другу [8], что оказало большое влияние на ход дальнейшего исследования данных древностей.

Но, несмотря на критику Г.С. Лебедева, термины «культура сопок» и «культура длинных курганов», введенные им, закрепились в обиходе. Однако в исследовательской парадигме, основанной на классических методах изучения погребальных памятников, наметился кризис. Ни одна из предпринятых попыток типологизации сопок не была признана успешной. Более того, так и не было введено в оборот развёрнутого определения этих курганов. И хотя под словом «сопка» в археологической литературе подразумевается вполне конкретный тип насыпей, границы этого типа довольно размыты и являются предметом ожесточенных научных дискуссий. В 1990 году С.Л. Кузьмин предложил понятие «классической сопки». Он выделил основные её признаки:

1. Вертикальное членение внутреннего пространства кургана, отсутствие рвов, ритуальная деятельность перед возведением.

2. Массовые кремации вне тела насыпи и малое число основных погребений.

3. Ландшафтная привязанность к открытым, хорошо просматриваемым местам.

4. Вещевой комплекс аналогичен поселениям Полужья и Поплюсья IX–XI веков [9].

Но уже в 1992 году термин был признан «себя исчерпавшим», так как тщательный анализ имеющихся материалов показал индивидуальность каждого сооружения. Полностью аналогичных объектов в среде сопок практически нет [10]. В то же время критике была подвергнута сама целесообразность выделения КС и КДК в качестве археологических культур. В совместной статье Н.И. Петрова и А.В. Плохова исследователи указали на то, что КС идентифицируется исключительно по наличию характерных погребальных памятников – сопок, зачастую даже археологически не исследованных, что в корне отличается от любой другой археологической культуры, выделяющейся по устойчивому набору признаков материальной культуры, а также подняли вопрос о нецелесообразности рассуждений, касающихся этнической принадлежности культур, признав такие попытки «методическими неправомерными» [11]. Однако данная публикация Н.И. Петрова и А.В. Плохова, обоснованно критикующая и разбивающая существующие взгляды на КС и КДК, никак не обозначает нового – более рационального – подхода к проблематике. По этой причине, на наш взгляд, эта работа не оказала существенного влияния на историографию и не привела к коренному перелому в исследовании памятников последней трети I тысячелетия н.э. в Северо-Западном регионе.

Совершенно иного подхода придерживается В.Я. Конецкий, связывающей КС со славянами. По его мнению, носители КС использовали пашенное земледелие, в то время как для КДК характерно лишь подсечно-огневое. В этой разнице культурно-хозяйственных типов исследователь видит критерий для идентификации культуры: все сельские памятники этого времени, находящиеся в зоне пашенного земледелия в рассматриваемом регионе, он причисляет к КС [12]. Однако такая позиция также не соответствует принятому в археологической науке терминологическому аппарату.

Таким образом, изучение культуры сопок к концу 90-х годов XX века зашло в исследовательский тупик. Старые подходы к проблематике исчерпали себя, а новой исследовательской парадигмы так и не было предложено. На данный момент имеется обширная источниковедческая база: существенное количество раскопанных курганов, множество зафиксированных разведками, но археологически ещё не исследованных насыпей, внушительное число неопубликованных

вещевых коллекций и полное отсутствие обобщающих и анализирующих материал в масштабах культуры трудов в современной историографии. Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что термин «культура сопок» на сегодняшний день представляет собой своеобразный историографический штамп и не отвечает предъявляемым к нему источниковедческим задачам. Сама же тематика таких памятников как сопки сложна для изучения, требует полного пересмотра всего, существующего и примененного к ней терминологического аппарата, но, тем не менее, обладает высоким потенциалом для будущих исследований.

Литература

1. Петров, Н.И. О двух традициях сооружения сопок на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, 1992. С. 108.
2. Торопова, Е.В. Начальный период археологического изучения древностей Новгородской земли (30-е гг. XIX – 40-е гг. XIX) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/167.htm (дата обращения: 08.04.2020).
3. Седов, В.В. Новгородские сопки // Археология СССР: Свод археологических источников. М.: Наука, 1970. Вып. Е 1–8. С. 9.
4. Седов, В.В. Новгородские сопки // Археология СССР: Свод археологических источников. М.: Наука, 1970. Вып. Е 1–8. С. 5, 9.
5. Ходаковский, З.Д. Сопки // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. Т. 7. М., 1844. С. 369–370.
6. Петров, Н.И., Плохов, А.Н. Термин «археологическая культура» и проблемы исследования культурно-исторических процессов на территории Северо-Западной Руси эпохи раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 59.
7. Носов, Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 45–50, 56.
8. Там же. С. 49.
9. Кузьмин, С.Л. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й половины I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 54.
10. Петров, Н.И. О двух традициях сооружения сопок на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, 1992. С. 109.

11. Петров, Н.И., Плохов, А.Н. Термин «археологическая культура» и проблемы исследования культурно-исторических процессов на территории Северо-Западной Руси эпохи раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 60–63.
12. Конецкий, В.Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 26.

Статья рекомендована к печати
канд. ист. наук, и.о. завкафедрой истории России и археологии
Тороповой Е.В.

УДК 821.111+7.035.35
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.06

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОТИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ М.Р. ДЖЕЙМСА “CANON ALBERIC’S SCRAP-BOOK”)

Гагарина Д.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: gagarinadarya@yandex.ru

LITERARY SPACE ORGANIZATION FEATURES (STUDY OF “CANON ALBERIC’S SCRAP-BOOK” BY M.R. JAMES)

Gagarina D.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail:gagarinadarya@yandex.ru

Аннотация. Данная работа посвящена описанию особенностей организации художественного пространства в жанре готической новеллы. Основной целью было выявление характерных жанрообразующих поэтологических механизмов. Взяв в качестве примера произведение британского писателя М.Р. Джеймса «Альбом каноника Альберика», мы наглядно демонстрируем особенности поэтики литературной готики.
Ключевые слова: *готическая новелла, поэтика, литературоведение.*

Abstract. The following article focuses on the description of the literary space organization features as applied to a Gothic short story (novella). The main goal was to identify the poetics mechanisms, which are distinctive for the genre. As an object of analysis we have chosen the work of fiction by a British writer M.R. James “Canon Alberic’s Scrap-book”; we emphasized the main features of literary Gothic.
Keywords: *gothic novella, poetics, literary studies*.

Особенность художественного текста, чья жанровая принадлежность в современной литературе определяется понятием «хоррор», заключается в том, чтобы передать читателю определённое эмоциональное состояние. Обычно это состояние нервного возбуждения, испуга, паники. Автор ставит перед собой прагматическую задачу – транслировать через текст одно из самых сильных по психологическому воздействию негативных переживаний. В литературе подобного жанра существует инструментарий, необходимый для реализации данной задачи в речи [1].

Специализированные средства организации художественного пространства наличествуют в системе большинства мировых языков. С их помощью автор может в полной мере воплотить свои мысли на письме и даже в мелких деталях воссоздать жанровую атмосферу.

Жанр готики отличался массовой популярностью уже в начале своего развития. Очевидно, что читателя привлекала завораживающая смесь фольклорных мотивов, отсылок к средневековым историческим источникам и местам, а также игра автора с читательским страхом и ужасом перед неведомым. В конце XIX – начале XX века литературная готическая традиция вновь получила широкое распространение: вниманию читателя предлагались различные сборники и антологии текстов. К классической готической литературе добавился жанр литературы ужасов (*"horror fiction"*) и истории с привидениями (*"ghost stories"*). Одним из ярких представителей последней из перечисленных жанровых разновидностей является Монтегю Родс Джеймс (1862–1936), британский писатель и специалист по Средневековью.

Исследователи справедливо полагают, что Джеймс достиг наибольшего профессионализма в жанре готической новеллы. Традиционно произведения готического жанра характеризуются атмосферой ужаса и тайны, связанной с неким местом действия (уединенным, заброшенным), а также контактами персонажей со сверхъестественным миром (например, мистическими существами, магическими артефактами и т.д.). Примечательно, что первыми слушателями произведений М.Р. Джеймса были его друзья и студенты колледжа, в котором он преподавал. Позже, заручившись их поддержкой, литератор публиковал свои новеллы.

Общеизвестно, что художественное пространство готического произведения характеризуется наличием совершенно особого места действия, атмосферы, временной дистанции и т.п. [2]. Рассмотрим, как готическая механика работает в новелле М.Р. Джеймса «Альбом каноника Альберика», одной из первых опубликованной им работ в жанре короткой готической истории.

Повествователь в рассказе выступает в роли стороннего наблюдателя и может подробно описать эмоции главного героя через их внешние проявления. В тексте это выражается в повествовании от третьего лица. Рассказчик даёт оценку поведению главного героя, свободно рассуждает о его действиях. Повествование, оформленное как пересказ истории знакомого человека, настраивает на необходимый лад, даёт возможность читателю проникнуться атмосферой надвигающегося страха. Точка зрения постоянно меняется. Мы то воспринимаем всё как страшную историю, рассказанную на ночь старым профессором, то вместе с главным героем ощущаем первородный страх перед существом из ада. Подобную динамику повествования можно назвать проявлением авторского стиля.

Часто внутренняя речь персонажа имеет аналитический характер и помогает создать детальный психологический портрет персонажа. В новелле “Canon Alberic’s Scrap-book” главный герой Деннистаун имеет привычку рассуждать вслух. Такие вставки дают возможность лучше понять характер персонажа. *“Bless Canon Alberic!” <…> “I wonder where he is now? I wish that landlady would learn to laugh in a more cheering manner; it makes one feel as if there was someone dead in the house. Half a pipe more, did you say? I think perhaps you are right”. «Храни Господь каноника!» <…> «Хотел бы я знать, где он сейчас? Хозяйке бы надо смеяться повеселее, а то кажется, будто в доме кто-то умер. Говорите, ещё полтрубочки? Что ж, пожалуй, да».* [3]. Персонаж говорит сам с собой, рефлексирует о событиях прошедшего дня. Такая привычка часто бывают у людей увлеченных, быстро увлекающихся каким-то делом.

Используя выражения *“I wonder”*, *“I think”*, *“most likely”*, автор стремится изобразить персонажа как человека размышляющего, разумного, не лишенного определённой доли любопытства. Заметим, что исследователи творческого наследия М.Р. Джеймса убеждены, что большинство героев его новелл похожи на него самого. Они преподаватели или учёные, заядлые книголюбы и холостяки. Таков и Деннистаун.

В целом в начале прошлого века в Великобритании были крайне популярны циклы готических новелл, истории, в которых могли быть общие сюжетные линии или даже герои. Помещая персонажей в различные ситуации, но преследуя одну жанровую цель, автор мог создавать различные художественные пространства.

Одним из важных топосов в новелле М.Р. Джеймса является церковь Святого Бертрана во французской коммуне Сен-Бертран-де-Комменж, в которую Деннистаун приезжает, движимый интересом к археологии. Церковь – место таинства:*“Once”, Dennistoun said to me, “I could have sworn I heard a thin metallic voice laughing high up in the tower. I darted an inquiring glance at my sacristan. He was white to the lips. 'It is he – that is – it is no one; the door is locked', was all he said, and we looked at each other for a full minute”. – «Однажды Деннистаун сказал мне: “Я мог бы поклясться, что слышал тонкий металлический смех высоко в колокольне”. Я глянул на ризничего с любопытством. Губы его побелели от страха. “Это он… там… там никого нет, дверь на замке”, – вот все, что он сказал. Мы не сводили глаз друг с друга целую минуту»* [3]. Неспокойная же атмосфера создаётся за счёт описания поведения ризничего, сопровождающего Деннистауна. Прерывистая речь, идиома *“to be white to the lips”* красноречиво сообщают о том, что ризничий напуган и хочет поскорее покинуть неприятное место. Несмотря на то, что церковь является святилищем, страх главных героев и тот факт, что именно в сводах здания прячется демон, иносказательно дают понять, что потустороннее сможет

пробраться в любые уголки, чтобы заполучить своё, даже в самое защищенное место.

Классическим для литературной готики прошлых веков артефактом, который связывает повествование с прошлым, является рукопись с выдержками из различных религиозных текстов с иллюстрациями, неизвестными Деннистауну. Особое внимание археолога привлекает последняя иллюстрация, на которой изображен библейский сюжет с участием царя Соломона и некого монстра. Рисунок настолько «живой», что всякий смотрящий на него невольно испытывает страх: *"At first you saw only a mass of coarse, matted black hair; presently it was seen that this covered a body of fearful thinness, almost a skeleton, but with the muscles standing out like wires. The hands were of a dusky pallor, covered, like the body, with long, coarse hairs, and hideously taloned. The eyes, touched in with a burning yellow, had intensely black pupils, and were fixed upon the throned King with a look of beast-like hate. Imagine one of the awful bird-catching spiders of South America translated into human form, and endowed with intelligence just less than human, and you will have some faint conception of the terror inspired by this appalling effigy". – «Сначала виднелась лишь масса жесткой, спутанной черной шерсти. Постепенно проявлялись и черты, которые она скрывала – ужасающей худобы тело, почти скелет, со жгутами мышц. Смуглые лапы покрывали те же длинные, жесткие волоски, пальцы оканчивались безобразными когтями. Глаза, пылающие желтым огнём, с иссиня-черными зрачками, пронзительно смотрели на царя, выражая звериную ярость. Вообразите ужасных пауков-птицеедов, обращенных в людей и наделенных почти человеческим разумом, и тогда вам удастся лишь на самую малость понять страх, вызываемый тем богомерзким чудовищем. Все, кто видел эту картину, единодушно утверждали: "Как будто настоящий"»* [3]. Множество эпитетов (*hideously taloned, fearful thinness, beast-like hate*) заставляют читателя проникнуться атмосферой страха и мистики. Описание демона начинается с конечностей и заканчивается глазами, подтверждая известную мысль о том, что именно взгляд передает наибольшее количество эмоций и может напугать больше всего.

Автор постоянно делает отсылки к тому, что ризничий знает больше, чем Деннистаун. Атмосфера тайны не уходит ни на мгновение. *"Then, monsieur will summon me if – if he finds occasion; he will keep the middle of the road, the sides are so rough". – «Тогда пусть месье позовет, если… если понадобится. Лучше держаться середины дороги, обочины такие неровные»* [3]. Простое предупреждение скрывает в себе нечто большее, чем пожелание безопасно добраться домой. Намёки, вплетенные в художественную ткань готического пространства, часто встречаются в произведениях подобного жанра, воссоздавая готический саспенс.

Дочь ризничего вручает археологу распятие (*silver crucifix*) – предмет с охранными функциями в христианской культуре. В своих работах

Джеймс часто обращается к религиозным мотивам, в очередной раз подчеркивая противостояние между верой и миром сверхъественного. Главный герой, увлекшись изучением альбома, снимает мешающее украшение, тем самым позволив чудовищу с иллюстрации подобраться к нему. Ранее он был предупрежден ризничим об опасности, но именно нарушение «правила» даёт толчок к дальнейшему развитию событий и пониманию происходящего читателем. Возвращаясь к упомянутым ранее религиозным мотивам, можно счесть этот поступок нарушением заповеди и даже грехом.

Демона, увиденного учёным, Джеймс описывает рядом однородных существительных с определениями. Создаётся впечатление, что читатель как будто следует за взглядом ученого, выхватывая из темноты все мерзкие черты монстра: *"Pale, dusky skin, covering nothing but bones and tendons of appalling strength; coarse black hairs, longer than ever grew on a human hand; nails rising from the ends of the fingers and curving sharply down and forward, grey, horny and wrinkled". – «Смугловатая кожа, обтягивающая кости, и ужасающей силы мышцы, грубые черные волоски, длиннее, чем на человеческой кисти, скрюченные ногти, венчающие пальцы – серые, острые, ороговевшие»* [3]. Качественные прилагательные, как основной инструмент передачи отношения героя и его оценки ситуации, часто встречаются в данном рассказе.

Новелла заканчивается привычным для произведения подобного жанра эпизодом – происходит соприкосновение мира живых и мертвых (археолог видит демона). Однако не происходит закономерного события (смерти), которое ожидается. Деннистаун уничтожает иллюстрацию, чтобы демон больше не мог завладевать людьми. В будущем (снова мы имеем возможность наблюдать сдвиг временных рамок, типичный для готического пространства) он просит викария церкви, где раньше служил каноник Альберик, отслужить мессу за упокой его души. Христианский мотив красной нитью проследовал через всё произведение, придав особое своеобразие новелле.

Нельзя назвать эту новеллу одной из самых пугающих среди множества работ Джеймса. Интерес данной истории заключается именно в том, что можно прочесть между строк. Интересно проследить связь между монстром, каноником, ризничим и археологом Деннистауном. Атмосфера недосказанности проходит красной нитью через всё произведение, но придает особую привлекательность этой «истории с привидениями», сохраняя готическую стилистику.

Подводя итог, можно сказать, что художественное пространство готической новеллы М.Р. Джеймса и образ сверхъестественного формируются благодаря сочетанию жанровых маркеров и лингвистических ресурсов английского языка:

– на уровне синтаксиса это употребление однородных структур, вопросительных предложений для передачи эмотивности;

– использование средств художественной выразительности для воссоздания атмосферы, диктуемой жанром готической новеллы;

– наличие основных жанрообразующих поэтологических элементов литературной готики (таинственное место действия, главный герой имеет устоявшийся образ, связь с прошлым (мистические древности).

Таким образом, автор создаёт пугающую атмосферу истории с привидениями и трансформирует типичные черты британской готической литературной традиции для нужд своего произведения.

Литература

1. Бабенко, Л.Г., Васильев, И.Е., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Филология»; Федер. целевая программа «Гос. поддержка интеграции высш. образования и фундам. науки на 1997–2000 гг.». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532, [1] с.
2. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
3. The Collected Ghost Stories of M.R. James [Электронный ресурс]. URL: https://gutenberg.ca/ebooks/jamesmr-collectedghoststories/ jamesmr-collectedghoststories-00-h-dir/jamesmr-collectedghoststories-00-h.html (дата обращения: 05.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Водолажченко Н.В.

УДК 81.25.06.053.56
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.07

ПЕРЕВОД СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Гринь И.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail:ivangryn150399@gmail.com

LOW-COLLOQUIAL VOCABULARY TRANSLATION

Gryn I.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: ivangryn150399@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу перевода сниженной лексики. В работе охарактеризована сниженная лексика английского языка, приведены различные варианты её классификации. Проанализированы переводческие приёмы и способы передачи сниженной лексики, использованные в переводе на русский язык романа Дж. Роулинг «Случайная вакансия», выполненном Е. Петровой. Классифицированы основные способы перевода сниженной лексики.
Ключевые слова: *перевод, сниженная лексика, Дж. Роулинг, способы перевода*.

Abstract. This article deals with some peculiarities of low-colloquial vocabulary translation. The English low-colloquial vocabulary is defined. A few ways of its classification are given as well. The article contains the analysis of the ways of low-colloquial vocabulary translation used in J. Rowling's novel "A Casual Vacancy" translation by E. Petrova. The main ways of low-colloquial vocabulary translation are classified as well.
Keywords: *translation, low-colloquial vocabulary, J. Rowling, translation techniques*.

Всё лексическое богатство того или иного языка далеко не ограничивается литературной кодифицированной нормой, закрепленной в словарях. Как показывают исследования письменных текстов, во все эпохи существования человеческой культуры, помимо литературной нормы языка, имели место быть различные варианты так называемой «уличной речи». Несмотря на то, что в письменных текстах данный пласт лексики отражался скудно, сам факт наличия подобной лексики доказывает существование «всевозможных подъязыков» [1].

В связи с социальными изменениями второй половины прошлого века, во-первых, произошли значительные изменения в устной и письменной речи, что привело к значительной демократизации многих языков, а во-вторых, у лингвистов появилась возможность более детального и досконального изучения «проблемных пластов лексики». Этим объясняется научный интерес к сниженной лексике. Мы осознаем,

что темп жизни ускорился, что повлияло на значительное расширение словарного запаса данных пластов лексики.

В отличие от письменных текстов, упомянутых выше, в художественной литературе нашего времени сниженная лексика широко используется. Авторы стараются придать как можно больше реалистичности своим произведениям, поэтому речь их персонажей максимально приближена к повседневной, разговорной, и изобилует сниженной лексикой.

На сегодняшний день «проблемные пласты лексики» прошли своего рода демаргинализацию. Употребление и использование подобных слов больше не вызывает неодобрения или осуждения. Просторечная и сниженная лексика получила гораздо более широкое распространение, чем раньше. Сейчас она является важной составляющей современных языков.

Под сниженной лексикой большинство исследователей подразумевает лексику, не входящую в состав кодифицированной литературной нормы [2]. Такому типу лексики присуща особая стилистическая окраска и экспрессивность, а также употребление в разговорной речи.

Состав сниженной лексики неоднороден, поэтому нет общепринятой классификации этого пласта. Среди исследователей до сих пор нет единого мнения, из каких компонентов сниженная лексика состоит. Так, В.Д. Девкин выделяет фамильярную, грубую, вульгарную, бранную и нецензурную лексику [3]. Согласно классификации В.Д. Аракина, сниженная лексика включает в себя грубую, пренебрежительную, презрительную и разговорную [4]. В. Иванова и Т. Ротенберг подразделяют данный пласт лексики на оскорбительную, презрительную и ругательную лексику [5].

Английская сниженная лексика, как и любая другая, не входит в литературную норму. Английские и американские лингвисты традиционно подразделяют просторечную и сниженную лексику английского языка на коллоквиализмы, общие и специальные сленгизмы, а также вульгаризмы.

Общие сленгизмы и низкие коллоквиализмы фиксируются в словарях как отдельные компоненты сниженной лексики, однако различия между ними чётко не прописаны [2].

Вульгаризмы – лексические единицы, обладающие грубой экспрессией. Исследователи делят их на неприличные и непристойные. Неприличные включают в себя оскорбительные, бранные и грубые слова и выражения, в то время как непристойные – нецензурные и табуированные [2].

Сленг – совокупность слов и выражений, предназначением которых является усиление экспрессии. Сленг популярен в устной речи, но не относится к закреплённой в словарях литературной норме [2].

Перевод сниженной лексики относится к художественному переводу и, следовательно, предполагает определённый объём фоновых знаний, богатый вокабуляр и способность к творчеству у переводчика. Для перевода сниженной лексики и просторечия обычно используются те же способы и способы перевода, что и для перевода литературной лексики.

При переводе сниженной лексики исходного языка в первую очередь следует обратить внимание на возможные эквиваленты в лексике переводящего языка. В связи со значительным расширением и пополнением данного пласта лексики в наши дни вероятность обнаружить подобные слова и конструкции весьма велика. Однако не стоит забывать, что перевод английской сниженной лексики является довольно трудной задачей, поэтому переводчик может и не обнаружить требующихся соответствий. В таком случае переводчик имеет основания перевести единицу просторечием [6].

Lying was the only way Terri knew to meet her many accusers. Yeah, all righ', go on then, give it 'ere…

Из многочисленных затруднений… ей был известен только один выход: обман. Ага, лады, заметано, давай сюда… [7].

При переводе сниженной лексики, как и при любом другом переводе, у переводчика есть две стратегии, которым он может следовать: прямой и непрямой перевод.

Прямой, или буквальный перевод, включающий в себя ряд различных приёмов, при передаче сниженной лексики используется крайне редко. Причиной тому служит практически повсеместное нарушение норм переводящего языка и принципов переводческой адекватности, имеющее место при выборе данной стратегии.

Гораздо более распространённым является второй способ, непрямой или косвенный перевод. Он предполагает использование переводческих трансформаций. Основная функция этих трансформаций – достижение эквивалентности вопреки формальным и семантическим различиям в языках [6].

При переводе сниженной лексики наиболее часто применяются лексические трансформации, включающие в себя конкретизацию, генерализацию, основанные на причинно-следственных связях замены, компенсацию, а также лексико-грамматические, к которым относятся антонимический перевод, описательный перевод, опущение, добавление, эвфемистический и дисфемистический перевод [8].

Под лексическими заменами понимаются переводческие приёмы, при которых конкретные слова и выражения подлинника передаются теми словами и выражениями языка перевода, которые вне контекста не являются их эквивалентами [8]. Конкретизация подразумевает под собой передачу единицы подлинника единицей переводящего языка, референциальное значение которой уже значения единицы в оригинале [8].

В качестве примера, демонстрирующего использование конкретизации при переводе сниженной лексики, возьмем следующую фразу.

‘Sorry, Terri, but I’ve got to ask,’ said Kay. ‘Have you used this morning?’

– Извините за такой вопрос, Терри: вы сегодня утром кололись? [7].

В данном случае переводчик передает более широкое *to use* (употреблять какие-либо наркотики) более узким *колоться* (определённый способ употребления определённых наркотиков).

Генерализация противоположна конкретизации, то есть в переводе использовано слово или выражение, значение которого шире, чем значение слова, употребленного в оригинале [8].

Terri told her to fuck off and die.

Та [Терри] обложила её матом и пожелала сдохнуть [7].

В оригинале приведено конкретное бранное выражение, использованное персонажем. Переводчик заменяет выражение из оригинального текста более широким понятием *обложить матом*.

Также при переводе нередко используются замены, которые основаны на причинно-следственных связях между понятиями. Употребляемое переводчиком слово означает причину действия, обозначенного переводимым словом [8].

… and Terri said, ‘Leave ’em’…

А Терри выдавила:

– Не трожь. [7].

В данном случае фраза *leave ’em* (*leave them* – оставь их [коробки] в покое) передается как *не трожь* (не трогай). Причинно-следственная связь здесь проявляется следующим образом: *оставь их в покое, соответственно, не трогай*.

Одна из разновидностей замены, компенсация, применяется в случае невозможности передачи каких-либо значений, характеризующих языковую специфику подлинника, средствами переводящего языка. К таким значениям относятся индивидуальные особенности речи, игра слов и так далее. Так как определённая информация не подлежит переводу, её следует передать при помощи другого средства и, вероятно, не в той же части текста, что в оригинале [6].

Помимо лексических трансформаций, при переводе сниженной лексики и художественных текстов в целом весьма широко распространены лексико-грамматические трансформации.

Антонимический перевод – трансформация утвердительной или отрицательной конструкции в противоположную. При этом одно из слов отрезка оригинала заменяется его антонимом в языке перевода [8].

All Krystal’s life, her mother had said yes to everything and everyone…

Сколько помнила Кристал, её мамаша никому не могла отказать… [7].

Здесь фраза *had said yes to everything and everyone* переведена как *никому не могла отказать*, то есть утвердительная конструкция оригинала при переводе становится отрицательной.

Описательный перевод, другой трансформационный приём, используется, если в переводимом тексте есть единицы или реалии, неизвестные предполагаемому реципиенту и требующие комментариев переводчика.

Наряду с антонимическим и описательным переводом переводчиками широко используются такие приёмы, как опущение и добавление.

При опущении из текста убираются избыточные единицы. Эти единицы могут быть как грамматически, так и лексически избыточными. К первым относятся, в основном, артикли и притяжательные местоимения. Вторые же представлены парными синонимами. Добавление обратно опущению [6].

Следующие два связанных между собой приёма, эвфемистический и дисфемистический перевод, наиболее широкое распространение получили при переводе вульгаризмов. Эвфемистический перевод подразумевает замену единиц оригинала единицами переводящего языка с не настолько сильной экспрессией. Такой приём весьма часто используется при переводе англоязычной нецензурной лексики на русский язык. Причиной этому служит тот факт, что русские эквиваленты нецензурных слов и выражений английского языка являются намного более грубыми или неприемлемыми во многих сферах жизни. То есть английская нецензурная лексика обладает менее сильной экспрессией, чем её эквиваленты в русском языке.

‘They’ll kick you out the fuckin’ clinic again, you stupid fuckin’ bitch!’

– Тебя опять турнут нафиг из клиники, коза драная! [7].

В оригинальном тексте использованы нецензурные выражения, которые при переводе заменены менее экспрессивными выражениями русского языка. Русские эквиваленты приведённых выражений были бы намного грубее, чем их английский вариант.

Дисфемистический перевод, противоположный эвфемистическому, является заменой лексической единицы оригинала на более грубую по значению единицу переводящего языка [6]. Данный приём чаще всего используется, чтобы передать особенности речи определённого персонажа, если эквивалент переводимого слова не относится к его лексикону. Например, слово *head* может быть переведено не как *«голова»*, а как *«башка»*, *«купол»* и так далее.

She was also unsettled and guilty about having stolen Tessa Wall’s watch.

Она и без того терзалась, что стырила часы у Тессы Уолл [7].

В данном случае нейтральное *to steal* (украсть) при переводе заменено на более грубое *стырить*. Сделано это с целью точнее передать образ мыслей описываемого персонажа. Стоит добавить, что все указанные

выше пути и приёмы перевода должны применяться с целью достижения максимально возможной эквивалентности и адекватности, а также наиболее точной передачи смысла и стиля оригинального текста.

Итак, сниженная лексика является неотъемлемой частью современных языков. Во многих языках наблюдается тенденция к демократизации литературной нормы, что, несомненно, влияет на расширение данного лексического пласта. Однако должное внимание со стороны исследователей эта группа лексем получила сравнительно недавно.

Перевод сниженной лексики является весьма важным вопросом художественного перевода, так как она широко используется в современной художественной литературе.

Литература

1. Сниженная лексика английского языка и её перевод на русский язык (на примере переводов романа С. Кинга «Долгий путь») [Электронный ресурс]. URL: https://topref.ru/referat/46885/2.html.
2. Сниженная лексика в английском языке [Электронный ресурс]. URL: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00190320_0.html.
3. Девкин, В.Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Русский язык, 1994. С. 9.
4. Аракин, В.Д., Выгодская, З.С., Ильина, Н.Н. Англо-русский словарь: Ок. 36 000 слов. М.: Алькор+, 1991. С. 13–14.
5. Ротенберг, Т., Иванова, В. Англо-русский словарь американского сленга. М.: Инфосерв, 1994. С. 12.
6. Сехина, А.М. Сленг в переводе. Особенности передачи сленгизмов с английского языка на русский [Электронный ресурс]. URL: https://works.doklad.ru/view/KNViJHcRhGE.html.
7. Роулинг, Дж. Случайная вакансия. М.: Азбука-Аттикус, 2012. С. 41–68.
8. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. С. 207–217.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Водолажченко Н.В.

УДК 342.8(470:44)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.08

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ: ПАЛИТРА ЖАНРОВ

Емельянов А.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: aleks.emelianow2016@yandex.ru

THE ELECTIONS OF THE PRESIDENTS IN RUSSIA AND FRANCE: PALETTE OF GENRES

Emelyanov A.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: aleks.emelianow2016@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные жанры публикаций, сделанных в ходе президентских предвыборных кампаний в России в 2018 году и во Франции в 2017 году. Выяснено, что эффективность агитации напрямую зависит от успешности и узнаваемости, а также от авторитетности выбранного кандидатом издания. Большую роль играет стратегия издания в подаче материала о политике: не сухое изложение фактов, а информация об участии кандидата в решении насущных проблем. Наиболее эффективными в подобном подходе к подаче информации о кандидатах являются новость, аналитическая статья, фоторепортаж, интервью. Это все те жанры, которые вышли на передний план с развитием интернет-медиа.
Ключевые слова: *жанр, предвыборная кампания, СМИ, эффективность агитации.*

Abstract. The article considers the main genres of publications made during presidential election campaigns in Russia in 2018 and in France in 2017. The effectiveness of a campaign depends directly on the success and recognition, as well as on the authority of the media chosen by the candidate. The strategy of the chosen edition plays the major role in the way they present politically significant information: not a dry statement of facts, but an actual story describing the problem solving capacity of the candidate. The following genres are the most effective ones in such an approach to presenting information about candidates: news, analytical articles, photo reports, interviews. These are all those genres that came forward with the development of Internet media
Keywords: *genre, election campaign, mass media, efficiency of campaigning.*

Выборы президента – неотъемлемая часть избирательного процесса любой демократической страны. Средства массовой информации играют важнейшую роль в освещении предвыборной кампании кандидатов, претендующих на пост главы государства, именно они – проводники информации от кандидата к его возможным избирателям. От СМИ напрямую зависит отношение граждан к власти, их позиция на выборах,

симпатия или антипатия к определённой партии, а также к политическому лидеру. В современном обществе политику практически невозможно добиться успеха на выборах без вовлечения прессы в избирательный процесс.

Наиболее удобным для электроральной агитации являются интернет-СМИ. Как правило, они обладают и функциями телевидения. Здесь политик может разместить материалы о себе и видеоролики в свою поддержку. Например, среди кандидатов большой популярностью пользуется формат видеоинтервью, во время которого они отвечают на вопросы как о своей деятельности, так и о том, чем будут заниматься в случае победы на предстоящих выборах. Эффективность агитации напрямую зависит от успешности и узнаваемости, а также от авторитетности выбранного кандидатом издания.

Освещение предвыборных кампаний предполагает использование различных жанров. Так, А.А. Тертычный различает жанры информационные, аналитические и художественно-публицистические. Информационные жанры составляют основную часть массовых информационных потоков; такие тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий в той или иной сфере. К этим жанрам относятся: заметка, информационный отчёт, информационное интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ. Аналитические жанры отличаются нацеленностью не столько на сообщение информации, сколько на анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций; среди них выделяют аналитический отчёт, аналитическую корреспонденцию, аналитическое интервью, аналитический опрос, комментарий, рецензию, статью, обозрение, журналистское расследование и др. Художественно-публицистические жанры – это авторская, писательская журналистика, предполагающая повышенную требовательность к языку, художественную образность, эмоциональную насыщенность текстов, глубину авторского обобщения фактов действительности. К этим жанрам относятся: очерк, фельетон, памфлет [1].

Успех на выборах зависит от того, в каких жанрах освещается предвыборная кампания кандидата в СМИ. Как правило, избиратели с симпатией относятся к открытым и честным политикам, раскрыть эти качества кандидат может в видеоинтервью. Этот жанр в несколько раз успешнее жанра интервью в текстовом формате, так как предоставляет возможность людям самим увидеть поведение кандидата, его мимику, жесты.

Основной задачей новостного сообщения является помощь людям в ориентации в окружающем мире. Следовательно, основными жанрами для выполнения этой цели будут как раз заметка, информационная корреспонденция, информационный отчёт, информационное интервью,

блиц-опрос, вопрос–ответ, репортаж, некролог. Это все те жанры, которые вышли на передний план с развитием интернет-СМИ [2].

Задача предвыборной кампании состоит и в том, чтобы не быть навязчивой для избирателей. Надоевший людям кандидат, скорее всего, разочарует избирателей ещё до официального дня голосования. Для того чтобы оставаться в медийном поле, но не перенасыщать повестку материалами о себе, многие кандидаты идут на хитрости, искусственно создавая поводы для того, чтобы в очередной раз стать героями публикаций в СМИ.

В настоящей работе рассмотрены публикации в СМИ, посвящённые предвыборным кампаниям двух кандидатов в президенты – Владимира Путина в России и Эммануэля Макрона во Франции. Для выявления жанров, характерных для представления избирательной кампании в названных странах, были рассмотрены несколько публикаций российского информационного агентства ТАСС и французской газеты Le Figaro.

В материалах ТАСС, опубликованных в период проведения президентской кампании в России 2018 года, журналистами особенно активно использовались жанры **фоторепортажа, новости и аналитической статьи**.

Аналитическая статья «О каком супероружии рассказал Путин» от 1 марта 2018 года рассказывает о послании Владимира Путина Федеральному собранию РФ, она содержит инфографику, которая рассказывает о положительных изменениях в Вооруженных силах России за последние годы президентства Путина [3]. Автор материала целенаправленно напоминает читателю об успехах президента, чтобы тем самым простимулировать его к решению вновь отдать голос за Владимира Путина на предстоящих выборах.

Новость «Путин потребовал принимать быстрые меры против завышения цен на ЖКХ» от 2 марта 2018 года представляет несколько заявлений Владимира Путина о необходимости борьбы с очень актуальной проблемой [4]. В преддверии выборов подобный материал способен сыграть положительную роль в формировании рейтинга политика, так как в нём говорится о заинтересованности кандидата в президенты важной для большинства россиян темой. Информационный материал «Путин в Краснодаре посетит зерновой центр и выступит на форуме сельхозпроизводителей» [5] решает сразу несколько задач. С одной стороны, он информирует читателя о предстоящем событии, а с другой – вновь играет положительную роль в формировании имиджа кандидата, так как рассказывает о его заинтересованности в развитии сельского хозяйства в стране.

Аналитическая статья «Путин поставил задачи по развитию транспортной системы России» от 5 марта 2018 года рассказывает читателям, как будет происходить развитие транспорта в России, ссылаясь

при этом на различные цифры, источники и приводя аргументы в защиту сказанного Владимиром Путиным [6]. Вместе с тем назвать этот текст аналитическим нельзя, поскольку аналитика предполагает не только похвалу, но и критику, чего в рассматриваемой публикации нет.

Информационный репортаж с элементами фоторепортажа «Путин осмотрел экспозицию музея-панорамы “Прорыв” в Кировске» [7] читателю не только рассказывают о мероприятии, которое посетил Владимир Путин, но и предлагает посмотреть подборку из шести фотографий.

Итак, рассмотрев материалы ТАСС, можно отметить, что они написаны в различных жанрах, но при этом деятельность Владимира Путина в них освещается только в позитивном ключе, в то время как другие участники предвыборной гонки подвергаются не только критике со стороны журналистов, но и прямым обвинениям в коррупции. Подобный подход свойствен государственным СМИ. Так, например, в материале «ЦИК: доходы Собчак за шесть лет составили почти 404 млн. рублей» от 8 февраля 2018 года делается уклон на большой заработок кандидата [8]. Этот приём направлен на создание неблагоприятного образа Собчак в глазах избирателей.

Жанровое разнообразие публикаций о кандидате в Президенты Франции Эммануэле Макроне во время его предвыборной кампании 2017 года было рассмотрено на примере материалов одного из старейших и популярнейших СМИ Франции газеты Le Figaro, в которой активно используются два вида жанров – **аналитическая статья** и **интервью**.

В материале «Беренис Леве: “Эммануэль Макрон не видит ни искусства, ни культуры, ни Франции”» от 24 февраля 2017 года представлено интервью известного французского профессора философии Беренисе Леве, в котором она негативно высказывается в адрес Макрона [9]. Материал сделан в формате развёрнутого интервью.

В аналитической статье «Макрон выступает за таинства, в то время как он был против этого пять месяцев назад» от 10 апреля 2017 года автор напоминает Макрону о том, что его заявления, сделанные несколько месяцев назад, не совпадают с теми, которые он стал делать после начала предвыборной кампании [10]. В материале от 24 апреля 2017 года «Кристин Бутен: “Против Макрона я проголосую за Ле Пен”» известный французский политик, кандидат в Президенты Франции 2002 года Кристин Бутен подвергает критике деятельность Эммануэля Макрона [11]. В материале приводится прямая речь Бутен в защиту его слов, а также её прямые обвинения в адрес Макрона. Материал выполнен в жанре комментария.

На сайте Le Figaro за период проведения предвыборной кампании президента Франции также можно найти публикации, посвящённые супруге кандидата в президенты. Так, в материале «Крикнул он, не обращая на неё внимания» от 1 марта 2017 года анализируется книга об

истории знакомства и дальнейших отношений Эммануэля Макрона и Брижит Макрон [12].

Нельзя не отметить, что во время проведения предвыборной кампании французские журналисты публиковали негативные высказывания в адрес Эммануэля Макрона. Но если сравнивать работу российских и французских журналистов, можно сделать справедливое замечание. На момент предвыборной гонки в России Владимир Путин уже являлся главой государства, в то время как Эммануэль Макрон впервые баллотировался на пост Президента Франции. Французские журналисты не знали, кто станет президентом, так как высокие шансы на победу до последнего оставались как у Макрона, так и у его главного конкурента Марин Ле Пен.

Таким образом, рассмотренные публикации дают возможность сделать вывод, что при освещении избирательных кампаний журналисты, как России, так и Франции, используют разные жанры. Однако наиболее часто используемым среди них является жанр новости и аналитической статьи. Кроме этого, подача материалов о выборах является невозможной без использования таких жанров, как фоторепортаж и интервью.

Литература

1. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 250.
2. Сафина, А.Р. Особенности жанров интернет-СМИ [Электронный ресурс] // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. С. 21. URL: https://www.elibrary.ru/
3. Азанов, Р. О каком супероружии рассказал Путин [Электронный ресурс] // ТАСС. 01.03.2018. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/5000129
4. Путин потребовал принимать быстрые меры против завышения цен на ЖКХ [Электронный ресурс] // ТАСС. 15.02.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/4961238
5. Путин в Краснодаре посетит зерновой центр и выступит на форуме сельхозпроизводителей [Электронный ресурс] // ТАСС. 12.03.2018. URL: https://tass.ru/ekonomika/5021292
6. Путин поставил задачи по развитию транспортной системы России [Электронный ресурс] // ТАСС. 05.03.2018. URL: https://tass.ru/ekonomika/5009652
7. Путин осмотрел экспозицию музея-панорамы «Прорыв» в Кировске [Электронный ресурс] // ТАСС. 18.01.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/4883425
8. ЦИК: доходы Собчак за шесть лет составили почти 404 млн рублей [Электронный ресурс] // ТАСС. 08.02.2018. URL: https://tass.ru/politika/4942087
9. Feertchak, A. Беренис Леве: «Эммануэль Макрон не видит ни искусства, ни культуры, ни Франции» [Электронный ресурс] // LeFigaro. 24.02.2017.

URL: https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/24/31001-20170224ARTFIG00217-berenice-levet-emmanuel-macron-ne-voit-ni-l-art-ni-la-culture-ni-la-france.php
10. Lepelietier, P. Макрон выступает за таинства, в то время как он был против этого пять месяцев назад [Электронный ресурс] // Le Figaro. 10.04.2017. URL: https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/04/10/35003-20170410ARTFIG00288-macron-preconise-les-ordonnances-alors-qu-il-y-etait-oppose-cinq-mois-plus-tot.php
11. Quinault-Maupoil, T. Кристин Бутен: «Против Макрона я проголосую за Ле Пен» [Электронный ресурс] // Le Figaro. 25.04.2017. URL: https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/04/24/35003-20170424ARTFIG00300-christine-boutin-contre-macron-je-voterai-le-pen.php (дата обращения: 04.04.2020).
12. Mazuet, J. Крикнул он, не обращая на неё внимания [Электронный ресурс] // Le Figaro. 01.03.2017. URL: https://madame.lefigaro.fr/societe/brigitte-trogneux-le-maillon-fort-demmanuel-macron-010317-130229 (дата обращения: 04.04.2020).

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Шмелевой Т. В.

УДК 778.5(72)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.09

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ФАТАЛИЗМА В АМЕРИКАНСКОМ ФИЛЬМЕ УЖАСОВ

Закоптелкова А.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: nastia.zakoptelkova@gmail.com

VISUALIZATION OF FATALISM IN THE AMERICAN HORROR FILM

Zakoptelova A.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: nastia.zakoptelkova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются мифосимволические сценарии визуализации фатализма в контексте формирования «сильной личности» на примере фильмов «Счастливого дня смерти» и «Меняющие реальность». Анализируется проблема необходимости «изменения» собственной жизненной реальности, борьба за формирование личностной потребности и способности противостоять ужасным и роковым социокультурным обстоятельствам, которые препятствуют становлению самостоятельного мышления и поведения человека, стремящегося стать «сильной личностью».
Ключевые слова: *мифосимволический сценарий, визуализация фатализма, американский кинематограф, «сильная личность», стоицизм.*

Abstract. The article deals with mythosymbolic scenarios for visualizing fatalism in the context of the formation of a “strong personality” on the example of the films “Happy day of death” and “Changing reality”. The article analyzes the problem of the need to “change” one's own life reality, the struggle for the formation of personal needs and the ability to resist the terrible and fatal socio-cultural circumstances that prevent the formation of independent thinking and behavior of a person who aspires to become a “strong personality”.
Keywords: *mythosymbolic scenario, visualization of fatalism, American cinema, “strong personality”, stoicism.*

Одним из традиционных мифосимволических сюжетов в мировой культуре и философской мысли является феномен фатализма – представления о неизбежности всего происходящего в природе и жизни человека, практически полностью исключающего элемент случайности и свободы выбора. Интуитивное убеждение людей в собственном бессилии перед «слепыми» и могущественными силами природы как раз и берёт своё начало в мифологическом мировоззрении и получает широкое распространение практически во всех ранних культурах [1].

К началу новой эры в европейской мысли фаталистические настроения, основанные на тысячелетних наблюдениях людей за природой и особенностями социального взаимодействия, а также на повсеместном кризисе языческих представлений были особенно сильны. Так возник стоицизм – античная философская школа I века до н.э., представители которой создали наиболее последовательное учение о фатализме. Стоицизм отличался развитым представлением о предопределённости мира внутренним законом, Логосом. Если сторонники фатализма настаивали на тотальной предопределённости всего и вся, на отсутствии случайности и свободы, то стоицизм размышлял над тем, что же необходимо делать человеку в таком мире. Нравственным долгом при этом считалось, прежде всего, внутреннее сопротивление внешней диктатуре слепого рока. Римский император, представитель позднего стоицизма Марк Аврелий, в этой связи, сформулировал следующую максиму: «Если не можешь изменить обстоятельства, измени своё отношение к ним». По большому счёту, речь шла о способности человека трансформировать свой личный Миф, изменить своё отношение к предмету, событию, ситуации. Марк Аврелий убеждает людей в их способности изменения своего мнения по отношению к той или иной жизненной ситуации, которая, в противном случае, никогда не утратит в их представлениях роковые черты.

В современном мире активно развиваются многочисленные информационные потоки, совокупно формирующие облик так называемого «информационного общества» [2, 3]. В связи с этим обычный человек начинает утопать в «информационном мусоре», а потому становится особо важным не просто развитие индивидуального мышления, но формирование навыков критического мышления, предполагающего выработку осмысленных суждений и умение оценивать различные источники информации и её содержание [4]. Поскольку такая необходимость со временем лишь только возрастает, современная массовая культура пытается как-то подстроиться к ситуации и попытаться предложить человеку рецепты по удовлетворению этих нужд, поднимая его социальную судьбы «до уровня мифологических сюжетов, где каждый участник событий становится персонажем “священной” истории о пересоздании мира» [5, с. 89]. В итоге книги по саморазвитию становятся бестселлерами, а фильмы различных жанров, в которых главный герой стремится противостоять внешним обстоятельствам, сегодня как никогда популярны. Однако спросим себя, достаточно ли в подобных ситуациях просто обладать собственным мнением, чтобы быть волевым человеком или же противление року выступает неотъемлемой частью становления сильной личности?

Обратимся к примерам. По сюжету голливудского кинофильма «Меняющие реальность» (англ.: «*The Adjustment Bureau*», реж. Дж. Нолфи, «Media Rights Capital», «Universal Pictures», «Gambit Pictures», «Electric

Shepherd Productions», 105 мин., США, 2011 г.) жизнь людей не свободна, поскольку все они должны жить согласно плану некой невидимой касты «Хранителей». План индивидуален для каждого и настолько детерминирует событийную канву жизни человека, что даже все случайности являются заранее предопределёнными. При этом главная цель «хранителей» как раз и состоит в том, чтобы обеспечить безусловное «выполнение плана» каждым человеком. Однако, как выясняется по ходу дела, даже сами «хранители» далеко не всегда понимают происхождение и высшую миссию каждого жизненного плана.

Главный герой киноповествования, молодой конгрессмен Дэвид Норрис, даже после того, как узнаёт «страшную» тайну о глобальной «теневой» предрешенности всех индивидуальных судеб и потустороннем «заговоре несвободы», всё-таки решается противостоять «судьбе». Он не сдаётся несмотря на все искусственные, как теперь оказалась, жизненные препятствия, проявляя, в попытках обойти фатализм критических ситуаций, свои лучшие волевые качества. Показательно, что Дэвид получает право творить собственную судьбу «здесь и сейчас» прямо сразу же после своего экзистенциального выбора, когда решает поставить всю свою заранее запланированную и, в общем, вполне «благополучную» по меркам общества жизнь на кон Судьбы и создавать собственный сценарий развития событий. Характерно, что немного отступает он лишь тогда, когда понимает, что не может осуществить точно такой же выбор за случайную знакомую – девушку-танцовщицу Элизу. При этом диалектика освоения и преодоления фатализма для самой Элизы заключается в том, что точно такое же право творения возникает в ту же самую минуту, когда она решается отбросить всё рутинное и фатально предсказуемое в её жизни и шагнуть в неизвестность вслед за Дэвидом.

В этом контексте умение героев рисковать и готовность принимать ответственные для себя и для своих близких решения рассматривается создателями фильма как характеристика сильной личности. Визуальными средствами, способствующими пониманию задумки режиссёра Дж. Нолфи, являются динамизм, быстрая смена мест действия, ощущение непрерывности сюжета, яркие, чувственные переживания героев, проявляемые ними под натиском внешней и достаточно фатальной «неотвратимости».

Показательно, на наш взгляд, и ещё одно средство, с помощью которого создатели фильма визуально «разводят» двух молодых людей, отчаянно сопротивляющихся «слепому року», а также группу «хранителей», последовательно отстаивающих точку зрения максимально детерминизма в поведении и жизни как каждого отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Мы можем это видеть хотя бы на примере их внешности, манеры общения и особенностей внутригрупповой коммуникации. Зрители, хотя бы немного знакомые с историей спецслужб

в США и других странах мира, сразу же обратят внимание на скрытый посыл авторов «Меняющих реальность». Речь, конечно же, идёт о костюмах «хранителей» – их старомодные серые пиджаки и шляпы моментально отсылают к истории становления разведывательных сообществ в Европе и США. Профессиональный «наряд» «хранителей» недвусмысленно намекает на типичную одежду сотрудников ФБР и самого Эдгара Гувера, стараниями которого в США в тридцатые годы XX века, в самый разгар «Великой депрессии», начиналось становление так называемого «разведывательного сообщества». Конечно же, «внутреннее» и «внешнее» в истории цивилизации связано очень сильно, особенно если речь идёт именно об официальной стороне коммуникации. Потому главный социокультурный конфликт фильма, на наш взгляд, как раз и состоит в констатации принципиальной разности всё более «разбегающихся Вселенных» искреннего и личностного повседневного общения и строгой, деловой, формализованной коммуникации.

Один из самых поучительных моментов фильма связан со знаковым диалогом одного из «хранителей» Томпсона с Дэвидом. Мрачный и предельно отчужденный эмиссар всемирного «теневого» «Бюро корректировки» с явной назидательностью сообщает главному герою версию человеческой истории с точки зрения «меняющих реальность». Так, в эпоху Средних веков, когда «Бюро» ослабило своё внимание к человечеству, то в результате оно чуть не погибло от разгула террора и инквизиции. После очередного установления жесткого контроля за людьми они «получили в подарок» эпоху Просвещения и смогли под надзором «менторов» достичь высот духовности и культуры. В 1910 году мифическое «Бюро» вновь ослабило «поводья», в результате чего слетевшее с катушек человечество чуть не погубило себя и планету в пучине «Великой депрессии» и пожарищах двух мировых войн. А после Карибского кризиса 1962 года, когда мир очутился буквально в миллиметре от глобальной ядерной катастрофы, «Бюро» раз и навсегда решило больше не рисковать и впредь не доверяться бессознательным и безответственным людям.

Кстати, Голливуд довольно часто обращается к этой теме, и в комедийной форме профессионально высмеял её искусственность и абсурдность в серии фильмов о «Людях в чёрном», с юмором представляющих сценарии возможного общения человечества с инопланетными формами жизни. Так же и в рассказе Ф.К. Дика «Бюро корректировки», по сюжету которого снят анализируемый нами фильм, недвусмысленно указывается, что в каждом человеке сидит страх быть непонятым, страх изменить свою судьбу и «внезапно» принять на себя и только на себя всю полноту ответственности за себя и свой «ближний круг» общения. Ещё одна параллель между этими двумя фильмами состоит и в нарочитой демонстрации искусственности, инструментальности

официальных моделей коммуникации, которые неминуемо оборачиваются трагедиями для всех и каждого и приводят к «фатальной институциональной демаркации и делимитации индивида с его сознанием» [6, с. 161]. Мы ведём речь об устройствах, «стирающих» воспоминания и создающих так называемую «ложную» память у обывателей. Авторы фильма намекают зрителям, что абсолютное упование человека на какие бы то ни было авторитеты: явные или скрытые, предельно прагматичные, либо, наоборот, сакральные – всякий раз лишь уводит человека и общество в целом от индивидуально пережитого, освоенного и прочувствованного счастья [7]. Однако у каждого человека, способного сделать свой выбор и готового к маленьким и большим жизненным подвигам, есть реальная возможность влиять на свою судьбу, потому что, как правильно замечают в фильме: «Верховный является каждому из нас, в разных обличиях, но люди редко замечают его приход». А значит, спасение каждого от злого рока Судьбы – в его собственном стремлении быть её сотворцом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН; научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 161–162.
2. Постановление Правительства РФ № 386-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество». [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/7150/ (дата обращения: 22.04.2020).
3. Shaping Europe’s digital future [Электронный ресурс] // An official website of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/ (дата обращения: 22.04.2020).
4. Тихомиров, О.К. Психология мышления: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 102–112.
5. Некита, А.Г. Экранные жертвоприношения: архаический миф и голливудская хоррор-реанимация массовой культуры // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28, № 4. С. 371–377.
6. Маленко, С.А., Некита, А.Г. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества: монография. Великий Новгород, 2008. 298 с., 26 ил.
7. Колосова, Е. Феномен счастья. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 70 с.

Статья рекомендована к печати доктором филос. наук, профессором Некитой А.Г.

УДК 811.161.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.10

ФЕМИНИТИВЫ В МЕДИАПРАКТИКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ

Кобяков А.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: kobyakov.al@yandex.ru

FEMINITIVES IN MEDIA PRACTICE: LINGUISTIC VISION

Kobyakov A.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: kobyakov.al@yandex.ru

Аннотация. Автор анализирует особенности использования феминитивов в медиасфере с лингвистических позиций. Рассматриваются способы образования существительных женского рода от мужских аналогов и их употребление средствами массовой информации. Делается вывод о необходимости лингвистического исследования проблемы в отвлечении от политических моментов, что искажает проблему.
Ключевые слова: *феминитивы, словообразование, категория рода, медиа, аффиксы.*

Abstract. The author analyzes the features of using feminitives in the media sphere from linguistic positions. The methods of the formation of feminine nouns from masculine counterparts and their use by the media are considered. The conclusion is drawn about the need for a linguistic study of the problem in distraction from political issues, which distorts the problem.
Keywords: *feminitives, derivation, gender category, media, affix.*

Феминитивы представляют собой существительные женского рода, образованные от существительных мужского рода. Русское словообразование позволяет образовать феминитивы от названий любых профессий или видов деятельности.

Термин *феминитив*, как отмечает Е.Д. Бирюкова, вошёл в употребление под влиянием работ, посвящённых гендерной проблематике, культурологических и социокультурых исследований, «ориентированных на изучение особенностей отражения в языке и языковой картине мира гендерных проблем современного социума» [1, с. 234]. Значительная часть исследователей, занимавшихся анализом распространения феминитивов как языкового процесса, уделяет внимание социально-политическим предпосылкам явления и обоснованию необходимости изменений в

структуре речи [2; 3; 4], а также способам образования женских аналогов существительным мужского рода [5–7].

Появление и внедрение в речь феминитивов – один из наиболее заметных процессов, происходящих в русском языке. Часть средств массовой информации использует только закреплённые в словарях формы, часть, наоборот, пытается своим примером стимулировать распространение феминитивов. Тем не менее общим трендом является расширение употребления женских номинаций по профессии и роду деятельности. Цель исследования – обобщить речевой опыт образования феминитивов и их использования в медиатекстах.

Основные способы образования феминитивов – сложение слов и аффиксация, предпочтение обычно отдаётся второму. Сложение слов используется в ситуациях, когда образование феминитива аффиксальным способом противоречит литературной норме и устоявшейся речевой привычке. Таким образом, к примеру, портал Wonderzine в публикации *Двигатель прогресса: победы феминизма, изменившие нашу жизнь* использует слово ***женщина-президент*** (Баженова-Сорокина А. // Wonderzine. 9.03.2016), в материале *Нэнси Пелоси: что мы знаем о первой женщине в парламенте США* – ***конгрессвумен*** (Савина С. // Wonderzine. 10.02.2020).

Не все феминитивы, употребляемые средствами массовой информации, воспринимаются как этичные. В частности, лексема *автоледи* многими оценивается как некорректная. В качестве альтернатив предлагают использовать образованные аффиксальным способом слова *водительница* или *автомобилистка*. Однако в текстах СМИ они встречаются значительно реже.

Аффиксальный способ образования феминитивов применяется более активно. Исследователи делят все аффиксы, используемые для создания феминитивов, на продуктивные и непродуктивные; к первой категории относят суффиксы *-к*, *-иц*, *-ниц*, *-чиц*/*-щиц*, *-ш-*, ко второй – *-ин*, *-ис*, *-есс*, *-их*. Суффиксы сочетаются с основами по сложным правилам – иногда строгим, иногда свободным. Как отмечает И.В. Фуфаева, они сформировались «без идеологического вмешательства и конструирования слов» [10]. Аффиксы ***-ниц***, ***-щиц***, ***-иц***, ***-есс*** используются для образования феминитивов от существительных II склонения с нулевым окончанием: *писатель/писательница*, *воспитатель/воспитательница*, *руководитель/руководительница*, *поэт/поэтесса*, *адвокат/адвокатесса* или заменяют аффиксы *-ник*, *-щик* и другие – *чиновник/чиновница*, *полковник/полковница*, *пиарщик/пиарщица*, *продавец/продавщица*, *лётчик/лётчица*. Такие феминитивы встречаются в российских СМИ: *Керченские* ***чиновницы*** *в шубах подали в отставку после вручения хлеба блокадникам* (Морозова О. // Сноб. 30.01.2020); ***Чиновница*** *из Индонезии заявила, что женщины могут забеременеть, если будут плавать в бассейне с*

мужчинами (Тимофеева Е. // Сноб. 25.02.2020). Но чаще редакции предпочитают форму мужского рода: …*сообщила заместитель мэра Москвы по вопросам социального развития Анастасия Ракова* (Тимофеева Е. // Сноб. 17.03.2020).

Аналогичным образом используется суффикс ***-их***, образуя номинации женского рода от существительных второго склонения с нулевым окончанием путём присоединения суффикса – *врач/врачиха, повар/повариха, ткач/ткачиха.* В материалах современных медиа найти их не удалось.

Аффикс ***-ин*** образует феминитивы от существительных мужского рода с корнем *-лог*: *филолог, гинеколог, психолог*: *филологиня, психологиня и гинекологиня.* Такие номинации используются только в специализированных СМИ, которые делают употребление феминитивов частью редакционной политики. Так, женский портал Wonderzine в материале «Вопрос эксперту: Что такое феминистская психотерапия» представляет Марию Сабунаеву как *феминистскую* ***психологиню-консультантку*** (Дудкина Ю. // Wonderzine. 9.04.2019). Словообразования с использованием суффикса *-ин* может восприниматься как несовременный, а полученные формы как архаика, ведь большинство слов с этим суффиксом вошли в употребление на рубеже XVII и XVIII веков и ранее – *графиня*, *герцогиня*, *княгиня*.

Феминитивы с суффиксом ***-ис*** образуются от существительных мужского рода – *актёр/актриса, директор/директриса* и давно вошли в употребление. Однако феминитив *директриса* не всеми воспринимается как этичный, что объясняет его редкое использование средствами массовой информации. Наглядный пример – выбор разными медиаресурсами форм в материалах, посвящённых аресту Василисы Масловой из московской частной школы «Русский Гарвард». Порталы «Медиазона», Wonderzine и «Сноб» использовали феминитив: ***Директрису*** *московской частной школы арестовали за покушение на убийство жены бывшего любовника-депутата с помощью экс-учеников* (Медиазона. 13.01.2020), *В Москве арестована* ***директриса*** *школы из-за покушения на убийство* (Wonderzine. 14.01.2020), *В Москве* ***директрису*** *школы заподозрили в покушении на убийство жены депутата* (Тимофеева Е. // Сноб. 13.01.2020). «Российская газета», РБК, «Росбалт», «Комсомольская правда», РИА «Новости» использовали форму мужского рода *директор*.

Наиболее продуктивным в настоящее время является аффикс ***-к(а):*** *лингвистка, лауреатка, корреспондентка, спортсменка*; с его помощью образовано большинство неологизмов – *авторка, редакторка, директорка, блогерка, юристка, менеджерка.* Многие из них носителями языка воспринимаются как нарушение литературной нормы. Причина этого кроется в несоответствии сочетания основы существительных мужского рода *автор, директор, блогер, ректор* и других подобных им с

аффиксом ***-к*** словообразовательным привычкам носителей русского языка. Выбор суффикса аргументируют наличием аналогичных форм в славянских языках, например, форма *авторка* существует в чешском и болгарском языках [10]. Хорошо прижившиеся в русской речи феминитивы *лингвистка, спортсменка, лауреатка* имеют основу с ударным последним слогом в отличие от слов *авторка, директорка, редакторка* и прочих, где в производящих основах ударение падает не на последний слог. Языковое чутьё носителей требует использования с такой основой суффикса *-ш: редакторша*.

В российской медиасфере неологизмы с *-к* встречаются только в специализированных СМИ, таких, как Wonderzine: *Финансовые привычки* ***парикмахерки*** *Виолеты Шарипкуловой* (Кошкарова С. // Wonderzine. 24.02.2020), ***Режиссёрка*** *театра и кино Вика Привалова о любимых книгах* (Таёжная А. // Wonderzine. 16.03.2020), *«Компания друзей»:* ***Тиктокерки-феминистки*** *о своих видео, равноправии и активизме* (Данилов А. // Wonderzine. 18.03.2020).

Аффикс ***-ш*** также используется для образования феминитивов путём присоединения к существительному мужского рода – байкер*/байкерша, бармен/барменша, сёрфер/сёрферша, контролёр/контролёрша, рэпер/рэперша.* Исторически он использовался для слов, обозначающих «принадлежность по мужу» – *генеральша, капитанша*. Отчасти из-за этого существует мнение о том, что феминитивы с суффиксом ***-ш*** не могут считаться этичными. Однако сегодня историческое значение «принадлежности» практически отсутствует, суффикс ***-ш*** начал утрачивать его с середины XVIII века «и с тех пор используется для обозначения профессий: секретарша, композиторша, докторша» [10, с. 198]. В СМИ номинации, образованные таким путём, встречаются, пусть и не слишком часто. Можно упомянуть публикацию Wonderzine *«Ники Минаж стала первой* ***рэпершей****, заработавшей 100 миллионов долларов»* (Wonderzine. 17.03.2020).

Что касается номинаций женщин с помощью причастий типа *заведующая*, *уполномоченная*, в которых грамматический род выражается окончаниями, то большинстве средств массовой информации даже в этом случае предпочитают использовать формы мужского рода. «Российская газета» в публикации *«На Сахалине детский омбудсмен займется задержанными ФСБ студентами»* называет Любовь Устиновскую *уполномоченным по правам ребёнка в Сахалинской области*, а не *уполномоченной* (Красиков А. // 24.03.2020). Многие уполномоченные-женщины сами добиваются от медиа употребления мужской формы наименования их должности. Свои требования они аргументируют тем, что в официальных документах употребляется именно существительное мужского рода. Так, несколько лет назад аппарат уполномоченного по правам ребёнка в Новгородской области неоднократно обращался в

редакцию интернет-газеты «Ваши новости» с требованием заменить форму существительного женского рода на мужской аналог: ***Уполномоченная*** *по правам ребёнка в суде потребует не ограничивать мать пятерых детей в родительских правах* (Привалов К. // Ваши новости. 05.12.2016). Однако встречаются и случаи употребления женских форм, например ***заведующая*** *московским роддомом* (Сноб. 10.01. 2020).

Многие существительные мужского рода в речевой практике, в том числе СМИ, используются как слова общего рода – *врач, тренер, директор, автор, доктор*. Большинство медиаресурсов предпочитают их феминитивам: *Дарья Донцова больше не самый издаваемый* ***автор*** *в России* (Морозова О. // Сноб. 06.02.2020); *Умерла старейший практикующий* ***хирург*** *России. Ей было 92 года* (Тимофеева Е. // Сноб. 24.01.2020).

Ряд медиа не выдерживают единообразия в номинации женщин по профессии и роду деятельности, в равной степени используя аналогичные номинации мужского и женского рода (как авторка, так и автор; как писатель, так и писательница). Наиболее распространено это в материалах портала Wonderzine. В материале *«Визажисты, бьюти-блогеры и редакторы – о хранении косметики и её минимизации»* Роксана Киселёва представлена как ***авторка*** *и* ***редакторка*** *телеграм-канала*, а Катя Сляднева как ***автор*** *телеграм-канала и контент- и инфлюэнс-****менеджерка***, Ира Новик – как ***автор*** *издания «Такие дела» и бьюти-****обозреватель***, Вика Вакулюк – как ***визажист***, а Фариза Родригес и Маша Ворслав – как ***визажистки*** (Решетник Т. // Wonderzine. 20.01.2020). В спецпроекте «Российской газеты» ***«Пролетарка –*** *выдвигай свой актив!»* наряду с феминитивами ***свидетельница*** *блокады Ленинграда Мария Разина,* ***учительница*** *Ксения Ползикова-Рубец* и ***поэтесса*** *Маргарита Алигер* используются формы мужского рода ***учитель*** *Лидия Кузнецова-Свиягина*, ***революционер*** *Александра Коллонтай* (Мельниченко М., Сенюхин А. // Российская газета. 01.03.2020).

В целом российские медиа избирательно относятся к использованию феминитивов, что оставляет их в сфере лингвистического внимания и позволяет исследовать эту проблему без искажений, которые вносятся представителями феминистского движения и их оппонентами в ходе дискуссий о феминитивах.

Литература

1. Бирюкова, Е.Д. Актуализированные феминитивы в русском языке рубежа XX–XXI вв. и их стилистические характеристики // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (283). С. 234.
2. Бирюкова, В.С., Тормышова, Т.Ю. Лингвистическая характеристика феминитива в русском языке // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка. Липецк:

Липецкий гос. пед. университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2019. С. 61–63.
3. Гузаерова, Р.Р., Косова, В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 11–15.
4. Кривошеина, В.А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–152.
5. Диденко, А.С., Садченко, В.Т. Феминитивы в современном русском языке // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29). С. 205–207.
6. Стрельникова, Н.Д. К вопросу о феминитивах // Русский язык в поликультурном мире. 2019. С. 294–302.
7. Василенко, Е.Н. Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном интернет-дискурсе // Восточнославянские языки и литературы в интернет-контексте – V: сб. научных статей / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова. 2018. С. 74–78.
8. Фуфаева, И.В. Ткаха, блогерша и новая глава города. Почему феминитивы были, есть и будут органичной частью русского языка // Нож (27 декабря 2018). [Электронный ресурс]. URL: https://knife.media/word-formation-difficulties/ (дата обращения: 23.04.2020).
9. Зауэр, А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2019. № 1 (19). [Электронный ресурс]. URL: https://www.novsu.ru/file/1614716 (дата обращения: 23.04.2020).
10. Челак, Е.А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 12–2 (78). С. 198.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Шмелевой Т. В.

УДК 930(470:474)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.11

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДОВ ЦИРКУМБАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В ЭПОХУ ВИКИНГОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Коломейчук В.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: vividtew@gmail.com

THE GENESIS OF CITIES IN CIRCUMBALTIC REGION DURING THE VIKING AGE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Kolomeychuk V.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: vividtew@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу проблемы возникновения скандинавских городов в отечественной историографии. Выделено три этапа изучения скандинавской раннесредневековой урбанизации на основе анализа работ отечественных авторов. Результаты исследования важны для систематизации изучения градообразования в Северной Европе в контексте развития международных торговых путей.
Ключевые слова: *эпоха викингов, средневековая урбанизация, скандинавский город, отечественная историография*

Abstract. The article is devoted to the historiographical analysis of the problem of Scandinavian cities genesis in Russian historiography. Three stages of Scandinavian early medieval urbanization studies were identified. The results of the research are important for systematization of city formation in Northern Europe studies in the context of medieval international trade routes development.
Keywords: *Viking age, medieval urbanization, Scandinavian city, Russian historiography.*

Изучение истории возникновения скандинавских городов в отечественной историографии занимало особое положение, т.к. эта тема была тесно связана с вопросом особого характера «североевропейского феодализма», а также с необходимостью объяснения специфики древнерусского градообразования. Учёные пытались проанализировать характеристики поселений Руси и Циркумбалтийского региона, выявить этапы градообразования, возможную взаимосвязь с единой системой международных торговых путей. Этот фактор определяет актуальность историографического изучения проблемы. Данная статья суммирует результаты исследования, посвящённого историографическому анализу,

систематизации и периодизации существующих исследовательских подходов рассматриваемой проблеме. В статье используется терминология, определяющая основные типы раннегородских поселений Скандинавии: «туна» (племенной тип), «хусабю» (королевский тип), вик» (торгово-ремесленный тип).

В результате работы удалось выделить несколько этапов изучения скандинавской раннесредневековой урбанизации.

Период 1960–70-х гг. – постановка научной проблемы. До этого времени ни средневековым городам Скандинавии, ни их ранним формам не уделялось внимания. Наработки отечественных специалистов в области градообразования выявили потребность в некоем сравнении или же в поиске аналогичных процессов в соседних регионах. С 1960-х гг. в историографии закрепляются три типа раннегородских поселений Скандинавии, позднее (начиная со статьи Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина [1]) для них используются скандинавские термины «туна», «хусабю» и «вик». Первым и главным типом раннескандинавской урбанизации виделся «вик». В работах С. Пекарчика [2], А.А. Сванидзе [3], А.Я. Гуревича [4], И.П. Шаскольского [5] ремесленно-торговые поселения выделяются как особенный тип «городов-эмпорий» с развитым ремеслом и транзитной торговлей. Ю.В. Кухаренко переносит «вик» на территорию прибалтийской Польши – торгово-ремесленные пункты здесь, путём концентрации вокруг себя поселений, выросли в средневековые города [6]. В начале 1970-х появляется статья В.А. Булкина и Г.С. Лебедева, попытавшихся сравнить раннесредневековые поселения Восточной и Северной Европы и выделивших «вик» как специфическую протогородскую форму [7].

Анализируются и другие виды поселений. Начиная с 1960-х гг. в исследованиях польского учёного С. Пекарчика [2] и А.Я. Гуревича [8] рассматривается «хусабю» – «королевская усадьба», возникающая в процессе специфической деятельности конунга. Такой подход был связан с проблемой особого типа феодализма в Скандинавии, озвученной в трудах А.Я. Гуревича. Исследователь считал неправильными представления об «отсутствии, недоразвитости или специфичности феодальных институтов» в Скандинавии, которые базируются на сравнении с эталонной моделью феодального строя Франции. Автор связывал феодализацию Северной Европы и Древней Руси с процессом «окняжения», выражавшемся во взимании племенными вождями со свободного населения различных «кормлений». Данный процесс закрепился как институт «вейцлы» и «полюдья» в Скандинавии и на Руси [9]. Таким образом, феодализм в этих регионах был не «примитивным», а «особым» – высшие слои населения имели власть не над землёй, а над людьми этой земли. Институт «вейцлы» способствовал концентрации ресурсов в определённых местах – королевских усадьбах. Таким образом, «хусабю» явились важным компонентом в создании сети городов в Скандинавии.

Мысль о племенном центре как исходном этапе градообразования в Скандинавии возникла в отечественной историографии 1970-х гг. и, скорее всего, была проекцией господствующих взглядов относительно племенных центров Руси. И.П. Шаскольский одним из первых упоминает о племенном типе поселения – общеплеменном религиозном и династическом центре – как о начальной форме градообразования в Скандинавии [5].

Период 1980–90-х гг. – интенсивный анализ всех типов скандинавских протогородов. В 1980-х гг. начинается широкое исследование племенного типа – «туны», получившего своё название из статьи Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. Авторы выделяют характеристики «туны», схожие с функциями древнерусских племенных центров [1]. В.В. Седов относит племенной тип протогорода к самостоятельному, наделённому рядом обязательных общественно-политических функций [10]. «Хусабю» также изучаются интенсивно. В работах А.А. Сванидзе [11], Г.С. Лебедева [12], Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина [1] эти поселения рассматриваются как опорные пункты королевской власти, исполняющие роль резиденции конунга и места концентрации фискальных и политико-общественных функций. Торговый характер позволил «хусабю» стать частью новой сети административных центров, подчинённых конунгу.

В изучении «хусабю» в 1990-х гг. наблюдается спад. А.А. Сванидзе пишет о том, что скандинавские раннегородские поселения после эпохи викингов почти все исчезли, а королевская власть стала силой, с помощью которой возникли «уже собственно средневековые города» [13]. Также А.А. Сванидзе рассматривает «туну» как некое «племенное ядро» будущего города с выраженной политической основой [14]. Так «старый племенной центр» стал «новым областным» [15]. В отечественной историографии начинает превалировать следующая точка зрения: скандинавские города сложились как центры дальней торговли и ремесла, а их племенная составляющая при помощи королевской власти либо способствовала трансформации поселений, либо оставалась лишь на уровне областей и округов.

Интенсивно исследуются «вики». В работах А.С. Кана [16], А.А. Сванидзе [13], Г.С. Лебедева [12], В.В. Седова [11], Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина [1], «торговые центры и местечки», принимающие активное участие в трансконтинентальной торговле, преобразовались в «вики» – центры «северной торговли», которые под действием королевской власти стали центрами концентрации новых социально-экономических функций. В статьях зарубежных исследователей (в частности, Й. Херрмана), ставших доступными отечественному читателю в рамках переводного сборника «Славяне и скандинавы» [17], скандинавское градообразование рассматривается вместе с процессом товарообмена в этом регионе, выделяются этапы трансформации торговых местечек и поселений.

А.А. Сванидзе [14], [15] разрабатывала типологию и хронологию генезиса скандинавских городов в рамках «неантичного наследия». Из «рыночных местечек» выросли «торговые города-эмпории» с набором определённых черт, ставшие центрами ремесла и торговли и опорными пунктами королевской власти, под влиянием которой они стали претендовать на главенство в государстве. А.Л. Ястребицкая выделяла стадии становления польских городов на основе трансформации ремесленных посадов, ставших обладателями новых экономических, общественно-политических функций [18].

На протяжении **третьего периода, начиная с 2000-х гг. и до наших дней**, угасают исследования «туны» и «хусабю», которые теперь упоминаются лишь в работах зарубежных авторов (переводы этих работ, относящиеся ко второй половине XX в., в широкий оборот в отечественной науке вошли лишь к рубежу столетий, когда марксистское преобладание в науке исчезло). В переводных работах обращается внимание на периодизацию процесса градообразования, а одним из важнейших путей урбанизации считается трансформация «племенной усадьбы» под влиянием королевской власти и создание королевских военно-административных баз на торговых путях [19]. У отечественных же исследователей на стадии активного изучения остаются «вики», при этом подводятся итоги многолетних исследований. Г.С. Лебедев выделяет в рамках Скандобалтийской цивилизации основную единицу градообразования – «североевропейский вик», который благодаря новым общественно-политическим явлениям стал начальной ступенью скандинавской урбанизации [20]. А.А. Сванидзе, суммируя свои исследования, приходит к выводу, что раннескандинавские «торговые города-эмпории» стали основой последующих средневековых городов [21]. А.А. Хлевов связывает «северный урбанизм» с фризскими поселениями – «портами» Скандинавии, трансформировавшимися в города с помощью развитых торговли и ремесла [22]. Отечественные наработки дополняются переводными монографиями (например, Э. Роэсдаль [23] и П. Сойер [24]), где торговые центры анализируются как новые формы поселений эпохи викингов, которые со временем либо исчезли, либо перенеслись на другие места, либо превратились в полноценные города.

Таким образом, интерес к проблеме генезиса скандинавских городов у отечественных исследователей подталкивался, с одной стороны, спецификой Скандинавии, а с другой – изучением аналогичных синхронных процессов на территории Руси. Учёные искали похожие формы поселений в соседнем регионе, сопоставляли их функции, анализировали пути трансформации к средневековому городу. Спецификой исследования раннескандинавского урбанизма в историографии можно назвать углублённое изучение торгово-ремесленного типа поселений как основной единицы градообразования. Остальным типам поселений уделялось не так много внимания, хотя в

1980-е гг. можно увидеть зародившуюся, а в новом столетии усиливающуюся тенденцию к объединению процессов трансформации всех трёх типов поселений.

Литература

1. Мельникова, Е.А., Петрухин, В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 г. М.: ун-т Дмитрия Пожарского, 1986. С. 99–108.
2. Пекарчик, С. К вопросу о сложении феодализма в Швеции (до конца XIII в.) // Скандинавский сборник VI. Таллин: Б.м. : Б.и., 1963. С. 7–58.
3. Сванидзе, А.А. Некоторые проблемы истории средневекового шведского города (XIII–XV вв.) // Скандинавский сборник VIII. Таллин: Б.м. : Б.и., 1964. С. 275–281.
4. Гуревич, А.Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966. 184 с.
5. Шаскольский, И.П. Возникновение раннеклассового общества и варварского государства (IX–XI вв.) // Кан А.С. История Швеции. М.: Наука, 1974. С. 62–83.
6. Кухаренко, Ю.В. Археология Польши. М.: Наука, 1969. 239 с.
7. Булкин, В.А., Лебедев, Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
8. Гуревич, А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967. С. 89–150.
9. Гуревич, А.Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Издательство СПб. университета, 2007. С. 158–160.
10. Седов, В.В. Становление европейского средневекового города // Становление европейского средневекового города. М.: Наука, 1989. С. 6–55.
11. Сванидзе, А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М.: Наука, 1980. 360 с.
12. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: монография. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 286 с.
13. Сванидзе, А.А. Средневековые города Северной Европы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы в 4 т. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 133–140.
14. Сванидзе, А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы в 4 т. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 9–41.
15. Сванидзе, А.А. Северо-Западная Европа в раннее Средневековье. // История Европы в 5 т. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. С. 171–194.

16. Кан, А.С. История скандинавских стран: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1980. 311 с.
17. Славяне и скандинавы / пер. с нем.; общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
18. Ястребицкая, А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке: учеб. пособие. М.: Интерпракс, 1995. 416 с.
19. История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Грёнли, К. Хелле, Э. Ховлан. М.: Весь Мир, 2003. С. 29–49.
20. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 222–280.
21. Сванидзе, А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2014. С. 740–751.
22. Хлевов, А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://ulfdalir.ru/literature/384 (дата обращения: 30.09.2019).
23. Роэсдаль, Э. Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001. 270 с.
24. Сойер, П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. 351 с.

Статья рекомендована к печати
старшим преподавателем Самойловым К.Г.

УДК 81.374.4(470.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.12

СЛОВА С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ *ОДЕЖДА* В НОВГОРОДСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ

Крохмаль И.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: krohmalirina0810@yandex.ru

WORDS WITH A COMMON MEANING *CLOTHING* IN THE NOVGOROD REGIONAL DICTIONARY

Krohmal' I.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: krohmalirina0810@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается диалектная лексика, служащая общим обозначением одежды, представленная в Новгородском областном словаре. Автор анализирует слова-гиперонимы, которые, как правило, не являются предметом специального описания в исследованиях по диалектологии. Языковые факты, выбранные из Новгородского областного словаря, представлены не только как единицы лексической системы диалекта, но и как этнографизмы, отражающие особенности повседневной жизни диалектоносителей. В результате этнолингвистического анализа диалектных слов со значением *одежда* автор приходит к выводу, что отдельное слово или группа слов является ценным культурным, историческим, этнографическим источником для изучения материальной культуры региона.
Ключевые слова: *гипероним, диалектизм, значение, одежда, этнолингвистика.*

Abstract. The article deals with the dialect vocabulary that serves as a General designation of clothing, presented in the Novgorod regional dictionary. The author analyzes hyperonyms, which, as a rule, are not the subject of special description in research on dialectology. Language facts selected from the Novgorod regional dictionary are presented not only as units of the lexical system of the dialect, but also as ethnographisms that reflect the peculiarities of everyday life of dialect speakers. As a result of ethnolinguistic analysis of dialect words with the meaning of clothing, the author comes to the conclusion that a single word or group of words is a valuable cultural, historical, and ethnographic source for studying the material culture of the region.
Keywords: *hyperonym, dialecticism, meaning, clothing, ethnolinguistics.*

Народная одежда, как и одежда вообще, представляет собой сложноорганизованную культурную подсистему, учитывающую пол, возраст, социальное, этническое и религиозное положение человека, а также подчеркивающую его статус в обществе и его отношение к обществу. С помощью кода одежды выражаются практически все наиважнейшие характеристики человека. Поэтому первые сведения о тематической группе «Одежда» мы находим в этнографической и

историко-этнографической литературе. Этнографический материал всегда интересовал диалектологов, поскольку такого рода сведения помогали изучению языкового состава диалектов, в первую очередь слов-названий, в которых отражался предметный мир народной жизни, материальная культура народа.

Исследование наименований одежды в новгородском диалекте представляет значительный научный интерес. Во-первых, данная группа имеет связь с этническими характеристиками диалектоносителей, в которых отражаются особенности бытового уклада, традиций, связанные с характерными чертами повседневной жизни, формирующие народную языковую картину мира. Во-вторых, существует необходимость категоризации элементов группы наименований одежды, определения места тематической группы «Одежда» в лексической системе диалекта и русского языка в целом, а также её участия в невербальной и вербальной коммуникации. Сами предметы одежды составляют знаковую систему и способны передавать информацию. Иными словами, народная традиционная одежда рассматривается как культурное пространство человека, в котором разворачивается его бытие.

Современной диалектной лексикологии свойствен системный подход к описанию лексического состава русских диалектов. Этот подход сложился ещё во второй половине прошлого века. В то же время исследователи отмечают продуктивность этнолингвистического подхода, при котором «диалектная лексика вызывает интерес не только как объект лингвистических исследований, но и как источник уникальных исторических и этнографических материалов» [1]. Совмещение системного и этнолингвистического изучения диалектных слов позволяет представить фрагмент диалектной лексической системы как фрагмент объективной действительности, а это в свою очередь позволяет обнаружить регионально-культурную специфику диалектной системы данного региона.

Термин *тематическая группа* определяется следующим образом: группы слов, обозначающие понятия близкие или непосредственно связанные благодаря связям именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании. В основе структурно-смысловой организации таких групп лежат гипонимические (гипогиперонимические), или родо-видовые связи слов. Слово, выражающее более общее понятие, называется гиперонимом, а слово, обозначающее частный случай, вид указанного рода объектов или явлений, называется гипонимом [2]. Такой вид отношений соответствует семантическим особенностям диалектной лексики, для которой характерна детализация наименований, отражающих своеобразие природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной жизни и быта населения. Кроме того, для лексики говоров характерны преобладание видовых названий и относительная ограниченность тематических групп.

Тематическое поле «Одежда» также организовано по гиперогипонимическому принципу: гипероним *одежда* выступает как имя поля, а обозначения видов и предметов одежды входят в него как согипонимы. В собственно лингвистическом аспекте тематическое поле «Одежда» представляет собой объединение слов, в толковании которых присутствует компонент *одежда*. Выбор этого поля для изучения обусловлен тем, что оно важно в культурологическом и социальном ракурсах, так как его компоненты как в реальном мире, так и в представлениях человека играют большую роль. Одежда – одно из древнейших изобретений человечества. Наряду с жилищем одежда возникла как средство защиты человека от разнообразных природных воздействий. Люди разных национальностей имеют свои традиционные мотивы в одежде, которые сложились за тысячи лет так же, как традиции, обычаи и культура народа в целом.

Рассмотрим историю самого гиперонима *одежда*. В древнерусских письменных памятниках с XI века для обозначения родового понятия *одежда* использовались несколько слов: ст. сл. *одежда* и русская форма *одёжа*, восходящие к *odedja. Уже к XVII веку произошла дифференциация употребления этих некогда жанрово и стилистически равноправных слов. В современном языке слово *одёжа* имеет ярко выраженный разговорный характер, хотя именно этот вариант является исконно русским. Наряду с названными словами для обозначения родового понятия в современном русском языке также широко употреблялись слова: *одеяние, наряд, убор*. Они отличаются оттенками лексического значения.

Слово *одежда* применяется для обозначения широкого круга тех предметов, которые человек надевает на себя. В связи с этим возникают трудности при определении предметной отнесенности гиперонима «одежда». В Словаре Ожегова, Шведовой даётся такое определение: Одежда – совокупность предметов, которыми покрывают, облекают тело. Верхняя, нижняя одежда. Мужская, женская, детская одежда [3]. В словаре В.И. Даля предлагается два определения – широкое: Одежда, одёжа, одежь; одёжка одеянье, одева – *1) всё, чем человек одевается: платье, облаченье, окрута*; и узкое: *2) все, кроме шапок, рукавиц и обуви*» [4]. В соответствии с этим предметом описания в нашей работе будут только слова с узким значением, называющие предметы одежды за исключением названий обуви, головных уборов, чулок, носков, рукавиц.

Традиционно считается, что в диалектной лексике мало слов, обозначающих общее, родовое понятие, однако в Новгородском областном словаре (далее – НОС) зафиксировано 26 слов с общим значением «одежда»: **Вы́ряд**, -а, м. **Одежда.** *Выряд в корзине у меня. Пест. + Валд. II Нарядная одежда. Она не гналась за вырядом. Кр. + Валд.* **Лопоти́на**[1], -ы, ж. **1. Одежда.** *Ну и лопотина на тебе красивая! Что это ты в будний день нарядилась? Новг.* **Наде́вка**, -и, ж. **Одежда.** *Шерсти напряду да вытоку,*

теперь-то есть надевка. Надевка – любая одевина, одёжа. Бывает, что нет никакой одевины или надевки. Какую-нибудь одевину надела, накинула на плечи, вот и надевка. Оп. Одёжа, окрута, надевка – всё одно. Ст. + Пест. **Наря́дка**[2], -и, ж. **Одежда.** *А нарядка разная была. Мар.* **Обря́да**, -ы, ж. **Одежда.** *Где же ты свою обряду оставила. Вол.* **Ремузи́на**, -ы, ж. **Одежда.** *Хазит богачеством, а у самого остатняя ремузина на плечах. Тихв.* **Трехому́дье**, -я. ср. Пренебр. **Одежда.** *А лотков с едой на рынке видимо-невидимо, а уж с трехомудьем ещё больше. Пест.* и др. В эту же группу мы включаем слова со значением *одежда*, в толковании которых присутствует дополнительный смысловой компонент, называющий её признак: **Оберту́зка**, -и, ж. Узкая **одежда.** *Обернулась в обертузку – это оделась в очень узкую одежду. Сол.* **Обертя́ечка**, -и, ж. Узкая короткая **одежда.** *Кака-то бела обертяечка коротенька да хорошенька надета. Ок.*

Отметим, что значительная часть слов с общим значением *одежда* развивает в своей семантической структуре отдельные значения или оттенки значения для называния одежды особого назначения, нарядной, повседневной, «плохой», предназначенной в приданое и др.: **Вы́ряд** – Нарядная одежда; **Лопоти́на** – Верхняя одежда на вате. ‖ Рабочая повседневная верхняя одежда; **Сря́да 1. Нарядная одежда. 2. Приданое невесты; Скру́та 1. Одежда. ‖ Нарядная одежда. 2. Одежда, даваемая невесте при вступлении в брак**.

Кроме того, можно выделить слова, имеющее более общее значение – *одежда и обувь*, например: **Окрута**, -ы, ж. **1. Одежда и обувь.** *У этого богача окруты-то тьма. Окрута – любая одежда, даже обувь. Платья окрутой звали, и кофта, и обувь тоже. Ст. Бывало окруту-то блюли, на праздник в другу деревню идёшь, а пол-сапожки за плечам несёшь. Вол. + Тихв.* **2. Одежда.** Но в тоже время у этого слова отмечены и специализированные значения: **Нарядная, праздничная одежда.** *Вот как снаряжал сестру, всю окруту купил: платьи шёлковы, кацавейка четверть до зени, из люстрина пальто, жакетка, покороче, почаще ходить куда, шесть платов шёлковых с бахмаркой и кистям. Окрута хорошая называется, а так рвань. Ст. Окрута – нарядная одежда, такая богатая, столько окруты. Сол. Окрута – хорошая одежда, новая. Мар. + Бор., Вол., Дем., Кр., Люб., Мал., Мст., Новг., Ок., Парф., Пест., Под., Тихв., Хв., Чуд., Шим ‖ Плохая одежда. Сол. + Ст.* **3. Приданое невесты.** *Окруты много, приданого много. Мст. Девка замуж без окруты не пойдёт. Окрута – приданое. Новг. У этой невесты окруты много, она богатая. Мал. Надо и окруту девкам на выданье справить: не отдать их замуж в одной станухе. Сол. + Бор., Вол., Кр., Под.* **4. Маскарадная одежда ряженых в Святки.** *Окрута – это шутовской наряд, его одевают ряженые в Святки. Чуд. Окрута – одежда ряженых. Новг. + Бор., Вол.*

Лексемы с общим значением одежда имеют связи словообразовательному принципу: так, слово **Одёжина** является для

производных *одёжинка* с уменьшительно-ласкательным оттенком и *одежо́нка* с пренебрежительным оттенком.

Те же лексические единицы, служащие обозначением *одежды вообще или некоторых её видов* представлены в Словаре русских народных говоров. Вот, некоторые из них: **Выряды**, -ов, мн. Наряды, праздничная одежда. Кадн. Волог., 1858. Что у ней этих вырядов – замки ломятся. Волог. Наряды, женская праздничная одежда. Волог., Даль. **Надёвка и надевка**, -и, ж. 1. Надёвка. Одежда. Нема никакой надёвки. Надёвкой красивой мне будешь. Старрдуб. Брян., 1972. || Рабочая одежда. Даль [без указ, места]. 2. Надевка. Поддевка. Калуж., 1972. **Одева**, -ы, ж. Одежда. Пск., Осташк. Твер., 1855. Влад. Вой чудная одева. Сахалин. **Окрута**, -ы, ж. 1. Одежда, платье. На нем худая окрута. Великолукск., Опоч. Пек., 1952. Окруты-то у ей много. Пек. Куды ты всю окруту потерял? Новг. Ленингр., Север. 2. Женское нарядное, праздничное платье. Тихв. Новг., 1852. Новг., Север. II «Нарядная одежда». Борович. Новг., Синозерский. II Праздничный наряд из сарафана и душегрейки. Порх. Пек., 1929. || «Женский гардероб». Новг., Новолад. Петерб., Новг. губ. вед., 1854. 3. Приданое невесты. Новг., 1852. Не пойду я нонечь замуж, Мне и девкой хорошо, Мне окруты мало-вато, Не прибавить ли еще. Пск., Петерб., Север. 4. Женский головной убор. Перм., Даль. 5. Носильные вещи, постельное белье, скатерти и т.д. «Вообще все из материала». Не окрута тебя красит, Ты сама хорошенька. У одной много окруты, у другой мало. Печор. Пск., Боровкова, 1948. **Ризьё**, ср. Рваная одежда. Куда ты ризье-то надеваешь? Кадуйск. Волог., 1950. В то же время семантическая структура некоторых из приведённых лексических единиц отличается от соответствующих слов в новгородском диалекте (см., например, **Окрута**).

Итак, отдельная лексема или группа лексем репрезентирует целый пласт материальной культуры региона, являясь ценным культурным, историческим, этнографическим источником, содержащим знания о прошлом и настоящем региона. Как показали наблюдения, источником таких сведений могут стать слова, являющиеся общим обозначением одежды; по данным НОС, к ним относятся однозначные слова **Наде́вка**, **Наря́дка**[2], **Одёва**, **Одеви́на**, **Одёжина**, **Оболо́чка**, **Обря́да**, **Ремузи́на**, **Ризьё**. Другие слова, имеющие то же значение, отличаются либо оттенками значения, либо развивают отдельные значения, т.е. являются многозначными.

Этнолингвистический анализ рассмотренных единиц, извлечённых из НОС, может стать основой создания банка лингвистических данных, необходимых для изучения региональной культуры и региональной картины мира. Проведённое сопоставление с наименованиями, выбранными из других диалектных региональных и общих словарей, позволило отметить специфически новгородские обозначения, а также

различия в языковой репрезентации понятия *одежда* даже в территориально близких диалектах, например, в псковском говоре.

Литература

1. Дидковская, В.Г. Диалектные словари регионального типа как источник историко-лингвистических сведений Диалектное и литературное слово. История и современность: Сб. статей в честь 85-летия А.В. Клевцовой / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. С. 29.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиторриал УРСС, 2000.
3. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 468.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1978. С. 671.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, доцентом Дидковской В.Г.

УДК 94(470.24).084.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.13

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Кулагин М.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: kulagin.mi@mail.ru

FEBRUARY 1917 IN NOVGOROD PROVINCE IN MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

Kulagin M.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: kulagin.mi@mail.ru

Аннотация. В приведённой статье на основании архивных источников Государственного архива новейшей истории Новгородской области рассмотрены представления о событиях февраля 1917 года, оставленные в воспоминаниях непосредственных участников. Исследованы мемуары представителей разных групп общества (рабочих, солдат, мелких чиновников), разных политических ориентаций (от правых социалистов-революционеров до большевиков). Анализ воспоминаний позволяет сделать выводы о значительной роли военнослужащих в процессе эскалации протестных событий. Зачастую солдаты становились организаторами различных митингов, советов, в которые также входили и рабочие, распространителями нелегальной литературы и новостей о положении в губернии. Частью авторов отмечается внушительное влияние эсеров. Также можно сделать заключение о значительных изменениях в привычном укладе жизни жителей губернии, увеличении влияния политики на повседневность.
Ключевые слова: *Новгородская губерния, Великая российская революция, Февральская революция, большевики, эсеры, воспоминания, повседневность.*

Abstract. In this article, based on archival sources of the State archive of modern history of the Novgorod region, the ideas about the events of February 1917, left in the memories of direct participants, were considered. Memoirs of representatives of different groups of society (workers, soldiers, and small officials), different political orientations (from right-wing socialists-revolutionaries to Bolsheviks) were studied. The analysis of memories allows us to draw conclusions about the significant role of military personnel in the process of escalating protest events. Often soldiers became organizers of various meetings, councils, which also included workers, distributors of illegal literature and news about the situation in the governorate. Some authors note the impressive influence of the social revolutionaries. You can also make a conclusion about significant changes in the usual way of life of governorate residents, increasing the influence of politics on everyday life.
Keyword: *Novgorod province, Russian revolution of 1917 February revolution, Bolsheviks, social revolutionaries, memories, everyday life.*

В Новгороде накануне февраля 1917 жизнь шла своим чередом, но всё изменилось с началом беспорядков в Петрограде.

Протестная волна добралась до Новгородской губернии довольно быстро. Первые отмеченные стычки между представителями власти и бастующими произошли на железнодорожных станциях Любань, где «вооружённой толпой были обезоружены чины полиции и освобождены все арестованные» [13], и Чудово, на которой было совершено нападение на военный поезд.

Огромную роль в процессе распространения информации о начале революции сыграла периодическая печать. Рабочий большевишерского стекольного завода Кипятков Пётр Николаевич сообщает, что новости о произошедшем рабочие получили именно из газет. Эти сведения стали своеобразным катализатором протестных событий на предприятии: работа на заводе была остановлена, в цехах стихийно возникали митинги, был задержан урядник [3]. Значимость печатных изданий была отмечена и шахтером Андроновым Петром Семёновичем, помогавшем в организации подпольного кружка социалистов [2], и весовщиком станции Подберезье Лукичевым Павлом Михайловичем, доставлявшим информацию в Гвардейский запасной кавалерийский полк [7].

Волнения не могли не затронуть армию. В своих воспоминаниях Алексеев Николай Дмитриевич, служащий 177 запасного пехотного полка, отмечает, что несмотря на хождение слухов о забастовках и беспорядках в Петрограде, солдаты не знали подробностей, в связи с чем ему приходилось «во время бесед о противогазовой обороне при отсутствии начальства… рассказывать о событиях февраля, что знал» [1].

Рошаль Михаил Григорьевич указывал, что большинство солдат надеялось на скорейшее окончание войны и разрешение земельного вопроса, поэтому «недовольство солдат существующими порядками мы [сторонники большевиков] направляли в нужное нам русло…» [8].

В уездах губернии зачастую именно солдаты становились главной организационной силой. К примеру, в городе Валдай был организован солдатский комитет, объединивший не только служащих в армии, но и строителей железной дороги. Сергеев Павел Иванович вспоминал: «Начались стихийные митинги, а затем эти митинги стали проходить более организованно под руководством рабочих и служащих… железной дороги…» [10].

Среди солдат 177 полка, располагавшегося в Новгороде, было несколько мобилизованных студентов из столичных учебных заведений. В пулеметной команде полка служила значительная группа «…неблагонадежных с точки зрения царского правительства солдат, главным образом вольноопределившихся…» [1], рабочих Путиловского завода, призванных в армию за участие в забастовке [11]. Эта группа сыграла значительную роль в событиях, произошедших 2 марта. Алексеев Н.Д. сообщает, что в этот день бригадный генерал собрал полк, сообщил о

случившемся в Петрограде, об отречении Николая и воцарении Михаила, после чего спешно уехал. Но солдаты не разошлись – начались стихийные митинги, на которых главным образом выступали вольноопределившиеся, «которые лучше знали, что происходит в Петрограде» [1]. Потом полк отправился по городу. На обратном пути в расположение солдаты и присоединившаяся к ним толпа остановились у тюрьмы, требуя от руководства отпустить политических заключённых [12].

В сообщении прокурору Петроградской судебной палаты о данном инциденте прокурор Новгородского окружного суда Юренев делает акцент на том, что манифестанты желали освободить всех заключенных, и только благодаря доводам тюремного начальства удалось убедить народ не освобождать уголовных арестантов. Опасаясь освобождения всех заключённых, Юренев по телефону отдал приказ начальнику тюрьмы на освобождение военных [13].

Алексеев Н.Д. в своих мемуарах иначе мотивирует отсутствие сопротивления тюремной охраны, указывая, что она на препятствовала, так как состояла из солдат того же полка. Разница в отмеченных причинах беспрепятственного освобождения заключенных кроется в различном характере источников. Первый написан с целью оправдать свои действия и мало приемлемый для власти результат. Второй составлен человеком, вступившим в партию большевиков, то есть ангажированным.

Несмотря на субъективный характер оценок, мы склонны ставить под сомнение требование участников шествия освободить всех без исключения арестованных, велика вероятность приписки этого желания манифестантам Юреневым для смягчения последствий в глазах начальства.

В тот же вечер было сожжено делопроизводство полицейских управлений, канцелярии губернатора, тюремного инспектора. «Жители города, особенно женщины, начали ловить городовых, избивать их и тащить в тюрьму. Многие сами просили посадить их, чтобы избежать смерти…» [1].

Произошедшее активно обсуждалось среди солдат 177 полка, что привело к идее о создании собственного совета по примеру Петрограда [8]. После выборов в ротные комитеты состоялось общее собрание, на котором были проведены выборы в полковой Совет солдатских депутатов 177 полка, первым председателем которого стал Алексеев Н.Д.

2 марта из тюрьмы было выпущено множество сторонников партии социалистов-революционеров, которые незамедлительно принялись за работу и заняли ряд помещений в Народном доме. Значительной частью авторов исследуемых воспоминаний выделяется большая популярность эсеров [1, 6, 8].

Подобный успех партии социалистов-революционеров мемуаристы связывают преимущественно с двумя факторами. Первый заключается в

жажде крестьянами земли, что постулировала программа П.С.Р., а второй – «солдатская масса… не разбиралась ни в программе, ни в деятельности этой мелкобуржуазной партии» [8]. Несмотря на взаимоисключающий характер выделяемых причин, они наравне сосуществуют в исследуемых воспоминаниях.

Произошедшие события необратимо изменили характер повседневной жизни солдат. «Появились инициативные люди, призывавшие к установлению контроля и проверке деятельности ротного и полкового начальства» [9]. Солдаты становились своего рода политическими активистами, где бы они не находились. К примеру, Кунков Михаил Фёдорович, пишет, что, вернувшись с фронта вскоре после февральской революции в родную деревню в Бронницкой волости, обнаружил совершенное отсутствие агитации в поддержку большевистской партии, сторонником которой являлся. В результате Михаил Фёдорович вместе с фронтовым товарищем организовал митинг [5].

Активизировались и промышленные рабочие. На заводах основывались Исполнительные комитеты, сформированные из работников, которые брали на себя весь процесс управления предприятием, формировалась собственная милиция. Однако, сохраняя некоторый уровень автономии, работники завода не отказывались от представителей прежней администрации. Примечателен случай, имевший место на большевишерском заводе, где выдворенный владелец завода Курженков И.П. вместе с бывшим управляющим Семёновым В.С., обратились в исполком с просьбой о восстановлении последнего в должности. На общем собрании рабочих Семёнов «просил прощения за допущенные ранее грубые и оскорбительные действия по отношению к рабочим. Так Семёнов был восстановлен в правах управляющего завода» [3].

Привычный уклад жизни горожан менялся стремительно. В Народном доме, на площади, в Летнем саду, возле цирка на спонтанно образовывавшихся митингах постоянно шли диспуты о программах партий, доклады по текущему моменту, ежедневно привлекая внимание жителей города. «Я жил недалеко от Народного дома, – вспоминает Алексеев Н.Д., – и часто ко мне ночью стучали и требовали, чтобы я шёл в Народный дом, т.к. там с-р. [эсеры] ругают с-д.-ов [социал-демократов] и особенно большевиков, а отпора им никто не даёт. Такие споры происходили каждый день и каждую ночь» [1].

Политический перевес эсеров вынуждал их противников действовать решительнее, в связи с чем несколько инициативных солдат из социал-демократов приняли решение о проведении собрания эсдеков и сочувствующих. По итогам открытого собрания была сформирована Новгородская объединённая организация Российской социал-демократической рабочей партии [12].

Состоявшееся в середине марта собрание посетили «10–12 человек, из них 2 большевика и остальные меньшевики. Был избран объединительный комитет…» [1]. Именно на этом собрании произошла консолидация социал-демократов [4], поскольку «газетчики в Новгороде отказались продавать «Правду», и поэтому пришлось договориться с редакцией о присылке газеты багажом». Организовав группу из 4–5 солдат, стали сами продавать литературу и «Правду». Для получения дополнительных средств Алексеев ездил по фабрикам и заводам, где устраивал платные доклады о текущем моменте.

Губернатор покинул Новгород в первые дни революции, его место занял комиссар Временного правительства Булатов А.А. В уездах губернии также появились комиссары Временного правительства.

При губернском комиссаре был организован комитет общественного спокойствия, большинство состояло из кадетов. Комитет организовал охрану города преимущественно из молодёжи, главным образом из гимназистов и студентов [1].

Можно заключить, что в большей части воспоминаний военнослужащие предстают главными деятелями февральских событий. Подобное представление имеется не только в воспоминаниях большевиков, преимущественно бывшими солдатами, но и нейтральных жителей, а также в мемуарах их политических противников. Значительная доля авторов замечает ряд перемен в укладе жизни всех слоёв населения, делая акцент на её политизированности.

Литература

1. Алексеев, Н.Д., член КПСС с 1917 года. Воспоминания об активной революционной деятельности солдат 177 полка. История создания первой парторганизации в Новгороде. О деятельности губернского Совета, борьба Губчека с контрреволюцией // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 141. Л. 2–5.
2. Андронов, П.С., член КПСС с 1917 года. Воспоминания об установлении Советской власти в Боровичском уезде // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 145. Л. 1.
3. Кипятков, П.Н. Участие большевишерских рабочих в установлении и упрочении Советской власти // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 219. Л. 20.
4. Кулагин, М. К истории возникновения Новгородской организации РКП(б) // Великий красный Новгород. Политический историко-литературный сборник к пятилетней годовщине Великой Октябрьской революции. Новгород, 1922. С. 26.
5. Кунков, М.Ф. Воспоминания об установлении Советской власти в Бронницкой волости, Новгородского уезда // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 233. Л. 12.
6. Лихачев, Г.Д. Воспоминания о истории Октябрьской революции в г. Новгороде. Борьба с контрреволюционными и оппортунистическими

партиями. Становление Советской власти // ГАНИНО Ф. 1667. Оп. Д. 237. Л. 1.
7. Лукичев, П.М. Автобиография. Воспоминания о революционных событиях в Новгородской губернии в 1917 г. // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.
8. Рошаль, М.Г. На путях революции: Воспоминания ветерана ленинской партии. 2-е изд., испр и доп. М.: Воениздат, 1986. С. 40, 43, 48, 50.
9. Рошаль, М.Г. События Октября в Новгороде (воспоминания). Новгород, 1957. С. 10.
10. Сергеев, П.И. Воспоминания о событиях в годы Февральской и Октябрьской революций в городе Валдае // ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 318. Л. 1.
11. Васильев, В.Д. Очерки истории Новгородской организации КПСС. Л., 1983. С. 57.
12. Годы борьбы и свершений. Новгородская организация КПСС 1896–1987 гг. Хроника. Лениздат, 1988. С. 35, 36.
13. Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917–1918). Сб. документов и материалов. Новгород, 1957. С. 31.

Статья рекомендована к печати
доктором ист. наук, профессором Ковалёвым Б.Н.

УДК 141.131:128
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.14

АКТУАЛЬНОСТЬ УЧЕНИЯ ПЛАТОНА О ДУШЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Лебедев Д.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Dmitry.Lebedev@novsu.ru

THE RELEVANCE OF PLATO'S THEORY OF SOUL IN A DIGITAL EPOCH

Lebedev D.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Dmitry.Lebedev@novsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможности применения концепции души Платона как базовой философско-антропологической модели в условиях цифровой эпохи. Развитие и внедрение цифровых технологий и технологий ИИ является катализатором изменения мира и человека, а также изменений в области сознания, познания, ценностей и норм. Такие изменения неизбежно приведут к необходимости переосмысления актуальной модели человека и его онтологического статуса. Проблема изменения онтологического статуса человека является фундаментальной и требует метасистемного и междисциплинарного подхода. Первой и наиболее полной метасистемной моделью человека является философская система Платона, ядром которой можно считать учение Платона о душе.
Ключевые слова: *Платон, душа, цифровизация, принцип системности, коллективный интеллект*.

Abstract. The article is devoted to the possibility of applying the concept of Plato's soul as a basic philosophical and anthropological model in the digital epoch. The development and implementation of digital and AI technologies is a catalyst for changing the world and people, as well as changes in the field of consciousness, knowledge, values and norms. Such changes will inevitably lead to the need to rethink the current model of man and his ontological status. The problem of changing the ontological status of a person is fundamental and requires a metasystem and interdisciplinary approach. The first and most complete metasystem model of man is Plato's philosophical system, the core of which can be considered Plato's teaching about the soul.
Keywords: *Plato, the soul, digitalization, the principle of consistency, collective intelligence*.

Актуальность данной работы обусловлена социальным запросом на переосмысление образа мира и человека и формирование новой антропологической парадигмы в контексте цифровой эпохи. Проблема человеческого бытия и онтологического статуса души человека являются

фундаментальными научными проблемами, для решения которых мы опираемся на принципы системности, субъектности и синергии.

На наш взгляд, актуальность идей Платона сегодня связана с проблемой постмодернистской мысли, а именно радикализацией и онтологизацией отдельных научных областей как независимых. Исследование стоит начать с тезиса о том, что понятие души в философии Платона шире, чем его современные психологические трактовки, а также не сводимо к понятию психики, поскольку рассматривается в контексте философской системы.

Платон указывает нам на неоднородность души, выделяя три её начала: вожделеющее, яростное и разумное. Каждому из этих начал соответствуют свои достоинства, которые стоит развивать, и недостатки, которые следует сглаживать. Соотношение этих начал определяет тип человеческой личности. В Платонической традиции этим трём акцентуациям души соответствуют три сословия: вожделеющему началу соответствует медная душа и сословие ремесленников в широком смысле слова, яростному типу соответствует серебряная душа и класс воинов, разумному – золотая душа и класс мудрецов.

Гетерогенный характер души Платон описывает метафорой колесницы, указывая на онтологический статус человеческой души. По мысли Платона, душа человека имеет двойственную природу, что раскрывается в образе двух коней, запряжённых в колесницу, один из этих коней имеет благородное божественное происхождение, а второй конь имеет неблагородную природу. Первый тянет вверх, к вечному миру идей, к истине и благу, а второй сложно управляем и постоянно тянет к земле, к миру вещей, неподлинному миру.

Платон вводит в свою систему философствования два ключевых момента, а именно вечность и топику вертикали. Философ противопоставляет миру вечному мир конечный, вечный мир – это мир эйдосов, мир парадигм, подлинный, истинный и неизменный. Мир конечный – это мир копий, мир неподлинный, феноменальный. Исходя из этого душа имеет особое гносеологическое значение, выражаемое Платоном в понятии анамнезис (ανάμνησις). Душа припоминает то, что она непосредственно созерцала в мире идей, в мире вечном, знание не рождено в мире феноменальном, следовательно, душа является условием познания, в каком-то смысле душа становится ключом к миру парадигм [1].

Вертикальная топика проявляется в иерархичности, и развитие здесь предстаёт как движение по лестнице, поднимаясь по которой нельзя перешагнуть через ступень, движение возможно лишь в области либо следующей, либо предыдущей ступени. Платон пишет, что у серебряной души воина есть возможность приобрести черты золотой или медной души. Это достигается посредством разума, который метафорически обозначен как возничий, управляющий колесницей.

В седьмой главе «Государства» Платон излагает миф о пещере, который позволяет понять и раскрыть многие аспекты философской системы Платона. Этот миф рассказывается устами Сократа в контексте познания и просвещённости. Согласно ему, в пещере сидят люди, прикованные так, что могут созерцать только стену перед собой, за спинами их горит огонь, а между огнём и людьми проходит стена в человеческий рост. За этой стеной проходят люди и несут различную утварь так, что она отбрасывает тени на стену пещеры. Всё, что могут созерцать узники, – это и есть эти тени. Если однажды человек освободится от оков, он сможет повернуться и увидеть людей, несущих предметы, тени которых он созерцал на стене. Далее он увидит сам огонь, а затем сможет выйти из пещеры. Выйдя на яркий свет, человек не сможет различить ничего, но постепенно он привыкнет к свету и познаёт положение дел. Если такой человек вернётся в пещеру и расскажет о том, что увидел, ему не поверят, сочтут глупцом, поскольку его речи угрожают прежней жизни и тому миру, в котором живут узники пещеры [2].

Совмещая эти фрагменты философской системы Платона, посвящённые познанию и душе, мы можем сказать, что движение человека, освободившегося от оков, является движением по лестнице развития. Освобождаясь от естественных установок сознания, человек расширяет область своего внимания и приобретает возможность управлять собственным вниманием, а накопление количественных характеристик в процессе созерцания феноменов создаёт условия для актуализации качественного изменения сознания.

Человек начинает различать уже сами феномены и обращать внимание на механизм различения. В мифе этот момент обозначен как обнаружение человеком огня и предметов, отбрасывающих тени. Иначе говоря, в поле сознания человека оказывается и сам процесс мышления. Выход из пещеры можно интерпретировать как выход из акта деятельности или мыследеятельности и обнаружение метасистемного уровня и возможности подействовать на этом уровне.

На метасистемном уровне происходит коррекция прежнего способа мышления, после чего человек снова возвращается в пещеру, иначе говоря, возвращается в мышление, через изменение которого изменился и мир. Произошло усложнение рефлексивной самоорганизации, в ходе которой возничий развивает позитивные стороны «благородного коня» и корректирует негативные стороны «коня неблагородного».

Таким образом, Платон закладывает основы теории развития. Достоинство философской системы Платона в том, что человек рассматривается как сложная система в метасистемном единстве. В развитии человека играют роль его ценности, нормы, идеалы, сочетание которых у Платона сведены к трём типам душ. Душа человека в онтологическом контексте стоит выше тела.

Данные современных наук подтверждают учение Платона, говоря о сложной, многоплановой природе человека. Примером может служить появление когнитивистики как междисциплинарной области научного знания, включающей в себя когнитивную психологию, теорию искусственного интеллекта, нейрофизиологию, теорию познания и другие. Стоит отметить, что когнитивистика стала результатом развития ряда философских идей и вытекает из западноевропейской философской традиции. Так, Матяш Т.П. пишет «…когнитологические мысли и идеи разрабатывались в истории как западной, так и русской религиозной философии, для которой смыслом и задачей когнитивистики было воссоздание цельности духа и, соответственно, цельности личности» [3].

Центральной темой цифровой эпохи становятся идеи взаимодействия человека, машины и ИИ. Тема души человека вновь приобретает актуальность в исследованиях, посвящённых созданию посредников между человеком и машиной. Системы подобного типа обозначаются как нейроинтерфейс [4]. Данное устройство должно позволить человеку непосредственно контролировать любую подключенную машину. В такой системе машина становится новым элементом, что означает рождение нового нечто, статус которого остаётся ещё неизвестен. Возникает вопрос, можно ли уже говорить о появлении субъекта нового типа.

Возникает вопрос, как изменится душа человека. В философской системе Платона душа человека занимает главенствующее положение, а значит, она должна подчинить себе и новый встроенный элемент системы – нейроинтерфейс. Однако стоит отметить, что это произойдёт, если душа человека имеет ряд свойств. Например, если человек находится в объектной позиции, то система человек–машина будет подчинять и закабалять человека, технологии машины будут работать на актуализацию тех сторон личности, которые Платон называл «неблагородным конём». А значит, необходимо говорить о формировании субъектной позиции как обязательном условии контроля технологий ИИ и использования их для развития человека, в том числе для развития тех качеств, которые позволят ему встать на ступень выше в своём развитии.

Платон не может в своей философской системе обойти вопрос, а что же такое человек. Для Платона человек – это, в первую очередь, душа. В цифровую эпоху вопрос о сущности человека приобретает особую актуальность. С появлением и усложнением ИИ возникает вопрос о наличии души и пределах её развития, а также о возможности метафизики ИИ. Исследуемая проблема имеет сложный и многоплановый характер, а значит, требует междисциплинарного подхода к её изучению.

Возникает ряд вопросов с влиянием цифровых технологий на когнитивные корреляты сознания и высшей нервной деятельности, поскольку внедрение цифровых технологий и технологий ИИ

осуществляется без длительного пролонгированного исследования, нет чёткого ответа о влиянии цифровых технологий на человека.

Философская система Платона рассматривает не только душу человека, но и душу мира. Провести параллели можно с концепцией ноосферы В.И. Вернадского, концепцией коллективного тела, коллективного интеллекта или разума [5]. Научных работ, посвящённых коллективному интеллекту, крайне мало среди российских учёных, а исследования в контексте мировой души отсутствуют. Поскольку понятие мировой души Платона шире современных трактовок в виде коллективного интеллекта, ноосферы или коллективного тела, то можно говорить о возможных пределах роста и углублении знания в данной области, что говорит о высокой значимости и актуальности концепции души в Платонической традиции.

Исследования, посвящённые коллективному интеллекту, являются логическим продолжением исследований, связанных с изучением психологии и социологии толпы. Вопросы, связанные с изменением статуса субъекта при включении его в толпу, остаются актуальными и в цифровую эпоху, а также требуют внимательного изучения в связи с изменением не только среды, но и самого человека. Имеющиеся на сегодняшний день технологии уже позволяют говорить о таком феномене, как коллективный интеллект. Славин Б.Б. пишет: «Информационные технологии (ИТ) и сетевые социальные сообщества можно считать своего рода инфраструктурой коллективного интеллекта» [6].

Таким образом, понятие души в философской системе Платона является более глубоким и сложным понятием, чем современные антропологические и психологические концепции. Платоническая концепция души является актуальной в контексте изменения индивида и общества в условиях цифровой эпохи, поскольку позволяет метасистемно рассматривать появление систем человек–машина, а также нейроинтерфейсов, необходимых для обеспечения новой системы цифровой эпохи, предупреждая возможность появления феномена цифрового тоталитаризма.

Подход и метод Платона, лежащие в основе его учения о душе, позволяют развивать концепцию коллективного интеллекта, ставить вопрос о перспективах коллективного сознания в фокусе национальной безопасности и в условиях применения цифровых технологий и технологий ИИ, что говорит об актуальности учения Платона о душе в цифровую эпоху.

Литература

1. Шевцов, К.П. Границы припоминания. Память в поздних диалогах Платона [Электронный ресурс] // Вестник РХГА. 2015. № 1. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/granitsy-pripominaniya-pamyat-v-pozdnih-dialogah-platona (дата обращения: 04.04.2020).
2. Платон. Государство / перевод с древнегреческого А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
3. Матяш, Т.П. Когнитивистика: историко-философский контекст [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivistika-istoriko-filosofskiy-kontekst (дата обращения: 02.04.2020).
4. Яковлева, М.С., Кукарцев, В.В. Нейроинтерфейсы: понятие, направления и проблемы развития [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrointerfeysy-ponyatie-napravleniya-i-problemy-razvitiya (дата обращения: 03.04.2020).
5. Александров, Н.Н. Ноосфера и ментосфера [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2004. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noosfera-i-mentosfera (дата обращения: 02.04.2020).
6. Славин, Б.Б. Технологии коллективного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kollektivnogo-intellekta (дата обращения: 01.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филос. наук, доцентом Труфановой О.В.

УДК 94(410)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.15

ДВИЖЕНИЕ ЗА ИСПРАВЛЕНИЕ НРАВОВ В АНГЛИИ РУБЕЖА XVII–XVIII ВВ. НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ НРАВОВ»

Левченко А.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: s238898@std.novsu.ru

THE MOVEMENT FOR THE REFORMATION OF MANNERS IN ENGLAND AT THE TURN OF THE XVIITH AND XVIIITH CENTURIES IN THE ACTIVITIES OF THE SOCIETIES FOR THE REFORMATON OF MANNERS

Levchenko A.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: s238898@std.novsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность «Обществ исправления нравов» – добровольных организаций, которые стали выразителями всеобщей тревоги о низком уровне морали в Англии после Славной революции. Они были обеспокоены плохим состоянием общественных нравов (их возмущало неприкрытое проявление на улицах богохульства, распущенности, пьянства и т.д.) и стали активно приводить к наказанию нарушителей законов о морали. Славная революция сопровождалась политической нестабильностью и обострением социальных проблем, вследствие чего и появились «Общества исправления нравов». Их требования улучшения морали предполагали изменения в социальной системе, которая порождала пороки. Необходимым являлось устройство эффективных судов, достижение социального порядка, прекращение политических разногласий и религиозной нетерпимости. Такая широкая программа привлекала поддержку Церкви, Короны и общественных слоёв. Признается значение «Обществ исправления нравов», деятельность которых распространилась по всей территории Британских островов и помогла смягчить последствия Славной революции.
Ключевые слова: *Общества исправления нравов, добровольная организация, Славная революция, социальный порядок.*

Abstract. The article examines the activities of the Societies for the Reformation of Manners (SRM) as a part of the movement for the reformation of manners in the post-revolutionary England. They were the voluntary organizations worried for the state of public morals (in particular, they were outraged because of the public display of the blasphemy, lewdness and drunkenness) and wanted to enforce laws concerning morality against the offenders. The Glorious Revolution was followed by political controversies and social instability, which resulted in the emergence of SRM. Therefore, although their main concern was the improvement of morality, they also fought for social order, sufficient judicial system, against

political factionalism and religious intolerance, and thus were supported by both Crown and Church, not to mention broad popular support. It is proven that the significance of their activities was not restricted to prosecuting offenders, because they were the first voluntary organizations to take action on the national scale for the benefit of the society. We can also give tribute to SRM for they contributed to restoring order in England.
Keywords: *Societies for the Reformation of Manners, voluntary organization, Glorious Revolution, social order.*

На рубеже XVII–XVIII вв. в Англии всё больший общественный резонанс стала вызывать проблема плохих нравов: она становились темой парламентских дебатов, публицистических сочинений и т.д. Наибольшую активность в деле улучшения нравов проявили «Общества исправления нравов» (далее – Общества исправления нравов или Общества), первое из которых появилось в 1690 г. в одном из районов Лондона. Они представляли собой добровольные объединения людей, имевших целью преследование таких общественных пороков, как излишнее питьё и сопутствующее ему разгульное поведение, профанация воскресного богослужения, сквернословие, богохульство, содержание и посещение публичных домов, азартные игры. Эти объединения не имели единого центра и были многочисленными (только в Лондоне к началу 1700 г. было около 10 Обществ [1]); в короткое время они распространились по всей территории Британских островов. Самым подходящим средством подавления порока Общества видели приведение в исполнение уже существующих законов посредством мобилизации деятельности судов и работы информаторов, приносивших доносы на замеченных ими нарушителей [13].

Возникновение Обществ исправления нравов было вызвано комплексом политических, социальных и духовных причин. Существенным фактором их появления служит, во-первых, сложная политическая обстановка в Англии в связи со Славной революцией 1688–1689 гг. С восшествием на престол Вильгельма и Марии Оранских начались войны с Францией, в обществе были сильны антикатолические настроения, боязнь иностранного влияния и антидемократических тенденций. Общества исправления считали, что противостоять папскому и французскому влиянию можно, сохраняя общественную мораль. Безнравственность они рассматривали как фактор, грозящий политической и социальной стабильности. В частности, например, Общества уделяли внимание нравам английских солдат, от которых зависела безопасность и, следовательно, благополучие нации [14].

Новые монархи всячески подчеркивали свой протестантизм [4] в противовес католическому вероисповеданию сверженного Якова II. В проповедях, которые читались Обществам исправления нравов, воцарение Оранских объясняется как божественное вмешательство: Англия была избавлена от угрозы католического правления, и

благодарностью за это должно стать всеобщее улучшение нравов. В обращениях Обществ постоянно повторяется призыв к покаянию, так как в противном случае гнев Бога обратится против королевств и результатом станут различные природные бедствия и катаклизмы [9]. Вильгельм III получал славословия от Обществ исправления за то, что восстановил принципы морали, забытые при Карле II и Якове II.

Во-вторых, появление Обществ делала необходимым социальная нестабильность. Одной из главных целей, которую ставили перед собой Общества исправления, было достижение социального порядка и дисциплины на улицах, где открыто практиковались все пороки [12]. Они яростно критиковали театры и ярмарки, где несдержанность нравов было наиболее заметной [15].

В Лондоне, несмотря на то, что это был стремительно растущий, густонаселённый город, отсутствовала полиция, которая преследовала бы подобные нарушения. Единственным существующим институтом были работающие бесплатно констебли. Общества неоднократно обвиняли их в небрежности в выполнении работы. Ведь даже если среди их числа находились сознательные люди, что было, скорее, исключением, они всё равно не могли полностью посвящать себя делу преследования порока из-за того, что имели другие обязанности [11].

Исполнение законов о нарушении морали было невозможно и из-за несовершенства судебного аппарата. Существование Обществ пришлось на время упадка церковных судов, ранее рассматривавших дела о падении нравов, а гражданские суды разбирали только тяжёлые преступления [3].

В этих условиях Общества исправления были вынуждены взять обязанность задерживать пьяниц и посетителей публичных домов на себя. Создав институт информаторов, они фактически перенимали часть функций государства. Однако использование информаторов быстро вызвало очень бурную критику, которая в итоге стала причиной распада Обществ исправления нравов. Информаторов презирали за то, что они якобы извлекали выгоду из донесений на невинных людей, так как за их работу им выплачивалось материальное вознаграждение от Обществ [2]. Само участие организаций в судебном процессе воспринимали как посягательство на законную процедуру.

Социальная неустроенность низших слоев населения, в особенности бедных, и отсутствие системы образования вели к большому количеству приведённых Обществами к суду нарушителей (их число в период с 1690 по 1738 годы исчисляется в 100 000 человек [6]). Чаще всего именно социальные низы были объектами нападок Обществ, в то время как высшие слои общества избегали критики. Для многих современников именно эта несправедливость, а не использование Обществами информаторов, было главным недостатком в их деятельности. Критика лицемерной политики Обществ исправления нравов содержится в «Мольбе

бедняка» – публицистическом сочинении Даниэля Дефо. По его мнению, сугубо неправильным было то, что ответственность за моральные проступки общества несли только низшие сословия. Он предлагает, чтобы судьи начали поощрять дачу информации против джентльменов, а также внушили всем людям высокого статуса необходимость в первую очередь исправить собственное поведение, ведь все сословия принимают их за образец [5].

Важной задачей своей деятельности Общества ставили поддержание авторитета Церкви, которая всё больше теряла влияние на умы населения. Пропагандисты Общества, как уже было упомянуто, постоянно обращались к божественному авторитету в своих поучениях. Однако на этом основании нельзя заключать о том, что Общества исправления нравов – это организации, преследующие пуританские идеалы. Апелляция к религиозным доводам свидетельствует, скорее, о сохраняющемся авторитете Церкви и понимании силы воздействия её риторики на простых людей. Но помимо жалоб на уменьшение числа прихожан, Общества обращали внимание на такие проблемы, как вражда партий, коррупция. Эти недостатки политической системы виделись ими как ещё одно проявление нравственной деградации века. Ведь бесчестность и небрежность судей в выполнении работы [8], продажность констеблей не только осложняли достижение порядка на улицах [10], но и увеличивали вероятность совершения тяжёлых преступлений. Такая активная общественная позиция позволила Обществам широко развернуть свою деятельность.

Начатая Обществами компания сумела сплотить население, которое нуждалось в объединении, когда Англия была разделена на англикан и диссентеров, сторонников и противников нового короля Вильгельма III. Члены нравственного движения, отозвавшись на реально существующие в обществе проблемы, говорили о куда более широком их спектре, чем безнравственность и падение интереса к религии. В них нашла выражение как обеспокоенность дальнейшими судьбами Англии, так и интересы среднего класса городов, которые нуждались в порядке. Их инициатива получила одобрение Вильгельма III и Марии II [7], а впоследствии и Анны I. От их лица выступали виднейшие деятели Англиканской Церкви и диссентерских деноминаций [16], не оставались в стороне и английские просветители, разработавшие свои концепции нравов: Даниэль Дефо, Джонатан Свифт, Бернард Мандевиль, Джозеф Аддисон, Ричард Стил.

Влияние Обществ на социальную жизнь в Англии, Шотландии и Ирландии было значительным. Огромно их значение и как первого в своём роде объединения, основанного на добровольных началах и взявшегося за начинание общенационального, если не международного, масштаба (так, «Общество для распространения Евангелия», чья идеология была схожа с Обществами исправления, организовывало миссионерские кампании в

Новом Свете). В дальнейшем в Великобритании будут появляться другие Общества исправления нравов. Некоторые возникшие параллельно с ними просветительские и благотворительные организации, преследующие подобные цели, функционируют по настоящее время (Общество для распространения христианского знания). Их деятельность пришлась на время, когда всеобщим умонастроением было установить более нравственные основания совместного существования людей. Однако, когда жизнь в стране стабилизировалась, пора их популярности закончилась. Социальные проблемы утратили прежнюю актуальность, а критика в адрес Обществ усилилась, и в 1738 г. прекратило существование последнее Общество исправления нравов.

Литература

1. Bahlman, D.W.R. Moral Revolution of 1688. New Haven: Yale University Press, 1957. P. 38.
2. Bahlman, D.W.R. Moral Revolution of 1688… P. 32.
3. Bristow, E.J. Vice and Vigilance: Purity Movements in Britain since 1700. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1978. P. 13.
4. Claydon, T. William III and the Godly Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 98–100.
5. Defoe, D. The poor man's plea to all the proclamations, declarations, acts of Parliament, &c. which have been or shall be made or publish'd for a reformation of manners and suppressing immorality in the nation. L.: Printed for A. Baldwin, 1698. P. 24–26.
6. Isaacs, T.B. Moral crime, moral reform, and the state in early eighteen century England: a study of piety and politics. PhD dissertation. The University of Rochester, New York, 1979. P. 361.
7. Lowman, M. A Sermon Preach'd Before the Societies for Reformation of Manners, at Salters-Hall, June 27, 1720. L.: Printed for Eman. Matthews, 1720. P. 16.
8. Merrell, Z. A sermon preached to the Societies for Reformation of Manners in the cities of London and Westminster, June 27, 1709. L.: Printed by T. Hive, 1709. P. 37.
9. Proposals for a National Reformation of Manners, Humbly offered to the consideration of our Magistrates and Clergy. L.: Published for John Dunton, 1698. P. 1.
10. Proposals for a National Reformation of Manners… (Нумерация отсутствует).
11. Proposals for a National Reformation of Manners… P. 24.
12. Roberts, M.J. D. Making English Morals. Voluntary Association and Moral Reform in England, 1787–1886. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 3–4.

13. Taback, N.J. A Mission to Reform Manners: Religion, Secularization, and Empire in Early Modern England. PhD dissertation. University of California, Los Angeles, 2013. P. 77.
14. Woodward, J. An account of the societies for reformation of manners in England and Ireland with persuasive to persons of all ranks to be zealous and diligent in promoting the execution of the laws against prophaneness and debauchery for the effecting a national revolution. L.: B. Aylmer, 1699. P. A2.
15. Wright, S. A sermon preach'd before the Societies for Reformation of Manners, at Salters-Hall, June 27, 1715. L.: Printed by John Clark and Eman. Matthews. P. 16–17.
16. Wright, S. A sermon preach'd before the Societies for Reformation of Manners… P. 10.

Статья рекомендована к печати
кандидатом истор. наук, доцентом Сидоренко Л.В.

УДК 81.25.06.053.56+78.083.4(430)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.16

ПЕРЕВОД СЛЕНГА В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕСНЯХ

Макейцева И.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail:simplyiraxo@yandex.ru

TRANSLATION OF SLENG IN MODERN GERMAN SONGS

Makeitseva I.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail:simplyiraxo@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам перевода молодёжного сленга в музыкальной сфере. В работе рассматриваются особенности немецкого молодёжного сленга, а также возможности его передачи на другой язык без потери лексического значения и экспрессивности на примере конкретных песен современных немецких исполнителей. По итогам работы было установлено, что, несмотря на многие трудности, в большинстве случаев адекватный перевод данной лексики с сохранением её значения и экспрессивности возможен.
Ключевые слова: *перевод, немецкий язык, молодёжный сленг, песни, музыка.*

Abstract. This article is devoted to the problems of translating youth slang in the music field. The study examines the features of German youth slang, as well as the possibility of translating it to another language without loss of lexical meaning and expressiveness on the example of specific songs of modern German musicians. According to the results of the work, it was found that despite many difficulties, in most cases an adequate translation of this kind of vocabulary with preservation of its meaning and expressiveness is possible.
Keywords: *translation, German, youth slang, songs, music.*

В современном мире каждый может согласиться с тем, что межкультурная коммуникация играет огромную роль, как в жизни людей, так и в формировании и развитии языков. Каждый день благодаря сети Интернет миллионы людей с разных концов света обмениваются между собой огромным количеством информации на разные темы от научных исследований до простого повседневного общения. В данный момент интернет играет огромную роль в жизни людей. Если мы обратимся к статистике, представленной интернет-сервисом We are social, то увидим, что число интернет-пользователей на январь 2020 года составляет 4,54 миллиарда, из них 3,80 миллиарда людей являются пользователями социальных сетей. Средний показатель времени, которое люди по всему миру проводят на сегодняшний день в Интернете, равен 6 часам 43 минутам [1]. Общение с людьми с разных концов света стало намного

доступней, чем пару лет назад, так как официальная статистика показывает, что за последнее время резко возросло использование мобильных телефонов, а самыми используемыми приложениями являются мессенджеры и социальные сети. После таких показателей невозможно отрицать то, что на сегодняшний день межкультурная коммуникация вышла совершенно на другой уровень. Также, обращаясь к данной статистике, можно увидеть, что главными пользователями самой популярной социальной сети Facebook являются люди от 18 до 34 лет. Следовательно, можно сделать предположить, что именно молодёжь оказывает огромное влияние на современный язык.

Что же такое молодёжный язык и существует ли он вообще? Ответ на этот вопрос пытаются найти многие учёные-лингвисты, начиная с 1970-х годов. В научных дискуссиях, посвящённых дефинициям молодёжного языка, часто можно встретить такое понятие, как «сленг», под которым обычно понимают лексику, употребляемую лицами определённых профессий или социальных прослоек. Таким образом, учёные выделяют молодёжный сленг или, как его ещё называют, – язык молодёжи. В своей работе лингвист Ева Нойланд даёт молодёжному языку следующее определение: «Молодёжный язык – это международное явление, которое имеет общие и сопоставимые, но также отличительные и культурные особенности» [2]. Так же в своём исследовании Нойланд рассуждает о том, можно ли считать молодёжный сленг полноценным языком, и приходит к следующему выводу, что большинство международных исследований, основанных на этнографическом, речевом, аналитическом и культурологическом подходах, предпочитают термин «стиль», чтобы лучше учитывать специфические особенности группы, определять функции и быстро менять языковые характеристики [там же]. Из этого следует, что молодёжный язык, или сленг, – это, скорее, стиль, присущий определённой группе. О том, что молодёжный язык является определённым стилем языка, с помощью которого молодые люди пытаются отделиться от взрослого поколения, говорит и в своих исследованиях лингвист Клаус Ерхард [3]. Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью сказать, что молодёжный язык, или сленг, – это не отдельный язык, так как, по сути, это лишь фразы, слова и выражения, которые в данное время использует молодёжь. Вся сложность в определении молодёжного сленга, или языка, заключается в том, что он постоянно изменяется, и эти изменения практически невозможно отследить. Об этом говорится в статье, опубликованной в газете Badische Zeitung. В этой статье автор говорит о том, что существует множество словарей, авторы которых пытались собрать всю молодёжную лексику воедино, но известный немецкий лингвист Пётр Шлобинский считает, что в таких словарях доля терминов, которые молодые люди даже не знают, не говоря уже о об их активном использовании, очень высока. Автор приводит в пример влиятельный словарь Duden и его редакторов, которые

с помощью интерактивного опроса в Интернете попытались создать свой собственный словарь молодёжного языка, но и такой метод автор статьи ставит под сомнение, так как считает, что «в лексикон могут проникнуть выражения, которые практически ни один молодой человек никогда не использует» [4]. Из всего этого можно сделать вывод, что понятие «молодёжный язык» является очень неоднозначным, так как существует масса примеров, когда лексика, помеченная в словарях как «молодёжный язык» или «молодёжный сленг» со временем переходила в разряд обычной повседневной лексики. Ярким примером, который приводит автор статьи «Новый Duden для языка молодёжи», являются такие слова, как «cool» или «geil», которые, как говорит автор, «сейчас используются почти во всех возрастных группах» [там же]. Так же считает и исследователь Тамас Киспал. В своей работе «Лексикография молодёжного языка в новых словарях немецкого языка для учащихся» он говорит о том, что «примерное сравнение лексики молодёжного языка в большом словаре Langenscheidt "Немецкий как иностранный язык" (LGwDaF) с лексикой из других словарей DaF (большой словарь PONS "Немецкий как иностранный язык" (PGwDaF), большой словарь WAHRIG "Немецкий как иностранный язык" (WGwDaF)) позволяет наблюдать различную оценку молодёжной лексики в словарях» [5]. Следовательно, даже у составителей словарей различных изданий возникают трудности с распределением лексики в соответствии с её стилевой принадлежностью.

Что же влияет на молодёжный язык и сленг? Каковы сферы его использования? Несомненно, одной из главных сфер является повседневное общение молодых людей друг с другом, но также в современном мире огромное значение играет медиасфера. В вышеупомянутой работе Нойланд выделяет основные направления исследования молодёжного языка, и одно из направлений носит название «Молодёжный язык как феномен медиа». Она подчёркивает, что молодые люди являются экспертами в области медиа и музыки, и такие сферы имеют высокую долю специального словарного запаса и даже англицизмов [2]. Пётр Шлобинский также отмечает огромное влияние, которое медиа оказывает на молодёжный язык: «культура языка молодёжи теперь не только творческая, и создаётся не по многочисленным шаблонам, но и под влиянием стилистических шаблонов, созданных медиа» [6].

Как уже говорилось ранее, одним из главных средств массовой информации в наше время является Интернет. Молодёжь использует Интернет не только для общения, но и для развлечений, таких как просмотр видео, и, что немаловажно, прослушивание музыки. На данный момент в Интернете существует огромное количество стриминговых сервисов музыки, такие как «Spotify», «Apple Music», «YouTube Music» и другие, и ими пользуется достаточно большое количество людей. Так, если верить статистике, такой интернет-ресурс как «Spotify» насчитывает 271 миллион пользователей [7], а русский стриминговый сервис музыки

«Яндекс.Музыка» насчитывает более трёх миллионов пользователей [8]. Если же мы обратим внимание на возраст пользователей данных музыкальных сервисов, то увидим, что основная аудитория, например, сервиса «Яндекс.Музыка» – это люди младше 18 лет и не достигшие 25 [9]. Из этого следует, что именно молодёжь является одной из главных групп, на которую нацелена музыкальная сфера в данный момент. Также именно она не только больше всех оказывается под влиянием, но и сама влияет на данную индустрию. Именно в текстах современных песен мы можем наблюдать молодёжный сленг и то, какие изменения он претерпевает. Также о влиянии музыки на молодёжь говорит и Эрик Венк в своей статье под названием «Бабо». В своей работе он говорит о том, как использование реперами в своих песнях слова «*babo*», которое является сленгом и означает «начальник», «лидер», «босс», привело к тому, что данное слово было занесено в словарь немецкого издательства «Langenscheidt», а также получило статус «Молодёжное слово 2013 года» [10].

Итак, музыка действительно оказывает огромное влияние на молодёжный язык и его формирование. Но так как молодёжный язык разных стран имеет свои отличительные и культурные особенности, перевод данных лексических единиц нередко вызывает затруднения. Рассмотрим на конкретных примерах, какие трудности могут возникать при переводе. Для этого обратимся к музыкальному интернет-ресурсу «ilovemusic.de». На данном сайте присутствует рейтинг 100 самых популярных песен на неделю [11]. В данном рейтинге имеются как англоязычные песни, так и композиции на немецком языке. Первой песней на немецком языке в данном списке является композиция «Roller» исполнителя Apache 207. Далее следует композиция «Kein Wort» в исполнении Juju и Loredana и «Baby» в исполнении Joker Bra и Vize. Рассмотрим использование молодёжного сленга и его возможную передачу на русский язык на примере текстов данных песен и их возможного перевода. Первой разберем композицию «Roller» в исполнении Apache 207. На интернет-ресурсе «Genius» дан текст данной песни с пояснениями смысла, который хотел передать автор [12]. В строчке: «*Mit meinem Baby, sie sticht zu, geht besser aus dem Weg*» он использует слово «*Baby*», оно является англицизмом и относится к сленгу. На русский язык его можно передать словом «*детка*», которое присутствует в молодёжном сленге. В строчке «*Kickdown, mit Siebzig auf eure Party*» исполнитель использует слово «*Party*», которому в русском молодёжном сленге соответствует слово «*тусовка*». Далее идёт строчка «*Brudi, ich muss los, wenn die Roller wieder schreien*», в которой используется обращение «*Brudi*», которое можно перевести как «*бро*» [13]. Обратимся к следующей песне «Kein Wort». В строчке «*Wie kann man jemand so krass hassen wie ich dich?*» мы видим слово из молодёжного сленга «*krass*», которому соответствует русское слово «*офигительный*». Следующим примером использования сленга является строчка «*Auch wenn*

du scheiße laberst, sagst, du willst allein sein», в которой глагол «*laberst*» также относится к сленгу, и его можно перевести на молодёжный сленг глаголом «*гнать*». Также в строчке «*Junge, mach mir nicht auf teuer, nein, du weißt, es wird gefährlich*» мы видим обращение «*Junge*», которое также имеет эквивалент в русском молодёжном сленге – «*пацан*». В песне Joker Bra и Vize «Baby» также присутствует молодёжный сленг. Так, например, в строчке «*Was denn für Hype?*» мы видим слово «*Hype*», которое присутствует и в русском сленге: «*Хайп*» и означает «*ажиотаж*» [14].

Таким образом, молодёжный язык, или сленг, – это ни что иное как отдельный стиль, который использует молодёжь, чтобы отделится от других социальных групп. Данный стиль не является чем-то новым, но при его исследовании возникает множество проблем, так как он постоянно изменяется. Крайне трудно отследить лексические единицы, которые относятся к этому стилю, так как они имеют свойство со временем либо переходить в общеупотребительную лексику, либо вовсе выходить из употребления. Как видно в приведённых выше примерах, молодёжный сленг очень часто встречается в текстах популярных песен. И несмотря на то, что сленг является культурно-национальным явлением, его всё же можно передать на другой язык, сохранив при этом его экспрессивность.

Литература

1. We are social [Электронный ресурс]. URL: https://wearesocial.com/ (дата обращения: 07.04.2020).
2. Jugendsprache // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache: Ein Internationales Handbuch / E. Neuland, H.-J. Krumm, Ch. Fandrych, B. Hufeisen, C. Riemer (Hrsg.). Mouton de Gruyter, 2010. C. 431–438.
3. Phraseme in der Jugendsprache // Phraseologie / C. Ehrhardt, H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick (Hrsg.). Mouton de Gruyter, 2007. C. 253–263.
4. Neuer Duden für Jugendsprache // Badische Zeitung [Электронный ресурс]. URL: https://www.badische-zeitung.de/neuer-duden-fuer-jugendsprache--20774131.html (дата обращения: 07.04.2020).
5. Kispál, T. Lexikographie der Jugendsprache in neueren deutschen Lernerwörterbüchern – Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta, 2013. C. 87–100.
6. Schlobinski, P. Jugendsprache und Jugendkultur [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/apuz/27135/jugendsprache-und-jugendkultur?p=all (дата обращения: 07.04.2020).
7. Musically [Электронный ресурс]. URL: https://musically.com/ (дата обращения: 07.04.2020).
8. vc.ru [Электронный ресурс]. URL: https://vc.ru/ (дата обращения: 07.04.2020).
9. Компания Яндекс [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/company/ (дата обращения: 07.04.2020).

10. Taz [Электронный ресурс]. URL: https://taz.de/ (дата обращения: 08.04.2020).
11. I love music [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilovemusic.de/ (дата обращения: 08.04.2020).
12. Genius [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/ (дата обращения: 08.04.2020).
13. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/ (дата обращения: 07.04.2020).
14. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: https://www.multitran.ru (дата обращения: 08.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Ушановой И.А.

УДК 070+687
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.17

ЗАГОЛОВКИ МОДНЫХ ЖУРНАЛОВ

Михайлова Е.Н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: katerinamish54@gmail.com

NAMES OF FASHION MAGAZINES

Mikhajlova E.N.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: katerinamish54@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в заголовках журналов мод, которые произошли за последние десять лет. Цель работы – в установлении основных тенденций в названиях медиатекстов модных журналов. На примере «VOGUE» и «ELLE» были продемонстрированы главные различия в названиях материалов. В заключении статьи сформулирован вывод о том, что заголовки модных журналов претерпели изменения по нескольким основным параметрам: прецедентности, смысловой нагрузке, средствам выразительности, приёмам и конструкциям для создания эффекта интимной коммуникации.
Ключевые слова: *заголовок, рубрика, тенденция, трансформация.*

Abstract. The author considers the changes in the headings of fashion magazines that have occurred over the past ten years. The purpose of the work is to establish the main trends in the names of media texts of fashion magazines. On the example of “VOGUE and “ELLE” the main differences in the names of materials are demonstrated. The article concludes that the headings of fashion magazines have undergone changes in several basic parameters: precedence, semantic load, means of expression, techniques and designs to create the effect of intimate communication.
Keywords: *title, category, trend, transformation.*

Современная медиалингвистика с её глубоким интересом к медиатексту рассматривает различные аспекты этого феномена, при этом в рамках медиатекста различаются собственно текст и паратекст – его окружения специфическими служебными элементами. Элементы паратекста – заголовок, подзаголовок, лид, подпись автора, врезки – выполняют разные роли в функционировании медиатекста. Важнейший элемент паратекста – заголовок – нагружен функционально в наибольшей степени, при этом в разных типах медиатекстов эти роли выглядят по-разному. В настоящей анализируются медиатексты модных журналов, которые приобретают всё большую популярность в медиасфере. Объектом внимание избраны заголовки материалов модных журналов.

Заголовок является неотъемлемой частью медиатекста. В современных медиа он является одним из главных средств привлечения аудитории. Можно сказать, что заголовок является связующим звеном между медиа и читателем. Э.А. Лазарева создала классификацию, раскрывающую восприятие текста читателем, которая открывается рубрикой «дотекстовая»: это привлечение внимания читателя, которое зависит от правильности подобранного заголовка и успешности нескольких других параметров (рекламы, графического выделения и пр.) [1]. Заголовку присущи несколько функций: информативная, оценочно-экспрессивная, интегративная и др. Информативная служит для информирования о содержании текста, оценочно-экспрессивная – для эмоционального воздействия на читателя, а интегративная отвечает за достижение целостности восприятия текста.

В 2013 г. сайт «Wired.com» опубликовал данные о том, что трафик в интернет-изданиях может увеличиться на 500% из-за правильно подобранного заголовка для материала [2]. На другом англоязычном сайте «Copyblogger» была опубликована статья, в которой приведена такая статистика: 8 из 10 людей читают только название журналистского материала, и только 2 из 10 – его целиком [3].

Несмотря на то, что в этих статьях не даётся пояснений насчёт тематической направленности анализируемых материалов, применение их к fashion-журналистике в современных реалиях повышенного медиапотребления можно считать возможным. Важно учитывать, что он может выполнять множество функций, главными из которых являются информативная, побудительная, оценочная, аттрактивная и др. [4]. При этом на первом месте оказываются специфика языка журналиста (автора текста) и его отношение к написанному материалу и политика редакции [5].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить изменения и установить основные тенденции в заголовках fashion-журналов на примере «VOGUE» и «ELLE».

Как показал анализ журнала «VOGUE», общей чертой выпусков № 3, № 6 2010 г. является англоязычное название рубрик. Уже к № 11 того же года они формулируются на русском языке, что сохраняется и в дальнейших выпусках журнала. Так, рубрика «Jewellery» стала называться «Драгоценности», рубрика «Beauty» переросла в рубрику «Красота», а вместо рубрики «Living» появились «Радости жизни».

Стоит отметить, что заголовки статей журнала всегда состоят из двух частей: первая – завуалированная – предполагает краткое вступление в тему; вторая поясняет и расширяет первую. Первая часть заголовка обычно выделяется курсивом и полужирным шрифтом, а вторая располагается под ней. К примеру, заголовок о новых модных тенденциях в журнале 2010 г. выглядит так: «Блокнот. Новости из мира моды».

В выпусках 2010 г. первая часть заголовка в статьях состояла из одного или двух слов («Арт», «Кино», «Проект» и т.д.). В последних

выпусках 2020 г. появилась тенденция к расширению пояснений. В первой части заголовка чаще стали использоваться словосочетания, которые дают более глубокое представление о материале: «Бежим и волосы назад» в № 3/2020 и «Тренд» в № 3/2010 оба рассказывают о современных тенденциях в макияже и причёсках, но во втором случае тема оказывается более завуалированной; «Женский рот, множественное число» в № 3/2020 г. и «Контурные карты» в № 6/2010 г. повествуют о модных оттенках помад для губ, но в заголовке первого номера тема оказывается более понятной читателю.

В заголовках 2020 года прослеживается игра слов («Вертикаль страсти», «Юнона и авось-ки», «Доктор из будущего», «Подарочный напор», «Женский рот, множественное число» и др.). Наиболее часто используется замена компонента прецедентной единицы с целью оживления и добавления новых смысловых оттенков: «Биль о правах» (актриса Джессика Биль) <Билль о правах США; «Закон Ньюсонов» (дизайнер Марк Ньюсон) <закон Ньютона. К тенденциям 2020 года в журнале «VOGUE» можно отнести то, что первая часть заглавия часто является отсылкой к песне или фильму («Крепкий орешек», «Я волна, новая волна», «Тихое место», «Движение вверх», «Из Парижа, с любовью» и др.).

Большинство заголовков 2020 года состоят из двух предложений, что можно увидеть в журнале «VOGUE», где пояснение наиболее часто встречается в двух рубриках – «Культура» и «Мода». Это демонстрируют заголовки в № 4/2020: «Сказка о царевне. Художница из Санкт-Петербурга Юлдуз Бахтиозина прославилась в инстаграме и за границей раньше, чем на родине. Зато теперь она готовит для нас сразу фильм и выставку» (рубрика «Культура») и «Тургеневская девушка. Русская классика вдохновляет дизайнеров по сей день. Получившиеся в итоге платья и юбки – непременно белые, как стихи, – примеряет супермодель Наташа Поли» (рубрика «Мода»).

Можно заключить, что заголовок частично начал выполнять функцию лида: он даёт краткую информацию о материале, а также заостряет внимание читателя на конкретных аспектах статьи. Так, например, материал о трендах макияжа в 2010 году назывался так: «Макияж. Репортаж из-за кулис модных показов», тогда как в 2020 г. медиатекст на близкую тему вышел под более эмоциональным и длинным заголовком: «Свободные взгляды. Как сочетать яркие тени со строгими пиджаками и отложными воротничками».

В заголовках стали упоминаться имена медийных личностей (фотографов, деятелей искусства, моделей) и модных домов, причастных к созданию и оформлению публикации. Например, в № 2/2020 в рубрике «Сюжеты номера» подпись фотографа стоит к трём текстам из восьми, а использование сразу нескольких влиятельных имён модной индустрии можно заметить в заголовке «Из Парижа, с любовью. Влюбленные модели

Нина Маркер и Антон Тимке иллюстрируют выражение “ходить парой”. Фото: Ben Parks». Эта тенденция может объясняться повышенным интересом читателей к личной и «закулисной» жизни медийных лиц. Предугадала развитие культа знаменитостей Анна Винтур, главный редактор американского журнала «VOGUE» [6], где впервые в истории издания на обложке оказалась не модель, а звезда. После этого всё большее количество медийных личностей стало появляться на обложках и в статьях модных журналов.

Как показал анализ заголовков журнала «ELLE» за 2010 год (№ 4–6), названиям медиатекстов была свойственна лаконичность и завуалированность: иногда заголовок состоял из одного или двух слов, не раскрывающих смысл публикации («Блокнот» – новости из мира моды; «Мастер-класс» – косметика для зубов; «Личное» – статья об аэрофобии и др.). Отличительной особенностью можно считать и регулярное использование фразеологизмов («Как рыба в воде»; «Ветер в голове» и др.); часто в заголовках присутствовала суггестивность, которая отвечает за воздействие на эмоции и подсознание читателя («Громкие события месяца»; «Курортный роман» и др.).

В 2020 году заметны изменения: на смену лаконичности пришло развёрнутое описание с пояснением, заголовок так же, как и в журнале «VOGUE», стал состоять из двух частей: первая служит триггером, а вторая поясняет и дополняет её. Стали встречаться названия медиатекстов на иностранном языке: теперь используется не только английский, но и французский язык, однако в анализируемых номерах журнала к подобным заголовкам даётся перевод-пояснение: «La vie en rose (berry)/Жизнь в цвете розовых ягод»; «Et dieu… Crea Brigitte/ И бог… создал Бриджит» и др. Часто встречаются имена инфлюенсеров или медийных личностей, упоминаются названия модных домов и популярных брендов («Хлое Аруш» – о создательнице бренда «Loulou de Saison»; «Светлана Ходченкова» – об актрисе российского кино и др.).

В заголовках прослеживается варьирование по оси информативности и экспрессивности. Это связано с жанром и стилем статьи, инфоповодом и функцией медиатекста. Прослеживается повышенная драматизация и театральность: «Путь к одиночеству» – статья об одноименной монопьесе Александра Молочникова; «Меркурий, умоляю, не начинай!» – материал об астрологии; «Здравствуйте! Уделите мне пять минут?» – о топ-модели Линдси Уиксон.

Итак, анализ модных журналов “VOGUE” и “ELLE” показал, что они обладают схожими стратегиями в формировании заголовков. Несмотря на то, что каждый модный журнал обладает своей собственной уникальной целевой аудиторией, нельзя забывать об условиях конкуренции, что и оказывается причиной, по которой многие модные журналы имеют похожие пути развития и движутся в одинаковом направлении. В связи с этим можно говорить о следующих изменениях в заголовках модных

журналов на примере “VOGUE” и “ELLE” за последние 10 лет: лаконичность и стандартизированность уступили место развёрнутому описанию; прецедентность в заголовках возросла; упоминание медийных личностей и брендов стало устойчивой тенденцией; заголовки стали состоять из двух частей: задача первой – привлечь внимание, второй – удержать его; использование иностранных языков говорит о большей расположенности читателей к культуре других стран, это может быть и признаком переориентации журналов на прозападную аудиторию; наиболее часто в заголовках стали использовать эмоционально-экспрессивные конструкции и приёмы диалогизации речи, призванные создать эффект интимной коммуникации между автором и читателем.

Итогом настоящего исследования можно считать выявление функционального потенциала заголовка в медиатекстах данного типа. Современные стандарты медиакоммуникации требуют актуализации фактора адресата, и важным средством в этом процессе оказывается именно заголовок. Конкуренция отечественных модных журналов с западными, которые задают стандарты медиакоммуникации, приводят к постоянному изменению типа заголовков, касающихся их лексической и грамматической сторон.

Литература

1. Корнилова, К.Е. Функции заголовков современных журналистских текстов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. С. 118–119. 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-zagolovkov-sovremennyh-zhurnalistskih-tekstov (дата обращения: 04.04.2020).
2. Тэйт, P. Tabloid Chic: How Racy Headlines Unlock Money and Power // WIRED: интернет-издание, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wired.com/2013/02/tabloid-chic-the-rise-of-racy-headlines/?ashmanov&ashmanov&ashmanov (дата обращения: 04.04.2020).
3. How to Write Magnetic Headlines // Copyblogger». [Электронный ресурс]. URL: https://copyblogger.com/magnetic-headlines/?ashmanov (дата обращения: 04.04.2020).
4. Адзинова, А.А. Явление прецедентности в заглавиях креолизованных текстов: дис. ... канд. филол. наук / КубГУ. Краснодар, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com/yavlenie-pretsedentnosti-v-zaglaviyah-kreolizovannyh-tekstov (дата обращения: 04.04.2020).
5. Беликова, А.В. Журнальная реклама: лингвокультурный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / КубГУ. Краснодар. 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/zhurnalnaya-reklama-lingvokulturnyi-i-gendernyi-aspekty-na-materiale-russkogo-i-angliiskogo-
6. Адамс, Д. Если мода – это религия, то Vogue – это библия. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://club.trendsbrands.ru/fashion-and-

beauty/post/esli-moda-eto-religiya-to-vogue-eto-bibliya/ (дата обращения: 04.04.2020).
7. ELLE: интернет-сайт журнала. URL: https://www.elle.ru/ (дата обращения: 04.04.2020).
8. Online zhurnaly: интернет-сайт. URL: https://online-zhurnaly.com/ (дата обращения: 04.04.2020).
9. Pressa.ru: интернет-издание. URL: http://pressa.ru/ru/#/(дата обращения: 04.04.2020).
10. VOGUE: интернет-сайт журнала. URL: https://www.vogue.ru/
11. Мой клад: интернет-сайт. URL: https://myklad.net/ (дата обращения: 04.04.2020).

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Шмелевой Т.В.

УДК 81.25:82.344
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.18

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

Мурашова Е.Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: muraschova.elena1998@yandex.ru

COMPLICATIONS OF TRANSLATION OF PROPER NAMES IN THE FANTASY GENRE

Murashova E.D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: muraschova.elena1998@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена основным сложностям, которые возникают при переводе имён собственных в литературе жанра фэнтези. Рассмотрены основные признаки, присущие данному жанру, а также понятие поэтонима, его функции в тексте и классификации. Основное внимание в статье уделено функциям «говорящих» имён и особенностям их перевода.
Ключевые слова: *имя собственное, фэнтези, перевод, функции имён собственных.*

Abstract. The article is devoted to the main difficulties that arise when translating proper names in the literature of the fantasy genre. The main features inherent in this genre, as well as the concept of a poetonym, its functions in the text and classification are considered. The main attention in the article is paid to the functions of “talking” names and the features of their translation.
Keywords: *proper name, fantasy, functions of proper names, translation.*

Фэнтези – это молодой малоизученный жанр, появившийся в начале XX в. В нём сочетаются черты различных литературных жанров, преобразованных в соответствии с тенденциями и эпохой современного мира. Жанр фэнтези является модификацией фантастики, поэтому обладает всеми особенностями жанра. Е.А. Анатольева определяет жанр фэнтези как «новый жанр, который органично впитал в себя достижения фольклорной и литературной сказки и помножил их не только на современность, но и на неисчерпаемые возможности будущего» [1]. Это фантастика, которая основана на сказочных приёмах, сюжетах и образах.

В связи с этим актуально рассмотреть признаки, которые выделяют литературу жанра фэнтези из всех видов нереалистической литературы, перечислим некоторые из них:

1. Абсолютно уникальный Вторичный мир со своими законами и традициями [2]. Автор подробно описывает вымышленный мир, создаёт культурно-исторически-географический фон для всего произведения.

2. Выдуманная география. Автор описывает географическую карту, которая совершенно отличается от реального мира. Часто карта представлена в произведениях фэнтези и описательно, и схематично [3].

3. Обязательное наличие магии, обусловленное спецификой сюжета произведения: в основе любого произведения фэнтези лежит допущение иррационального характера [4].

4. Этическая структурированность фэнтези, т.е. обязательная борьба добра со злом [5].

5. Наличие эстетических символов фэнтези: меча, логова мага, заклинания, путешествия героя и др. [6].

6. Использование писателями дополнительных средств и способов создания художественной системы произведения, которые в свою очередь подразделяются на:

• языковые (т.е. создание оригинальных искусственных языков, создание уникальных характеристических имён и названий);

• зрительные (т.е. выдуманные алфавиты, приведение нарисованной карты авторского мира, специальных глоссариев, указателей различных имён собственных и специфических культурных реалий, которые встречаются в произведении).

7. Подчеркнутая реалистичность психологии персонажей [7].

8. Создание циклов произведений, зачастую связанных общей идеей и сквозными персонажами. Например, Дж. Толкин «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмариллион», Нил Гейман «Американские боги» и «Благие знамения», Рик Риордан и его циклы «Перси Джексон и Олимпийцы», «Наследники богов», «Герои Олимпа» и другие, а также цикл произведений Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер».

9. Опора на национальное. «Фэнтези донельзя националистично», – отмечает С.В. Шамякина в своей работе «Литература фэнтези: дифференциация понятия и жанровая характеристика» [8]. Зачастую автор в своём вымышленном мире использует либо переосмысленные элементы мифологии, национального менталитета и культуры своего народа, а также его национальные духовные ценности, либо заимствует это у других народов.

10. При создании произведения в жанре фэнтези, главным принципом, которым руководствуется автор, является фантазия. Она является ключевым приёмом, а также оказывает большое влияние на выбор художественных средств и образов в произведении. В других направлениях художественной литературы она играет менее значительную роль.

При переводе фэнтези переводчик сталкивается со многими трудностями, в частности, с выбором стратегии перевода имён

собственных. При передаче имён собственных перед переводчиком возникает задача передать содержание произведения и, соответственно, подобрать эквиваленты для вводимых авторами имён собственных, с чем он может и не сталкиваться при переводе произведений других жанров, так как другая культура мира фэнтези с собственными традициями и историей вносит свои изменения в работу переводчика [9].

Особую проблему при переводе составляют говорящие (смысловые) имена собственные. Как отмечают исследователи, большую часть имён собственных в произведениях составляют «семантические ненаполненные» имена, которые можно передать с помощью транскрипции или транслитерации (Robert – Роберт, Jane – Джейн). Жанр фэнтези отличается наличием говорящих имён собственных, которые, как нами упоминалось ранее, отражают особенности внешности или черту характера персонажа. При передаче говорящего имени возникает необходимость делать осмысленный перевод с учётом стилистических, культурно-исторических и языковых особенностей имён, который мог бы передать идеи и замысел автора [10].

Полная совокупность имён собственных в литературном произведении с учётом принципов создания этих имён, стиля, их функционирования в тексте является поэтической ономастикой. Поэтонимы (от греч. ποιητικη – «поэтическое искусство» и δνομα – «имя») – любое собственное имя, употребленное в литературном произведении. Они могут выполнять в тексте следующие функции:

1. Идентифицируют персонажа и/или место.
2. Создают и поддерживают иллюзии подлинности персонажа.
3. Характеризуют персонажа и/или место.
4. Группируют и выделяют персонажей.
5. Участвуют в создании перспективы повествования (типы речи, точка зрения).
6. Выполняют мифологическую и эстетическую функции.

Поэтонимы можно классифицировать разными путями, однако многие лингвисты придерживаются следущего:

1. Имена собственные для исторических персонажей, событий и мест в художественном тексте (Aziraphale – Азирафаэль, Gabriel – Гавриил).
2. Имена для художественных образов, придуманных автором («Draco Malfoy» – «Драко Малфой»).
3. Имена общего употребления для вымышленных автором художественных образов (например, названия факультетов в школе волшебства «Hogwarts» в цикле книг «Гарри Поттер» – «Slytherin», «Rowenclaw».
4. Полуреальные имена (поэтонизмы вымышленных образов) (фамилия в книгах цикла «Гарри Поттер» «Longbottom» создана по аналогии с реальными фамилиями, которые оканчиваются на «om»).

5. Созданные для усиления экспрессии имени при характеристике художественного образа авторские поэтонимы (например, персонаж «Благих знамений» «Thou-Shalt-Not-Commit-Adultery Pulsifer», являющийся ведьмоловом и церковником, чье имя можно перевести как «Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер» или «Не-Прелюбодей Пульцифер»).

6. Вымышленные для нереальных художественных образов поэтонимы (например, имя и прозвище персонажа цикла книг «Гарри Поттер» «Voldemort» и «He-Who-Must-Not-Be-Named», так как имя можно дословно перевести с французского как «полёт смерти» или же «вор смерти», что может характеризовать персонажа определённым образом, а его прозвище может показать отношение окружающих к нему. На русский язык их можно перевести как «Волдеморт» и «Тот-кого-нельзя-называть» соответственно).

При рассмотрении вопросов поэтической ономастики необходимо затронуть проблему «говорящих» имён (это литературный троп для создания уникальной характеристики героя), являющихся семантически прозрачными и выполняющими в первую очередь характеризующую функцию в тексте. Писатели используют их для создания запоминающегося образа, для выделения героя среди остальных персонажей и для подчеркивания основополагающих качеств героя, его принципов и системы ценностей.

С учётом стилистической роли литературных героев в художественном произведении Л.М. Щетинин составил классификацию их имён:

1) нейтральные имена, чья фонетическая форма и значение основы не отражают особенности поведения и характера героя, нет ассоциаций с именем героя (Simon – Саймон, Helen – Хелен);

2) описательные имена (или характеризующие), чьи основы прямо или косвенно характеризуют носителей (в пример можно привести персонажа цикла книг Дж. К. Роулинг «Luna Lovegood». В одной из версий перевода книг «Гарри Поттера» на русский язык можно встретить вариант перевода «Полумна», что созвучно слову «полоумная», так как переводчики пытались сохранить имя «Luna» («Луна»), созвучное английскому «loony» (полоумный, сумасшедший, чокнутый));

3) пародийные имена, обычно негативного характера, имеют ярко-выраженную эмоционально-экспрессивную окраску (например, персонаж «Благих знамений» «Sister Mary Loquacious», имя которой можно перевести как «Сестра Мэри Таратора»);

4) ассоциативные имена, чья звуковая и зрительная форма вызывают у читателя различные ассоциации, которые углубляют и уточняют характеристику персонажей (имя ещё одного персонажа книг о Гарри Поттере «Remus Lupin», который оказывается оборотнем, содержит в себе несколько намёков на это. Например, имя «Ремус» является англизированной формой имени одного из основателей Рима, Ромула, а его

фамилия «Люпин» также имеет латинское происхождение – слово «lupus» переводится как «волк») [11].

Получение потенциальным говорящим именем в художественном тексте совей актуализации обусловлено наличием внутренней формы (качествами нарицательного) и аллюзивностью (способностью вызывать у читателя ассоциации с определёнными объектами) [12].

Переводчик должен передать средствами языка перевода каждую из этих категорий и при этом не потерять смысл, заложенный автором при даче имени определённому персонажу.

Этимологический анализ имён собственных может помочь восстановить мотивированность имени «говорящих имён». При помощи такого анализа можно установить происхождение, структуру, значение, прежние словообразовательные связи и фонетические изменения слова. При таком анализе производится анализ его первоначальной структуры и значения.

По словам В.Н. Комиссарова, транскрипцию с сохранением некоторых элементов транслитерации или же практическую транскрипцию принято считать ведущим способом при переводе имён собственных [13].

Помимо транслитерации и транскрипции, к основным способам передачи поэтонимов исследователи относят калькирование, под которым понимают приём перевода, заключающийся в точном воспроизведении средствами переводящего языка словесной или морфемной структуры слова или выражения.

Согласно Т.А. Казаковой, в её работе «Практические основы перевода» поэтонимы, которые отражают являющиеся задачей говорящего имени индивидуальные свойства и признаки именуемого объекта, часто подвергаются смешанному переводу, то есть сочетанию транскрипции и перевода (например, имя персонажа книги Нила Геймана и Терри Пратчета из «Благих знамений» Agnes Nutter перевели именно таким способом и в русском переводе можно встретить Агнес Псих) [14].

Однако, поскольку он ограничивает его в использовании при переводе говорящих имён, в случае подобного способа передачи значения сложно отразить внутреннюю форму поэтонима.

И.С. Алексеева считает, что переводчик должен переводить имена собственные, которые несут исключительно свойственную носителю семантику. Также она полагает, что не менее важно для перевода сохранить передающуюся через особенности словообразования национальную символику имени [15].

Однако передача на другой язык имён собственных может оказаться непростой задачей. Для того, чтобы не испортить оригинал и не ошибиться при переводе, необходимо учитывать такие важные для читателя художественного текста факторы, как принцип благозвучности, историческая традиция и сохранить тождество имени (т.е. корректную

идентификацию вариантов одного и того же имени). Также необходимо адаптировать имя к грамматической системе принимающего языка с учётом национально-языковой принадлежности. Сохранение способности имени к словообразованию также является важным фактором, что означает, что имя собственное должно быть способным образовывать производные слова. При переводе также стоит учитывать характеризующие компоненты значения имени и конкретную прагматическую задачу [16].

Исходя из этого, ошибочно считать, что перевод поэтонимов – простая задача. В своей исходной языковой среде имена собственные обладают уникальными особенностями этимологии и формы, сложной смысловой структурой, многочисленными связями с другими категориями и единицами языка. Но есть вероятность, что при переводе многих из этих свойств теряются или будет передана лишь малая часть. Поэтому, если в процессе перевода проигнорировать данные особенности, перевод имени собственного на другой язык может затруднить для читателей идентификацию носителя имени.

Литература

1. Анатольева, Е.А. Тайны литературной сказки. М: Литературное агентство «Прест», 1998. С. 198.
2. Лопухов, Д.Б. Что такое фэнтези? [Электронный ресурс]. URL: http://dreamworlds.m/intersnosti/4237-dmitrijj-lopukhov.-chtotakoe-fjentezi.html (дата обращения: 06.04.2020).
3. Шамякина, С.В. Литература фэнтези: дифференциация понятия и жанровая характеристика. Минск, 2013. С. 4.
4. Гопман, В.Л. Фэнтези // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Н.П.К. Интелфак, 2003. С. 1161.
5. Галина, М.С. Авторская интерпретация универсального мифа // Общество, наука и современность. М.: ОНС, 1998. С. 161–170.
6. Березин, В.С. Фэнтези [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.rU/october/2001/6/ber.html (дата обращения: 07.04.2020).
7. Мещерякова, М.И. Предисловие // Русская фантастика XX века в именах и лицах: справочник, М.: Мегатрон, 1998. С. 11.
8. Шамякина, С.В. Литература фэнтези: дифференциация понятия и жанровая характеристика. Минск, 2013. С. 7.
9. Киселёва, И.А. Особенности перевода литературы жанра фэнтези // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 1, 4.2. С. 55–58.
10. Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-imen-

sobstvennyh-na-primereromana-dzheroma-selindzhera-nad-propastyu-vo-rzhi (дата обращения: 07.04.2020).
11. Щетинин, Л.М. Имена и названия. Ростов/нД: Изд-во Рост. ун-та, 1968. С. 129.
12. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. С. 234.
13. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода. М.: Черо, 1999. С. 56.
14. Казакова, Т.А. Практические основы перевода. СПб.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗ», 2001. С. 68.
15. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 189.
16. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур (Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода). М.: Р.Валент, 2001. С. 25–32.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Жуковой Е.Ф.

УДК 821.11+808.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.19

РАЗВЁРНУТОЕ СРАВНЕНИЕ КАК АВТОРСКОЕ СРЕДСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. ХОРНБИ)

Наволоцкая О.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: ovnavolotskaya@mail.ru

DETAILED COMPARISON AS A WRITER'S RHETORICAL DEVICE (STUDY OF NICK HORNBY'S WORKS)

Navolotskaya O.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: ovnavolotskaya@mail.ru

Аннотация. В работе представлены особенности развёрнутого сравнения как одного из средств изобразительности, определяющих художественный стиль британского писателя Н. Хорнби, а также предлагается классификация авторских сравнительных конструкций по типу средства соотнесения предметов или явлений. Работа содержит оригинальные примеры, их анализ и обзор специфики их адекватного перевода на русский язык.
Ключевые слова: *сравнение, реалия, прагматика, переводческая трансформация*.

Abstract. The article reviews the features of a detailed comparison as one of the rhetorical devices which determine the British writer N. Hornby's poetic style. The detailed comparative constructions classification by objects or phenomena correlation means type, original examples, their analysis and their adequate translation into Russian specifics description are also provided.
Keywords: *comparison, culture-specific element, pragmatics, translation transformation*.

Сравнение является одним из наиболее распространённых инструментов создания образной структуры художественного текста и заключается в явном сопоставлении какого-либо элемента художественного полотна произведения с некоторым предметом или явлением действительности. Уместное использование рассматриваемого нами средства изобразительности позволяет автору дать ясное представление об объекте сравнения, задействовать внимание читателя, вызвать его интерес, а также закрепить и усилить впечатление от прочитанного, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Отличительной чертой произведений современного классика британской литературы Ника Хорнби является их тематика – нынешнее

время, определяющая его и определяемая им культура, ценности, герои и их проблемы, а чертой, выделяющей авторский стиль среди других, – сочетание непринуждённости, лёгкости и вместе с тем особой глубины повествования. Подобная комбинация характеристик достигается посредством разнообразных речевых приёмов и средств, в числе которых важное место занимает сложное или развёрнутое сравнение. В романах Н. Хорнби средствами сравнения такого порядка могут служить **реалия**, **ситуация**, **вещь** или **явление**. Кроме того, индивидуально-авторским приёмом можно назвать использование художественно-изобразительной лексики в качестве **предвосхищающих сравнение элементов** вместо или в дополнение к традиционным вводным единицам типа *like*, *as*. Также внутри сравнения обычно присутствуют и другие речевые средства, однако они, как правило, обеспечивают развёрнутость и способствуют достижению той интенции, ради которой автором было введено сравнение. Кроме того, писатель часто использует распространённый драматический приём «разрушения четвёртой стены» или прямого обращения героя к читателю (как, например, в романах «Hi-Fi», «Футбольная лихорадка»). При этом большинство подобных обращений персонажа содержат поясняющие развёрнутые сравнения.

Обратимся к примерам сложных сравнений, средствами которых являются **реалии**. Так, в произведении «Hi-Fi» главный герой Роб Брукс, тридцатипятилетний владелец магазина виниловых пластинок, размышляя об отсутствии какого-либо развития в своей жизни, сравнивает себя с жителем Помпеи, изображённом на одной из сохранившихся до наших дней фресок.

*You see those **pictures** of people in Pompeii and you think, how weird: **one quick game** of dice after your tea and you're frozen, and that's how people remember you for the next few thousand years. <…> I'm stuck in this pose, this shop-managing pose, forever <…>* [1].	*Вот смотрите вы на те **фрески**, где изображены жители Помпеи, и думаете, как это забавно: выпил чаю, потом сел сыграть **одну партийку** в кости, и всё – именно таким люди и запомнят тебя на ближайшие несколько тысяч лет. <…> Я застрял в этой роли – роли управляющего магазином – навечно <…>.*

Данное сравнение позволяет читателю наиболее точно понять, какой Роб видит свою жизнь и что он чувствует. Использование подобной реалии говорит о страхе героя перед тем, что нынешнее состояние действительно может никогда не измениться. Внутри сравнения также заключена ирония, подчёркнутая в текстах. При переводе мы конкретизировали языковые единицы *pictures* и *one quick game*.

В следующем примере для того, чтобы выразительно описать состояние героя романа «Смешная девчонка» Клайва, возлюбленную

которого её родители сватают другому мужчине, автор обращается к исторической реалии.

Clive was desperately looking for a way into the conversation. He felt as though he was at ***the Yalta Conference****, and the Europe* ***was being carved up*** *into pieces while he watched helplessly* [2].	*Клайв отчаянно хотел вставить хоть слово в разговор. Ему казалось, будто он на* ***Ялтинской конференции союзных держав****, где Европу* ***раскалывают*** *на части, а он беспомощно за этим наблюдает.*

В рассматриваемом случае мы воспользовались устоявшимся в рамках отечественной картины мира вариантом выделенного в тексте наименования исторического события. Из имеющихся в словарях русских соответствий лексемы *to carve something up* мы отдаём предпочтение глаголу *раскалывать*, поскольку этот вариант позволяет закрепить элемент драматичности, не выходя за рамки оригинального семантического наполнения высказывания.

Перейдём к тем примерам, когда автор или сам персонаж обращается к отстранённой **ситуации** для описания какого-либо события в повествовании.

Так, в автобиографическом произведении Н. Хорнби «Футбольная лихорадка» главный герой, преданный болельщик команды «Арсенал», однажды завязав со своим болезненным увлечением футболом, всё равно возвращается к нему и сравнивает момент «возвращения» с поведением алкоголика.

Like alcoholics who feel ***strong enough to*** *pour themselves just one small one, I had made a fatal mistake* [3].	*Так же, как алкоголики, которые верят,* ***будто их силы воли хватит на то****, чтобы налить себе всего по одной только стопочке, я совершил фатальную ошибку.*

В данном примере рассказчик посредством сравнения называет свою «футбольную лихорадку» серьёзной зависимостью, болезнью, которой он, несмотря на отрицательные последствия, на данной момент повествования не может противостоять. Во избежание нагромождения причастных предложений с одинаковым субъектом действия (*алкоголики*), при переводе мы воспользовались морфологической трансформацией и модуляцией выделенного в тексте оригинала выражения. Кроме того, также с помощью смыслового развития *one small one* мы получили семантически равное сочетание существительного с предлогом *по стопочке*. Повторение лексемы *one* в оригинале, на наш взгляд, несёт функцию усиления прагматического эффекта сравнения, который был в нашем случае достигнут использованием двух семантически равных единиц – *всего* и *только*.

Главный герой романа «Hi-Fi» – одержимый меломан, который нередко выражает свои чувства с помощью музыки. Так, в представленном ниже фрагменте Роб определяет процесс составления музыкальной подборки как написание письма.

To me, making a tape is like writing a letter, there's a lot of ***erasing and rethinking and starting again****, and I wanted it to be a good one* <…> [1].	*Для меня записывать кассету – всё равно что писать письмо. Я часто* ***стираю записанное, заново продумываю композицию и начинаю снова****. В этот раз я хотел, чтобы подборка получилась особенно хорошей* <…>.

При переводе мы использовали смысловое развитие выделенных в тексте оригинала лексем, которые описывают стратегию составления музыкального сборника, поскольку релевантным соответствиям этих лексем в русском языке необходимы уточняющие слова *записанное, композиция*. Получившиеся варианты перевода сохраняют смысл и семантическую окраску оригинального текста, выполняя основную задачу внутри данного развёрнутого сравнения – одновременно описывают оба сравниваемых процесса. Для передачи подчёркнутой части сложного предложения мы воспользовались грамматической трансформацией, а также добавили уточнение *особенно*, оправданное, на наш взгляд, контекстом – герой таким образом признаётся адресату в своих чувствах. В данном случае для интерпретации развёрнутого сравнения необходимо учитывать более широкое контекстуальное окружение.

Следующий пример описания переживания героя «Смешной девчонки» продюсера Денниса Мейн-Уилсона перед «телепоединком» с известным ненавистником комедии и юмора, к которому, кроме того, ушла жена героя, содержит сразу два средства сравнения, включая **ситуацию**, то есть подготовку к боксёрскому матчу, и **реалию** – имя легендарного боксёра.

Dennis didn't know whether it was possible to train for a debate with an intellectual on television in the way that boxers would train for a fight with Cassius Clay, ***but he tried****. <…> imagining every punch Vernon Whitfield might throw at him, while trying to prepare a convincing attack of his own* [2].	*Деннис не знал, можно ли подготовиться к теледебатам с интеллектуалом так же, как боксеры тренируются перед поединком с Кассиусом Клеем,* ***но старался как мог****. <…> пытаясь предвосхитить каждый удар, какой только способен нанести ему Вернон Уитфилд, пока продумывал план собственной сокрушительной атаки.*

Сравнение демонстрирует намерение и «боевую» готовность Денниса к предстоящему событию. При переводе фрагмента, опираясь на контекстуальное окружение, мы осуществили модуляцию выделенного простого предложения с целью уточнения, а также конкретизировали лексическую единицу *imagining*.

Рассмотрим примеры индивидуально-авторских сравнений, где в качестве средства сравнения выступают какие-либо **предметы** или **явления** действительности. Главная героиня «Смешной девчонки» Барбара Паркер (псевдоним – Софи Стро) мечтает стать знаменитой британской комедийной актрисой. Следующим образом автор описывает персонажа в момент начала первого в её жизни съёмочного дня:

*<…> the moment the red recording light came on, Sophie **was at him**, like a vicious dog that had been kept in a dark shed and then released into the light* [2].	*<…> в тот момент, когда загорелся красный сигнал «запись», Софи **одним махом ринулась на него**, точно злая собака, которую держали в тёмном сарае перед тем, как выпустить на свет.*

Посредством анималистического сравнения рассказчик фиксирует этот момент повествования как переломный для героини. На сцене она обретает свободу от жизни, которая была для неё чужой, и не собирается её упускать, что, в частности, демонстрирует выделенная в оригинале идиома, для передачи которой мы воспользовались семантически соответствующим сочетанием двух фразеологических единиц переводящего языка, таким образом сохранив изобразительность рассматриваемого фрагмента художественного текста. Отметим, что данное сравнение также обращает внимание читателя к таким чертам характера молодой женщины, как храбрость и целеустремлённость.

Время от времени коллеги Денниса из «Смешной девчонки» иронично обвиняют его в том, что, поднимаясь по карьерной лестнице, он теряет свою прежнюю смелость. Следующий фрагмент текста является ответом персонажа:

*I have always **gone in to bat for you**. Always. Even when **the match** is lost, and **the bowling** **is fast and hostile**. Even when… Even when **the bat**'s got **ruddy great** holes in it. Like this one did* [2].	*Да я всегда **грудью за вас стою**! Каждый раз. Даже когда **битва проиграна**, и **с нами вот-вот покончат**. Даже когда… когда этот риск **совершенно бестолковый**. Как теперь.*

Эта реплика является ярким примером индивидуально-авторского приёма использования **«вводной» изобразительной единицы языка**, а именно идиоматического выражения *to go in to bat for somebody*, из

которого автор вычленяет лексему *bat* и использует одно из её основных словарных значений («бита») в качестве предпосылки дальнейшего сравнения, средством которого является присущая британской картине мира **реалия** – игра в крикет. Подтверждающие это лексические единицы подчёркнуты в тексте оригинала. Учитывая отсутствие прямого наименования данного вида спорта и особую художественную ценность упомянутого выше авторского приёма, мы отдаём предпочтение комплексной лексико-грамматической трансформации. С помощью семантически сходного с оригиналом фразеологизма русского языка, и выделенных лексем, образующих в совокупности релевантный ассоциативный ряд признаков, нам удалось обеспечить адекватный перевод высказывания. При этом упущенный семантический компонент может быть компенсирован в рамках перевода всего произведения.

Таким образом, развёрнутое сравнение как индивидуально-авторский приём в некоторой степени, действительно, определяет поэтический стиль Н. Хорнби в целом. Сравнения в его романах отличаются глубоким психологизмом и точностью соотношения признаков сопоставляемого предмета и средства, а также сложной художественной структурой, не теряя при этом традиционно присущей данной фигуре ясности. Также мы выделили и доказали на ярких, оригинальных примерах наличие ключевых категорий средств индивидуально-авторских сложных сравнений: вещь или явление, ситуация и реалия. Приём ввода средства изобразительности, которое предвосхищает сравнение, оказался наиболее интересным авторским вариантом формирования рассматриваемой фигуры речи и требует дальнейшего изучения. Перевод развёрнутых сравнений подразумевает тщательный анализ оригинала, вдумчивую работу над передачей содержания текста, его прагматического наполнения и самобытности автора, а также использование всего арсенала переводческих трансформаций.

Литература

1. Hornby, N. High Fidelity. London: Penguin Books, 2000. P. 10, 34.
2. Hornby, N. Funny Girl. New York: Riverhead Books, 2006. P. 220, 203, 108, 76.
3. Hornby, N. Fever Pitch. London: Penguin Books, 2000. P. 74.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Водолажченко Н.В.

УДК 070+654
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.20

ИСТОРИЯ ИГРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Никитина А.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: an.nikk@mail.ru

HISTORY OF GAME JOURNALISM

Nikitina A.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: an.nikk@mail.ru

Аннотация. Темой данного исследования является история игровой журналистики, начиная с первых лет распространения компьютерных игр в США и до современности. Целью работы стало рассмотрение в историческом контексте закономерностей развития гейм-журналистики, а также выявление причин её появления. В отличие от других работ, схожих по тематике, в данной статье рассмотрены общие тенденции развития гейм-журналистики как отечественной, так и зарубежной.
Ключевые слова: *журналистика, СМИ, игровая журналистика, видеоигровая журналистика.*

Abstract. The article describes the history of video game journalism, starting from the first years of the video games in the United States to these days. The main purpose of the article is to consider the patterns of development of video game journalism in the historical context, as well as to identify the reasons for the appearance of this type of journalism. As distinct from the other related works, this article discusses the general development trends of domestic and foreign video game journalism.
Keywords: *journalism, mass media, game journalism, video game journalism.*

На сегодняшний день игровая индустрия является одной из самых доходных. Индустрия компьютерных игр зародилась в середине 1970-х годов и за несколько десятилетий выросла из небольшого рынка в мейнстрим с годовой прибылью в 9,5 миллиардов долларов в США в 2007 году и 11,7 миллиардов в 2008 году [1]. За 2019 год игровая индустрия заработала $148,8 миллиардов, что на 7,2% больше по сравнению с 2018 годом [2]. Её стремительное развитие не могло не сопровождаться освещением в СМИ, а также созданием специализированных изданий и появлением отдельного вида журналистики – игровой. Я.С. Топоркова предлагает определение исследуемого феномена: это вид журналистики, связанный с сообщением о компьютерных играх, их описанием и обсуждением [3]. Однако следует

отметить важный аспект в деятельности гейм-журналистики, в отличие от многих других, в ней необычайно развито активное общение с аудиторией.

Компьютерные игры начали распространяться в США с 1962 года, когда компания DEC начала продажи небольших компьютеров PDP-1. В базовую комплектацию этих компьютеров входила игра «SpaceWar!». Через 6 лет инженер и разработчик Ральф Баер создал экспериментальную консоль под названием «Box Brown», на которой можно было играть во все придуманные её создателем игры (на то время 6 штук). В сентябре 1971 года в Стенфордском университете (Калифорния, США) установили первый экспериментальный аркадный автомат с игрой «Galaxy» (версия «Spacewar», переработанная для компьютера PDP-11). Таким образом, стал проявляться растущий интерес к видеоиграм через создание новых программ для игровых автоматов. Фирма «Atari» выпускает свою первую игру «Pong», и вскоре было продано 19 000 игровых автоматов. С 1973 года в Японии начинают основываться подобные фирмы, например «Hudson Soft» братьев Кудо. В том же году была создана первая сетевая игра – «Empire» на компьютерах «PLATO». К 1975 году первоначальный рынок консолей и аркадных автоматов в США сформировывался. Рынок заняли четыре крупных компании «Atari», «Sears», «Coleco», «Magnavox». В то же время начинает своё существование первый журнал, посвящённый аркадным автоматам и имеющий раздел о видеоиграх – «Play Meter».

Особое внимание стоит обратить на то, что многие издания имели рубрику, колонку или раздел, посвящённый техническим новшествам и развлечениям. Невозможно отследить их все, однако сам факт существования говорит о том, что игровая журналистика за рубежом стала развиваться одновременно с популяризацией игровых автоматов, видеоигр и т.п. После выхода в свет аркады «Space Invaders» (1978 год) стали появляться статьи, нацеленные на потребителя. Так, в журнале «Video» была постоянная колонка о домашних видеоиграх.

В нашей стране в этот период также появлялись отдельные статьи и заметки на эту тематику в технических журналах, например, 1977 год, журнал «Радио» опубликовал заметку о зарубежных игровых приставках, основанную на материалах зарубежной прессы [4]. Тем не менее дальше отдельных материалов на основе зарубежных публикаций гейм-журналистика в России того времени (вплоть до начала 1990-х) не пошла.

Журналы, писавшие исключительно о видеоиграх, появились значительно позже. Первым стал печатный журнал «Computer and Video Games», вышедший в конце 1981 года в Великобритании и просуществовавший до 2004 года. Он на две недели опередил выход американского журнала «Electronic Games». Основателями последнего стали авторы колонки «Arcade Alley» из журнала «Video», что позволяет с уверенностью говорить о преемственности. В 1989 году появился

старейший видеоигровой журнал, существующий до сих пор – «Electronic Gaming Monthly».

В конце прошлого века на медийном рынке преобладают журналы, а не газеты, и в силу своей специфики именно они освещают игровую сферу. Кроме того, часто они имели классификацию: по формату (персональный компьютер, аркадные игровые автоматы или домашние консоли), по региону (США, Россия, Япония и др.), а иногда по игровой компании (Nintendo, Sony, Microsoft и т.д.). Несмотря на это, гейм-журналистика и тогда, и сейчас использует все доступные ей жанры, от новостей до больших аналитических статей.

По своему характеру зарубежная игровая журналистика носила сначала просветительский, а затем и рекламный характер. Часто публиковались обзоры, сообщения о выходе и описание сюжета игры, чит-коды, а также прохождения, новости и письма читателей. Последнее, кстати, и привело к тому, что гейм-журналистика имеет сильную обратную связь с аудиторией, даже работает со статьями своих читателей, публикует их обзоры и отзывы.

В России первый игровой журнал появился в 1993 году, когда всё большую популярность стал набирать Интернет и, соответственно, туда переместились читатели. Журнал «Видео-Асс Денди» был создан для эффективной информационной поддержки игровой приставки NES (в России известна как Денди). Таким образом, гейм-журналистика в нашей стране, в отличие от зарубежной, началась как способ рекламы игровой продукции. Первые 5 номеров «Видео-Асс Денди» имели объём всего лишь в 25 страниц, который позже вырос до 50, а после 8 номера – до 100 страниц [5]. На такой рост повлияли выход на рынок игровых приставок Sega с её Sega Mega Drive, возможность перехода на более качественную финскую полиграфию, а также большая популярность среди читателей. После 18 номера журнал распался на 2: «Dendy – Новая реальность» и «Видео-Асс Великий Дракон» (Позже «Великий Дракон»). С 2002 года редакция решила распространять цифровую версию журнала.

Учитывая, что гейм-журналистика неразрывно связана с компьютерными технологиями, она быстро и достаточно безболезненно перешла в Интернет, где уже с середины 90-х годов прошлого века находилась её основная читательская аудитория. Широкое распространение Интернета дало возможность аккумулировать в себе весь спектр журналистских жанров и предоставило благодатную почву для создания новых: появление онлайн-конференций, организуемых редакциями игровых изданий с разработчиками видеоигр и издателями позволило наладить общение в режиме реального времени, стереть временные и языковые рамки [6]. В итоге переход в Интернет не только позволил изданиям гейм-журналистики благополучно существовать, но и дал возможность более успешно развиться. Примером этого может

служить активное использование видеоформата в интернет-изданиях, а также наличие каналов на видеохостингах, таких как YouTube. Это применяется, в первую очередь, для создания наиболее «живого общения» с аудиторией, в том числе не столь сильно погружённой в игровую среду (здесь же выполняется ещё одна задача: привлечение совершенно новой аудитории и знакомство её с игровой сферой). По этой же причине довольно популярны стали стримы – «прямые трансляции» – с помощью которых стало возможно одновременно показывать видеоряд, условно говоря, экран автора (журналиста, стримера) и отвечать на сообщения зрителей (на вопросы, появляющиеся в чате для зрителей). Стоит понимать, что прохождение некоторых игр (а именно это один из наиболее популярных видов стрима) может занимать от 200 до 500 часов, поэтому это хороший способ определить, стоит ли приобретать продукт, ведь рекламные тизеры и трейлеры зачастую не дают полного представления об игре и игровом процессе.

В наши дни все печатные игровые журналы имеют собственные сайты и работают параллельно с ними. Наиболее известные и существующие на сегодняшний день журналы: Play (Великобритания, с 1995 года), PC Gamer (Великобритания, с 1993 года), Игромания (с 1997 года) и др. В последнее время, когда в условиях цифровизации создавать игровой журнал стало невыгодно, появляются исключительно интернет-ресурсы, работающие так же, как и печатные издания: Kanobu.ru (с 2008 года), GameMag.ru (с 1996 года), StopGame.ru (с 1999 года) и др.

Одной из последних тенденций в игровой журналистике, в силу тесного общения с аудиторией, стала так называемая «казуальная журналистика», то есть написание материалов не профессиональными журналистами, а игроками. Чаще всего это отдельный обзор, подборка на определённую тему или отзыв. Не последнюю роль в этом сыграла сильная обратная связь с читателями, о чём уже говорилось выше. Особенно заметен такой «непрофессионализм» в стилистике текстов: они написаны простым языком, с использованием современных слов и популярных выражений, максимально приближены к устной речи. В текстах игровых изданий можно встретить отсылки к поп-культуре, к фразам людей и персонажей, не обходится и без сленговых выражений и даже мемов, причём всё это касается, в том числе, и текстов, написанных журналистами.

Если обратиться к более подробному анализу изданий, то можно заметить, что на главной странице издания размещены материалы, посвящённые оценке продуктов (обзоры, рецензии, оценки и т.д.). Далее появляются «горячие новости» – свежие игры, заявления студий, разработчиков, юбилеи, а также тизеры, трейлеры и превью. Намного реже, чем две предыдущие группы, встречаются лёгкая аналитика (преемственность сюжетов, новаторство, сравнения) и развлечения

(косплеи и др.), однако такие материалы наиболее обсуждаемы. Практически в любом издании встречается специальный раздел, который имеет разные названия, например: паб, вопли, флудилка, форум – и предназначается для разговоров на определённые темы.

Ранее автор и читатель взаимодействовали через чёткую границу: журналист получал информацию, которая была не доступна для аудитории. Однако теперь, когда любой человек может создавать собственный контент, когда информация (объявления разработчиков, бета-тестирования, стримы и др.) находится в свободном доступе, благодаря Интернету, и по причине того, что журналист и читатель могут иметь одинаковый игровой опыт, граница между ними может сильно расплываться. Это даёт возможность высказываться на страницах изданий обеим сторонам.

Таким образом, мы видим, что на ранних этапах гейм-журналистика имела различные цели, однако позже основным мотивом стала реклама. Несмотря на это, издания не отталкивают от себя читателей, навязчиво предлагая купить определённую игру или поиграть в неё. Всё потому, что игровая журналистика рассказывает и показывает, создавая вокруг активное поле для общения и обсуждения. Таким образом, оказывается, что игровая журналистика стала средством PR, площадкой, на которой осуществляется общение с целевой аудиторией – потребителями компьютерных игр – причём игровые журналисты сами относятся к этой аудитории. Первой страной, в которой наиболее активно развивался этот вид журналистики, стала Америка (с 1970–80-х годов). В нашей стране это 1990-е годы – время, когда в Россию пришла игровая индустрия, ведь собственной здесь не было.

В то же время журналы перешли в Интернет, а также стали появляться новые, не имеющие своей печатной версии. Со временем бумажные печатные издания стали исчезать, зачастую оставляя только редкие печатные издания для коллекционеров. Это произошло, например, с «Игроманией» в 2018 году, при этом на интернет-сайте издания посещаемость остаётся высокой, от 300 тысяч просмотров за 24 часа, и, кроме того, журнал имеет аккаунты во всех социальных сетях, где ведёт диалог с пользователями, поддерживает их интерес к теме игр. Также всемирная паутина позволяет не зацикливаться на одной теме (на играх), а освещать и другие интересные для аудитории явления, смежные с основным направлением (например, «Канобу» – сайт про современные развлечения, в основе своей освещает игровую тему).

Только в русскоязычном сегменте Интернета выделяют более 20 популярных игровых сайтов (MMOglobus.ru, Strategium.ru, GameBomb.ru, StopGame.ru и др.), при этом наиболее востребованы, в силу «возраста и опыта» западные порталы, сайты и журналы. Сегодня на гейм-журналистику влияет множество различных факторов, основные из

которых это хорошо отлаженный контакт с аудиторией, высокая популярность, стабильная востребованность и постоянное развитие игровой индустрии, поэтому сопутствующая журналистика продолжает развиваться не только за рубежом, но и в России.

Литература

1. Исследование доходов индустрии за 2007 и 2008 годы [Электронный ресурс]. URL: https://www.theesa.com/ (дата обращения: 1.04.2020).
2. Исследование доходов индустрии за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.gamesindustry.biz/articles/2019-12-17-gamesindustry-biz-presents-the-year-in-numbers-2019 (дата обращения: 01.04.2020).
3. Топоркова, Я.С. Дизайн игровых изданий: российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016 год. URL: http://vestnik.spbu.ru/html16/s02/s02v3/s02v3.html (дата обращения: 01.04.2020).
4. Великович, Е. Телеигры // Радио. 1977. № 10. С. 61. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.radio.ru/web/1977/10/ (дата обращения: 01.04.2020).
5. Видео-Асс Денди [Электронный ресурс]. URL: http://www.greatdragon.ru/online/ (дата обращения: 08.04.2020).
6. Баканов, Р.П., Сабирова, Р.И. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-zhurnalistika-v-sovremennom-rossiyskom-mediaprostranstve-problematika-i-funktsionalnoe-raznoobrazie (дата обращения: 01.04.2020).

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Семеновой А.Л.

УДК 81.25+655.552
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.21

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПЕРЕВОДЕ РЕЦЕНЗИИ

Павлова В.Ю.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: pavlovaviktoria60@gmail.com

SPECIFICS OF TRANSMITTING OF THE IMPLICIT MEANING AS A MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT IN A REVIEW TRANSLATION

Pavlova V.Yu.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: pavlovaviktoria60@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема передачи имплицитного смысла как средства создания комического эффекта в переводе телевизионной рецензии. В статье анализируется специфика жанра рецензии, даётся характеристика основным свойствам телевизионной рецензии. В исследовании изучаются особенности идиолекта авторов и использование ими языковых приёмов для создания комического эффекта. Приводятся варианты адекватной передачи имплицитного и эксплицитного смыслов текста. На основе анализа формируется перечень переводческих решений для передачи комического эффекта в переводе.
Ключевые слова: *адекватность перевода, передача комического эффекта, перевод телевизионной рецензии, средства создания комического эффекта, переводческие трансформации*.

Abstract. This article is devoted to the problem of transmitting implicit meaning as a means of creating a comic effect in the translation of a television review. The article examines the specific characteristics of the review genre. Much attention is given to the peculiar qualities of the authors' idiolects and their use of language techniques to create a comic effect. Based on the analysis, a list of translation solutions is presented to convey the comic effect in the translation.
Keywords: *the adequacy of the translation, the transmission of the comic effect, the translation of the television review, the means of creating the comic effect, translation transformations*.

Для достижения коммуникативной цели сообщения авторы пользуются различными языковыми приёмами и в соответствии с первоначальным замыслом отбирают средства для выражения той или иной мысли. И одним из самых действенных способов воздействия на сознание получателя является создание комического эффекта.

Комический эффект направлен на то, чтобы вызвать у читателя смех, положительные эмоции, придать тексту выразительность и яркость. Нередко комический эффект становится кульминацией развития текста, его логическим завершением. Комический эффект как приём распространён во многих функциональных стилях, многие авторы находят новые способы его создания. Пути достижения комического эффекта различаются в зависимости от многих факторов, в том числе особенностей авторского идиолекта и, нередко, жанра законченного произведения.

В современной журналистике и публицистике очень распространён такой жанр, как рецензия. Основу рецензии составляет отзыв (прежде всего – критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т.п. Предметом рецензии обычно выступают информационные явления – книги, фильмы, передачи, сериалы [1].

Рецензия, наряду со всеми остальными жанрами, обладает рядом отличительных свойств. Как правило, рецензия бывает посвящена одному произведению. Предметом анализа в рецензии является отраженная действительность, то есть реальность, уже нашедшая отражение в творческих произведениях – искусства, науки, публицистики и т.п. Поэтому автор всегда соотносит свой взгляд на окружающий мир с тем, как этот мир показан в обозреваемом произведении.

Стоит отметить, что рецензия как текст обладает собственными свойствами. В эпоху глобализации, когда всё большее количество людей интересуются зарубежными продуктами творческой деятельности, рецензии на них становятся всё более востребованными. Причём в таком случае явно видится потребность в переводе.

Однако прежде чем переводчику приступать к процессу декодирования текста на исходном языке, необходимо тщательно изучить специфику рецензионного жанра для того, чтобы максимально адекватно и эквивалентно создать перевод, сохранив при этом прагматический потенциал сообщения и стилистические особенности авторского идиолекта.

Данная статья посвящена анализу специфики перевода телевизионной рецензии и адекватности передачи имплицитного смысла как средства создания комического эффекта с учётом выбранного жанра. Целесообразнее всего проанализировать конкретные примеры рецензий и рассмотреть способы создания авторского комического эффекта и варианты наиболее полной его передачи. В качестве примера можно рассмотреть недавнюю рецензию на известный американский мультипликационный ситком «Симпсоны» (The Simpsons (1989)). Рецензия размещена на англоязычном развлекательном новостном портале

A.V.Club, специализирующемся на выпуске обзоров на фильмы, сериалы, игры, книги и прочие продукты мультимедиа. Данный проект выступает в качестве дочернего для сатирического новостного портала The Onion [2].

Рассматриваемая рецензия создана на 17 эпизод 31 сезона шоу. Краткое содержание серии следующее: Мардж (одна из главных героинь сериала, домохозяйка, жена Гомера Симпсона) устраивается на работу в элитный центр по продаже медицинской марихуаны, но когда Отто (персонаж второго плана, водитель школьного автобуса, известен своей страстью к наркотикам) просто хочет «курнуть немного травки», Гомер (главный персонаж, глава семьи Симпсонов) и Мо (персонаж второго плана, близкий друг Гомера Симпсона) открывают свой центр по продаже марихуаны, в котором можно купить коноплю и в иных, незаконных, целях. Мардж должна всеми силами способствовать закрытию своего конкурента, если она хочет сохранить свою работу.

Стоит отметить живой язык автора рецензии Дэнниса Перкинса (Dennis Perkins) и активное использование им средств для создания комического эффекта. В целом авторский стиль нельзя назвать банальным. Автор держится в рамках публицистического стиля. Впрочем, Деннис Перкинс в своей рецензии предпочитает использовать несколько необычные средства создания комического эффекта. Среди них можно выделить: **скрытую иронию, сарказм, намеренную стилистическую несочетаемость слов, использование слов сниженного регистра, авторские ремарки.**

Проанализируем следующий отрывок [3]:

More specifically, the growing national movement toward marijuana legalization and the proliferation of cannabis-related legal businesses (**no longer called head shops, thank you very much**), a civic transformation that has brought untold decades of generational warfare and **unfruitful hyperbolic debate tactics** right into the **mainstream**.	В частности, растущее национальное движение за легализацию марихуаны и распространение заведений, в рамках закона торгующих коноплёй (**больше не называемые «магазинами для нариков», уж спасибо большое**) – то самое изменение в общественном сознании, которое превратило многие десятилетия нескончаемых ссор между поколениями и **все бесплодные раздутые сессии дебатов** прямиком в **главную проблему последних лет**.

Из приведённого отрывка видно, что автор прибегает к авторским ремаркам, которые поставлены в круглые скобки и идут после основного предложения. Выражение **thank you very much** является имплицитным, то есть неявным выражением саркастического настроения автора. Журналист

с усмешкой отзывается о факте того, что ранее магазины по продаже каннабиса пренебрежительно назывались «магазинами для нариков».

В конце отрывка выражение **unfruitful hyperbolic debate tactics** также наполнено имплицитным смыслом. В частности, *debate tactics* указывает на политическое вмешательство, споры между политиками по вопросу легализации марихуаны, а прилагательное **hypebolic** (преувеличенный, раздутый) усиливает комический эффект от сарказма автора. Поэтому комизм и авторское настроение можно выразить использованием лексики сниженного регистра, что укладывается в рамки авторского идиолекта и стилистических особенностей текста.

Существительное **mainstream** (главное течение, господствующее направление) является завершающим элементом комического эффекта, вызванного сарказмом автора над ситуацией. Здесь отмечается насмешка автора над тем, что неназванные политические деятели занимаются не теми проблемами. Поэтому это слово можно перевести как **«главная проблема последних лет»**.

Следующим примером послужит второй отрывок из этой же рецензии:

It's a sly way to **at least nod toward thew** backdoor ways legislators and law enforcement have chosen to come after legal things they don't like **(cough–abortion–cough)**, although, like the completely unmentioned issue of the many, many**,** mostly non-white pot offenders still in prison, the episode doesn't really delve into the politics.	Это хитрый способ, как минимум, **кивнуть в сторону** тех **карающих** закулисных действий, которые законодатели и правоохранительные органы предпринимают, чтобы преследовать явления в рамках закона, которые им не нравятся **(кхм-кхм, аборт)**, хотя, как полностью заминается проблема многих-многих, в основном цветных любителей марихуаны, всё ещё томящихся в тюрьме, так и эпизод особо не лезет в политику.

Выражение **at least nod toward** является ярким показателем наличия широкого имплицитного смысла в рецензии. Здесь имеется в виду то, что обычно вопиющие случаи государственного преследования, хоть и случаются нередко, но зачастую откровенно замалчиваются. Однако немногие возьмутся открыто компрометировать подобные действия, поэтому автор отдает должное попыткам создателей сериала намекать на существующие проблемы (подобной сатирой над существующим порядком и известен этот сериал).

Также можно отметить выражение **thew backdoor ways**, потому что в нём наблюдается использование книжной устаревшей лексики. Слово *thew* с английского переводится как «физическая сила, мускул», однако

в рамках словосочетания необходимо найти прилагательное для описания существительного (*which?*) **ways**. Адекватным решением было бы употребление прилагательного **«карающий»**. В данном отрывке степень саркастического настроения автора увеличивается, и он вновь прибегает к приёму авторских ремарок в скобках. Выражение **(cough-abortion-cough)** является характерным для устной англоязычной речи, где этот приём активно используется в диалогах и иной устной коммуникации.

В частности, это выражение также обладает и другим имплицитным значением, потому что в самом сериале «Симпсоны» в диалогах между персонажами часто используется подобный приём *"cough – subject – cough"*, где персонаж кашляет один раз, говорит то, что имеет в виду, и кашляет второй раз. Поэтому этот приём является отсылкой к самому сериалу. Для перевода это выражение представляет интерес, потому как в русском языке не наблюдается полностью эквивалентной формулы. Впрочем, можно предложить вариант **«кхм-кхм»**, так как подобное письменное обозначение звуков при кашле вполне вписывается в рамки норм русского языка. Приведённые примеры являются показателем того, как имплицитные средства выражения юмора и авторского настроения могут стать основой для создания комического эффекта. Однако не только при помощи определённого набора слов можно выразить имплицитный смысл, который может быть неясен непосвящённому читателю, зрителю или слушателю. Этим средством является каламбур. В игре слов зачастую содержится большой подтекст, который можно раскрыть, глубже проникнув в контекст статьи, сериала, фильма либо любого другого жанра.

Другим, не менее ярким, средством создания комизма при помощи имплицитного смысла является традиционный каламбур. Обратимся к примерам.

Tony Hale is chicken. No, sorry. He's a chicken. Hale stars in Archibald's Next Big Thing, a Netflix and Dreamworks Animation show.	**Тони Хейл – петух. Нет, простите. Он в роли петуха.** Хейл принимает участие в совместном анимационном проекте студий Netflix и DreamWorks Animation под названием «Новый хит Арчибальда».

Данная рецензия написана журналистом Марой Икин (Marah Eakin) [4]. Она посвящена грядущему выпуску совместного проекта двух известных анимационных студий под названием «Новый хит Арчибальда» (Archibald's Next Big Thing). Роль озвучивания главного персонажа, цыпленка Арчибальда, досталась актёру Тони Хейлу (Tony Hale). Автор решил обыграть слово **chicken**, потому как в английском языке есть выражение to be chicken (струсить, испугаться). Посредством добавления неопределённого артикля *A* получается языковая формула to be a chicken, что переводится как «быть цыплёнком», что подразумевает вышеназванную роль Тони Хейла.

Поскольку максимально эквивалентно передать каламбур вряд ли удастся, переводчику придётся прибегнуть к приёмам лексических замен и смыслового развития. Выражение **to be chicken** имеет сниженный стиль и обладает негативной коннотацией. Однако русскому языку недоступно создание подобного каламбура с основами «цыпленок» и «струсить». Поэтому адекватным решением может быть введение слова **«петух».** Выражение **«быть петухом»** обладает негативной коннотацией, используется для выражения шутливого пренебрежения и сочетается с завершающим элементом каламбура (роль цыплёнка, или петуха). Каламбур был создан для того, чтобы вовлеченному в сюжет зрителю стало смешно, представив Тони Хейла в роли цыплёнка. Потому что сам Тони Хейл в своём интервью отзывался о проекте как о «необычном и пугающем» для себя опыте, который подолгу не давал ему уснуть ночью. Отсюда и пошла идея создания каламбура на почве этого факта.

В заключение хотелось бы отметить, что создание текста может превратиться в творческий процесс, в котором находит своё воплощение личный потенциал и замыслы автора. Поэтому переводчику необходимо подбирать широкий спектр средств переводящего языка для того, чтобы особенности авторского стиля были учтены, стилистические нормы не нарушены, а комический эффект – передан. При наличии смысловых потерь в ходе реализации комического переводчику обязательно следует выполнить их компенсацию доступными языковыми средствами.

Литература

1. Как писать рецензию на фильм, статью или книгу – примеры / Alzari.ru [Электронный ресурс]. URL: https://alzari.ru/recenziya.html (дата обращения: 01.04.2020).
2. AV Club [Электронный ресурс]. URL: https://www.avclub.com/ (дата обращения: 01.04.2020).
3. Homer and Marge deal legal weed in a Simpsons that could have gone much worse/AV Club [Электронный ресурс]. URL: https://tv.avclub.com/homer-and-marge-deal-legal-weed-in-a-simpsons-that-coul-1842447815 (дата обращения: 02.04.2020).
4. Tony Hale loves playing a chicken, watching dog videos/AV Club [Электронный ресурс]. URL: https://tv.avclub.com/tony-hale-loves-playing-a-chicken-watching-dog-videos-1842561457 (дата обращения: 02.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Александровой О.А.

УДК 159.922.4+81
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.22

РОЛЬ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Парийская О.Л.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: summer12101998@yandex.ru

THE ROLE OF ETHNOPSYCHOLINGUISTICS IN MODERN LINGUISTIC STUDIES

Pariiskaia O.L.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: summer12101998@yandex.ru

Аннотация. В данной статье речь идёт об особенностях и наиболее актуальных проблемах этнопсихолингвистики, а также разделов психолингвистики, которые непосредственно с ней связаны. Различия в речевом поведении этносов продиктованы их особенностями восприятия окружающего мира.
Ключевые слова: *этнопсихолингвистика, психолингвистика межличностного общения, психолингвистическая конфликтология.*

Abstract. The article highlights the features and most relevant problems of ethnopsycholinguistics, as well as the sections of psycholinguistics that are directly related to it. Differences in the speech behavior of ethnic groups are caused by their perception of the surrounding world.
Keywords: *ethnopsycholinguistics, psycholinguistics of interpersonal communication, psycholinguistics of conflictology.*

Этнопсихолингвистика – это наука, изучающая различия в речевом поведении групп людей, объединённых общей культурой и чаще всего общим языком. Данные группы называют этносами. Объединять людей в этносы могут и другие факторы, такие как общность территории и вероисповедания, а также общая историческая судьба. Обширные исследования в области деления людей на этносы были проведены Л.Н. Гумилёвым. Помимо деления на этносы, он разработал концепцию деления людей на суперэтносы, субэтносы и на консорции и конвиксии. Суперэтнос – это объединение двух этносов, имеющих схожие признаки. К примеру, суперэтносом можно назвать весь западноевропейский христианский мир. Субэтнос – гораздо более малое по численности образование, которое является частью этноса. Например, во французский этнос входят парижский, бретонский, гасконский, провансальский и др.

субэтносы. Консорция – это «самая мелкая единица этнической типологии, к которой принадлежат люди с общей исторической судьбой» [1]. К консорциям относятся профессиональные объединения, партии, банды, секты. Конвиксии – группы людей, возникшие на основе общности, быта и семейных связей. Рассматривая общество XIX века, к конвиксиям можно отнести крестьянство, купечество, духовенство, дворянство, рабочий класс.

Таким образом, основными проблемами этнопсихолингвистики являются поиск и исследование сходств и различий между представителями различных этносов и составляющих единиц этносов, а кроме того, изучения влияния культуры на формирование языкового сознания.

Важно отметить, что культура оказывает колоссальное влияние на языковое сознание индивида. Большей частью потому, что каждая культура имеет уникальный набор традиций, обычаев и укладов, способствующий формированию у её представителей специфического взгляда на окружающий мир и отношения к нему. На примере одного из проведённых экспериментов, основанного на ассоциациях, можно увидеть, насколько сильно различаются языковые сознания разных народов. Суть этого эксперимента, проведённого А.А. Залевской, заключалась в том, что испытуемым необходимо было сказать слово-ассоциацию на названный цвет. Почти все участники эксперимента связали слово «синий» с небом. Однако на этом совпадения восприятий закончились. Слово «белый» у многих русских ассоциировался со снегом, у узбеков же – с хлопком, а у казахов – с молоком. Слово «жёлтый» у русских белорусов и украинцев ассоциировалось в основном с осенним листом, в то время как у французов это слово по большей части ассоциировалось с золотом и яичным желтком, у американцев – с маслом, у узбеков – с просом. Приведённые факты подводят нас к выводу о том, что «на языковое сознание людей ключевое влияние оказывает тот быт и так культура, в которых они жили и воспитывались» [2].

Не менее ярко показывают различия народов разных культур и их ассоциации с животными, метафорически переносимые на человека, чтобы подчеркнуть те или иные качества характера. Например, мы порой ласково называем девушку или ребёнка голубкой. Вороной же мы, как правило, называем человека рассеянного и бестолкового. Однако у других народов есть множество сравнений, не свойственных нашей культуре. У казахов чибис ассоциируется с жадностью, сова – с безалаберностью и рассеянностью, черепаха – с ленью и беспечностью, пчела – со злобностью и недовольством. В русской же культуре подобные сравнения отсутствуют, и если человека назвать пчелой, он или не поймёт, что имел в виду собеседник, или же и вовсе посчитает, что ему сделали комплимент, имея в виду, что он постоянно усердно и упорно трудится, как пчела. Приведём ещё парочку примеров. Крот у испанцев – символ тупости и

ограниченности, хорёк – назойливого любопытства и нелюдимости. А у японцев горная обезьяна ассоциируется с деревенщиной, лошадь – с дураком, собака – с фискалом, утка – с простаком, клещ – с хулиганом.

Другие значительные различия между представителями разных культур можно встретить в ситуациях, когда точный перевод слова с одного языка на другой не является возможным. При этом слово в таких случаях порой и можно перевести, передав его общее значение, но при этом подтекст его всё равно будет утрачен либо полностью, либо частично. Среди труднопереводимых слов русского языка встречаются такие слова, как простор, приволье, уют, удаль, радушие, неприкаянность, маета, тоска и т.д.

Кроме всего перечисленного, заметным и весьма любопытным отличием народов разных культур является то расстояние, на котором собеседники обычно стоят по отношению друг к другу во время разговора. У американцев и европейцев данное расстояние, как правило, составляет около 45 см, в то время как у японцев и народов Дальнего Востока это расстояние равно всего лишь 25 см. Подобные различия зачастую могут вызывать некоторые сложности и недопонимания на всевозможных международных конференциях.

В невербальной коммуникации у разных народов гораздо больше схожих компонентов (жестов и телодвижений), нежели в вербальной. Однако встречаются и разительные различия. Давайте представим ситуацию, когда нужно посчитать на пальцах количество чего бы то ни было. Большинство русских начнёт загибать пальцы в кулак, начиная с мизинца. Американцы же, а также некоторые европейцы поступят диаметрально противоположно: они будут разгибать сжатые в кулак пальцы, начиная с большого. Другое интересное различие заключено в жестах согласия и отрицания. Когда мы жестом говорим «да», мы киваем, а когда говорим «нет», то поворачиваем голову влево и вправо. Болгары, албанцы и турки всё делают с точностью до наоборот. Стоит также отметить, что некоторые компоненты невербального общения являются уникальными, и их не представляется возможным встретить у других народов. Например, у жителей Ближнего Востока «скребковое» движение ладонью правой руки в сторону от собеседника на уровне плеча является жестом приглашения, хотя представителям многих других народов подобный жест напоминает, скорее, обратное. Ещё одним интересным феноменом является жест протягивания слушателю руки ладонью вверх после удачной шутки или остроты. Второй участник общения должен ударить по ней своей ладонью в знак того, что он оценил шутку. В противном случае первый участник общения будет оскорблён. Другими примерами уникальных жестов служат арабские жесты «подожди, помедленнее» (пальцы, сложенные в щепоть, двигаются вдоль тела сверху вниз), вопросительный жест «что? почему? в чём дело?» (вращательное движение кистью правой руки на уровне плеча, пальцы полусогнуты).

Следует также добавить, что каждый народ обладает уникальными понятиями об этикете, то есть правилами поведения и отношения к другим людям в обществе. К этой категории относятся и формы приветствия и прощания, и нормы поведения в общественных местах, манеры, одежда и т.д. Например, японцы при встрече не здороваются и не пожимают друг другу руки, а совершают поклон. Причём существуют три вида поклона. Первый вид – почтительный поклон, выражающий глубочайшее уважение и признательность. Подобные поклоны совершаются либо в храме, либо перед национальным флагом, либо перед высокопоставленными персонами. Второй вид поклона – поклон ординарный. И третий – простой.

Итак, приведённые выше примеры явно показывают зависимость между языковым сознанием и речевым поведением людей и их национальностью. А способен ли язык влиять на мышление людей?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо познакомиться с таким понятием, как «теория лингвистической относительности». Появление данной теории связано с именами Вильгельма фон Гумбольдта, Эдуарда Сепира и Беджамина Уорфа. Суть «теории лингвистической относительности» заключается в том, что среди множества существующих на Земле языков невозможно выделить закономерностей, которые были бы общими для всех без исключения языков, т.е. абсолютных универсалий. Имеются лишь относительные общие закономерности между языками одних языковых групп. Некоторые зарубежные специалисты на основе данной теории сделали выводы о том, что, так как всякий язык является средством мышления, а у каждого народа свой язык, то, стало быть, каждая нация по-разному видит «картину мира», что и приводит к международным конфликтам. Однако подобный вывод слишком категоричен, потому что нельзя утверждать, что мышление разных народов всецело зависит от их языка. Ряд экспериментов доказал, что «мышление вовсе не контролируется и не навязывается языком, а лишь служит его средством» [3]. Так, к примеру, чтобы решить шахматную задачу, человеку необходимо только знать правила игры и просчитать ходы фигур. При этом язык человека на решение данной задачи влияния вовсе не оказывает. По такому же принципу происходит процесс мышления при сборе пазла – человеку не нужен язык для осуществления этой задачи. Ещё одним доказательством того, что мышление не навязывается языком, служит ситуация, когда больному тотальной афазией (т.е. человеку, не способному говорить и воспринимать чужую речь) дают задание на решение шахматной или лабиринтной задачи или на сборку целостного изображения из фрагментов. Афазик несмотря на то, что он не может пользоваться языком, справляется с данными задачами, значит, он способен мыслить, т.е. способен планировать и корректировать свои действия в соответствии с поставленными целями и без помощи языка.

Кроме того, если обратиться к работе А.И. Мещерякова «Слепоглухонемые дети», которая была создана на основе многолетнего опыта воспитания слепоглухонемых детей в интернате города Загорска, то и в ней можно найти опровержение мнения о том, что психика человека зарождается и пробуждается лишь с усвоением речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что язык не является первостепенной точкой развития мышления, однако без овладения им невозможно достигнуть высокого уровня абстрактного мышления.

Этнопсихолингвистика непосредственно связана с психолингвистикой межличностного общения. Психолингвистика межличностного общения – это наука, занимающаяся изучением коммуникативного взаимодействия языковых личностей в рамках одной культуры. Основными проблемами данной науки являются анализ законов межличностной коммуникации, а также изучения того, как эти законы отражаются в сознании языковой личности.

Для межличностного общения необходимо как минимум два человека: говорящий и слушающий. При этом для успеха коммуникации ключевое значение играет социальный опыт каждого из собеседников, необходимый для того, чтобы один понимал другого. Так, если отец вдруг начнёт объяснять пятилетнему сыну законы ядерной физики, пользуясь сложнейшими терминами и понятиями, то диалог их вряд ли будет удачным, так как сын ничего не поймёт из-за недостатка социального опыта.

Речевые признаки речевого поведения могут проявляться только в процессе коммуникативного взаимодействия языковых личностей. Существует два типа ситуаций ролевого общения. Первый тип – симметричные ситуации, второй тип – ассиметричные. К симметричным ситуациям ролевого общения относят ситуации, происходящие между равными по статусу собеседниками, а ассиметричные – происходящие, когда социальный статус собеседников различен.

В повседневном общении человеку свойственно переключаться с одних речевых стереотипов на другие. Эрик Берном в одной из своих книг утверждает, что каждый человек заключает в себе три составляющие его личности – Родитель (Р), Взрослый (В), Дитя (Д) – между которыми он переключается в зависимости от коммуникативной ситуации. Родитель – это моральное начало, совокупность норм и правил, которым следует человек. Взрослый – рациональное начало, благодаря которому осуществляется беспристрастный анализ любой жизненной ситуации. Дитя – это источник наших желаний, порывов, чувств и ярких эмоций; источник нашей фантазии, а также наших страхов и капризов. То, какая из составляющих нашей личности будет превалировать в диалоге, напрямую зависит от типа коммуникативной ситуации и статуса нашего собеседника.

Психолингвистическая конфликтология также играет важную роль в изучении языковых особенностей различных этносов.

Психолингвистическая конфликтология – это наука, изучающая коммуникативные конфликты. Основной её проблемой служит поиск путей гармонизации коммуникативного процесса между людьми. Коммуникативному конфликту предшествует чувство фрустрации, т.е. психологического дискомфорта одного или обоих собеседников, возникающее из-за невозможности достичь каких-либо целей. Сам коммуникативный конфликт заключается в желании одного или обоих собеседников снять возникшее психологическое напряжение, вымещая свои эмоции друг на друге.

Языковые личности различаются между собой по степени конфликтности. На основе данных отличий была создана классификация типов коммуникативной компетенции. Эта классификация включает в себя три типа: конфликтный, центрированный и кооперативный.

1. ***Конфликтный тип*** коммуникативной компетенции характеризуется желанием одного из собеседников утвердиться за счёт другого. Данный тип включает два подтипа: конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский. *Конфликтно-агрессивный подтип* характерен тем, что один или оба собеседника проявляют агрессию, т.е. отрицательно заряженное эмоциональное отношение, и провоцируют друг друга к столкновению. *Конфликтно-манипуляторский подтип* коммуникативной компетенции предполагает, что человек ставит своего собеседника в конкретной ситуации ниже себя по статусу, не испытывает к нему уважения, видя в нём лишь объект для манипуляций, и таким образом самоутверждается.

2. ***Центрированный тип*** речевого поведения предполагает стремление одного или обоих собеседников игнорировать своего партнёра по коммуникации. Существуют два подтипа центрированного речевого поведения: активно-центрированный и пассивно-центрированный. К *активно-центрированному подтипу* относят речевое поведение, характеризующееся перебиванием собеседника, резкими сменами темы. *Пассивно-центрированный подтип* характеризуется уходом одного из собеседников в себя.

3. ***Кооперативный тип*** речевого поведения направлен на поддержание разговора. Однако данный тип включает два подтипа: кооперативно-конформный и кооперативно-актуализаторский. Кооперативно-конформный подтип речевого поведения направлен на избегание конфликтов и конфронтаций с собеседником посредством поддакивания и согласия с партнёром по коммуникации, даже в случаях, когда мнения собеседником на самом деле не совпадают. *Кооперативно-актуализаторский подтип* дискурса является высшим уровнем коммуникативной компетенции человека и характеризуется тем, что собеседник старается взглянуть на обсуждаемую тему глазами партнёра по

коммуникации, стараясь лучше понять его точку зрения, и проявляет неподдельный интерес к его взглядам.

Литература

1. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ, 1966. С. 184.
2. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 2004. С. 47–49.
3. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. М: Смысл, 1990. С. 208–211.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Александровой О.А.

УДК 81.276
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.23

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Платонова К.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: platonova.ksenia1998@yandex.ru

THEMATIC FIELD AS A PRINCIPLE OF THE DESCRIPTION OF THE DIALECTAL VOCABULARY

Platonova K.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: platonova.ksenia1998@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается тематическое поле как средство системного изучения диалектной лексики. Автор доказывает, что использование полевого принципа описания лексем позволяет исследовать её не только в лингвистическом аспекте, но и как источник уникальных исторических и этнографических материалов. Материалом для наблюдения послужили наименования праздников, извлечённые из Новгородского областного словаря, которые не становились объектом отдельного научного описания. Результаты проведённого автором исследования реализованы при подготовке словарных статей для регионального этнолингвистического словаря.
Ключевые слова: *диалект, лексика, народные праздники, словарь, тематическое поле.*

Abstract. The article considers the thematic field as a means of systematic study of dialect vocabulary. The author proves that the use of the field principle of describing lexemes allows us to study it not only in the linguistic aspect, but also as a source of unique historical and ethnographic materials. The material for observation was the names of holidays extracted from the Novgorod regional dictionary, which did not become the object of a separate scientific description. The results of the study are implemented in the preparation of dictionary articles for the regional ethnolinguistic dictionary.
Keywords: *dialect, vocabulary, folk holidays, dictionary, thematic field.*

Одним из главных положений современной лингвистики является положение о системной организации лексического состава языка. Проявлением системной организации лексики служит её полевая организация, которая состоит в том, что лексические единицы образуют объединения разных типов. Поле в широком смысле определяется как «многомерная <…> часть или область “лингвистического пространства” <…>, в котором рассматривается определённое лингвистическое явление»

[1]. Как полагают исследователи, структурирование словарного состава языка может осуществляться на разных основаниях, как собственно лингвистических, так и внеязыковых, т.е. экстралингвистических.

В научной литературе выделяются различные виды полевых объединений слов (лексических микросистем): лексико-семантическое поле, тематическое поле, ассоциативное поле, функционально-грамматическое поле, лексико-семантическая группа, синонимический ряд, антонимическая группа, тематическая группа и др. Так, Ф.П. Филин выделяет два вида словесных полей: *лексико-семантическая группа* (ЛСГ) и *тематическая группа*. Под ЛСГ учёный понимает «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития». От ЛСГ Ф.П. Филин отграничивает *тематические группы.* Тематическую группу он определил следующим образом: «… объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений…» [2].

В настоящее время классификация лексического материала по тематическим группам (полям) – широко распространённый приём описания лексики. Учёными выявлены критерии выделения тематических полей и их отличительные черты. *Первой и наиболее важной* является внеязыковая обусловленность отношений между элементами. Благодаря именно этим внеязыковым связям слова и объединяются в тематические группы. *Второй важный признак* тематического поля – разнотипность отношений между членами или её полное отсутствие. Поэтому утрата того или иного слова или изменение у него значения не отражается на значениях других слов этого поля. *Названием (именем) тематического поля* является, как правило, слово (а не искусственное образование), например, Праздники, Одежда, Пища и др.

Отграничение тематических групп от других лексических группировок связано с определёнными трудностями.

Сближение тематического и лексико-семантического поля обусловлено наличием у них общих признаков:

– они состоят из элементов, связанных системными отношениями;

– в их состав входят микрополя, которых должно быть не менее двух;

– названием поля является слово с обобщённым значением [3].

Однако между этими видами полей имеются существенные различия, препятствующие их полному отождествлению. Главное их различие заключается в том, что семантическое поле представляет собой с*емантическое* объединение слов, т.е. связи между единицами поля обусловлены сходством или различиями их значений. В отличие от него в основе выделения тематической группы лежит совокупность материальных или идеальных денотатов, обозначаемых словесными знаками.

Тематическое поле можно рассматривать не только как один из видов системного объединения слов, но и как принцип описания лексики. Мы считаем, что распределение словарных единиц по тематическому принципу предоставляет возможность систематизировать номинации по смысловому сходству, выявить их различия и соответствия, проследить качественно-количественную специфику отдельных групп, входящих в общее тематическое поле, что способствует раскрытию общих процессов развития лексики.

Диалектной лексикологии также свойствен системный подход к описанию лексического состава, который предполагает исследование состава и отношений между словами внутри тематических и лексико-семантических групп. В то же время исследователи отмечают продуктивность этнолингвистического подхода, при котором «диалектная лексика вызывает интерес не только как объект лингвистических исследований, но и как источник уникальных исторических и этнографических материалов» [4]. Совмещение системного и этнолингвистического изучения диалектных слов позволяет представить фрагмент диалектной лексической системы как фрагмент объективной действительности, а это, в свою очередь, позволяет обнаружить регионально-культурную специфику диалектной системы данного региона.

Рассмотрим тематическое поле «Праздники», выделенное по материалам Новгородского областного словаря. Наименования, включённые в него, объединены понятийной общностью, вследствие чего в толковании их значения присутствует компонент ‘праздник’, например: **Оксѝ нья. Оксѝ нья-полухлѐбница** – *религиозный праздник, приходящийся на 7 февраля.* ***Иван. Иван-стрекАвник. День Ивана-Купалы*** – праздник 7 июля (по старому стилю 24 июня). ***Госпожѝн день.*** Религиозный праздник Успение Божией Матери (28 августа по новому стилю). ***ПрихожЕнье*** – церковный праздник Прихожения святого Михаила Клопского, отмечаемый 6 июля. ***ПожинАльница*** – праздник по окончании жатвы. ***ЯИчница (яИшница)*** – праздник по окончании сева.

Выбор наименований праздников народного календаря в качестве объекта анализа обусловлен значением праздников как источника для изучения народной культуры. Диалектологи, изучающие лексический состав русских диалектов, отмечают тенденцию отображения жизненного опыта русского человека в народном календаре. Кроме того, житейский опыт отражается в народных приметах, в пословицах и поговорках, в обрядах и традициях.

Праздничная культура отображает *нравственные, мировоззренческие* и *эстетические* ценности, которые, в свою очередь, обусловливают уникальность и самобытность духовной культуры. Именно в этих трёх составляющих праздничной культуры выражаются религиозные представления или бытовые установления народа, так как они хранят в себе черты мировоззрения далёкого прошлого.

В сознании наших предков существовало чёткое разграничение будничных и праздничных дней: праздник ярко противопоставлялся повседневной жизни. Это противопоставление отражено, например, в словаре В.И. Даля: «**Праздничный день или праздник**, м. Вообще, день, посвящённый отдыху, не деловой, не работный, прtвпл. *будень*; день, празднуемый по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица». [5]. Словарь «Славянские древности» также подчёркивает, что «Праздник – одно из главных понятий народного календаря, «сакральное» время, противопоставленное повседневному, «профанному» времени будней». Два праславянских слова, используемые для номинации *праздник* в славянских языках, – *prazdьnikъ (рус., ю.-слав.) и *sveto (укр., бел., з.-слав.) – «мотивированы двумя важнейшими для понятия праздника признаками: «праздный, порожний, пустой, свободный от труда» и «святость, сакральность» Главным отличием праздников от будней является запрет на все или некоторые виды работ, который вступает в силу накануне праздника, после захода солнца» [6].

В тематическое поле «Праздники» вошли диалектные слова, характеризующиеся следующим набором семантических признаков: «не деловой», «привязанный к календарной дате», «привязанный к событию», «сакральный», «свободный от труда». Общий для всех слов семантический компонент – 'небудничное время'. Структуру выделенного нами тематического поля «Праздники» образуют входящие в него субполя: 1) названия церковно-календарных праздников; 2) названия собственно народных праздников. Наименования, входящие в состав каждого из выделенных субполей, в свою очередь, могут быть систематизированы по ономасиологическому принципу с учётом способа именования. При этом использованы следующие критерии: 1) соотнесённость народного и христианского названия праздника; 2) истоки и причины возникновения праздника; 3) связь народного наименования праздника с календарными приметами: например, ***Анто́ний*** Δ ***Анто́ний Серди́тый*** – религиозный праздник, отмечаемый 23 июля. По церковному календарю этот день – день памяти Преподобного Антония Киево-Печерского, начальника всех русских монахов. В процессе бытования праздника к каноническому христианскому названию примкнуло народное – *Сердитый.* Это связано с народной приметой, сопровождающей этот день: празднику сопутствовала гроза, что подтверждено иллюстративным материалом, приведённым в словарной статье НОС: *«Антоний Сердитый – праздник, в этот праздник поднимается гроза, убьёт и человека, так потрескат» (Кр.)*; ***Соче́йник*** – канун Рождества; сочельник. Диалектному наименованию соответствует литературное *сочельник* – канун праздника Рождества Христова (6 января):

У нас в канун Рождества сочейник; если много звёзд, то ягод не будет, если мало, то ягодный будет.

Анализ тематического поля «Праздники», образованного названиями праздников в новгородских говорах, формирует представление об истории их формирования, об их специфичности в сравнении с тем же полем в других диалектных системах, например, в псковском диалекте. Эти сведения использовались при разработке диалектного словаря-синопсиса «Праздники народного календаря (по материалам НОС)», включающего как собственно лингвистическую (толкование слова, его словообразовательные признаки, грамматические категории, графическую и орфоэпическую информацию, этимологические сведения), так и информацию этнографического характера. Проектируемый словарь сближается со словарями этнолингвистического типа, так как имеет своей целью выявление истоков сформировавшихся наименований и их связей с культурными традициями носителей диалекта. В качестве иллюстрации приведём одну из предполагаемых словарных статей:

Ма́слена, -ы, ж. То же, что мАсленка.

Словообразовательные параллели: **Ма́сленка**, -и, ж. Ласк. Праздник Масленица.

■ На Маслену поеду в деревню. Пест. Маслену тоже празднуют. Дем. + Под.

На Масленку лошадушке новую попону приготовили. Новг. На Масленку всегда блины пекли. Пест. + Мош.

Этимология: является суффиксальным образованием от однокоренного слова *масло*, которое восходит к *maz-slo от *ма́зать*; отсюда *ма́сленица* [Фасмер 1986 II, 578]. Можно предположить, что лексема *масло* послужила производящей для названия праздника в связи с тем, что праздник Масленица связан с обрядами поклонения языческим богам, которых всячески пытались *умаслить*, то есть *задобрить*. В частности, в это время наши предки пекли традиционное масленичное блюдо – блины, обильно поливая их маслом.

Бытование в других диалектах: В СРНГ зафиксированы *словообразовательные варианты*: **Ма́слена** и **маслёна**. **Ма́сленика**. **Ма́сленица** и **ма́сляница** (Изображение масленицы – тряпичная, соломенная кукла или чучело в женской одежде; их ставят на конек крыши или прикрепляют к шесту и при проводах масленицы сжигают). **Ма́сленка**. **Ма́сленская**. **Ма́сленца**.

Таким образом, тематическая группа представляет собой совокупность слов, объединённых на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Основанием для выделения тематической группы является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединённых по определённому признаку и обозначенных различными словами. Это объединение слов, основывающееся на классификации самих предметов и явлений внешнего

мира. Использование тематического поля в качестве ведущего принципа описания диалектной лексики позволило исследовать её не только в лингвистическом аспекте, но и как источник уникальных исторических и этнографических материалов.

Литература

1. Мартинович, Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. С. 22.
2. Филин, Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227.
3. Стернин, И.А. Лексическое значение слов в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. С. 38–39.
4. Дидковская, В.Г. Диалектные словари регионального типа как источник историко-лингвистических сведений. Диалектное и литературное слово. История и современность: сб-к статей в честь 85-летия А.В. Клевцовой / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. С. 29.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1978. С. 993.
6. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2005.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, доцентом Дидковской В.Г.

УДК 347.62(470.24)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.24

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ И БРАКА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Прохорова К.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail:ksush.proxorowa2011@yandex.ru

THE FORMATION OF NEW CONCEPTS ABOUT THE ESSENCE OF LOVE AND MARRIAGE IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD PROVINCE)

Prokhorova K.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: ksush.proxorowa2011@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному выявлению причин формирования новых представлений о семейно-брачных отношениях в России на рубеже XIX–XX вв. и анализу тех последствий, которые они за собой повлекли. Работа выполнена на основе анализа семейного законодательства Российской империи, материалов фонда № 480 Государственного архива Новгородской области «Документы Духовной консистории разных уездов Новгородской губернии» и работ исследователей того времени. Хронологические рамки исследования обусловлены трансформацией в этот период восприятия института брака как необратимого и нерасторжимого вследствие снижения религиозности повседневной жизни и изменения социально-правового статуса женщины.
Ключевые слова: *семейно-брачные отношения, брак, семья, бракоразводный процесс, любовь, уровень брачности.*

Abstract. This article is devoted to the comprehensive identification of the reasons for the formation of new ideas about family and marriage relations in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries, and to the analysis of the consequences that they entailed. The work was based on the analysis of the family legislation of the Russian Empire, materials of the fund No. 480 of the State Archives of the Novgorod Region “Documents of the Spiritual Consistory of Different Counties of the Novgorod Province” and the works of researchers of that time. The chronological framework of the study is determined by the transformation of the perception of the marriage as irreversible and indissoluble due to the decrease in the religiosity of everyday life and changes in the social and legal status of women in this period.
Keywords: *family and marriage relations, marriage, family, divorce proceedings, love, marriage rate.*

Институт семьи и брака вплоть до настоящего времени является важной составляющей любого общества. Наряду с этим, данный институт, вплоть до начала XX в., можно охарактеризовать как один из самых консервативных и трудно поддающихся изменениям. До XIX в. российская семья, особенно крестьянская, была тесно связана с традициями и обычаями, благодаря которым институт брака и семьи кардинально не менялся очень долгое время. Большую роль в формировании и поддержании семейно-брачных традиций играли экономические и социальные условия того времени. Со второй половины XIX в. эти условия постепенно уходят в прошлое, а вместе с тем им на смену приходят новые семейно-брачные аспекты. Становится более заметно проникновение либеральных европейских идей в данную область, и на стыке двух культур получается некий симбиоз, который постепенно трансформировался, и мы получили те самые семейно-брачные отношения, которые можем видеть сейчас в современной России.

Чтобы поддерживать стабильность в обществе, Церковь и государство вплоть до XIX в. очень жестко регулировали вступление в брак и бракоразводный процесс. Несмотря на распространённое мнение, вступление в брак не всегда было простым процессом, и супруги часто встречались с проблемами. Главным регулятором в этой сфере выступала Церковь, поэтому в Российской империи существовала только одна форма брака – церковный брак. Соответственно, вступая в брак, два будущих супруга скрепляли свой союз на небесах и расторгнуть его было практически невозможно.

Но стоит принять во внимание ещё один факт, заключающийся в том, что браки до середины XIX в большинстве случаев заключались не по любви. Брак являлся некой сделкой, которая была выгодна обеим сторонам. Данная проблема касалась всех сословий: крестьянам поодиночке было очень трудно выжить, а чаще всего невозможно, поэтому крестьяне стремились как можно раньше обзавестись семьёй. В более привилегированных сословиях преобладал похожий принцип, но направленный на большее получение прибыли и на поиск «лучшей жизни» для своих детей.

Несмотря на сильное влияние Церкви и поддержание ею порядка в семье своими догмами и правилами, к концу XIX – началу XX в. начинают происходить изменения в семейно-брачных отношениях. Светские принципы постепенно вытесняют прошлые, давно устоявшиеся представления о семейно-брачных отношениях, и человек, практически не отягощенный догмами Церкви, постепенно реформирует свой взгляд не только на семейные отношения, но и на мир в целом. Следствием новых взглядов на природу брака и любви в начале XX в. в России стали такие явления, как: увеличение числа разводов, повышение брачного возраста, снижение уровня брачности, большее количество вторых браков и т.д.

Цели исследования – изучение причин, влияющих на изменение природы брака и любви в Российской империи, и анализ явлений, которые стали следствием новых взглядов на примере Новгородской губернии.

Научная новизна работы заключается в практическом отсутствии полноценных исследований, посвящённых семейно-брачным отношениям жителей Новгородской губернии конца XIX – начала XX в., которые бы охватывали два аспекта – описание причин и анализ следствий новых взглядов.

Учёные конца XIX – начала XX в. были обеспокоены данной «проблемой» и пытались найти причины, из-за которых начали происходить изменения в институте семьи и брака. В итоге, исследователи разделились на два лагеря: те, кто принимал новые взгляды и новые семейно-брачные отношения, и те, кто всячески их отвергал и критиковал.

Среди приверженцев старого уклада оказался Леонид Алексеевич Золотарёв – автор работ по педагогике, который в конце XIX в. публикует работу «Этика брака» [1]. В данной работе автор видит причину всех изменений в распущенной половой жизни до брака, что не способствует выработке нормальных нравственных отношений в браке, а также портит их.

Поверенный по судебным делам А.З. Соколовский в 1889 г. издает свою работу «О брачном союзе. О расторжении брака. О власти родителей» [2], где в предисловии сразу пишет о том, что многие жители Российской империи не знают законов о брачном союзе и легкомысленно относятся к ним. Вследствие этого, когда у людей, ранее сочетавшихся браком, появляются проблемы и они обращаются в суд, из-за незнания многих законов их судебные процессы длятся по несколько лет и заканчиваются ничем, кроме затраты больших денег. Доказательством того, что данная проблема существовала и на территории Новгородской губернии, может служить дело из фонда 480 ГАНО «О расторжении брака жены прапорщика запаса Александры Васильевны Леоновой с мужем Фёдором Фёдоровичем Леоновым по нарушению им супружеской верности», которое разбиралось с 31 января 1912 г. по 17 июня 1916 г. [3].

С критикой по отношению к новым изменениям в институте семьи подходит Краинский В.А. В своей работе «Семья и государство» автор указывает одну единственную причину «переворота семейной деятельности» – это извлечение самых дурных сторон европейского понимания семейных отношений, из-за чего произошло растление нравов [4].

В своём сборнике лекций «Новый взгляд на природу брака и любви» Викторов Пётр Петрович выделяет несколько причин, которые повлияли на семейно-брачные отношения. Одна из них это – «присутствие полового инстинкта». Несмотря на то, что данный инстинкт присущ каждому человеку, бороться с ним не получается в виду отсутствия научных работ по данной тематике и малого ознакомления людей с данным вопросом.

«К сожалению, наука так мало уделяла и до сих пор не более уделяет места изучению явлений данного порядка», – писал П.П. Викторов. Вторую причину автор обозначил как «паразитирующая форма адюльтера», т.е. супружеская измена. П.П. Викторов считает, что адюльтер является коррективом, поправкой дурно заключенных браков, основанных не на любви, а на побочных соображениях и расчётах (выгодный брак). Браком по любви автор считает союз, который основан, прежде всего, на вкусах и предпочтениях обоих полов. П.П. Викторов делает вывод о том, что любовь тяготеет к красоте, красота зарождает любовь – это высшая форма правильных отношений. Но не стоит забывать о том, что существуют ещё умственные и нравственные качества, учитывать которые необходимо [5].

Польский социолог Владислав Гумплович (1869–1942) в 1907 г. издаёт свой труд «Брак и свободная любовь», в котором пишет о необходимости построения новой системы брачных взаимоотношений и социальной ответственности общества за воспитание будущего поколения, о свободе любви и необходимости борьбы с предрассудками прежнего времени. Владислав Гумплович – один из немногих учёных того времени, который считал, что новый взгляд на природу брака и любви должен иметь место в этом мире, т.к. устарелые нормы и нравы «растаптывают» множество возможностей счастья <…> создают тысячи мук, для которых наше чувство справедливости не знает оправдания [6]. Новые взгляды на семейно-брачные отношения, по мнению автора, изначально не предполагают таких последствий, как измена и проституция. Брачно-семейные отношения должны воспитывать нравственность в каждом человеке, а все негативные последствия – это лишь выбор каждого отдельного человека. Затрагивает автор и такие важные вопросы, как незаконнорожденные дети. Беременная женщина, не имеющая свидетельства о браке, должна иметь возможность родить ребёнка, который будет иметь такие же права, как и законнорожденный [6].

Последствия новых взглядов на брачно-семейные отношения, причины которых были выявлены исследователями различного профиля конца XIX – начала XX в., нашли свои отражения и в Новгородской губернии.

Благодаря Памятным книжкам Новгородской губернии возможно подсчитать примерное количество людей, вступавших во внебрачные половые отношения, путём подсчёта количества незаконнорожденных детей на территории Новгородской губернии. Согласно нашим подсчётам, количество незаконнорожденных детей в год на рубеже XIX–XX в. обычно не превышало 3% от общего числа рожденных, или 2,5 тысячи детей в год. Этот показатель не превышал общероссийский уровень внебрачной рождаемости.

Возраст жениха и невесты был примерно таким же, как и по всей империи – 21–23 года для мужчины и 17–22 для женщины. Начиная

с 1860-х гг. возраст вступления в брак постепенно стабилизировался и вплоть до 1917 г. оставался неизменным. Средний возраст невест в Российской империи конца XIX – начала XX в., вступавших в первый брак, составлял 21,4 года, женихов – 24,2 года. На данном основании можно сделать вывод, что брачный возраст женихов, вступавших в первый брак в Новгородской губернии, был немного ниже, чем всероссийский, а брачный возраст невест был примерно таким же, как и средний показатель по всей империи (Личные подсчёты автора).

Что касается уровня брачности в Новгородской губернии конца XIX – начала XX в., то количество заключаемых браков в среднем до 1885 г. не превышало 10 тысяч в год, самое большое количество браков было зарегистрировано в 1909 году – 13 917 [7].

Ещё в середине XIX в. прошений о разводе в Российском империи подавалось совсем немного, и только совсем малая часть из них заканчивалась получением развода. Нами были выявлены причины, которые препятствовали получению развода: юридическая неграмотность граждан, которая проявлялась, прежде всего, в указании причины для развода, которая не соответствовала официальным причинам, указанным в Своде законов Российской империи; материальная составляющая, которая играла немаловажную роль; консервативный подход государства к бракоразводному процессу.

Начиная с 1860-х гг. число разводов по всей империи было ничтожно мало, за 20 лет с 1867 по 1886 г. состоялось 16 945 разводов, по 847 разводов в год, с 1905 по 1913 гг. – 23 087, по 2565 разводов в год. На 1000 человек населения число разводов равнялось данным величинам: 1867–1886 гг. – 0,014, 1905–1913 гг. – 0,029. Для сравнения: на 1900-е гг. в Австро-Венгрии коэффициент разводимости составлял 0,02, в Великобритании – 0,04, Германии – 0,04, Франции – 0,05, США – 1,6 на тысячу жителей [8]. На этих основаниях мы можем сделать вывод, что Российская империя была одной из стран, в которой и в начале XX в. развод было получить очень затруднительно. Доказательствами могут служить архивные дела фонда 480 ГАНО, где по нашим подсчётам с 1910 по 1917 г. из 14 прошений о разводе только 4 получили одобрение, и развод был получен.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что к концу XIX – началу XX в. взгляды на институт брака и семьи претерпевали изменения, особенно у городских жителей. У разных исследователей был свой взгляд на данные изменения, но каждый из них пытался выявить причины, которые способствовали реформации взглядов на данный вопрос. В результате были выявлены причины нового взгляда на семейно-брачные отношения: борьба с предрассудками прежнего времени, касающимися семьи и брака, распущенная половая жизнь, приход европейского понимания семейных отношений и др. Проанализированы следствия

новых взглядов: увеличение числа разводов, повышение брачного возраста, снижение уровня брачности, большее количество повторных браков и др.

Литература

1. Золотарев, Л.А. Этика брака. М.: Типолитография Высочайшее утвержд. Т-ва И.Н. Кушнеров и Ко, 1898. С. 24–67.
2. Соколовский, А.З. О брачном союзе. О расторжении брака. О власти родителей. СПб.: Типо-хромо-литография А. Траншель, 1889. 235 с.
3. О расторжении брака жены прапорщика запаса Александры Васильевны Леоновой с мужем Фёдором Фёдоровичем Леоновым по нарушению им супружеской верности // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3912. Л. 1–9.
4. Краинский, В.А. Семья и государство. Киев: Типография К.Н. Милевокого, 1876. С. 54–192.
5. Викторов, П.П. Новый взгляд на природу брака и любви. М.: Товарищество типо-литография Владимир Чичерин, 1904. С. 17–45.
6. Гумплович, В. Брак и свободная любовь. М: Типография Т-ва И.Д. Сытина, Пятницкая ул., 1907. С. 6–47.
7. Памятная книжка Новгородской губернии на 1897 год: с прил. / изд. Новгород. губ. стат. комитета. Новгород: Типография губернского правления, 1897. Разд. II. С. 29.
8. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 168–169.

Статья рекомендована к печати
канд. ист. наук, доцентом Федорук Н.С.

УДК 070(430:470)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.25

«MOSKAUER DEUTSCHE ZEITUNG»: СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рормозер К.Н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: rohrmoser@yahoo.com

«MOSKAUER DEUTSCHE ZEITUNG»: SPECIFICS OF REFLECTION OF RUSSIAN REALITY

Rohrmoser K.N.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: rohrmoser@yahoo.com

Аннотация. В статье излагаются наблюдения над особенностями проявления «срочной словесности» в медиатекстах современных немецких газет, а именно в «Moskauer Deutsche Zeitung», и делается вывод о том, что некоторые материалы данной газеты германоцентричны. Ставится вопрос об историчности этого качества немецких газет в России, и приводятся данные в пользу утверждения, что это новое качество, не характерное для немецких газет на раннем этапе их истории.
Ключевые слова: *немецкие газеты России, «Moskauer Deutsche Zeitung», германоцентричность.*

Abstract. The article presents observations on the peculiarities of the manifestation of “urgent literature” in the media texts of modern German newspapers, namely, the Moskauer Deutsche Zeitung, and concludes that some of the materials in this newspaper are German-centric. The question is raised about the historicity of this quality of German newspapers in Russia, and data are presented in favor of the assertion that this is a new quality not characteristic of German newspapers at an early stage in their history.
Keywords: *German newspapers of Russia, “Moscow German Newspaper”, German-centric.*

Медиаландшафт России всегда включал газеты на немецком языке. В каждый период существования российская немецкая пресса имела особенности, некоторые из них изучались в трудах А.В. Небайкиной (Милютиной) – о периодической печати немцев Поволжья XX века [1], А.В. Иценко о современной прессе российских немцев в России и Германии [2].

В настоящее время на территории России издаются: «Moskauer Deutsche Zeitung», «Königsberger Express», «Zeitung für Dich», «Hoffnung» и «Sibirishe Zeitung plus». В отличие от зарубежных медиаизданий русских немцев, в российской немецкой газете можно обнаружить оригинально выстроенный текст с ярко выраженным этническим компонентом. В чём

же заключается специфика такого текста? Чтобы ответить на поставленный вопрос, понадобилось проанализировать несколько публикаций немецких газет XXI в., а также XVIII и XX веков. Для анализа текстов с позиции медиалингвистики мы использовали методику Т.В. Шмелёвой [3].

Статья Е. Шлегель называется «Почувствуйте разницу», она опубликована в «Moskauer Deutsche Zeitung» № 2/2020 г. на русском языке. Текст был выбран в связи с актуальным событием – внесение поправок в Конституцию РФ, поэтому заголовок несёт оценочную функцию, предрасполагая читателя к сравнительному анализу информации.

Текст расположен во вкладыше на второй полосе вверху, что говорит о его значимости. Полифоничность текста проявляется через включения голоса специалиста, и в этом видно уплотнение жанра в междискурсивном пространстве: *«Но, как считает известный правовед Генрих Вольф, меняются в основном формулировки, а не суть конституционных статей. Цель изменений – избавить их от архаичного звучания».*

Лид подчёркивается сплошной линией и выделяется жирным курсивом: «*Президент России Владимир Путин в обращении к Федеральному собранию предложил внести ряд изменений в Конституцию, на что многие эксперты и журналисты в Европе отреагировали со скепсисом*», затем информация детализируется за счёт нескольких примеров внесения поправок в Конституцию Германии. Хронотоп текста расширен в прошлое: «*За 70 лет Основного закона ФРГ в него, вопреки господствующему мнению, внесено немало изменений*» – и далее по тексту: «*Так, статья 20, определяющая государственное устройство ФРГ… в грозовом 1968 году была дополнена положением об общегражданском праве на сопротивление попыткам изменения государственного строя*».

Мы полагаем, что эмотивный принцип отражения действительности, который важен для медиа, является ключевым и для медиаизданий русских немцев. В данном тексте мы также находим эмоциональную окраску, подчёркнутую использованием штампов и метафор: «*…часть Основного закона неизменна. А поскольку здесь не может быть тронута (и не затрагивается!) ни единая запятая, у граждан Германии сохраняется стойкое чувство, что они всегда ложатся спать и просыпаются в одном и том же государстве. В государстве, которое стоит на страже их человеческих прав и личных интересов в той мере, в которой они подтверждены основными правами*».

В тексте ярко выражена утилитарная функция, так как представлена информация, интересующая читателя «здесь и сейчас». Жанр текста – аналитическая статья. Доминирующая интенция, определяющая языковое воплощение жанра, находится в политико-правовой сфере. Текст полифактурный, он существует и в печатном виде, и на сайте издания

https://ru.mdz-moskau.eu, и в мобильном приложении. Мультимедийный, поскольку в нём используется визуальный материал – фотография Конституции Германии. Данный текст представляет собой замечательный пример «срочной словесности» [4] и как нельзя лучше отражает российскую внутриполитическую повседневность, осмысляемую через сравнение с внутриполитической повседневностью Германии, что выявляет определённую специфику подачи информации читательской аудитории. Назовём эту специфичность **германоцентричностью**.

Чтобы ответить на вопрос, не является ли германоцентричность свойством только проанализированного текста, рассмотрим публикацию иной тематики. Статья Олега Винса опубликована на сайте «Moskauer Deutsche Zeitung» осенью 2019 года в рубрике «Россия – Германия» отражает всегда актуальное и весьма распространённое явление в России – ведение российского бизнеса немецкими предпринимателями [5]. Заголовочный комплекс составляют следующие элементы: название текста *«Человек с двумя сердцами»*, функция заголовка – экспрессивная; лид, выделенный курсивом: «*Кондитерскую Франка Беккера в Саратове знают все. Она находится в самом центре города, на улице Московская. 14 лет назад приехал Беккер из Германии в город на Волге, чтобы продолжить дело своей жизни. Автор "МНГ" побывал у него в гостях, попробовал выпечку и выяснил, какими ветрами его занесло "в глушь, в Саратов"»*, где использован штамп; визуальный компонент – фотография пекаря среди выпечки, наличие фото делает текст поликодовым.

Авторское начало в тексте прослеживается и через указание имени журналиста, и через описание его участия в дегустации пекарских изделий, а также в его личной оценке: «*Сначала я попробовал два пирожных, на которые в России наблюдается устойчивый спрос. Это всем известные с советских времён "картошка" и "язычок". "Картошка" Беккера оказалась не такой жирной, как у других пекарей, с ярко выраженным шоколадным вкусом и густо приправленная корицей. "Язычок" же по форме напоминал пирожок, менее сладкий и более воздушный, чем обычно».* Эмотивность текста подчёркивается финальной фразой главного героя, которая вынесена в заголовок: *«У меня два сердца! Одно осталось в Германии, а второе сейчас здесь, в России».*

Автор начинает с вопроса пекарю: «*Признайся, Франк, что ты нашёл в Саратове?*». Прямая речь в дальнейшем будет перемежаться с пересказом: «*И Франк, отвечая на мой вопрос, рассказывает историю своей семьи. Его предки Беккеры, что, кстати, в переводе на русский – «пекарь», два с половиной столетия выпекали хлеб. И сам Франк, родившийся в ГДР, с малых лет работал в пекарне отца*». Хронотоп текста расширен в прошлое за счёт упоминания исторических событий: «*После объединения Германии… привычные для социализма экономические механизмы перестали работать», – объясняет Франк Беккер. Мелкий*

восточногерманский частник стал проигрывать крупному бизнесу, пришедшему с Запада. Кроме того, увеличилась стоимость наёмного труда, поднялись налоги. А тут ещё и покупателей у Беккеров стало меньше <…> семье пришлось свернуть своё дело». Мы подчеркнули штампы в тексте: «*На первый взгляд, в пекарне Беккера стандартный набор лакомств: печенье, булочки, пирожные и торты на заказ. Но вот вкус у многих изделий, прямо скажем, необычный. У Беккера около 400 оригинальных рецептов, которым он обучил работающих у него пекарей*». Далее по тексту: «*Конечно, Беккер скучает по Германии. Когда говорит о ней, на его глаза наворачиваются слёзы*».

Германоцентричность текста прослеживается прежде всего в перечислении национальных немецких кондитерских изделий, составляющих основу кейса для покупателей: «*…брецель, дрезденский пирог с вишней, венские воздушные булочки, штрудель со сливой и штоллен… торты "Франкфурт" и медовый "Укус пчелы"*». Скрытая реклама в тексте проявляется не только в перечислении производимой в пекарне продукции, но и в следующей фразе: *«Вообще, строгое соблюдение рецептуры – и есть главный секрет вкуса продукции Беккера».*

Жанр текста – информационное интервью с ярко выраженной перформативной функцией, поскольку в нём отслеживается прямое воздействие на читателя информацией о продуктах питания. Текст нарративный, он имеет описание пекарской продукции и её вкусовых качеств через описание авторских впечатлений. Доминирующая интенция текста находится в повседневной сфере. В нём существуют эстетическая, эмоциональная и ассоциативная структуры. Текст полифактурный – он есть как на сайте издания https://ru.mdz-moskau.eu, так и в мобильном приложении газеты. В тексте прослеживается уплотнение жанра интервью скрытой рекламой.

Традиция публичного международного освещения новостей в России началась с немецкой газеты «St. Petersburgische Zeitung» [6], но всегда ли в немецких газетах были германоцентричные тексты? Поскольку «Санкт-Петербургские ведомости» являлись переводной версией немецкой газеты «St. Petersburgische Zeitung» довольно долгое время [7], мы взяли заметку из № 103 1748 г. в рубрике «Новости из Санкт-Петербурга»: «*Здесь получена приятнейшая ведомость, что ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, наша всемилостивейшая Государыня, не смотря на бывшую талую погоду, в прошедшее Воскресенье поутру, в 8 часу в желаемом здравии в Москву прибыть соизволила, бывши на дороге меньше полутретьих суток*». Материалы взяты на сайте Электронная библиотека «Научное наследие России» http://e-heritage.ru/heritage-search/universal/search.html. И следующую заметку «*Женская бригада в первом ряду*» из «Deutsche Zentral Zeitung» № 134 1932 г., выложенную на сайте «Немцы Поволжья» в разделе электронной библиотеки https://wolgadeutsche.net/

artikel/_DZZ.htm, которую приводим здесь в переводе: *«Под руководством бригадира Элизы Айзенкауэр женская бригада артели "Пролетарий" в Андреевском Дорфрате (Украина) досрочно завершила работу в овощном хозяйстве. Бригада боролась за высокое качество работы и выполняла все дневные задания, объявив себя штурмовой бригадой, и в итоге она сражалась за большевистский темп работы даже во время кампании по уборке урожая»*. Абсолютное отсутствие в данных текстах германоцентричности можно констатировать и невооружённым медиавзглядом.

Делая предварительные выводы, мы отдаём себе отчёт в том, что обнаруженная нами специфичность некоторых текстов современной немецкой газеты требует более масштабного анализа медиаматериалов обнимающего четыре века немецкоязычной прессы в России.

Итак, во-первых, информация в тексте всегда представлена с позиции российских немцев, которые сравнивают современную российскую действительность с современной германской действительностью, что делает проявление этнического компонента весьма специфичным; во-вторых, международные новости в немецких газетах XVIII и начала XX в. не смешиваются с новостями российскими в отдельно взятом тексте. Делаем заключение: специфика отражения российской действительности современной немецкой прессой русских немцев заключается в её германоцентричности. Кроме того, позволим себе утверждать, что это новое явление в российской немецкой прессе.

Литература

1. Небайкина, А.В. Социолингвистические характеристики периодической печати немцев Поволжья начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Вып. № 11-1 (41). С. 147–150.
2. Иценко, А.В. Лексическое наполнение современных газет российских немцев как средство реализации этнической функции языка // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения: сборник трудов IV международной научной конференции. Томский политехнический университет. 2016. С. 124–128. [Электронный ресурс]. URL: http://earchive.tpu.ru/handle/11683/36034 (дата обращения: 04.04.2020).
3. Шмелёва, Т.В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270276. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36573108_17907082.pdf. (дата обращения: 04.04.2020).
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / вступ. ст. А.М. Бабкина, В.П. Вомперского. Репр. изд. М.: Терра. 1995. Т. 1. С. 548.
5. Васильев, Я.А., Курочкина, Т.Н. Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в. //

Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в.: сб. документов / сост.: Т.А. Данько (отв. сост.), Т.Н. Курочкина, Е.Ф. Михайлова и др.; отв. ред. Н.В. Салоников; Департамент культуры и туризма Новгородской области, Государственный архив Новгородской области. Великий Новгород, 2014. С. 431. [Электронный ресурс]. URL: https://akno.novreg.ru/tinybrowser/files/deyatelnost/.
6. Сыщиков, А.Д., Трофимова, Н.С. Газета «St. Petersburgische Zeitung» в первые годы её существования: к истории издания // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 3 (51). С. 49–56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24365905_59120919.pdf. (дата обращения: 01.04.2020).
7. Баженова, Н.М. 290 лет академической газете «Санкт-Петербургские ведомости» // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 3 (63). С. 133–137. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36076808_93185403.pdf.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Шмелевой Т.В.

УДК 069.1:002
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.26

НОВЫЕ ФОРМАТЫ КОММУНИКАЦИИ МУЗЕЯ С АУДИТОРИЕЙ

Рыжкова О.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

NEW MUSEUM COMMUNICATION FORMATS WITH AUDIENCE

Ryzhkova O.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые форматы коммуникации, которые позволяют наладить более эффективное взаимодействие между музеем и посетителями. Аудиовизуальные технологии создают эффект погружения в предметный мир музея, повышая его привлекательность для аудитории.
Ключевые слова: *мультимедиа, коммуникация, музей, VR, визуализация, виртуальная выставка.*

Abstract. The article discusses new communication formats that allow for more effective interaction between the museum and visitors. The author highlights audiovisual technologies that immerse the viewer in the subject world of the museum. Virtual technologies increase the attractiveness of the museum to the audience.
Keywords: *multimedia, communication, museum, VR, visualization, virtual exhibition.*

Сложно представить современный мир без мультимедийных технологий. По определению Европейской комиссии, занимающейся проблемами внедрения и использования инноваций, мультимедиа способствуют создания продукта, содержащего «коллекции изображений, текстов и данных, сопровождающихся звуком, видео, анимацией и другими визуальными эффектами (Simulation), включающего интерактивный интерфейс и другие механизмы управления».

Особенности мультимедийной культуры позволяют ей влиять практически на все стороны человеческой жизни, мировоззрение и миропонимание. Комплексное воздействие на восприятие за счёт сочетания визуального и аудиоряда создаёт совершенно другую перцепцию действительности. С помощью мультимедийных средств можно добиться буквального погружения в некую преобразованную реальность, событие или эпоху, что предаст впечатлениям от контента глубину и мощность. Столь эффективный способ коммуникации с

посетителями и передачи информации, делающий её усвоение более осознанным, не мог не привлечь современные музеи. Автором прежде было рассмотрено присутствие музея в информационном пространстве [1], а на всё растущую роль аудиторного фактора в медиакоммуникации исследователи указывали прежде [2].

Влияние мультимедиа на аудиторию в сочетании с интеграцией цифровых технологий в музей даёт возможность по-новому представить экспонируемый предметный ряд. Благодаря инкорпорации ресурсов (текстовых файлов, графических изображений, видео, аутентичных реплик для тактильного восприятия) музей получает возможность для расширения поля деятельности: информационная среда вне физического «места действия» даёт простор для виртуальных выставок, привлекающих в дальнейшем и реальных посетителей.

Организация пространства, воздействующая на все органы чувств и предполагающая более глубокое ознакомление (например, с помощью текстовых файлов), делает из пассивного потребителя контента активного исследователя. Меняется и качество информации – из «внешних сведений» об истории памятника, музейных коллекциях и содержании культурно-просветительской деятельности музея благодаря внутреннему осмыслению создаётся некий новый продукт. Информационные технологии, используемые в культурно-просветительском аспекте, меняют представление человека о самом себе, поскольку создают новые поводы для социокультурной идентичности.

Интеллектуальная активность в освоении цифрового продукта влияет на культурную жизнь общества, открывает возможности по-новому осмыслить то, что казалось хорошо известным и традиционным. С другой стороны, на пресыщенную традиционными способами представления музейных объектов публику производит впечатление сочетание физического плана и виртуального пространства. Как отмечалось исследователями, «вместе с тем (поскольку проникновение в другие эпохи и пространства осуществляется дистанционно через экраны и проекции) экспозиция превращается в подобие «волшебного кристалла», в котором отражается весь музейный универсум от коллекций до ежедневной практики» [3]. Посетитель сам определяет очередность просмотра, выступает как полноценный соучастник действия, погружающийся в события жизни художника или своеобразие эпохи.

В ситуации отсутствия непосредственного доступа к коллекциям актуальным становится возможность ознакомления с экспонатами дистанционно, с помощью виртуальных музейных филиалов.

При знакомстве посетителей с возможностями и достижениями музея мультимедиа могут играть не только вспомогательную роль – после создания электронной базы данных, сопровождения выставок в виде текстовых и видео-файлов они приобретают звучание отдельного арт-

объекта. В музеях всё чаще появляются мультимедийные инсталляции, которые содержат не традиционные экспонаты, но некие исторические реплики, позволяющие углубиться в историю бытования или создания культурного объекта, перемещаться в различных пространствах и совершать своего рода путешествия во времени. К подобным экспозициям можно отнести актуальные проекты Третьяковской галереи (реализуемые 05 июня 2018 – 30 августа 2020), посвящённые художникам-авангардистам Н. Гончаровой и К. Малевичу, а также мастеру пейзажной живописи И.И. Шишкину и норвежскому экспрессионисту Э. Мунку. С помощью очков виртуальной реальности посетители получают уникальный опыт сопричастности жизни и творчеству художников, постигают их художественно-пластический метод, а также могут стать со-творцами – составляя натюрморты из предложенных VR-объектов, продумывая колорит и композицию. Некоторые из проектов («Крик природы» Мунка) содержат определённые звуковые темы, использование которых связано с принципом цвето-звуковой синестезии, то есть взаимосвязи цветовой палитры и музыкальных созвучий. Виртуальный опыт не только помогает постичь атмосферу живописных полотен и демонстрирует процесс их создания, но и включает в себя нечто большее. Кроме собственно творческого посыла, проект подвигает зрителя к ощущению себя персоной-художником, что выходит за рамки знакомства со всевозможными информационными источниками и апеллирует к личному опыту.

При рассмотрении подобных мультимедийных проектов становится понятно, что их воплощение связано с визуализацией, либо визуализация является ведущим каналом передачи информации, на фундаменте которого выстраивается остальная коммуникация.

Под визуализацией (от лат. *visualis*, «зрительный») обычно понимают общее обозначение приёмов представления числовой информации или физического явления в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа. Визуализация, будучи базовым свойством мультимедиа, органически связана с ключевым свойством цифровых технологий – виртуальностью, характеризующейся наличием некоего технического объекта, передающего проекцию изображения, и возможностями демонстрации этого изображения в цифровой модели с применением IT-технологии. Именно визуализация несёт на себе основную просветительскую функцию мультимедийных проектов. Исходя из технологических особенностей визуализации можно выделить следующие разновидности мультимедийных разработок:

– традиционным и доступным является использование *ЖК-панелей* и *мультимедийных проекторов*. Эти средства не требуют особых технологических и дизайнерских затрат и используются как дополнительный иллюстративный материал к экспозициям или музейным конференциям. Научно-практические конференции НГОМЗ и дополнения

к выставкам, посвящённые, например, истории восстановления какого-либо памятника, сопровождаются демонстрацией слайд-шоу или документальных фильмов соответствующей тематики;

– большие объёмы информации или «погружение» зрителя в некий образный ряд требуют больших площадей. Подобным запросам может отвечать *интерактивная видеостена*. На ней отображаются художественные объекты значительных размеров, подчеркивающие замысел основной экспозиции, либо нечто, предполагающее изменения во времени – хроники, жизнеописания, линейно развивающиеся события. Интерактивные стены могут использоваться в художественных галереях, позволяя посетителям увеличивать избранные объекты при максимальном разрешении, либо погружать зрителей в своеобразный тоннель с видеопроекциями и объёмным звуком, как это сделано в Музее естественных наук MUSE в итальянском городе Тренто. Тоннель создаёт иллюзию полёта над Альпами и горнолыжного спуска. В этом же музее эффект интерактивной поверхности используется в глобусе – копии Земли, где при помощи специальной программы в онлайн-режиме представлено движение атмосферных масс, океанов и континентов, климатические изменения и подобное;

– технически более сложен метод *голографии* (др. греческое «запись»), благодаря которому создаётся эффект присутствия в выставочном поле объекта, архитектурного памятника или персонажа. Объёмное лучевое изображение проецируется на прозрачный экран, создавая иллюзию парящего в воздухе предмета. Проекцию можно осуществлять не только на специальный экран, но и на любые геометрические фигуры, витрины, зеркала и т.д. Изображение может быть представлено в натуральную величину или в масштабе, дополнено звуковым рядом, перемещаться в пространстве или поворачиваться вокруг собственной оси. Несмотря на то, что возможности голограмм были открыты в 60-х годах прошлого века, ощущение чуда делает эту технику до сих пор актуальной, примерами тому служат 7D-шоу в Историческом музее Дубая, голографическое присутствие мумии доисторического человека в Британском музее или выставка живописных работ Пиросмани в Тбилиси;

– популярное сегодня направление *видеомэппинг* (от английского «нанесение на карту», «отображение») предполагает создание трёхмерных проекций, которые в дальнейшем будут «наслаиваться» на какие-либо физические объекты. С учётом геометрии «основы» разрабатывается визуальная составляющая, звуковое дополнение и последовательность инсталляции, которая вовлекает зрителя в иллюзию изменения исходного объекта. Данный формат находит своё отражение в современной научной литературе, где указывается, что «в музеях с помощью видеопроекции можно представить те экспонаты, которые по каким-либо причинам

невозможно выставлять на всеобщее обозрение. Также можно даже самый маленький предмет сделать очень большим, чтобы посетители музея могли хорошо разглядеть то, что трудноразличимо для человеческого глаза. Помимо этого, музеями 3D mapping активно используется для оживления экспозиций, для демонстраций видео, которые позволяют переместиться в другую эпоху» [4]. Одним из примеров использования технологии видеомэппинга может послужить создание мультимедийной экспозиции в музейном комплексе «Куликово поле», открытой в сентябре 2016 года, выставочный комплекс «Вселенная воды» в Санкт-Петербурге, оживающие манекены на выставке Готье в Стокгольме.

Мультимедийный способ репрезентации музейных коллекций и просветительских проектов позволяет создать у посетителей представление о музейных коллекциях в контекстуальном ключе, расширяет информационные ресурсы музея: тем самым взаимодействие аудитории и музея становится более действенным, ярким и активным. Большое значение имеет и то, что информация, ранее доступная только исследователям и узким специалистам, получает широкое распространение, причём для этого не обязательно лично посещать музей: «выбор технологий решающим образом формирует культурные стили будущего» [5].

Коммуникация посредством мультимедиа превращает обычного посетителя экспозиций в активного исследователя, самостоятельно определяющего последовательность изучения контента, просматривающим материал в нужном ему темпе столько раз, сколько это необходимо. Как справедливо считает Б.М. Галеев, «Мультимедиа – не просто форма, а новая синкретичная форма, которая являет собой синергию между различными художественными формами, синергию между звуком, образами и текстами. В мультимедиа, как в одной мультисенсорной точке, сходятся визуальный, аудио и текстовой материал внутри интерактивной компьютерной среды. Она может принимать любую форму и состоять из любых комбинаций: текст, гипертекст, двухмерная и трёхмерная графика, анимация, движущееся изображение (цифровое видео и фото), музыка, звуковые эффекты. Как продукт нового инструментария, мультимедийные средства вбирают в себя достоинства всех предыдущих аудиовизуальных средств. Но не вытесняют их» [6].

Новгородский государственный объединённый музей-заповедник в рамках знакомства с историей и культурой Великого Новгорода онлайн (на электронных носителях или тач-панелях) предлагает увидеть шедевры музейной коллекции и ознакомиться с аудиовизуальными рассказами о некоторых из них. Вкладка *коллекции online* является электронным ресурсом, содержащем карточки с фотоизображениями предметов и справочной информацией. Исследователь, как и обычный пользователь, получает возможность онлайн ознакомиться с коллекциями, выставками,

архитектурой и монументальной живописью новгородских храмов. Большинство выставок проходит в онлайн-режиме, где коллекции музейных предметов сопровождаются описанием рассказом о связанных с ним исторических событиях. Осваивается формат радиоэкскурсий и видеопрогулок по новгородским улицам.

Таким образом, коммуникация посредством мультимедийных технологий бесспорно популяризует музейный комплекс. Однако интерактивная сторона экспозиции должна быть частью единого пространства, состоящего из концепта, предметов экспозиции, дизайна, звукового и светового сопровождения, работая на привлечение внимания к музейным предметам.

Литература

1. Рыжкова, О.А. Музей в медиапространстве региона: жанры, инфоповоды и комментарии // Учёные записки НовГУ. Электронный журнал. 2019, № 3 (21). URL: http://www.novsu.ru/file/1525482.
2. Каминская, Т.Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 47–55.
3. Лебедев, А.В. Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6. С. 33.
4. Сайт «Программное обеспечение POGUMAX Designer» [Электронный ресурс]. URL: https://pogumax.ru/sfery-primeneniy-videomappinga-i-ego-stoimost (дата обращения: 10.04.2020).
5. Тоффлер, Э. Шок будущего // М.: АСТ, 2001. С. 475.
6. Галлеев, Б.М. Компьютер и искусство // Человек. 2001. № 4. С. 119.

Статья рекомендована к печати
зав. кафедрой журналистки НовГУ,
доктором филол. наук, доцентом Каминской Т.Л.

УДК 821.161.09+78.083.631
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.27

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ РОМАНСА В ЧЕХОВСКОЙ «ДРАМЕ НА ОХОТЕ»

Семёнова Е.И.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Semenova_61@mail.ru

STRUCTURAL–FORMING FUNCTION OF ROMANCE IN «THE DRAMA ON THE HUNT» BY CHEKHOV

Semenova E.I.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Semenova_61@mail.ru

Аннотация. В данной статье делается попытка рассмотреть функцию самого популярного музыкального жанра в России во второй половине XIX века – романса – в чеховской «Драме на охоте». Включение апухтинского романса в цыганском исполнении в структуру художественного текста выполняет не только сюжетообразующую, но и смыслообразующую функцию, поскольку романс является своеобразным «текстом в тексте» и обогащает данное произведение дополнительными смыслами.
Ключевые слова: *романс, цыганское пение, текст, структурообразующая функция.*

Abstract. This article attempts to consider the function of the most popular musical genre in Russia in the second half of the 19th century – a romance – in the Chekhov's “Drama on the Hunt”. The inclusion of the Gypsy version of the apukhtinsky romance in the structure of a literary text performs not only a plot-forming, but also a meaning-forming function, since the romance is a kind of “text in the text” and enriches the work with additional meanings.
Keywords: *romance, gypsy singing, text, structure-forming function.*

Романс – особый жанр, обладающий признаками, которые, с одной стороны, относят положенное на музыку стихотворение к романсовой области, с другой – отгораживают его от прочих, особенно смежных жанров, прежде всего от песни [1]. Внутри романса сформировалось несколько поджанров: камерный романс, бытовой, жестокий и цыганский. Цыганский романс не особый национальный жанр, а примыкающий к русскому, это романс, несколько «сдвинутый» своеобразной исполнительской манерой. Особенности исполнения цыганского романса выражали как бы неповторимые «движения души» исполнителя и слушателя; эмоции, выражаемые «между строк» нотного текста, придавали поэтическому тексту более значительный смысл, сильное и яркое эмоциональное впечатление. «Подобная свобода исполнения, – как

указывает Т.В. Чередниченко, – ассоциировалась в сознании слушателей с романтическими представлениями о «свободе» самих цыган и была, таким образом, социально окрашена тоской по более естественной, свободной от сословных ограничений жизни человека. Эти социальные корни воздействия цыганского романса объясняют его возросшую популярность в России в 60–90-е годы XIX века» [2].

Среди русских классиков длинен список поклонников цыганской музыки – А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А.А. Фет, Н.А. Островский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой. И Чехов был хорошо знаком с пением цыган. Московским студентом он часто ночью ездил за город с братьями, с Ф. Шехтелем слушать цыганок. Упоминание ресторана «Стрельна» появляется уже в рассказе «Жизнь в вопросах и восклицаниях» (1882): «Между 20 и 30 годами <…> В Стрельну и обратно! Бис, бис! Сколько я вам должен? Завтра придёте!» (С. 1, 130) [3] – эти слова принадлежат студенту, возгласы «бис!» – это знак восхищения им цыганским пением, не себя ли и своих друзей, сильно стеснённых в средствах, но всё же позволявшим иногда поездку в Стрельну, изображает Чехов в этом молодом человеке?

Позже в письме к издателю журнала «Осколки» Н.А. Лейкину писатель, зазывая его в гости, отмечает: «У нас зимой весело. В Стрельну можно будет съездить...» (П. 1, 92). А в 1889 году в письме А.С. Суворину Чехов даёт образную характеристику цыганскому пению: «Хорошо поют эти дикие бестии. Их пение похоже на крушение поезда с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука...» (П. 3, 613).

На сцене ресторанов «Стрельна», «Яр» всегда звучала музыка, пение хоров. Слышался людской гомон, хлопанье пробок и звон хрусталя, а в зале дамы, на обнаженные плечи которых бросают радужные отблески искрящиеся драгоценности. Современники вспоминали, что всё это сразу же объединяло и кутил-купцов, и чиновников-растратчиков, и заезжих провинциалов, и бедных студентов. Дело в том, что «в городских ресторанах цыганам петь запрещалось, а за заставами они имели право выступать перед публикой. Цыганский хор насчитывал 40–45 человек, большинство из них были мужчины, которые играли на инструментах и иногда пели. Женская часть состояла из девушек и старух-надзирательниц. В обязанность старух входило наблюдение за соблюдением правил приличия» [4]. Девушки уговаривали гостей дать на подарки старухам, предлагали послушать хор (не бесплатно, конечно), заводили и разговоры о денежных подарках. Всё заработанное отдавалось в хор и потом распределялось по паям.

Не случайно цыганский хор появляется в чеховской «Драме на охоте» (1884), в тексте, несомненно, находит отражение личный опыт писателя. Старые друзья – судебный следователь Зиновьев и граф Карнеев – устраивают в графской усадьбе кутёж, и граф умоляет послать телеграмму

в город: «В последний... Серёжа, друг, в последний раз не послать ли в город телеграмму? <…> Кутнем уж в последний раз как следует... Ну, встань же, напиши... <…> Я поднялся и написал: «С... Ресторан “Лондон”. Содержателю хора Карпову. Оставить всё и ехать немедленно с двухчасовым поездом. Граф» (С. 3, 131).

Карнеев ждет праздника, а кто, как не цыгане, умеют создать этот праздник. Его не волнует ни время суток, ни расстояние, которое придётся преодолеть этим людям: «Теперь без четверти одиннадцать, – сказал граф. Человек будет скакать до станции три четверти часа, maximum час... Телеграмму получит Карпов в первом часу... На поезд, стало быть, поспеет... Если на этот не поспеет, то приедет с товарным... Да?» (С. 3, 131). Граф волнуется, приедут ли цыгане? Они не могут не приехать. Выступления «за заставой» являются единственным для них доходом. Чехов не случайно иронизирует над текстом телеграммы: содержатель хора Карпов – русский человек, своё заведение называет на иностранный манер – «Лондон», а выступают в нём цыгане. Но это не приносит им дохода, и бедные певцы среди ночи вынуждены отправляться в графскую усадьбу.

«Граф сидел верхом на стуле и отбивал руками такт... Пшехоцкий стоял позади его стула и удивленными глазами глядел на певчих птиц...» (С. 3, 131). И граф Карнеев, и его гость поляк Пшехоцкий чувствуют настоящую свободу, их не тревожит, что происходит вокруг, «певчие птицы» помогают героям забыть всё, что их беспокоило:

«В зале заиграли на рояле.

“Ах, Москва, Москва,

Москва... белокаменная... ”

– заорало несколько голосов...» (С. 3, 133).

Цыганский хор не запел, а заорал, причём сначала русские народные песни, но само исполнение песни цыганским хором трансформировалось. Цыгане вносили свои приёмы интонирования: резкие контрасты с использованием низкого грудного регистра, глиссандирование, выразительную, даже, скорее, прихотливую мелизматику (мелодические украшения), импровизационность. Песня стала исполняться в сопровождении гитары, соответственно упростилась её фактура, исчезли элементы контрапункта с мелодией. Обязателен был хоровой припев-рефрен. Известно, что именно «российская песня» вначале входила в репертуар цыганских хоров, именно она послужила основой для формирования так называемого цыганского романса [2].

Зиновьева переполняют чувства, он готов выплеснуть их, но для этого нужна особая песня:

«Я вырвал из рук Карпова его балалайку, махнул рукой и затянул...

– Вниз по ма-а-атушке... па-а-а Во-о-о...

Па-а В-о-о-о-лге...

– подхватил хор...

Ай, жги, говори... говори...

Я махнул рукой, и мгновенно, с быстротой молнии наступил новый переход...

Ночи безумные, ночи весёлые...» (С. 3, 133). Зиновьев включается в пение с цыганами народных песен: «Вниз по матушке по Волге»:

Вниз по матушке по Во…
По Волге,
По широкому раздолью,
По широкому раздолью… раздолью,
Поднималась непогода… [5].

Это старинная русская песня, одна из так называемых бурлацких песен. Подобные произведения народного творчества называются бурлацкими, так как исполнялись они бурлаками во время тяжёлых артельных работ, требовавших больших совместных усилий. Эти протяжные, заунывные, печальные звуки не соответствуют настроению Зиновьева, он резко обрывает эту песню и запевает другую – «Адлерскую песню» на стихи А.А. Бестужева-Марлинского. Это марш о боевом сражении русских моряков с абхазским князем:

Уж недаром слетаются орлы,
Как на пир, на черкесские скалы.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как на пир, на черкесские скалы.
Паруса надуваются, шумят,
Что на палубах солдатушки сидят.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Что на палубах солдатушки сидят [6].

Чёткий ритм, строгая размеренность темпа устанавливают рамки для исполнения [7]. Характер марша не устраивает героя, и он сам задает новый переход: «Ничто так раздражающе и щекочуще не действует на мои нервы, как подобные резкие переходы. Я задрожал от восторга и… допел до конца.

“Ночи безумные”... Балалайка с треском ударилась о пол и разлетелась на мелкие щепки...

– Вина!

Далее мои воспоминания приближаются к хаосу...» (С. 3, 133).

В русской музыке второй половины XIX века доминирующую роль среди жанров играл всё же романс [8]. Среди множества романсов Зиновьев выбирает именно романс Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные»:

Ночи безумные, ночи бессонные
Речи несвязные, взоры усталые…
Ночи, последним огнём озарённые,
Осени мёртвой цветы запоздалые [9]!

Герой останавливается на этом романсе, чувствуя в его словах то переживание, которое отвечало его настроению. Своеобразный «текст в тексте» предсказывает дальнейшее развитие сюжета, становится сюжетообразующим. Хор подхватывает любую песню, но «Ночи безумные» вместе с героем допевает до конца. Многие романсы после исполнения их цыганами утрачивали своё авторство, это произошло и с произведением Апухтина. В исполнении этого романса у цыган не было равных. Особая манера пения – растягивание гласных, незаметные переходы от строчки к строчке, умение прочувствовать текст и музыку и передать характер – это то, что являлось национальной особенностью их исполнения.

Романс словно предсказывает дальнейшую судьбу Зиновьева, которая действительно похожа на безумие: длинные жаркие дни, непрекращающиеся встречи, мелькание лиц, музыка, пение, вино рекой, «речи несвязные, взоры усталые», замутненное сознание. Герой изменяет и текст романса, его ночи – «весёлые», а по сути, оказываются – «безумными и бессонными».

Исполнение цыганским хором романса сыграло важную роль для Зиновьева. Он смог забыть тревожащие его воспоминания об Ольге, девушке в красном, молодой особе, дочери лесничего, герои считают её «ангелом во плоти», но развитие сюжета заставляет убедиться в обратном, потому что она совершает необдуманные и необъяснимые поступки. Ольга привлекательна, но корыстна и лжива. Её замужество с управляющим графа Урбениным – брак по расчёту, который продлился недолго. Вскоре она сбегает от мужа к более состоятельному человеку – Карнееву. Зиновьев не может понять Ольгу, но чувствует её любовь и мучается из-за этого. Он «летит к ней памятью жадной», «в прошлом ищет ответа невозможного…» [9], пытается изменить и свою, и её жизнь. Но во всем этом хаосе бесконечных пирушек, гуляний и веселья происходит трагедия. Убита Ольга. «Драма на охоте» превращается в детектив со многими неизвестными. В графской усадьбе оказываются и приглашённые цыгане. Они не подозреваемые, а просто забытые артисты, оказавшиеся не к месту: «Бедные певцы всю ночь просидели в залах, ожидая, что им дадут лошадей для поездки на станцию. Но лошадей им не дали; прислуга посылала их к графу, предупреждая в то же время, что его сиятельство не велели никого “впущать”. Не дали им и самовара, который они попросили утром» (С. 3, 227). Чехов показывает, как относятся теперь к цыганам: «Это более чем странное, неопределённое положение в чужом доме, где лежала покойница, безызвестность относительно часа выезда и сырая, унылая погода – всё это вогнало бедных цыган и цыганок в такую тоску, что они за одну ночь похудели и побледнели. Они слонялись из угла в угол, словно испуганные или ожидающие строгого вердикта» (С. 3, 227). Певцы, приехавшие развлекать публику, оказываются никому не нужными.

«Ночи безумные, ночи бессонные» приводят героев к разному финалу. Проходит 8 лет, Зиновьев вспоминает происшедшее: «Одни участники драмы умерли и уже сгинули, другие несут наказание за свой грех, третьи влачат жизнь, борясь с будничной скукой и ожидая смерти со дня на день» (С. 3, 254). Говоря о третьих, Зиновьев имеет в виду своего старого друга Карнеева: «Иногда, под вечер, лёжа у меня в номере на диване, он любит вспомнить былое.

– Хорошо бы теперь цыган послушать, – бормочет он, – пошли, Серёжа, за коньяком!» (С. 3, 254).

Для графа прошлая жизнь – это весёлые, беззаботные дни в усадьбе. Он вновь хочет вернуться туда, погрузиться в ту атмосферу и затянуть с цыганами романс, забыться.

Зиновьев же вспоминает всё иначе. Для него произошедшее не было сплошным праздником: «Жизнь бешеная, беспутная и беспокойная, как озеро в августовскую ночь... Много жертв скрылось навсегда под её тёмными волнами... На дне лежит тяжёлый осадок...» (С. 3, 255). Этот тяжёлый осадок лежит на душе героя. Ведь он является виновником той трагедии. От лихой жизни в памяти остались лишь «ночи, последним огнём озарённые, осени мёртвой цветы запоздалые» [9]. Герои встречают осень своей жизни, но никак не могут расстаться со своими воспоминаниями.

Чехов не случайно вводит в текст романс «Ночи безумные, ночи бессонные». Этот романс, так сказать, «красивое страдание» [10], в какой-то степени предсказывает и судьбу героев, и становится структурообразующим элементом, организующим текст. Включение романса в структуру художественного текста выполняет и смыслообразующую функцию, поскольку романс, включённый в произведение и представляющий своеобразный «текст в тексте», вступает в диалогические отношения с данным произведением и обогащает его дополнительными смыслами.

Литература

1. Петровский, М. «Езда в остров любви», или Что есть русский романс // Вопросы литературы. 1984. № 5. С. 59.
2. Чередниченко, Т.В. Цыганский романс // Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 6. С. 158–161.
3. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. 18 т. Сочинения. 12 томов Писем. Ссылки даются в тексте с указанием номера тома и страницы.
4. Бессонов, Н. История цыган. Новый взгляд. Воронеж, 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://gypsy-life.net/history15-2.htm (дата обращения: 04.04.2020).

5. Русская народная песня. [Электронный ресурс]. URL: https://pesni.retroportal.ru/np1/12.shtml (дата обращения: 04.04.20).
6. Бестужев-Марлинский, А.А. Стихотворения. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/ bestuzhewmarlins_a_a/text_0260.shtml (дата обращения: 04.04.20)
7. Хаханян, Х.М. Марш // Музыкальная энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 552.
8. Иванова, Н.Ф. Чехов и музыка // А.П. Чехов. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 592.
9. Апухтин, А.Н. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1991. С. 45.
10. Рабинович, В.Л. «Красивое страдание». Заметки о русском романсе // Русский романс. М.: Правда, 1987. С. 30.

Статья рекомендована к печати
руководителем Научно-образовательного центра литературоведения,
канд. филол. наук, доцентом Ивановой Н.Ф.

УДК 81.25:82.0
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.28

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ ПЕРЕВОДЧИКА В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ ТЕКСТА

Смертин И.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: iwan.smertin2@gmail.com

A UTILITARIAN APPROACH TO THE LITERARY TALENT OF A TRANSLATOR IN THE CONTEXT OF COGNITIVE POETICS

Smertin I.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: iwan.smertin2@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей взаимодействия переводчика с текстом оригинала произведения в свете когнитивной поэтики текста и влиянию различных экстралингвистических факторов на процесс перевода. Исследование проводится на материале романа Х.С. Томпсона “Fear and Loathing in Las Vegas. A Wild Journey to the Heart of the American Dream”. Значительное место в работе уделено когнитивно-дискурсивному и сопоставительному анализам перевода данного произведения, выполненного А. Керви. В статье выдвигается тезис о необходимости инструментальной реализации писательского мастерства при переводе художественной литературы с целью детального воссоздания образов персонажей, их речевых портретов, авторских интенций и мира произведения в целом. Результаты исследования демонстрируют важность адекватной передачи текстовых составляющих художественного мира произведения для максимально точного воссоздания оригинального текста в языке перевода.
Ключевые слова: *художественный перевод, сленг, экстралингвистические факторы, когнитивная поэтика.*

Abstract. This article is devoted to the interaction of a translator with the original text in the context of cognitive poetics and the influence of various extralinguistic factors on the translation process. The study is based on H. S. Thompson's novel “Fear and Loathing in Las Vegas. A Wild Journey to the Heart of the American Dream”. A significant place in the work is given to cognitive-discursive and comparative analyzes of the translation performed by A. Kervi. The article emphasizes the necessity of instrumental implementation of translator’s literary talent for detailed recreation of the characters, their speech portraits, author's intentions and the atmosphere of the text as a whole. The results of the study demonstrate the importance of adequate translation of the textual components.
Keywords: *literary translation, slang, extralinguistic factors, cognitive poetics.*

Широкое многообразие разновидностей взаимодействия переводчика с текстом оригинала произведения является одной из ключевых проблем перевода художественной литературы. Актуальность этого вопроса объясняется тем, что перевод, являясь разновидностью мыслительной деятельности, определяется особенностями функционирования сознания человека и характером протекания различных психических процессов. Теория перевода активно развивается, но сознание переводчика функционирует на основе незыблемых законов психофизиологии, равно как и сознание автора, создающего оригинальный художественный текст. Следовательно, значимость проблематики этого перевода не исчерпает себя до тех пор, пока литературная и (или) переводческая деятельность не исчезнут как таковые. Основываясь на исторических, культурологических и социологических знаниях, мы позволим себе заявить, что этого не произойдёт никогда.

Литературный перевод особенно интересен тем, что в ходе работы переводчик взаимодействует с художественным миром текста на всех уровнях – когнитивные процессы обеспечивают восприятие, обработку и декодирование фактуальной информации, формирование образов и подбор соответствующих единиц перевода, эмоциональные процессы способствуют правильному отображению авторских смыслов в сознании переводчика и последующему воссозданию прагматически эквивалентного текста, а волевые процессы определяют организацию процесса перевода и, в некоторой степени, мотивацию принятия тех или иных переводческих решений.

Тем не менее это многообразие не даёт переводчикам права полагаться исключительно на свой литературный талант и пренебрегать нормами и правилами выполнения перевода, как и самой теорией перевода в целом. Нередко можно встретить мнение, что художественный перевод – это не менее творческий и креативный процесс, чем создание оригинального художественного произведения. Мы не считаем, что это высказывание в корне неверно, однако нередко оно трактуется абсолютно софистично: такой подход при неверном понимании выводит на передний план стремление переводчика к творческой самореализации в ущерб адекватности и эквивалентности перевода. Разумеется, цель художественного перевода заключается в воссоздании оригинального текста с сохранением не только абсолютного максимума содержательно-фактуальной информации, но и всех нюансов, концептов, глубинных интенций и авторских смыслов. Один из основных тезисов нашего исследования заключается в том, что писательский талант переводчика при таком подходе играет преимущественно инструментальную функцию, помогая ему корректно подбирать переводческие соответствия и детально воссоздавать художественный мир произведения.

Особенности восприятия реципиентами текста художественного мира литературного произведения являются одним из ключевых предметов

изучения когнитивной поэтики – междисциплинарного направления, находящегося на стыке когнитивной психологии, лингвистики и литературоведения, ключевым фокусом изучения которого являются особенности функционирования и восприятия читателями художественного мира произведения, пути его взаимодействия с рецепторами текста и различные аспекты его интерпретации. Краеугольными камнями художественного мира произведения являются описываемые в тексте реалии и образы персонажей.

Наивысшая ответственность лежит на переводчиках, которые работают с очень концептуальными, многогранными художественными произведениями, художественные миры которых фантасмагоричны, в некоторой степени оторваны от реальности, но всё же представляющие в сути своей отражение жизни автора. Более того, ответственность значительно повышается в том случае, когда переводчик занимается программным произведением автора. Оба этих условия интереснейшим образом переплетаются в одной из самых известных книг американского пионера гонзо-журналистики, «лишённого надежды либерала», как называли его современники, и настоящей рок-звезды от американской литературы второй половины двадцатого века – Хантера Стоктона Томпсона. Речь идёт о романе *Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream*, написанном в 1971 году.

Первое, что бросается в глаза при когнитивно-сопоставительном анализе перевода этого произведения («Страх и Отвращение в Лас-Вегасе. Дикое Путешествие в Сердце Американской Мечты»), опубликованного в 2003 году в известной серии издательства АСТ «Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения», автором которого является российский переводчик Алекс Керви, с оригиналом текста Х. С. Томпсона – несоблюдение регистра речи, или, иными словами, неоправданное внесение коннотативной лексики в речь персонажей. Как известно, в гонзо-произведениях, где рассказчиком и своеобразным «творцом» художественного мира является главный герой, именно его речь и речь его окружения формирует представление авторских смыслов в сознании читателя.

В переводе Керви наблюдается необоснованная маргинализация речи главного героя произведения, журналиста Рауля Дюка, альтер-эго автора Хантера С. Томпсона. Неоправданное снижение регистра речи нередко проявляется в переводе обсценной лексики. Пример: *“Shit, we should get us some of that stuff”* – «Чёрт, мы должны запастись этим дерьмом». В оригинальном предложении присутствует грубая лексическая единица *Shit*, и А. Керви переводит её в соответствии со всеми базовыми требованиями к адекватности и эквивалентности перевода, однако в конце предложения вышеуказанный перевод сленговой единицы *stuff (наркотик, сленг. дурь)* не может быть оправдан стилистической компенсацией. Наш вариант перевода – *«Вот чёрт, я бы прикупил ещё этой дури».*

В переводе А. Керви нередко встречаются буквализмы, искажающие речевой портрет героев, которым принадлежат содержащие их высказывания. Яркий пример тому – перевод описания состояния Рауля Дюка у стойки регистрации отеля «Минт», когда он, находясь под действием ЛСД, пытался получить ключ от забронированного номера: *"My legs feel rubbery"*. Перевод А. Керви: *«Мои ноги стали как резиновые».* Помимо очевидной «неуклюжести» и неестественности данной конструкции, следует указать на ошибочный буквальный перевод прилагательного «rubbery» – резиновый. Словосочетание *rubber legs* или *rubbery legs* имеет точный эквивалент в русском языке, гораздо более привычный для слуха русскоговорящего реципиента – «ватные ноги». Таким образом, чтобы избежать буквализма, мы предлагаем следующие варианты перевода: *«Мои ноги стали ватными»*, *«Мои ноги отнялись»*.

А. Керви часто допускает в своём переводе буквализмы, некорректно передающие прагматический потенциал лексических единиц оригинала и нарушающие узуальные нормы русского языка. Разберём высказывание, относящиеся к размышлениям Рауля Дюка об агрессивных действиях своего напарника, адвоката Гонзо: *"You can turn your back on a person, but never turn your back on a drug – especially when it's waving a razor-sharp hunting knife in your eyes"*. Перевод А. Керви: *«Ты можешь повернуться спиной к человеку, но никогда не поворачивайся спиной к наркотику – особенно когда он размахивает у тебя перед глазами остро отточенным охотничьим ножом»*.

Х. Томпсон использует в своём тексте стилистическую фигуру, троп – олицетворение. *«A drug»*, в буквальном переводе, – «наркотик», наделяется в данном контексте признаками живого существа (*"…but never turn your back on a drug – especially when it's waving a razor-sharp hunting knife in your eyes"*). А. Керви полностью калькирует это олицетворение («*...но никогда не поворачивайся спиной к наркотику – особенно когда он размахивает у тебя перед глазами остро отточенным охотничьим ножом»*). Мы считаем уместным опущение олицетворения и перенос прагматики высказывания на более типичное для употребления в данном контексте в русскоязычном тексте слово *«наркоман»*. Слово *«наркотик»* не является для русскоязычного читателя узуальной метонимией, использующейся для наименования людей, употребляющих наркотики. Однако чтобы компенсировать потерю описываемого стилистического элемента данного высказывания и восстановить естественность звучания фразы, мы считаем удачным вариантом, учитывая общую тональность речи главного героя, использование вместе с существительным *«наркотик»* поясняющего определения – разговорной лексической единицы *«ходячий»,* нередко использующейся в русском языке как средство олицетворения (ходячая реклама, ходячий труп и т.д.). Таким образом, мы предлагаем следующий вариант перевода: *«Ты можешь повернуться спиной к человеку, но к ходячему наркотику – никогда,*

особенно если он размахивает острым, как бритва, охотничьим ножом перед твоими глазами». По нашему мнению, такой перевод делает текст более «живым» и максимально приближает его к нормам литературного русского языка.

В наркосубкультуре, как и во многих других субкультурах, членам принято давать различные прозвища, клички, характеристики и определения. И прозвищные антропонимы, и определения характеризуют деятельность человека, его происхождение, особенности его личности и так далее. Прозвище даётся по аналогии с характерными чертами человека, его деятельностью, убеждениями, национальностью. В произведении Х. Томпсона мы несколько раз встречаемся с прозвищами и характеристиками, и сейчас мы разберём наиболее интересный из них – "*scag baron Savage Henry"*. Первое упоминание о *Savage Henry* мы встречаем в диалоге адвоката Гонзо и автостопщика, оказавшегося в компании главных героев:*"The truth is", he said, "we're going to Vegas to croak a scag baron named Savage Henry"*. Из этой фразы мы узнаём, что *Savage Henry* – наркобарон, специализирующийся на торговле героином (словарь английского сленга Urban Dictionary даёт следующее определение понятия *"scag baron"*: *A scag (heroin) dealer, usu. with substantial power and resources*) [2]. И действительно, на протяжении всего повествования герои говорят о *Savage Henry* как об уважаемом в преступном мире человеке. Намёки на личность этого персонажа, присутствующие в тексте, указывают нам на то, что свою кличку *Savage Henry* получил не случайно. Давайте обратимся к переводу этого отрывка, выполненному А. Керви: *«– А правда заключается в том, – начал он, – что мы направляемся в Вегас пришить нарколыжного барона по кличке Дикарь Генри*».

В словаре Ушакова даётся следующее определение слова *«дикарь»*: *ДИКАРЬ, дикаря, м. 2. перен. Грубый, некультурный человек, варвар (неодобр.)* [3]. Мы считаем, что данное определение подходит к описываемому автором наркобарону. Такую кличку наркобарон в те времена мог получить за свою жестокость и беспощадность к тем, кто встаёт на его пути *(например, Cambridge Dictionary даёт такое определение слову «savage»: extremely violent, wild, or frightening)*. [4] Учитывая всё вышесказанное, мы считаем, что в этом случае А. Керви удалось сохранить прагматический потенциал этого прозвищного антропонима.

Чтобы прояснить ситуацию с «титулом» *Savage Henry*, необходимо разобрать коннотации словосочетания *«scag baron»*. А. Керви для перевода *"scag baron"* использует словосочетание *«нарколыжный барон»*, которое мы считаем неоправданным оксюмороном. Слово *«нарколыга»* в русском языке носит пренебрежительную коннотацию и указывает на опустившегося потребителя наркотиков, но никак не на влиятельного наркобарона, коим и являлся *Savage Henry*. Кроме того, в переводе

А. Керви ввиду неоправданной и некорректной генерализации теряется часть авторской информации (scag baron – барон, торгующий героином) и нарушается прагматический потенциал высказывания: реципиент теряет возможность представить полный и правильный образ Дикаря Генри. Исходя из всего вышесказанного, мы предлагаем следующий перевод, в котором сохранён прагматический потенциал и антропонима, и определения:

– А правда в том, – сказал он, – что мы едем в Вегас грохнуть наркобарона, торговца героином по кличке Дикий Генри.

На основе проведённых нами сопоставительных и дискурсивных анализов можно сделать вывод, что для достижения максимальной адекватности перевода реалии, реализованных в лоне сленга субкультуры наркозависимых, крайне важно учитывать широкое разнообразие экстралингвистических аспектов, влияющих на процесс выбора переводческих соответствий, а также обладать необходимым набором фоновых знаний. Учёт этих факторов устанавливает для переводчика жёсткие, но справедливые рамки: его языковая личность и талант писателя должны работать во благо максимально точного воссоздания художественного мира произведения. Используя методы когнитивно-дискурсивного анализа текста, мы пришли к выводу, что для максимально точной передачи коннотативного, эмотивного и фактуального потенциала текста переводчику необходимо сохранить аутентичность текста и обеспечить максимальную точность перевода составляющих художественного мира автора: характеры, образы героев, и, конечно же, их речевые портреты.

Литература

1. Джабраилова, В.С., Белозерцева, Н.В. К вопросу о переводе английского сленга // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. 2018. С. 30–34, с. 31.
2. Scag baron. Словарь современного сленга Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=scag+baron (дата обращения: 06.04.2020).
3. Дикарь. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12521 (дата обращения: 06.04.2020).
4. Savage. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/ savage_1 (дата обращения: 06.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Александровой О.А.

УДК 821.111:81.25
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.29

ПЕРЕВОД ГОВОРЯЩИХ ИМЁН В РОМАНЕ КРЕССИДЫ КОУЭЛЛ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

Смирнова Е.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: L.Smirnova99@yandex.ru

THE TRANSLATION OF CHARACTONYMS IN "HOW TO TRAIN YOUR DRAGON" BY CRESSIDA COWELL

Smirnova E.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: L.Smirnova99@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена переводу говорящих имён в романе Крессиды Коуэлл «Как приручить дракона». В ней представлен теоретический материал, включающий в себя классификацию, принципы перевода и требования к переводу говорящих имён, а также наиболее яркие примеры перевода говорящих имён из романа. Работа поможет читателям углубить знания о переводе говорящих имён и говорящих именах в целом.
Ключевые слова: *говорящие имена, перевод, имена, эквивалентность, адекватность, прагматика.*

Abstract. This article is devoted to the translation of charactonyms in "How to Train Your Dragon" by Cressida Cowell. It deals with theoretical material, including a classification of charactonyms and rules of their translation. The author analyses the translation of the most impressive names from Cressida Cowell's book. The study will help the readers to improve their knowledge about charactonyms and their translation.
Keywords: *charactonyms, translation, names, equivalence, adequacy, pragmatics.*

Крессида Коуэлл – современная британская писательница и автор многих книг для детей. Её серия произведений под названием «Как приручить дракона» послужила основой для одноимённого мультфильма, который полюбился как детям, так и взрослым, после чего романы прибрели ещё большую популярность. Тем не менее исследование их перевода на русский язык ещё не проводилось. Романы изобилуют говорящими именами и различными примерами языковой игры, которые могут заинтересовать будущих переводчиков и послужить хорошим материалом для пособий по теории перевода.

Перевод говорящих имён является одним из самых сложных аспектов переводческого процесса. Для его осуществления необходим высокий уровень знаний теоретического материала по данному вопросу, владение практическими навыками перевода индивидуально-авторских

конструкций, отличное знание языка оригинала и языка перевода, а также богатое воображение, позволяющее создать яркий образ и передать колорит говорящего имени. Чтобы полностью раскрыть тему данного исследования, нужно представить теоретическую базу, на котором оно строится, и, для начала, дать определение понятия «говорящее имя». По мнению И.С. Алексеевой, говорящими именами называются имена собственные, обладающие «живой» внутренней формой. Любое имя собственное изначально обладает «живой» семантикой, однако в говорящих именах она выражена слабее. В свою очередь, вымышленные имена обладают внутренней формой, необходимой для реализации поставленной коммуникативной задачи [1].

Наиболее полная классификация говорящих имён принадлежит В.С. Виноградову. Во «Введении в переводоведение» учёный предлагает подразделить имена на группы на основе 8 семантических признаков:

1. Происхождение: Грек, Ненаш.
2. Обстоятельства рождения и семейные отношения: Горе, Найден, Подкидыш.
3. Внешний вид: Лысак, Беззуб, Кругляк, Худыш.
4. Особенности и черты характера: Крикун, Баламут, Бирюк, Моргун, Болван, Олух.
5. Социально-экономическое положение: Холоп, Селянин.
6. Занятие и профессия: Корабельщик, Мельник, Кабатчик, Кукольник, Гончар, Кожевник, Дегтяр.
7. Фауна и флора: Лиса, Волк, Ворона, Огурец, Дуб.
8. Вещи и предметы: Алмаз, Блин [2].

При оценке качества перевода важно учитывать, вызывает ли он те же прагматические отношения, что и оригинал. Прагматическими отношениями называют определённые личностные отношения к тексту, которые могут иметь интеллектуальный или эмоциональный характер. В переводе обязательно нужно воспроизвести прагматический аспект текста, то есть его способность вызывать у читателей прагматическое отношение к тому, что в нём сообщается.

Не менее важными критериями оценивания качества перевода является соблюдение переводчиком требований эквивалентности и адекватности. При этом чаще всего (но не всеми лингвистами) термин «адекватность» применяется к переводу-процессу, а термин «эквивалентность» – к переводу-результату. Эквивалентностью называется максимальная лингвистическая близость текстов оригинала и перевода. Адекватным переводом считается такой перевод, который выполняет эстетическую функцию оригинала и воспроизводит полное смысловое содержание оригинала, обеспечивающее полноту межъязыковой коммуникации с сохранением жанрового своеобразия [3].

Таким образом, под адекватным переводом говорящих имён собственных понимается перевод, в котором соблюдены следующие требования:

1. Отражение внутренней формы, присущей говорящему имени в оригинале.

2. Сохранение семантического наполнения говорящих имён, включая указания на сущность, вешний вид, характер, поступки и т.д. персонажа произведения.

3. Максимально возможное структурное сходство формы говорящего имени в оригинале и переводе.

4. Максимально возможное сходство лексических единиц, формирующих говорящее имя в оригинале и переводе.

Существует несколько приёмов перевода говорящих имён, среди которых чаще всего используются такие, как калькирование, описательно-разъяснительный перевод, аналоговая замена, синонимическая замена и создание переводческих новообразований.

Калькирование – это приём, заключающийся в том, что составные части слова (то есть морфемы) или словосочетания заменяются на их прямые соответствия на языке перевода.

Описательно-разъяснительный перевод – приём, необходимый, когда важно интерпретировать сущность языковых реалий, чем, собственно, имена собственные и являются. Интерпретация может осуществляться следующими способами:

• С помощью разъяснения реалий, которое помещается в скобках после транскрипции или транслитерации лексической единицы, и является либо калькированием её основных компонентов, либо сжатым описанием её сущности.

• Путём разъяснения и описания реалии с использованием сноски внизу страницы или ссылки, следующей после текста (например, в конце книги).

• Заменой оригинальной реалии на краткое описание её сущности.

Аналоговая замена (уподобляющий или приближенный перевод) – приём, при котором в переводящем языке подбирается ближайшее по значению соответствие для единицы оригинала, то есть осуществляется поиск её аналогов. Бывает, что в исходном и переводящем языке есть похожие реалии, которые частично совпадают в денотативном значении, но имеют некоторые национально-культурные различия. Если эти различия не имеют особой важности, реалию исходного языка можно заменить реалией переводящего языка.

Синонимическая замена – приём, который заключается в использовании переводчиком лексической единицы переводящего языка, совпадающей по значению, стилю и другим необходимым параметрам с лексической единицей исходного языка.

Переводческие новообразования – это номинации, которые переводчик создаёт как аналог номинациям оригинала.

Есть несколько способов образования данных неологизмов:

• Создание новых слов из корней уже существующих лексем.

• Создание нового значения для существующего в переводящем языке слова, то есть перенос имеющихся наименований на новые денотаты.

• Заимствование, которое осуществляется на основе транскрипции, транслитерации или калькирования.

Среди всех приёмов перевода и передачи говорящих имён есть один, который, как показывает переводческая практика, встречается чаще всего. Он включает в себя буквальный перевод основы слова, содержащей его семантику, с добавлением иноязычных суффиксов и флексий, указывающих на национальность персонажа: general Goodwin – «генерал Побединг» (англ. good win – «славная победа»), painter A. Fresco – «художник А. Фреско» (ит. fresco – «фреска»). Как отмечает Нора Галь, нужно пойти на компромисс и создать вариант, представляющий собой что-то среднее между транскрипцией слова и его полной русификацией, «сочинить что-то такое, что звучит более или менее по-английски и в то же время таит некий намек» [4].

Одной из наиболее распространённых переводческих ошибок является транскрипция или транслитерация (то есть формальная передача) значащего слова без разъяснения значения говорящего имени в сноске или ссылке. Даже имена, которые кажутся самыми обычными, могут содержать особый авторский посыл, который в случае незнания его переводчиком может быть утерян, что приведёт к нарушению прагматической нормы. Поэтому переводчику важно полностью понимать всё, что автор вкладывал в данное имя. Иногда это может потребовать дополнительного изучения биографии писателя, его взглядов и других написанных им произведений.

Ещё одним, не менее важным требованием является сохранение в переводе говорящего имени его оригинального стиля и смысловой окраски. Нельзя допускать превращения грубого или просторечного слова, «скрытого» в говорящем имени, в изящное поэтическое выражение.

Все перечисленные требования обязательно должны соблюдаться при переводе и передаче говорящих имён во избежание нарушения нормы прагматики и эквивалентности и утраты заложенных в оригинальном произведении смыслов.

При анализе перевода говорящих имён в романе Крессиды Коуэлл «Как приручить дракона» необходимо точно знать ситуационный контекст, в котором они употребляются. Для этого важно понимать, какую роль герои или объекты, носящие эти имена, играют в сюжете романа. Не менее важным является чёткое представление о том, для кого написана книга и кто её главные, основные читатели. Роман «Как приручить дракона» предназначается в первую очередь детям. Из этого следует, что при его переводе и, в частности, при переводе говорящих имён в нём должны соблюдаться некоторые дополнительные требования. Во-первых, все говорящие имена должны быть понятны читателю, и присутствующая

в них языковая игра должна быть «на поверхности», так, чтобы читатели явно её различали. Во-вторых, имена могут и должны звучать смешно и нелепо, так как в романе они носят не только описательный, но и юмористический характер.

Книгу «Как приручить дракона» перевела на русский язык Елена Токарева. Так как имён в книге около 60 и представить анализ перевода каждого не получится, остановимся на самых важных из них. Первое имя – имя главного героя романа. Здесь русскоязычная версия, на наш взгляд, может ввести в заблуждение всех тех, кому не знаком оригинальный вариант. В переводе Елены Токаревой центрального персонажа романа зовут Иккинг Кровожадный Карасик III. Главная проблема такого варианта – это то, что люди ошибочно связывают первое слово со словом викинг. Они действительно созвучны. Однако один взгляд на оригинальное имя показывает, насколько неправильно это предположение: Hiccup Horrendous Haddock III – так звучит имя Иккинга в оригинале. Hiccup по-английски – «икать», «икота». В переводе использован корень соответствующего русского глагола, но звучание имени всё равно наводит на мысль о викинге. Иккинг звучит лучше, чем Икота, но смысл имени уводит читателей от истинного значения и им кажется, что сын вождя имеет величественное имя, тогда как на самом деле оно высмеивает икоту, которой он часто мучился в детстве. Horrendous – значит «жуткий», Haddock – «морской окунь». Замена Жуткого на Кровожадного и Окуня на Карасика смысла не меняет. Главное, что сохраняется комичность ситуации, при которой имя Кровожадного носит добрый герой, не способный причинять кому-либо страдания. Кроме того, сочетание в имени героя лексических единиц «кровожадный» и «карасик» создаёт необходимое юмористическое впечатление.

Другой главный герой, тот самый дракон, которого приручил Иккинг, по-английски зовётся Toothless – «беззубый». И вот в этом случае русский перевод является абсолютным эквивалентом. Беззубик – сразу представляется милое маленькое существо, котёнок, быть может, но никак не страшное величественное животное – дракон. Здесь тоже есть комический элемент, но не только он. В самом начале знакомства Беззубика и Иккинга дракон действительно вёл себя не очень дружелюбно. Он не шёл на контакт и не слушался мальчика. Но позже, когда Иккинг приручает Беззубика, тот становится смешным и весёлым. В этот момент ласковое прозвище подходит ему как нельзя лучше. Если говорить о смысле имени, то здесь всё очень просто. Так Беззубика назвал Иккинг, увидев, что у того нет зубов (как оказалось потом, тогда они просто ещё не выросли). В английском языке способы создания уменьшительно-ласкательной формы достаточно ограничены. Похожим на нашего Беззубика было бы что-то вроде «Toothlessy», однако оно не очень гармонично звучит, и это как раз тот случай, когда перевод на другой язык оказывается удачнее самого слова на языке оригинала, что бывает нечасто.

Не только имена в романе, но и само его название в какой-то степени тоже можно назвать «говорящим». Поэтому мы проанализируем перевод на русский язык данной серии книг (а также мультфильма). На английском оно звучит как «How to Train Your Dragon», то есть дословно – «Как натренировать вашего (или твоего) дракона». У слова «train» есть значения, близкие к русскому «приручать»: «воспитывать», «учить», «приучать к чему-либо», «дрессировать», «объезжать» и устаревшее «завлекать, притягивать». Приручить по-английски звучало бы как «tame». Вариант «How To Tame Your Dragon» звучит вполне гармонично. Тогда мы приходим к выводу, что писательница не хотела говорить о приручении, для неё во всём процессе была важна «воспитательная часть». Почему же в русском переводе всё так изменилось? Думается, что здесь дело в осмыслении отношений между Иккингом и Беззубиком, а также в более интригующем и интересном варианте названия со словом приручить. Если исходить из содержания книг, Иккинг на самом деле приручил Беззубика, то есть сделал его ручным, послушным, приучил к человеку. Что же касается второго варианта, для целевой аудитории книги (а книга рассчитана всё-таки на детей) приручение дракона – такого большого, мощного, великолепного существа – гораздо интереснее, чем какая-то тренировка, воспитание или обучение.

Из всего сказанного и проанализированного выше, можно сделать вывод, что серия книг «Как приручить Дракона» очень интересна не только как сказочная история, но и как произведение, полное окказиональных личных имён, перевод и анализ перевода которых на русский язык – полезное и увлекательное занятие, часто открывающее перед нами что-то, ранее не замеченное или исчезнувшее в русском варианте.

Проделанное исследование даёт возможность проникнуть в глубинные смыслы художественного произведения и в мир авторских интенций, а также обусловливает необходимость подобной работы.

Литература

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. С. 189.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 86.
3. Сдобников, В.В., Петрова, О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. С. 142.
4. Галь, Н. Слово живое и мёртвое. М.: Время, 2007. С. 192.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Розе Е.Е.

УДК 81.42
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.30

СРЕДСТВА ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

Тазеева Д.Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Tazeeva.diana@yandex.ru

MEANS OF FIGURATIVE NOMINATION IN POPULAR-SCIENCE DISCOURSE

Tazeeva D.D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Tazeeva.diana@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие образной номинации, которая представляет собой одновременно результат и процесс именования объекта или явления, в результате чего им приобретается образное значение. Рассмотрены основные характеристики и функции научно-популярного дискурса. Основные случаи употребления средств создания образности в научном дискурсе проанализированы на материале статей из британского периодического издания “The Guardian”, даны комментарии по их переводу.
Ключевые слова: *средства создания образности, образная номинация, научно-популярный дискурс, метафора, метонимия.*

Abstract. The article is devoted to different aspects of figurative nomination, which represents both process and result of giving a name to any object or phenomenon, when new figurative meaning is added. In order to characterize the object of research the main characteristics and functions of popular-science discourse are considered. The cases of figurative means usage are analyzed and commented on the material of articles from “The Guardian” newspaper.
Keywords: *figurative means, figurative nomination, popular-science discourse, metaphor, metonymy.*

Авторы газетных статей используют различные средства как способы реализации образной номинации, которые способны привнести в текст эмотивность и экспрессию, сделать его более живым и органичным. Этим они преследуют такие цели, как привлечение внимания читателей, оказание определённого влияния на формирование их точки зрения, облегчение понимания текста через сравнение с уже знакомыми читателям образами.

Текст научной или научно-популярной статьи характеризуется рядом особенностей, поскольку его первоочередной функцией является подача

информации, новостей о результатах исследований, открытий самой разнообразной аудитории. Часто подобные статьи изобилуют терминами, цифрами, для восприятия которых получателю информации необходимо обладать определённым уровнем фоновых знаний. Основными характеристиками такого текста будут точность, чёткость, системность и последовательность, что весьма редко соотносится с образами и фигурами речи, которые требуют от читателя определённых усилий для дешифровки. Тем не менее, тексты научных статей нередко демонстрируют наличие подобных приёмов, что объясняется стремлением автора привлечь аудиторию и изложить предложенный материал более доступно.

Различные авторские приёмы, к которым относят тропы и фигуры речи, представляют собой средства создания образности. Номинация – это процесс и одновременно результат наименования объектов окружающего мира, присвоение им имени. Выделяют несколько разновидностей номинации: первичная – объект получает своё индивидуальное наименование, вторичная – объект получает имя косвенно, человек задействует некоторые мыслительные процессы, в ходе которых рождается новое, зачастую ситуативное наименование. В результате образная номинация – создание новых номинативных единиц, в которых мотивация свойствами объекта осуществляется через ассоциативное отождествление образа называемого объекта и образа предмета, знание о котором уже закреплено вербально [4]. Она всегда подразумевает подмену истинного наименования предмета образным, которое по тем или иным характеристикам в данной ситуации будет выполнять экспрессивную функцию. Согласно Т.Г. Паниной, образная номинация реализуется посредством следующих приёмов [3]:

1) метафора;
2) метонимия;
3) фразеологизмы.

Метафора и метонимия схожи по принципу формирования образа, кроме того, они часто выражаются одними и теми же частями речи – именами (существительное, числительное, субстантивированное прилагательное). Фразеологизм же в свою очередь часто представляется целым словосочетанием, элементы которого могут характеризоваться любой частью речи, но весь кластер в целом выполняет функцию подлежащего или дополнения. Кроме того, так как перечисленные средства образной номинации могут по принципу формирования подразделяться на более частные случаи употребления, например, антономасия и синекдоха в структуре метонимии, их тоже необходимо учитывать при анализе. На материале научных статей разнообразной тематики (астрономия, география, психология, социология), опубликованных в электронной версии британского периодического издания *The Guardian*, нам удалось выявить проявления всех упомянутых выше средств. Далее рассмотрим их и проанализируем.

The hole was tracked ***by the Copernicus Atmosphere Monitoring Service****, of the European Centre for Medium-Range Weather Forecasts, based partly in Reading and funded by the European commission. – Дыра была обнаружена* ***работниками службы мониторинга атмосферы Коперника****, под началом Европейского центра среднесрочных прогнозов погоды, который расположен в г. Рединг (Великобритания) и спонсируется Европейской комиссией*.

В первую очередь стоит обратить внимание на художественное средство, которое часто используется в научно-популярных статьях и в газетном дискурсе в целом. *Метонимия* – употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними [7]. В данном случае речь идёт о метонимическом переносе с частного на целое, функцией которого является замещение наименования членов организации каждого в отдельности или же коллектива в целом названием учреждения, которое они представляют. Использование данного приёма даёт возможность упростить текст, избежать лишних комментариев и сделать фразу более лаконичной. Однако в русскоязычном научном дискурсе принято избегать такой формулировки и дополнять её поясняющим элементом, что и мы сделали в переводе, сохранив грамматическую структуру, представленную страдательным залогом и использовав устоявшийся в русском языке эквивалент имён собственных.

Помимо метонимии, часто используется также приём антономасии, который заключается в переносе имени человека на результат его деятельности. Как и метонимия, он в первую очередь служит средством упрощения конструкции предложения, экономии места, что немаловажно для газетной статьи, которая часто имеет определённые рамки по количеству символов; экономии времени на прочтение. В данном примере речь идёт о книге, написанной Джеем Баки. Очевидно, что в статье автор ссылается на материал, изложенный в работе Баки, однако, чтобы не упоминать в очередной раз название, он его опускает. Структура приёма антономасии в русском и английском языке совпадают, поэтому данное средство создания образности может быть передано без изменений или по возможности дополнено.

According to Buckey*, Nasa and other agencies now give psychological training to avoid conflict between crew members, but the problem blighted some missions in the past. –* ***Согласно Баки****, НАСА, как и другие агентства, в настоящий момент проводит психологические тренинги с целью избежать конфликтов между членами экипажа, но в прошлом эта проблема стала причиной неудачи ряда миссий.*

Далее рассмотрим случаи, в которых более ярко прослеживается образность – стилевая черта, присущая художественному и публицистическому тексту, связанная с употреблением слов в переносном значении для придания тексту красочности, живости и экспрессии [1].

The team say the bright ***blob*** *on the left of the image is thought to be the disc of gas and dust swirling around the black hole, with the jet of plasma depicted by a stream of less intense red features apparently emanating from it. – Исследователи сообщают, что яркая* ***клякса*** *в левом углу изображения, вероятнее всего, является вращающимся вокруг черной дыры диском газа и пыли, из которого, очевидно, исходит струя плазмы, представленная менее ярким красным потоком.*

В этом предложении мы можем наблюдать случай употребления *метафоры* – утверждения о свойствах объекта на основе некоторого сходства с другим обозначенным предметом [4]. Сама по себе лексема *blob* не относится к научным терминам, а на русский язык может быть передана при помощи следующих эквивалентов: *капля, клякса*. Очевидно, что в данном случае автор стремится с помощью лексемы *blob* указать на несколько свойств описываемого объекта: расплывчатые, неровные контуры, маленький размер. Выбор подобного приёма указывает на желание автора объяснить описываемое явление при помощи всем знакомых и простых слов – единицы разговорной лексики, относящейся к нейтральному стилю. Это должно упростить понимание и представление объекта читателями.

В следующем примере использован тот же самый приём – метафора. Образная номинация здесь употреблена для акцентирования внимания читателя на определённых признаках замещающей лексемы. *Рассвет* в значении *зарождение* ярко демонстрирует семы «начало», «процесс», «постепенное действие».

"The initiation of these eruptions created one of the warmest climate since ***the dawn of animal life*** *on our planet, and coincided with massive extinction on land and in the oceans," she said. – «Эти извержения стали причиной наступления максимально жаркого климата со времён* ***рассвета животной жизни*** *на нашей планете и совпали по времени с массовым вымиранием на суше и в воде», – утверждает она.*

В статье, посвящённой вопросам психологии, нам удалось обнаружить ещё несколько ярких примеров использования средств образной номинации.

It's a familiar scenario: a packed train or bus, an unpleasant ***loudmouth*** *picking on a lone passenger... and nobody does anything. – Знакомый сценарий: забитый вагон или автобус, неприятный* ***крикун*** *придирается к одинокому пассажиру… и никто ничего с этим не делает.*

В рассматриваемом предложении автором использована одна из разновидностей метонимии. *Синекдоха* – вид тропа, при котором обозначаемое и обозначающее составляют в мыслимой действительности одно целое, так что одно представляет собой часть другого [6]. В слове *loudmouth* образная номинация строится на выделении источника неприятных ощущений. *Mouth*, будучи вычлененной частью от целого, дополняется прилагательным *loud*, которое раскрывает свойства источника

ощущений. Получившееся сочетание создаёт чёткий образ, с помощью которого читатель может более детально представить описываемую ситуацию, прочувствовать ее.

Помимо метонимии, метафоры нам необходимо так же рассмотреть фразеологизмы как довольно часто используемое средство образной номинации.

Just things like if you're going to make a cup of tea, make sure you ask everyone as well. It's such a minor thing but it can get under ***people's skin****". – Делая простые вещи, например, заваривая чашку чая, не забудь спросить остальных. Вещь незначительная, но может* ***действовать людям на нервы****.*

Фразеологизмы – устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [2]. Они отличаются от других упомянутых приёмов тем, что отражают не индивидуальное мнение автора, а мудрость народа, являются устоявшимися компонентами литературного языка. Возможность восприятия этого средства большей частью читателей, яркий образ склоняют многих авторов к использованию их в своих газетных статьях. Перевод подобных средств может вызвать затруднения, поскольку при отсутствии равноценного по образности эквивалента в переводящем языке необходимо использовать описательный перевод. В предложенном примере удалось определить эквивалентное выражение, однако оно построено на другом образе, более привычном для русского языка, тем самым мы воспроизводим изначальную интенцию автора.

На снованиии анализа представленных выше примеров использования средств создания образности в текстах научно-популярных статей мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, как и предполагалось, хоть научный дискурс и отличается высокой степенью «сухости» фактов, достаточно часто авторы используют средства создания образности. Одна из наиболее распространённых причин – желание автора упростить и вместе с тем оживить повествование. Часто стилистические средства используются для того, чтобы объяснить то или иное явление, сравнив его с проявлением повседневной жизни, за счёт чего читателю удаётся ближе ознакомиться с описываемым объектом, сопоставить с уже знакомым образом. Во-вторых, проанализированный материал также даёт основание полагать, что разные сферы научного знания характеризуются различной частотностью использования средств образной номинации. Так, научные статьи на тему психологии, социологии (гуманитарные науки) демонстрируют большее количество случаев, что можно объяснить спецификой предмета, так как многие из рассматриваемых явлений являются абстрактными, а потому их описание ведётся посредством ассоциаций с материальными явлениями окружающего мира.

Наиболее часто в текстах научно-популярных статей образная номинация выражается метонимией – переносом значимого свойства одного из предметов на другой. Это объясняется стремлением к краткости текста, избавления его от повторов, ведь структура метонимии представляет собой ёмкое выделение значимого, яркого образа в краткой в выражении форме. Тем не менее метафоры, равно как и фразеологизмы, встречаются в научном популярном дискурсе, поскольку они отвечают первостепенным функциям газетной статьи – привлечь внимание читателя, заострить его интерес на определённой детали, заложить в сознании читателя яркую ассоциацию, что успешно достигается использованием средств образной номинации.

Литература

1. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 226.
2. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Дубна: Феникс, 1996. С. 4.
3. Панина, Т.Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // Magister Dixit, 2012. С. 24.
4. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1985. С. 93.
5. Рут, М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 46.
6. Синекдоха // Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и Е.А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/brokgauz (дата обращения: 06.04.2020).
7. Токарев, Г.В. Семиотика. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2007. С. 117.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Розе Е.Е.

УДК 81-2:81.373
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.31

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА И ИХ ОБРАЗОВАНИЕ

Харламов Ю.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: kharlamov.yuriy@yandex.ru

INTENSIFIERS AT DIFFERENT LEVELS OF THE LANGUAGE AND THEIR FORMATION

Kharlamov Y.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: kharlamov.yuriy@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена усиливающим языковым элементам – интенсификаторам, которые делают текст более выразительным и эмоциональным. В нашей работе мы рассматриваем на примерах способы образования и особенности функционирования этого языкового явления.
Ключевые слова: *интенсификатор, экспрессия, перевод.*

Abstract. This article dwells upon enhancing language elements – intensifiers that make text more expressive and emotional. In our work, we consider, by way of example, means of formation and functioning of this linguistic phenomenon.
Keywords: *intensifier, expression, translation.*

Широко известно, что с древнейших времён эмоции оказывали сильное влияние на формирование языков. Только спустя время, помимо эмоций, во взаимодействие вступили мысли, а позже и сознание. Из этого следует, что развитие языка имеет практический характер. Усилители развивались одновременно с языком, постепенно сформировав средства выражения интенсивности, которые мы имеем сейчас.

Эмоции по праву считаются одними из самых древних способов коммуникации. Также они способны передавать настроение, психо-эмоциональное состояние говорящего человека. Эмоции являются оценочной шкалой для описания ситуации из жизни и действий, совершаемых людьми. Это можно объяснить тем, что эмоциям под силу объединить представителей совершенно разных культур, возрастов, национальностей и социальных групп. Они могут побудить людей к общению. В речи и на письме эмоции нередко выражаются при помощи специальных слов, о которых пойдет речь в данной статье.

«Интенсификатор – это такой элемент языка, семантика которого приспособлена для того, чтобы служить модификаторами знаменательных элементов» [3]. Но нельзя не отметить, что усилению не свойственно длительное функционирование в речи, т.к. с ходом истории усилители меняют своё значение. Самые яркие средства эмоциональной выразительности довольно быстро теряют свои свойства усиления из-за частого употребления, их эмоциональный характер сводится к минимуму. С течением времени подобные выражения становятся общепринятыми и постепенно выходят из употребления.

Интенсификаторы можно разделить на три подгруппы по следующим критериям:

1. Выражение отношения адресанта к референту сказанных слов.
2. Способность к выделению смыслового предиката в речи.
3. Эмоциональность [4].

Отметим, что в литературе по лингвистике и языкознанию чаще всего пишут об интенсивах. «Под этим термином принято понимать слова со значением ослабления либо усиления, которые так же имеют степень оценки и качества. Это значит, что в данную группу слов попадают и слова с полным спектром значения, к примеру, прилагательные, наречия и пр.» [6].

Если провести когнитивный анализ интенсификаторов, опираясь на их закономерное изменение (градиентность), то можно заметить, что существует несколько семантических видов усилителей. Приведём примеры:

1. Прототипические или чистые интенсификаторы. Они являются превалирующими в данной категории. Их идентифицировать довольно просто, потому что «они лишены каких-либо дополнительных семантических значений и коннотаций из-за десемантизации эмотивных и качественных элементов их значений» [6].

2. Квантитативные интенсификаторы характеризуются совмещением двух составляющих – усиления и признака количества.

3. Квалитативные интесификаторы. «Этот вид усилителей в своей семантической структуре совмещает интенсификацию и признак качества в широком смысле» [6].

4. Эмотивные интенсифкаторы. Существуют предложения, где одновременно совмещаются два компонента – эмотивность и интенсификация.

5. Компаративные интенсификаторы. Из названия понятно, что данные интенсификаторы совмещают в себе признаки сравнения и усиления.

6. Эвиденциальные интенсификаторы. Здесь мы имеем дело с совмещением признаков усиления и эвидентности: *really, unbelievably* и др.

В английском языке можно часто встретить случаи употребления интенсификаторов. Самыми представительными и яркими среди

показателей степени интенсивности являются лексические интенсификаторы. Принято считать, что они происходят от наречий меры и степени, а также имён прилагательных.

Лексические интенсификаторы нередко теряют своё прямое значение, когда усиливают значение основной лексемы.

Усиление высказывания может происходить на всех уровнях языка:

– фонетическом;

– морфологическом;

– лексическом;

– синтаксическом.

«**Фонетические** особенности тех или иных высказываний передаются в письменной речи при помощи средств графической интенсификации» [2]. К ним можно отнести:

– Растягивание слогов на письме (*I love you sooooooo much. – Я тебя таааак люблю; I'm dooooon't knooooow!!! – Я нееееее знаааааю!!!; Take it easyyyyy! – Забееееей!*) [4].

– Курсив (*Yes we have to go there, just to sleep. – Да, мы должны туда пойти, просто чтобы отдохнуть*).

– Использование заглавных букв (*Are you sure about THIS? – Ты уверен по ЭТОМУ поводу?; I want YOU to know everything about the problem. – Я хочу, чтобы ТЫ знал всё об этой проблеме*).

– Многократное повторение согласных для создания звуковых эффектов (*Make some… rrrrrroarrrrrr! – Издай ppppppppрык!)* [4].

«В современном английском языке **морфологический уровень** интенсивности представляют синтетические формы образования прилагательных и наречий, другими словами, суффиксы *-er* и *-est*, а также аналитические – *more* и *the most*» [1]. Например, возьмем два парадигматических ряда прилагательных. *Small – smaller – the smallest (маленький – меньше – самый маленький)* и *interesting – more interesting – the most interesting (интересный – интереснее – самый интересный)* [4]. Первые два компонента в обоих рядах имеют нейтральную степень интенсивности, тогда как компонент в превосходной степени – наивысшую.

Помимо этого, говоря о морфологическом уровне, нужно упомянуть и о лексических аффиксах, которые добавляют степень интенсивности, такие как *over, super* и пр. Примером могут послужить такие составные слова, как *superhero – супергерой, overload – перегрузка*, *supermassive – супермассивный, overdo – передозировка* [4].

«Если на вышеупомянутых уровнях интенсивность имеет выраженный (эксплицитный) характер, а сам компонент интенсивности имеет визуальное дополнение в виде других языковых средств, то на **лексическом уровне** интенсификация представляет собой внутренний процесс» [7]. К примеру, рассмотрим ряд прилагательных *small – tiny* (*маленький – крошечный*). Здесь мы видим, что последующая лексема отличается степенью своей интенсивности. Процесс усиления в данной

градации не выражается какими-либо дополнительными средствами, кроме слов, которые сами по себе имеют более сильное значение.

Рассмотрим некоторые варианты интенсификации на лексическом уровне:

– прилагательные, схожие по смыслу, но разные по степени своей интенсивности и эмоциональному окрасу (*small – tiny – маленький – крошечный*);

– синонимичные ряды глаголов (*to look – to stare – смотреть – таращиться*);

– наречия-усилители (*highly, deeply, absolutely – чрезвычайно – глубоко – абсолютно*).

– кванторные выражения (т.е. обозначающие количество) по типу *to wait for hours – ждать часами; to love for the rest of the life – любить до конца жизни*.

На **синтаксическом уровне** усиление выражается при помощи восклицательных предложений и выражений, повторов и плеоназмов:

1. Повтор как синтаксическое явление подчёркивает значимость речевого элемента, усиливает эмоциональное воздействие речи. На примере *Are you ready? Ready? Ready? – Ты готов? Готов? Готов?; Say, say, say it now! – Скажи, скажи, скажи это сейчас!* [4]. Прослеживается явное усиление значения слов *ready* и *say* в данном контексте.

2. Восклицательные предложения. *What a wonderful world! – Какой прекрасный мир!; How beautiful you are! – Как же ты прекрасна!* [4]. Усиление достигается не только за счёт употребления *what* на первом месте, но и за счёт особой семантики слова *wonderful*. Во втором предложении мы видим примерно такую же ситуацию, когда how уже выступает в роли усилителя, но коннотация слова beautiful ещё сильнее усиливает восклицание в предложении.

3. Словосочетания-плеоназмы, например *wonder of wonders – чудо из чудес*.

В большинстве случаев усилители в английском языке могут быть образованы следующими способами: **аффиксальным** и **сложением**. В качестве примера приведём такие аффиксы, как: *-sub; -super; -over* и пр. Усилительная функция хорошо прослеживается в вышеупомянутых примерах. Также эту тенденцию можно проследить в таких словах, как *overhyped – раздутый, перехваленный* и *superman – супермен, человек со сверхспособностями.*

Что касается сложения, то именно этот способ образования интенсификаторов считается самым распространённым и продуктивным. Чаще всего основа слова выражается именем прилагательным или существительным, в то время как часть-интенсификатор – это наречие или прилагательное. *John is a high-skilled player I think. – Я полагаю, что Джон – высококлассный игрок. This song is super-cool. – Песня супер крутая.* [4].

Как правило, глаголы интенсифицируются при помощи наречий, что свойственно англоязычной грамматике. В качестве примера возьмем предложение: *Skydivers very often injure themselves. – Парашютисты очень часто травмируют себя*. В данном случае глаголу *to injure*, который уже сам по себе несёт довольно сильную и экспрессивную коннотацию, добавляется эмоциональная составляющая путём сочетания с наречием *very often*, где усиливающую функцию выполняет *very*, а *often* – является наречием, которое выражает частоту повторения действия.

Aircraft extremely rare get into emergency situations – Самолёты невероятно редко попадают в чрезвычайные ситуации [4]. В этом предложении также значение глагола get into усиливается через сочетание наречий extremely rare.

Усилители в таких частях речи как существительное, прилагательное, местоимение могут выражаться по-разному. Например, прономинальной рефлексией может быть усилена роль подлежащего, выраженного такими частями речи, как местоимение, либо имя существительным. *The topic itself is extremely important. – Рассматриваемая тема сама по себе крайне важна. The spread of the virus has become an incredibly dangerous problem – Распространение вируса стало невероятно опасной проблемой* [4].

Для того чтобы сделать существительное, которое имеет позитивную коннотацию более ярким, можно использовать местоимение *every*. *I have every sympathy for the doctors who save lives every day. – Я очень сильно восхищаюсь врачами, которые каждый день спасают жизни людей* [4].

Кроме местоимения в роли интенсификатора, для существительного можно встретить сочетание наречение + прилагательное. *Jane has absolutely no desire to come back home – У Джейн нет совершенно никакого желания возвращаться домой.*

Также усилить смысл можно при помощи одного только наречия: *How difficult it was to cope with the impact of the virus on the economy. – Насколько же это было сложно справляться с влиянием вируса на экономику* [4].

Для того чтобы существительное интенсифицировалось, можно также сочетать его с прилагательным. В качестве демонстрации этого приведём следующий пример: *excessive consumption of alcohol – чрезмерное потребление алкоголя. Strong passion for sports – сильное увлечение спортом.*

В структуре любого предложения роль усилителей сводится к таким функциям, как:

1) составное именное сказуемое: *Everything that happened that night was very tragic. – Всё, что произошло той ночью, – очень трагично.* [4]. (в структуре предложения можно выделить глагол-связку, наречие-интенсификатор и прилагательное);

2) составное именное сказуемое с однородными членами: *It's just less interesting, even boring. – Это просто не так интересно, даже скучно.* [4]. (глагол-связка, наречие-интенсификатор, наречие в сравнительной степени, причастие прошедшего времени, наречие-аддитив, причастие прошедшего времени);

3) дополнение: *There is no certainty at all that coronavirus will not reach even more countries around the world. – Нет совсем никакой уверенности в том, что коронавирус не охватит ещё больше стран по всему миру. There's no need at all to spend even more money on clothing. – Нет совсем никакой надобности тратить на одежду ещё больше денег.* [4].

4) обстоятельство: *Now we have all the possibilities to go far further in the carrier than we had in the past. – Сейчас у нас есть гораздо больше возможностей продвинуться по карьерной лестнице, чем раньше.* [4].

Нередко повлиять на усиление возможно путём составления предложения с определённым порядком слов. Если порядок слов станет не прямым, то таким образом можно добиться выделения отдельных частей предложения. Например, *Absolutely no desire to go get back home Jane has. – Но ехать домой у Джейн нет абсолютно никакого желания. Absolutely no happiness standing here in white Kate felt. – Совершенно счастья никакого Кейт не испытывала, стоя здесь в белом платье.* [4]. В данном случае интенсификация была достигнута путём перемещения подлежащего в конец предложения, что необычно для порядка слов в английском языке, а дополнение ставится в начало.

Перестановка сказуемого в предложении во фронтальную позицию может помочь в интенсификации определённой его части. Так, *Really serious are the impacts of coronavirus in the world. – Действительно, последствия изменения коронавируса серьёзны по всему миру. Incredibly beautiful flowers bloomed on the window. – Невероятно красивые цветы расцвели на окне.* [4].

Если разорвать связь между сказуемым и обстоятельством любого типа в предложении, а затем поставить их в позицию, которая не свойственна для прямого порядка слов, то их значение интенсифицируется: *Well did they lived there... Three years ago.. – Ну да, жили они здесь… Правда, три года назад…; what happened I know… that bloody day. – Что случилось, я знаю… в тот чёртов день.* [4].

Если переставить наречия и послелоги в самое начало предложения, то они будут способны усилить предикат: *Up are going the pentrol prices. – Только вверх скачут цены на бензин.* [4].

Помимо классического изменения словопорядка, интенсификация может быть достигнута и иными способами.

«Помимо изменения порядка слов в предложении, добиться усиления возможно и другим путём. В качестве примера приведём предложение, где there выступает в роли формального подлежащего,

которое в свою очередь сочетающееся с другими частями речи, такими как глагол и существительное, а за ними может следовать атрибутивное придаточное» [5]. *There's two curiosities to this piece, which has been pretty widely-read*. *– В этом есть две странности, про которые ещё и везде напечатали* [4]. Заметим, что в данном случае разговорная форма от *there is*, которая использована в единственном числе, сочетается со следующим далее существительным множественного числа. Это привлекает внимание и тем самым создаёт усиление.

Итак, мы подробно рассмотрели, на каких уровнях языка существуют слова усилители и как они функционируют, а также показали на конкретных примерах употребление интенсификаторов в речи. Выяснили, как именно достигается эффект усиления в английском языке и дали перевод для большей наглядности.

Литература

1. Арнольд, И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. Л.: Просвещение, 1975.
2. Безрукова, В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2009. 223 с.
3. Блох, М.Я. Актуальное членение предложения как фактор парадигматики // сб. статей МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1978.
4. Интенсификаторы в английском языке [Электронный ресурс]. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18342 (дата обращения: 29.03.2020).
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 167 с.
6. Малинина, И.А., Терентьева, Е.В. Морфологические средства выражения интенсивности признака // Молодой учёный. 2011. № 10. Т. 2. С. 9–16.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. М.: Тетра Системс, 2008. 301 с.

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Розе Е.Е.

УДК 81.374+39
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.32

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ДИАЛЕКТНОМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Чистякова Я.Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: chistyakova_0398@mail.ru

PRINCIPLES OF COMPILING A DICTIONARY ARTICLE IN A DIALECT ETHNOLINGUISTIC DICTIONARY

Chistiakova Ja.D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: chistyakova_0398@mail.ru

Аннотация. Автор разрабатывает структуру словарной статьи в тематическом региональном словаре дифференцирующего типа. В статье подробно описаны состав тематического словаря на примере одной группы диалектной лексики, охарактеризованы параметры словарной статьи. Новым является включение в неё сведений о бытовании диалектного наименования в других русских диалектах. Это позволяет представить повседневный быт жителей Новгородской земли в прошлом, его отражение в языковой памяти современных диалектоносителей и специфику на фоне общерусской жизни.
Ключевые слова: *диалектный словарь, словарная статья, этнографизм, этнолингвистика.*

Abstract. The author develops the structure of a dictionary entry in a thematic regional dictionary of differentiating type. The article describes in detail the composition of a thematic dictionary on the example of one group of dialect vocabulary, and describes the parameters of the dictionary entry. The new feature is the inclusion of information about the existence of dialect names in other Russian dialects. This allows us to imagine the everyday life of the inhabitants of the Novgorod land in the past, its reflection in the language memory of modern dialect speakers and the specifics against the background of all-Russian life.
Keywords: *dialect dictionary,* dictionary entry, *ethnographism, ethnolinguistics.*

Использование полевого метода описания диалектной лексики, как и лексики литературного языка, «связанного с идеей разбиения лексики на различные лексические группы» [1], лежит в основе составления идеографических (тематических словарей), построенных по ономасиологическому принципу – от предметной (понятийной) области к словам, обозначающим данную предметную область. Одним из таких словарей может стать региональноый идеографическоий словарь, который отражает традиционный быт жителей Новгородчины, проект которого

представлен в предлагаемой статье. Материальной базой для него служат слова, извлечённые из Новгородского областного словаря (далее – НОС), лексические материалы которого мы сравниваем с другими говорами России, используя Словарь русских народных говоров (СРНГ) и Псковский областной словарь (ПОС). Кроме того, общие принципы составления словаря разрабатывались с учётом опыта создания регионального этнолингвистического словаря, отражающего традиционный быт сельских жителей Псковщины [2]. Так же, как и его авторы, мы считаем, что словарь такого типа «является неисчерпаемым источником разнообразной информации о традиционной культуре отдельного региона» [3].

По составу лексикографируемых параметров наш словарь является комплексным и многоаспектным, так как в нём представлены как описание языковых свойств лексического материала (толкование значения, грамматические свойства, графическая и акцентологическая информация, стилистические пометы), так и описание самих объектов, обозначенных словом. По этим признакам словарь можно отнести к лингвоэтнографическим региональным словарям.

Состав словаря образуют этнографизмы – лексические единицы, «отражающие понятия и реалии, характерные для традиционной русской <…> деревни» [4]. В нашем словаре отражены слова, зафиксированные на территории Новгородской области, однако сопоставление с другими диалектными словарями позволяет выявить те из них, которые являются общерусскими, что расширяет территориальные границы этнолингвистического пространства словаря. В то же время сопоставление с диалектной лексикой других территорий позволяет выявить особенности быта новгородцев, связанные с питанием. Это обусловлено также тем, что НОС, послуживший источником для формирования тематического поля «Пища», относится к диалектным словарям дифференцирующего типа, т.е. фиксирует лексику, представленную только на территории Новгородской области.

Проектируемый словарь – это словарь-синопсис, т.е. словарь, включающий однотипную лексику, отобранную, как правило, из другого словаря или словарей по определённому показателю (значению, происхождению и т.д.). Объектом лексикографирования в пректируемом словаре стало тематическое поле, именем которого является диалектное слово *печево*, имеющее, по данным НОС, значение *выпечка*: «У нас мамушка пекла кажный день печево. Хв.». Оно мотивировано глаголом *печь* и является суффиксальным образованием при помощи форманта -во со значением собирательности. В его состав вошло 176 единиц, извлечённых из НОС.

Выбор тематической группы Печево для лексикографического анализа обусловлена значимостью печёной пищи в национальной картине мира, культуре, религии, повседневной жизни многих народов. Хлеб,

пироги и другая выпечка – важная часть как ежедневного, так и праздничного рациона русского крестьянина, именно его отсутствие являлось первым и главным признаком голода. В традиционной культуре Русского Севера хлеб мыслится прежде всего как один из возможных носителей личной доли человека, его семьи, рода, он является оберегом, святыней: его нельзя топтать и ронять, потому что это дар Божий.

По структуре словарь представляет собой сборник статей, расположенных в алфавитном порядке по заголовочному слову. Статья начинается с заголовочного слова с указанием ударения: например, *баба́хи, пироже́н.* В скобках помещаются произносительные варианты, если они имеются, например, *карто́вник (картопник, картофник).* В соответствии с принятыми в НОС принципами описания диалектных слов далее после запятой обозначается отнесенность слова к части речи через указание на характерные грамматические формы (только флексии) или существенные категориальные свойства (род – м., ж., ср.), а также даются стилистические пометы: **Полива́льник,** -а, м; **сорочи́на**, -ы, ж.; **Ола́шечка**, -и, ж. Ум.-ласк., к **олашка.** Сшелыгай две олашечки. Пест; **Соченёк,** -а, ж. Ум.-ласк., к **сочень.**

Затем приводится толкование значения или значений; если значений несколько, они отмечаются арабскими цифрами. Например, **Гречнёвик (грешнёвик),** *-а, ж. 1. Поле, где сеют гречиху. Кр. 2. Пирог с начинкой из гречи.* Толкование значения сопровождается иллюстрациями употребления в речи диалектоносителей. Все иллюстративные материалы снабжаются географическими пометами. После этого следуют языковые репрезентации этнографизма: фонетические варианты и варианты ударения, словообразовательные параллели и номинативные параллели, отмеченные в НОС и этимологическая справка. Статья завершается сопоставительными сведениями, отражающими бытование слова в других диалектах.

Важнейшим компонентом словарной статьи, формирующим своеобразие диалектных словарей, является *толкование значения слов*. Значение слова раскрывается следующими способами:

1) приводится семантический эквивалент в литературном языке, например, **Баба́хи**, -и, ж. Оладьи; **Лепе́ндия**, -и, ж. Лепёшка;

2) если в литературном языке нет слова, соответствующего по смыслу диалектному, то подбирается ряд синонимов литературного языка, совокупность значений которых приближается к значению объясняемого слова, например, **Бара́шек**, -а, м. Баранка, бублик. **Нае́да (наида)**, -ы, ж. Еда, пища; угощение;

3) производные слова, как правило, толкуются отсылочным способом; отсылочным словом служит наиболее употребительное в диалекте, основное. Например, **Поли́вник**, -а, м. То же, что поливальник; **Ягодну́шка**, -и, ж. То же, что ягодник в 1 знач.

В случаях невозможности семантического толкования (отсутствие семантических эквивалентов и синонимов в литературном языке) в словаре используется толкование слова, которое строится по типу энциклопедического: оно не столько толкует значение, сколько описывает реалию, объясняет, что она собой представляет. В нём отражены важнейшие признаки этнографического предмета: особенности внешнего вида, способ домашнего приготовления, этнокультурная ценность (праздничная – будничная). **Крупе́ня**, -и, ж. 3. Ржаная ватрушка с кашей; **Морко́вник**, -а, м. Пирог с начинкой из моркови; **Ка́люшник**, -а, м. Пирог с начинкой из брюквы.

Дополнительным средством характеристики слова служит *иллюстративный материал*, подтверждающий приведённое толкование и показывающий сферу употребления слова. Для иллюстрации используется живая речь диалектоносителей, например, **Толчёник,** -а, м. Пирог с начинкой из толчёного гороха. *И пироги гороховики я любила, толчёники. Горох истолчёшь толкашкой, с толчёным горохом, толчёники. Гороху наварит, из толчёного гороху, и на тесто начинку-то, а потом в печку*.

Особенностью диалектных слов-этнографизмов является множественность языковых форм их существования. В словарной статье приводятся следующие *модификации диалектных обозначений*:

- *фонетические варианты*: **Кули́ка (кулига)**, -и, ж. Пасхальный пирог, кулич; **Опе́киш (*опёкиш*)**, -а, м. Лепёшка из кислого теста.
- *морфологические варианты* (вариантность форм единственного и множественного числа): баба́хи – мн. ч.; бабаха – ед. ч.; баба́шечки – мн. ч.; бабашечка – ед. ч.;
- *словообразовательные параллели* (однокоренные разноаффиксные образования): **Ска́нчина**, -ы, ж. Тонкая лепёшка, раскатанная скалкой. *Сканцы, сканчики.* **Карава́шка**, -и, ж. Хлебец круглой формы. *Караваха, каравашечка.* **Пусту́шка, -**и, ж. 2. Пирог без начинки. *Пустыха, пустышка, пустяк*.
- *номинативные параллели* (близкие или тождественные по смыслу и функции наименования): **Кали́тка**, -и, ж. 1. Ватрушка из пресного теста с начинкой из картофеля, творога и т.п. Калютка, плешан; **Просту́шки**, мн. ч. Оладьи. Бабахи, бабашечки, бабаши, бабашки, бабешки, бабушки, оладейка, олашечка, олашка, олелюшки. **Ска́нцы**, -ев, мн. ч.; ед. сканец, -а, м. 1. Тонкие лепёшки из пресного или кислого теста, испечённые перед огнём, свёрнутые пополам и начинённые творогом, картофелем и т.п. *Загибаник, загибыш, покашник, сканчики, сканчина, сочень, сочёнёк*.

Задача иллюстративного материала – подтвердить толкование слова и показать особенности и сферу его распространения, а также дать представление о самой описываемой реалии: **Толчёник,** -а, м. Пирог с начинкой из толчёного гороха. *И пироги гороховики я любила, толчёники. Горох истолчёшь толкашкой, с толчёным горохом, толчёники. Гороху*

наварит, из толчёного гороху, и на тесто начинку-то, а потом в печку. Мош.

Для составления *этимологической справки* используются, как правило, этимологические и исторические словари, а также Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, например: **Кала́ч** -а, *м.* Белый хлеб. *Купи чёрного буханку и калач не забудь купить.* Пест. II Сладкая булка. Чуд.

Этимология. Общеславянское слово. Образовано от *kolo, др.-русск. коло «круг», «колесо», с помощью суффикса *-ачь-;* ср. др.-русск. колачь, калачь. Современное произношение и написание с «а» появилось в результате развития аканья. Название печёному изделию дано по внешнему признаку круглой формы (Фасмер II: 285–286).

Так как среди рассматриваемых диалектных единиц много производных слов, то их этимологизация проводится через соотнесения с мотивирующей основой, т.к. принцип наименования уже отражён в морфемной структуре слова и выявляется при сопоставлении с производящим словом: **Толчёник,** -а, м. Пирог с начинкой из толчёного гороха. *Этимология.* Образовано суффиксацией от основы прилагательного *толчёный* в значении «подвергшийся толчению, измельченный» + суффикс -ИК. В основе номинации лежит способ приготовления начинки изделия.

Лексикографический параметр, отражающий *бытование наименования в других диалектах*, введён, как уже отмечалось, для того, чтобы установить территориальную распространённость новгородского диалектного слова – общерусская или локальная – и тем самым установить своеобразие той части народного быта новгородцев, которая связана с традициями в пище. Для этого использовались материалы ПОС и СРНГ: так, новгородское слово *Бара́шек – баранка, бублик* широко представлено как в псковском, так и в других территориальных диалектах:

ПОС: Кр. Дубари, Локн. Опоки, Пушк. Тучи, Вл. Погост Лукин, Беж. Цевло, Аш. Трубецкое; Беж. Турово, Фатейково; Вл. Букино, Демидово; Гд. Чудская Рудница; Дед. Вышегород; Дн. Михалёво; Кар. Загорье; Локн. Подберезье, Рысцово; Н-Рж. Гридино, Крутцы, Пришвино, Селиваново; Оп. Галуха, Карузы, Литвиново, Тоболино; Остр. Бобыли, Ерёминцы, Козлы, Магиново, Меленки, Меньшиково, Пашково, Родовое, Шитики и т.д.

СРНГ: Новг., Метин., Холм. Пск., Волог., Обнорский, Грязов.

В то же время, например, слово *Брусну́шка* со значением *ватрушка с начинкой из брусники* в других русских говорах отсутствует, т.е. является специфически новгородским диалектизмом.

Таким образом, региональный тематический (идеографический словарь) обладает высокой степенью культурной информативности, позволяет получить всесторонние знания о разных сторонах жизни

диалектоносителей. Такие словари не только сохраняют богатство языковой культуры народа, но и аккумулируют в себе неиссякаемый этнокультурный потенциал, отсылающий читателя к прошлому и настоящему народа. Лексикографическое описание диалектизмов, образующих тематическое поле «Печево», позволяет представить повседневный быт новгородских крестьян в прошлом, его отражение в языковой памяти современных диалектоносителей и специфику на фоне общерусской жизни.

Литература

1. Кронгауз, М.А. Семантика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 158.
2. Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н.В. Большакова; сост.: В.К. Андреев, Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьева, С.В. Лукьянова, Г.И. Площук и др. Псков: Логос Плюс, 2012.
3. Там же. С. 3.
4. Там же. С. 4.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, доцентом Дидковской В.Г.

УДК 070(44)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.33

СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Шершневская П.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Darthpumpkin@yandex.ru

SPECIFICS OF THE FRENCH JOURNALISTIC TEXT

Shershnevskaya P.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Darthpumpkin@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению лингвистических и экстралингвистических особенностей французского публицистического текста. Анализ проводился на материале статьи из газеты Le Monde, посвящённой теме пожара в соборе Парижской Богоматери, что и определило новизну работы. В работе исследовался язык французской прессы (лексика, синтаксис, стилистика) и специфика представления информации в электронном формате.
Ключевые слова: *публицистический текст, лексика, синтаксис.*

Abstract. This article is devoted to the study of linguistic and extralinguistic features of the French journalistic text. The analysis was based on an article from the newspaper Le Monde, dedicated to the topic of Notre-Dame de Paris fire, which is what determined the novelty of the work. The paper examines the language of the French media (vocabulary, syntax and stylistics) and the specifics of presenting information in electronic format.
Keywords: *journalistic text, vocabulary, syntax.*

Печатная пресса как неотъемлемая часть средств массовой информации занимает особое место в культурно-политической жизни Франции. Во Франции история печати начинается с la Gazette, основанной в 1631 году Теофрастом Ренодо. В течение XX века радио, телевидение и особенно Интернет составили серьёзную конкуренцию печатной прессе. Сегодня пресса может быть представлена как в печатном, так и в более популярном электронном формате. Её функции и задачи, тем не менее, остаются прежними: освещение актуальных общественно-политических вопросов и воздействие на читателя посредством различных средств и приёмов.

В настоящей статье анализируются экстралингвистические и лингвистические особенности французского публицистического текста. Практическим материалом послужила статья «Emmanuel Macron souhaite

que Notre-Dame soit reconstruite “plus belle encore” d’ici 2024», опубликованная в разделе «Actualités» известной французской газеты Le Monde 15 апреля 2019 г. Информационным поводом для статьи послужило событие, которое не оставило равнодушным не только Францию, но и весь мир – пожар в соборе Парижской Богоматери. Особенности языка прессы уже не раз становились объектом изучения. Этому посвящались и посвящаются научные статьи и монографии. Исследования проводились на материале разных языков, в том числе и французского (см. работы В.Г. Гака, Е.М. Чекалиной и др.).

Среди лексических особенностей языка прессы В.Г. Гак выделяет:

• наличие многочисленных терминов, принадлежащих к различным сферам деятельности (политика, наука);

• частое употребление устойчивых оборотов, которые нередко уже являются утратившими свою первоначальную образность;

• слова, возникшие или получившие новое значение в связи определёнными с событиями в мире;

• иноязычные заимствования;

• крылатые слова, изречения, а также реминисценции, различные отсылки на исторические события или художественные произведения [1].

В свою очередь Е.М. Чекалина подчёркивает употребление:

• междометий, смелых неологизмов, проникновение элементов неофициального межличностного общения;

• эмоционально-оценочных наименований предметов повседневного быта;

• слов, квалифицирующих умственные способности и речевую деятельность человека;

• усилительных редупликативных и свободных лексических повторов, служащих средством выражения количественной оценки и выполняющих интенсифицирующую функцию.

С.В. Слепцова отмечает такие особенности, как:

• «газетизмы», терминология, профессионализмы и жаргонизмы, клише, штампы, иноязычные заимствования, фразеологизмы, оценочная лексика, имплицитная оценка с помощью эвфемизмов и оценочной метафоры;

• метафоризация терминологии, сопоставление прямого и переносного смысла;

• аббревиация [2].

Среди синтаксических средств, как правило, выделяют эллиптические конструкции, сегментированные конструкции, параллельные конструкции, неполные синтаксические структурные элементы аффективного синтаксиса: восклицательные и вопросительные предложения, предложения с обращением, риторические вопросы, повторы.

Стилистические особенности публицистической речи чаще всего проявляются через понятия «оценочность, выразительность, экспрессивность, разговорность, неформальность», которые во многом стимулируются внеязыковыми факторами. В том числе приёмы многократного повторения согласной или гласной, расчленённое написание слов, изменение графического облика слов, воспроизведение в письменном тексте фоноакустических особенностей звучащей речи и т.д.

В анализируемой статье были отмечены следующие особенности:

Наличие терминологии из разных сфер деятельности, в том числе *архитектурной терминологии*:

Après avoir craint de ne pas pouvoir sauver **le beffroi** nord, le chef des pompiers a ensuite annoncé que **la structure de la cathédrale** était sauvée. – Прежде начальник пожарной службы опасался, что северную **колокольню** не удастся спасти, но позже сообщил, что **перекрытия** собора уцелели.

«La phase est désormais à l'expertise», a déclaré, mardi matin, le porte-parole des pompiers de Paris, Gabriel Plus, précisant que le «violent feu» s'était «propagé très rapidement sur l'ensemble de **la toiture**» sur «1 000 mètres carrés environ». – «Теперь дело за экспертами», – заявил представитель пожарных служб Парижа Габриэль Плюс во вторник утром, добавив, что «сильный огонь очень быстро распространился по всей **кровле**, приблизительно на 1000 м^2».

Ravagée par les flammes, **la flèche** de la cathédrale s'est effondrée lundi, peu avant 20 heures. – В понедельник, около восьми часов вечера, обрушился охваченный пламенем **шпиль** собора.

«La charpente, qui date du XIXe siècle d'un côté et du XIIIe de l'autre, il n'en restera plus rien», a déclaré à l'Agence France-Presse André Finot, le porte-parole de Notre-Dame. – «От **конструкций** XIX и XIII веков ничего не останется», – заявил агентству Франс-Пресс представитель собора Парижской Богоматери Андре Фино.

«Les équipes de sapeurs-pompiers et des architectes qui sont sur place sont inquiets, car, au-dessus de **la voûte**, il y a encore de l'eau, il y a du bois carbonisé gorgé d'eau et, donc, qui a un poids très important», a expliqué sur France Inter Franck Riester. – «Архитекторы и пожарные, которые уже приступили к работе, обеспокоены тем, что над **сводом** ещё есть вода, обгорелая древесина пропитана водой, поэтому её вес значителен», – пояснил Франк Ристер на радиостанции France Inter.

Юридическая терминология:

Le parquet de Paris a ouvert une **enquête préliminaire**, confiée à la direction régionale de **la police judiciaire**, pour «**destruction involontaire par incendie**», excluant a priori **le motif criminel**. – **Прокуратура** Парижа и региональное управление **судебной полиции** начали **предварительное расследование** по факту «**уничтожения имущества путём неосторожного обращения с огнём**», исключив априори **преступный мотив**.

«Rien ne va dans le sens d'un **acte volontaire**», a confirmé, mardi, **le procureur** de Paris, Rémy Heitz. – «Нет никаких оснований полагать, что это **умышленное преступление**», – подтвердил во вторник **прокурор** Парижа Реми Хейц.

Термины из словаря пожарной службы:

«**L'ensemble du feu** est éteint». – Пожар полностью ликвидирован.

«**La phase** est désormais **à l'expertise**». – Теперь дело за экспертами.

Интернет-лексика:

«Comme tous nos compatriotes, je suis triste, ce soir, de voir brûler cette part de nous», a écrit le chef de l'Etat **sur Twitter**. – «Как и всем нашим соотечественникам, мне сегодня грустно видеть, как горит часть нас самих», – написал глава государства в **Twitter**.

Aux Etats-Unis, la French Heritage Society, organisation sise à New York qui se consacre à la préservation des trésors architecturaux et culturels français, a lancé **une page Web** pour collecter des fonds. – В Соединённых Штатах Общество наследия Франции, находящееся в Нью-Йорке и занимающееся сохранением французских архитектурных и культурных ценностей, запустило **сайт** для сбора пожертвований.

Штампы и клише:

Le président de la République **a rendu un hommage** aux pompiers et aux donateurs lors d'une adresse à la nation diffusée mardi soir. – Во вторник вечером во время своего обращения к нации Президент Франции **выразил благодарность** пожарным и людям, сделавшим пожертвования.

Аббревиация:

Par la voix de son **PDG,** Patrick Pouyanné, le groupe Total a fait savoir qu'il ferait un «don spécial» de 100 millions d'euros pour la reconstruction. – Генеральный директор «Тоталь» Патрик Пуяне объявил, что от лица компании поступит «особое пожертвование» на восстановление собора в размере 100 миллионов евро.

Заимствования из других языков:

Sur la plate-forme de financement participatif **GoFundMe**, plus de cinquante campagnes liées à l'incendie de la cathédrale ont été créées, lundi, à travers le monde, a déclaré un porte-parole de l'entreprise. – В понедельник, как заявил представитель **GoFundMe**, на её **краудфандинговой платформе** по всему миру было создано более пятидесяти компаний по сбору средств на восстановление собора.

Стилистические средства представлены разнообразными *эпитетами*:

«La phase est désormais à l'expertise», a déclaré, mardi matin, le porte-parole des pompiers de Paris, Gabriel Plus, précisant que le «**violent** feu» s'était «propagé très rapidement sur l'ensemble de la toiture» sur «1 000 mètres carrés environ». – «Теперь дело за экспертами», – заявил представитель пожарных служб Парижа Габриэль Плюс во вторник утром, добавив, что «**сильный**

огонь очень быстро распространился по всей кровле, приблизительно на 1000 м^2».

Ravagée par les flammes, la flèche de la cathédrale s'est effondrée lundi, peu avant 20 heures. – В понедельник, около восьми часов вечера, обрушился **охваченный** пламенем шпиль собора.

Mardi matin, la situation restait toutefois **précaire**. – Однако во вторник утром ситуация оставалась **тревожной**.

«Elle a salué la «chaîne humaine» qui s'est aussitôt mise en place pour tenter de venir à bout de l'incendie, une épreuve **terrible**», et préserver les œuvres». – «Она высоко оценила работу «живой цепи», которая немедленно приступила к действиям по устранению пожара, чтобы положить конец этому «**ужасному** испытанию» и спасти произведения искусства».

LVMH et la famille Arnault ont annoncé, mardi, un «don de 200 millions d'euros» pour participer «à la reconstruction de cette **extraordinaire** cathédrale, symbole de la France, de son patrimoine et de son unité». – Во вторник компания LVMH и семья Арно объявили, что сделают «пожертвование в размере 200 миллионов евро» для участия «в реконструкции этого **уникального** собора, символа Франции, её культурного наследия и единства».

Широкое использование

метафор:

«Il y a **une chaîne humaine** qui s'est tout de suite mise en place: d'abord les pompiers qui font un travail incroyable» – «Была организована **живая цепь**, которая немедленно приступила к действиям: в первую очередь это пожарные, которые делают невероятную по сложности работу».

Le «**trésor**» de Notre-Dame – la sainte Couronne, la tunique de saint Louis, un morceau de la Croix et un clou de la Passion – a pu être évacué et placé en lieu sûr. – **«Сокровища»** Нотр-Дама – Терновый венец Спасителя, Камизу Людовика Святого, частицу Креста Господня и Гвоздь Распятия – удалось спасти и поместить в безопасное место.

L'incendie a aussi suscité **un élan de solidarité** hors de l'Hexagone. – Пожар также вызвал **волну солидарности** за пределами Франции.

гипербол:

«Comme tous nos compatriotes, je suis triste, ce soir, de voir **brûler cette part de nous**», a écrit le chef de l'Etat sur Twitter. – «Как и всем нашим соотечественникам, мне сегодня грустно видеть, как горит часть нас самих», – написал глава государства в Twitter.

повторов:

«Nous avons des appels **du monde entier**, car c'est un drame pour **le monde entier**», a affirmé Mme Hidalgo. – «Нам звонят **со всего мира**, ведь это трагедия **для всего мира**», – заявила г-жа Идальго.

В тексте представлены такие синтаксические средства, как *эллипс*:

La maire de Paris, Anne Hidalgo, a annoncé mardi une contribution à hauteur de **50 millions d'euros de la Ville** pour la restauration de la cathédrale. – Мэр Парижа Анн Идальго объявила во вторник о взносе в размере 50 миллионов евро из **городского** (la Ville de Paris) бюджета на реставрацию собора.

Il s'est rendu sur place dès lundi soir, avec le premier ministre, Edouard Philippe, le secrétaire d'Etat auprès **du ministre de (Affaires) l'intérieur**, Laurent Nunez, et le président de l'Assemblée nationale, Richard Ferrand. – В понедельник вечером он отправился на место происшествия вместе с премьер-министром Эдуаром Филиппом, **заместителем министра внутренних дел** Лораном Нуньесом и председателем Национального собрания Ришаром Ферраном.

Dans la nuit, la famille Pinault avait annoncé débloquer 100 millions d'euros pour **Notre-Dame**. – Во вторник ночью семья Пино объявила, что пожертвует 100 миллионов евро на восстановление Нотр-Дама после пожара (Notre Dame de Paris).

сегментации:

La région Ile-de-France va**, elle,** débloquer 10 millions d'euros d'«aide d'urgence pour aider l'archevêché à faire les premiers travaux» de reconstruction, a annoncé Valérie Pécresse. – Регион Иль-де-Франс выделит 10 миллионов евро в качестве «срочной помощи епархии на первом этапе работ» по реконструкции, – объявила Валери Пекресс.

Нельзя не отметить и особенности оформления публицистического текста в электронном формате на сайте печатных изданий. Среди них:

- использование дополнительных видеоматериалов (фото, видеороликов);
- возможность дать ссылки на социальные сети, с прямой вставкой записи и возможностью перейти к первоисточнику;
- наличие пункта «поделиться», через который можно поделиться статьей в социальных сетях;
- указание среднего времени прочтения статьи;
- дата публикации с указанием точного времени;
- наличие ссылок в тексте статьи или между абзацами на другие популярные или связанные по теме статьи, с возможностью перехода к ним;
- в тексте статьи оформляются гиперссылки, особенно если есть отсылка к уже ранее написанным статьям;
- на странице также может находиться контекстная реклама;
- на некоторых сайтах иногда присутствует функция комментирования статьи.

Таким образом, специфика французского публицистического текста создаётся целым рядом языковых и неязыковых средств.

Литература

1. Гак, В.Г., Григорьев, Б.Б. Теория и практика перевода: Французский язык. М., 2013. С. 26–27.
2. Слепцова, С.В. Свободные и фразеологизированные конструкции в языке современной французской прессы: дис. … канд. филол. наук: 10.02.05 / Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5594/1/Sleptsova_Svobodnye.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

Статья рекомендована к печати
канд. филол. наук, доцентом Заботиной М.В.

УДК 778.5(72)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.34

АРХЕТИПЫ И МУЗЫКА В АМЕРИКАНСКОМ ФИЛЬМЕ УЖАСОВ

Широкова О.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: lafille333@mail.ru

ARCHETYPES AND MUSIC IN AN AMERICAN HORROR FILM

Shirokova O.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: lafille333@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм формирования архетипических образов на зрителей американского хоррор-кинематографа с помощью музыкального саспенса. Авторами рассмотрены аудиальные приёмы создания и внедрения в зрительскую аудиторию целенаправленно планируемых саспенс-эффектов в качестве ходов по созданию, сопровождению и сенсорному закреплению шокирующих впечатлений от архетипических образов в американских фильмах ужасов.
Ключевые слова: архетипические образы, ambient-музыка, американский фильм ужасов, саспенс-эффект.

Abstract. The article considers the mechanism of archetypal images formation on the audience of American horror cinema with the help of musical suspense. The authors consider auditory techniques for creating and implementing purposefully planned suspense effects into the audience as moves for creating, accompanying, and sensory reinforcement of shocking impressions from archetypal images in American horror films.
Keywords: archetypal images, ambient music, american horror film, saspence effect.

На сегодняшний день с бурным развитием технических средств и глобального медийного пространства музыка становится неотъемлемой частью человеческой культуры и повседневности. Появляются новые технологии создания и звучания музыкальных произведений, модернизируются средства и формы их воспроизведения, а также совершенствуются сценарии продвижения музыкальных продуктов такого рода в массовую культуру. Одной из актуальных и действенных форм популяризации и продвижения разнообразных музыкальных стилей и направлений является кинематографическое пространство. Голливудская киноиндустрия, которая шла «рука об руку со становлением самого кинематографа» [5, с. 143], считается крупнейшей в современном мире

визуальной площадкой для формирования и последующей апробации моделей и ситуаций, характерных для современных политико-идеологических, социокультурных и иных мифологий. Особенно это свойственно для американского хоррор-кинематографа, спецификой которого является формирование и продвижение в пространство современной массовой культуры идеологической модели демонстрации ужасных мифологических сценариев. Целенаправленно формируемая и последовательно нагнетаемая авторами подобных кинолент ужасающая атмосфера этого киножанра подкрепляется не только специфической сюжетной линией и визуальным содержанием каждого конкретного фильма, но также и его музыкальной (аудиальной) составляющей, что предполагает создание у зрителя столь необходимого нагнетающего саспенс-эффекта от его просмотра. Поэтому искусно выстроенный создателями кошмарных голливудских кинокартин механизм музыкального сопровождения способствует формированию и закреплению свойственного этому жанру тревожного и пугающего настроения. А это, в свою очередь, является важнейшим условием адекватной трансляции соответствующих архетипических, образно-символических презентаций как в рамках всей голливудской мифологической хоррор-киноплощадки, так и в пределах многомиллионной аудитории её поклонников во всём мире.

Глобальная медиасфера исподволь, но неуклонно воздействует на общество, порой не только меняя представления людей об окружающей действительности, но и до неузнаваемости трансформируя и саму действительность. Современный питерский философ и аналитик медиареальности В.В. Савчук отмечает, что «медиа и экранные технологии повлияли на все стороны нашей жизни, на образ мысли, поведение и мотивацию человека...» [4, С. 66]. Поэтому с развитием и широким распространением технических средств накопленный человечеством за долгие тысячелетия бессознательный коллективный опыт также подвергается трансформации и постепенно сублимируется виртуальной реальностью в виде специфически преобразованных архетипических образно-символических презентаций. Архетипические образы достаточно прочно закрепились и в голливудском кинематографическом пространстве как одной из глобальных площадок их производства и общемировой трансляции. Современный голливудский «ужасный» кинофильм повсеместно использует практически неисчерпаемый архетипический потенциал пластов индивидуального и коллективного бессознательного, пытаясь перевести его на киноязык, наиболее адекватный современности. Майкл Конфорти – аналитик юнгианского направления – закономерно утверждает, что современное «кино – это пересказ древних истин, который открывает доступ к миру архетипов и к той реальности, которую они создают <…> каждая архетипическая драма проживается в соответствии с

динамикой и доминантой этого поля и они несут с собой специфические для них формы поведения, склонности, тенденции и ограничения» [2], в особенности это характерно для голливудских фильмов ужасов.

Следует заметить, что бурное развитие технических и цифровых устройств в последние десятилетия позволило американскому хоррор-кинематографу особо преуспеть за счёт технологического прорыва в создании, закреплении, усилении невиданных ранее приёмов трансляции эффекта саспенса. Нет сомнений в том, что далеко идущий технологический, коммерческий и, несомненно, идеологический замысел абсолютного большинства современных голливудских саспенс-приёмов заключается в создании и последующей эскалации ощущений тягостного и напряжённого ожидания ужасных или кроваво-драматических событий у массового зрителя. Подобное экстремальное ощущение, несомненно, способствует формированию и поддержанию сильнейшего эмоционального напряжения, что значительно усиливает впечатление от визуальной картины киноужаса. Помимо создания красочного визуального эффекта, важной частью актуальных саспенс-приёмов сегодня является и звук.

Учёные подметили, что повышение звукового тона от низких до высоких частот, различные шумы, громкие резкие звуки пробуждают в человеке древнейшую, фактически ещё «телесную», бессознательную «физическую память», которая способствует нарастанию и усилению эффекта напряжённости. Всё это позволяет зрителю, находящемуся в кинозале или в домашнем кресле, испытать «первобытный/животный страх». Отечественный исследователь О.А. Артемьева также подтверждает это, отмечая, что коллективный «просмотр зрителями фильма в жанре ужасов в кинотеатре – действо многоуровневое, соединяющее в себе как интеллектуальное и эмоциональное восприятие, так и физиологические реакции» [1, С. 17]. Поэтому голливудские режиссёры и продюсеры уже давно заметили, что умело подобранный «экстремальный» звук многократно усиливает визуальный ряд киноленты, делая его «опорной точкой», которая направлена на создание, возгонку и последующее закрепление «ужасного» настроения у зрителя.

Голливудский хоррор-кинематограф традиционно использует в этих целях широкий спектр аудиоэффектов, напоминающих звук битого стекла, протяжные скрипы, таинственные шумы, шипение, бульканье, чавкание, и другие, так называемые «полостные» звуки, звонкое черчение металла и т.д. Все эти звуки изначально неприятны человеческому слуху, во многом потому, что напрямую «отбрасывают» каждого из нас ещё к доцивилизационному, «животному» опыту непосредственного и далеко не всегда «радостного» взаимодействия с «дикой» природой. Эти же спецэффекты создают и поддерживают состояние неуверенности, паники, на основе охватившего зрителя страха или ужаса.

Важно отметить, что голливудская хоррор-традиция изначально, последовательно и, надо сказать, необычайно профессионально реализует курс на создание нового, апокалиптичного «коллективного сознания» и программирование в среде потребительских масс крайне неуверенного индивидуального поведения. Конечно же, управленческий и идеологический посыл такого рода психотехник вполне понятен и объясним: запуганного, сбитого с толку человека гораздо легче обмануть, его «в два счёта» можно «убедить» в оправданности и целесообразности любых властных мер и манипуляций. Такой экзистенциальный настрой целенаправленно формируется голливудскими мастерами саспенса с помощью специальных инструментов создания и последующей эскалации ощущения страха и напряжённости на основе медийной спекуляции архетипическими образами.

Поэтому искусно эксплуатируемые «ужасной» кинокультурой Голливуда бессознательные пласты индивидуальной и коллективной психики регулируются, в том числе, и с помощью такого актуального сейчас музыкального направления, как «мрачный эмбиент» (dark-ambient). Принципом построения звукового ряда в подобном жанре современной электронной музыки является использование различных модуляций звукового тембра, а характерными признаками считаются фоновое, «атмосферное» звучание с элементами различных «прикладных» звуков (шум деревьев, рёв зверей, вой ветра, скрипы дверей и т.д.).

Одним из показательных примеров использования такого рода звуковых технологий управления коллективным бессознательным можно считать голливудскую кинокартину «Меч короля Артура» (англ.: «*King Arthur: Legend of the Sword*», реж. Г. Ричи, «Warner Bros», «Village Roadshow Pictures», «Safehouse Pictures», «Weed Road Pictures», 126 мин., США, Великобритания, 2017 г.). Сюжет фильма выстроен вокруг знаменитой, можно сказать, даже «онтологической» для западной мифологии и культуры легенды о короле Артуре, которая была по-новому проинтерпретирована создателями фильма. Перед зрителями предстаёт мрачная и загадочная страна, которой руководит жаждущий власти и обладающей магией правитель Вортигерн, предавший с помощью тёмных сил свою семью. Маленькому Артуру, будущему могущественному королю, довелось увидеть смерть своих родителей, однако он спасся и с тех пор живёт на задворках Лондиниума. Показательно, что мальчик даже и не подозревает о своём королевском происхождении до тех пор, пока однажды ему не довелось вытащить меч Экскалибур из камня. После, с помощью мага Гвиневры, желающего справедливости и возврата мирной жизни, с воспитанным улицей Артуром происходят значительные изменения, которые помогают свергнуть Вортигерна, разрушив магическую и тёмную башню.

Композитор фильма, англичанин Дэниэл Пембертон для усиления визуального «теневого» саспенс-эффекта от демонстрации на экране мрачных погодных условий Англии, тёмного ужасающего Камелота со строящейся магической башней, армии, одетой во всё чёрное, и т.д. использовал различные сочетания звучаний мрачного эмбиента с целенаправленным приданием ему «холодного» северного акцента. Для этих композиций характерны преобладание звуков скрипки и виолончели, а специфическое сочетание скрипучих звонких и тяжёлых звуков предопределяет нагнетание саспенс-настроения у зрительской аудитории. Композиции к фильму построены на ускорении звукового ряда, с использованием естественного звучания охотничьих рогов, что дополнительно создаёт ощущение тёмного, угнетающего, леденящего душу ужаса. Отдельно отметим умелое использование в качестве спецэффектов звуков дыхания и скрима, которые создают зеркальный эффект для зрителя, что способствует развитию у него наибольшей глубины эмоций и обеспечивают его максимальное «вживание» в ужасный сюжет.

Так, музыкальный саспенс этого голливудского фильма, столь умело созданный композитором, в основном выстраивается вокруг необходимости преодоления «Героем» самого себя и своего страха. К тому же звуковые эффекты помогают зрителю глубже проникнуться атмосферой ужасных обстоятельств, связанных с необходимостью прохождения Артуром кошмарного «Теневого» в терминологии К.Г. Юнга пути к торжеству справедливости. Экстремальное звуковое сопровождение умело настраивает привыкшего к цивилизованному комфорту и изнеженности обывателя на восприятие нешуточных экранных схваток «не на жизнь, а на смерть». Помогает зрителю «всерьёз» сопереживать ожесточённой борьбе «Героя» (в первую очередь, со своими собственными «демонами») и помещает его как бы в самый центр героических подвигов Артура в борьбе с ослепленным «Тьмой» антагонистом. Профессиональное сочетание режиссёром архетипических и мифологических образов, особенно «Героя» и «Тени», сопровождаются в зависимости от конкретных ситуаций звуковым рядом, варьирующимся от «героического» вдохновляющего и вселяющего надежду, до мрачного и угнетающего, подавляющего всё и вся страха.

Таким образом, на наш взгляд, сценарии и модели современного голливудского хоррор-кинематографа наиболее ярко раскрываются, в том числе с помощью симбиоза визуального и аудиального содержания, создающего неповторимую, целостную картину всепоглощающего страха и ужаса, которая, в то же время, обещает обывателю, пришедшему на киносеанс, «Самостное» преображение «Героя». Поэтому мы с полным правом можем сделать вывод о том, что глубинные музыкальные универсалии не только содержат в себе не меньше образно-символических

презентаций бессознательного, чем визуальный ряд голливудской традиции «ужасного» кинематографа, но, будучи усиленными последним, создают для современного зрителя наиболее глубокую эмоциональную картину. Мы можем констатировать, что на сегодняшний день звуковое сопровождение голливудских фильмов ужасов является важнейшим эмоциональным звеном, связывающим воедино зрителя с их кошмарным визуальным рядом. А образно-символическая канва голливудского ужасного кинофильма просто немыслима без глубинного саспенс-настроя, который при умелом сочетании всех сенсорных приёмов, формирует и активно продвигает в пространстве современной массовой культуры свою уникальную и неповторимую мифологему и представляет «обывательскую топологию потребительского пространства» [3, с. 93].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129.

Литература

1. Артемьева, О.Э. La Histoiredeterreur. Cejour // Артикульт. 2011. № 1. С. 17–24.
2. Конфорти, М. Архетипы, когерентность и кино [Электронный ресурс] // Spring. 2005. № 73. URL: http://ap.rsuh.ru/article.html?id=1941744 (дата обращения: 12.05.2020).
3. Маленко, С.А. От «Final Girl» к Единственной Великой Матери: голливудский хоррор и стратегии постгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 87–96.
4. Савчук, В.В. Российский домен медиафилософии // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 66–71.
5. Malenko, S., Nekita, A. Qorxu kinomatoqrafiyası: bio-siyasiləşdirilmiş patomifologiya kimi [Fear cinematography: as a bio-politicized pathomiphology] (I) // Philosophy and social-political sciences. Baki. 2017. no. 1 (40). pp. 138–159.

Статья рекомендована к печати
доктором филос. наук, профессором Некитой А.Г.

УДК 940.18: 94(47)043
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.35

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАРВЫ В ПОЛИТИКЕ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА В XV ВЕКЕ[1]

Якунина В.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail:valjajastrebova@mail.ru

MILITARY AND STRATEGIC VALUE OF NARVA IN THE POLICY OF THE LIVONIAN ORDER IN 15th CENTURY

Yakunina V.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: valjajastrebova@mail.ru

Аннотация. Историческое развитие Нарвы полно противоречий. Одновременно являясь небольшим городом, даже в масштабах Ливонии, Нарва играла существенную роль не только в русско-ганзейской торговле, но и имела военно-стратегическое значение на восточном рубеже Ливонии. Очевидно, что Ливонский орден имел явное намерение укрепить этот важный стратегический форпост, не делая различий между замком и городом. Помимо прочего, Ливонский орден имел собственные экономические интересы, поэтому прилагал усилия, чтобы контролировать эту важную торговую артерию Ливонии и развивать надлежащую торговлю ордена с Новгородской землей.
Ключевые слова: *Нарва, фогт, Ливонский орден, разведка.*

Abstract. The historical development of Narva is full of contradictions. At the same time being a small town, even on the scale of Livonia, Narva played a significant role not only in Russian-Hanseatic trade, but also had military and strategic value on the eastern border of Livonia. Obviously, the Livonian Order had a clear intention to strengthen this important strategic outpost without making distinctions between the castle and the city. Among other things, the Livonian Order had its own economic interests, therefore, made efforts to control this main trade artery of Livonia and to develop proper trade of the Order with Novgorod land.
Keywords: *Narva, Livonian Order, bailiff (Vogt), reconnaissance unit.*

Нарва как торговый город достаточно полно освещается как в отечественной (Н.А. Казакова, А.Л. Хорошкевич, И.Э. Клейненберг, Е.А. Рыбина), так и в зарубежной (П. Йохансен, А. Флетманн, С. Вееде, Н. Ангерманн) исторической науке, однако вопрос взаимоотношений Ливонского ордена и Нарвы как города орденского подчинения, в том числе и в военно-стратегическом отношении, затронут лишь поверхностно. В зарубежной историографии прежде всего стоит отметить двух эстонских

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00183

исследователей – Ю. Кивимяэ, всесторонне разрабатывающего «Нарвский вопрос» [1] и Ю. Креема [2], демонстрирующего в своих работах разные формы делового партнёрства ордена с Равелем. Наиболее важной для данного исследования является его книга «The Town and Its Lord: Reval and the Teutonic Order» (Город и его сеньор: Ревель и Тевтонский орден) [3], в которой автор рассматривает не только механизмы взаимодействия ордена с крупными ливонскими городами, но и затрагивает вопрос отношений городов «первой волны» с небольшим городками, в том числе и с Нарвой.

Отдельно стоит отметить работы М.Б. Бессудновой, в которых она уделяет значительное внимание проблемам влияния Ливонского ордена на развитие международной торговли в позднее Средневековье [4], вопросу торговли со стороны нарвского фогта Хейденрейха фон Вальгартена в конце XV века [5], а также обозначены основные аспекты в вопросе разведывательных операций Ливонского ордена в конце XV века [6]. Однако тема военно-стратегического значения Нарвы в политике Ливонского ордена нуждается в дальнейшем развитии, так как рассматривалась лишь косвенно, в контексте других проблем. Развитие данной проблематики возможно благодаря наличию крупного блока источников конца XIV – начала XVI века, включающего письма орденских фогтов и магистрата Нарвы, как опубликованные, так и архивные, значительная часть которых в настоящий момент находятся в фондах Таллиннского городского архива (*Tallinna Linnaarhiiv, TLA*).

Несмотря на то, что Нарва являлась небольшим городом, даже в масштабах Ливонии (порядка 600–800 человек) [7, с. 3; 8, с. 61] она играла существенную роль не только в русско-ганзейской торговле, но и имела военно-стратегическое значение на восточном рубеже Ливонии. В интересах Ливонского ордена было укрепить этот важный стратегический форпост, не делая различий между замком и городом [1, с. 20]. К тому же, Ливонский орден обладал собственными экономическими интересами [5], поэтому прилагал усилия, чтобы контролировать эту торговую артерию Ливонии и активно развивать торговлю ордена с Новгородской землёй (*TLA, 230, BB 52 I, f. 25, 46*).

Несмотря на тот факт, что вблизи границы располагался ещё ряд орденских замков – Розитен, Мариенбург, Нейшлос, Лудзен – долгое время Нарва оставалась одним из важнейших разведывательных пунктов Ливонского ордена по отношению к России [6, с. 249–249]. Фогты Нарвы получали информацию из различных источников – от лазутчиков на службе ордена (*vorspeer, kundschafter*) [4, с. 284], а также из донесений от купцов и шкиперов, прибывших из Новгорода, Пскова и других русских городов [9, № 544]. Они собирали информацию не только политического характера, о происходящем на русской стороне, но и в целом анализировали ситуацию на торговых путях (морских и сухопутных), а затем, при необходимости, сообщали в остальные города Ливонии (*TLA, 230, BB 52 I, f. 12*). Так, например, купцы Немецкого подворья в Новгороде всю важную информацию отправляли не только в Ревель, но и

дублировали в Нарву: «*...мы написали письмо господину Эверту Кальхерзену, чтобы он предостерегал в Нарве любого, кто пожелает сюда [в Новгород] отправиться*» [10, № 6]. В ответ они так же получали инструкции и указания, если того требовала ситуация: «*...а ещё фогт Нарвы прислал нам <...> письмо и пишет нам, чтобы мы остерегались Великого Новгорода и его представителей, ибо орден не хочет возвращать ему товары*» [10, № 9].

В Нарве крупные военные подразделения не находились постоянно, так как это было не выгодно ордену и городу экономически, и, к тому же, могло привести к дополнительному напряжению с русской стороной. Однако, согласно привилегии Ревеля с 1348 года, город должен был сконцентрировать войска (*malwen*) под Нарвой в случае нападения врага [3, p. 90]. Так, весной 1444 года ливонский магистр, опасаясь русского вторжения, лично обращается к Ревелю с указом подготовить силы [11, № 30], а позже он же благодарит город за вклад в оборону Нарвы [11, № 32].

Начиная с 70-х годов XV века источники позволяют более подробно рассмотреть механизм снабжения Нарвы оружием и наёмниками из Ревеля. В 1473 году мирный договор с Новгородом истёк [12, с. 147], а переговоры о продолжении мира провалились. Уже 15 сентября 1473 года фогт Нарвы Хейденрейх фон Вальгартен пишет в магистрат Ревеля, что из-за опасности нападения русских он должен напомнить торговцам, имеющим товары в Нарве, что город не может защитить эти товары в одиночку. Поэтому необходимо, чтобы торговцы помогли Нарве, а именно отправили 50–60 наёмников (*weraftigher manne*). Если же Ревель не может послать свои собственные силы, то он должен написать магистру, чтобы он выделил равнозначный отряд из тех войск, что Ревель отправит к нему и направил в Нарву. В случае же если город не получит поддержки, то ему самостоятельно пришлось бы нанимать солдат, которым платили бы за товары тех торговцев, которые есть в городе (*TLA, 230, BB 52 I, f. 55*). О том, что Ревель выполнил просьбу, свидетельствует отчёт городского совета о расходах в 171 марку на наёмников в Нарве [3, с. 91].

События, разворачивающиеся в Нарве в связи с «первой Ливонской войной» 1480–1481 гг. [13, с. 256], также заслуживают внимания. Как и в 1473 году магистрат и фогт Нарвы обращаются в Ревель за поддержкой (*TLA, 230, BD 8, f. 10, 27; BB 52 I, f. 58, 59, 60*), однако речь идёт не только о людях, но и о пушках (*busßen*), которые фогт Нарвы отказывается возвращать Ревелю «из-за происходящего с русскими» (*TLA, 230, BB 52 I, f. 57*). Из письма становится ясно, что несколько пушек (точное число их не называется) хранились в Нарве длительное время, но теперь были затребованы магистратом Ревеля обратно. К сожалению, ответа Ревеля у нас нет, однако тот факт, что в 1488 году магистрат Нарвы просил оставить себе ревельские пушки, т.к. было потрачено очень много денег на их содержание [3, с. 79], даёт основание предполагать, что оружие всё же было оставлено.

Однако не всегда Ревель готов был оказать поддержку Нарве. Когда в 1496 году шведы захватили Ивангород [4, с. 302], напряжённость снова возросла. В сентябре ливонский мастер попросил Ревель отправить 60–80 человек с оружием, порохом и хорошими лидерами в Нарву в соответствии со старой практикой (*na deme olden*), потому что ревельские купцы имели товары в Нарве и не должны покидать город в беде [9, № 410]. Однако Ревель ответил отказом, утверждая, что его привилегии не предписывают размещение войск в Нарве. В письме также подчеркивалась преданность ревельцев и обещание следовать за магистром в случае военного похода [9, № 421]. Полемика между Ревелем и Ливонским магистром продолжалась на протяжении 1497 года, магистр дважды просил ревельцев поддержать Нарву, но каждый стоял на своём [9, № 487, 550, 555]. С чем связано изменение позиций Ревеля в вопросе военной поддержки Нарвы, судить сложно, однако можно предположить, что до конца XV века расходы на содержание наёмников ложились только на купцов Ревеля, а не на город в целом, что было приемлемо и даже закономерно, однако изменения, происходящие на рубеже XV–XVI веков, привели к снижению количества ревельских купцов в Нарве (на что также город обращает внимание в письмах к магистру), но при этом возрастают расходы, и, тем самым, они теперь ложились на город, что не устраивало магистрат. Помимо прочего, следует учитывать, что в 1496 году Ревель экспортировал товаров в 6 раз меньше, чем в 1495 году [14, с. 205], что является красочным показателем тяжёлого финансового положения города и могло послужить причиной отказа.

Наиболее полно даёт представление о военных функциях фогта письмо Кордта Стрика в Ревель от 2 мая 1501 года, повествующее о военном столкновении между отрядом из Нарвы и русскими в период, предшествующий разгару русско-ливонской войны 1501–1503 годов [4, с. 123] Фогт пишет, что его служащие вместе с вассалами, подлежащими призыву в ополчение в приходе Бехене (*myth sampth denn guden mannen, de ym kerspele to Behene tor malve leghenn <…> qweme*), вечером пересекли границу и вторглись на территорию России, однако фактически сразу подверглись нападению с двух сторон и были оттеснены. Опасаясь осады Нарвы, которая в последующем и произошла, часть войска фогт отправил в город, поскольку он был «обескровлен и опустошён» (*blodt unnd woeste steydt*), а большинство бюргеров и жителей погибли. Сообщив обстановку, фогт обращается к Ревелю и просит прислать военных людей, «поскольку русские усиливаются изо дня в день» (*de rusßen starcken sick am daghe to daghen*) и в скором времени он ожидает нападения. Таким образом мы видим, что фогт обладал приходом, подлежащим призыву, мог мобилизовать как бюргеров Нарвы, так и тех, кто не обладал правами горожан, брал на себя командование как в случае военного похода, так и при осаде, и в целом заботился о городе.

Таким образом, мы наблюдаем, что военно-стратегические интересы Ливонского ордена в Нарве были обусловлены как её географическим положением, так и тем фактом, что, являясь важной артерией транзитной торговли, город являлся стратегически важным пунктом по сбору информации. Чтобы не сокращать возможность получения сообщений от русских купцов орден был заинтересован в экономическом развитии города. Помимо этого, в случае конфликтов с Россией, Нарва оказывалась одним из оборонительных рубежей Ливонии, что также влияло на политику ордена. Фогты Нарвы, как представители власти Ливонского ордена на местах, обладали рядом функций, как военного характера, так и административно-экономического. В условиях военного времени они возглавляли отряды и действовали в зависимости от ситуации, обладали собственным приходом, подлежащим призыву. Однако в мирное время нарвские фогты проявляли себя как грамотные финансисты и хозяйственники, чему магистр не препятствовал.

Литература

1. Kivimäe, J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion| Narva and the Baltic Sea Region, Narva: Ülikooli Narva Kolledž, 2004. S. 17–27.
2. Kreem, J. Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval // Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. Lüneburg: Carl Schirren Gesellschaft, 2003. S. 93–112.
3. Kreem, J. The Town and Its Lord: Reval and the Teutonic Order (in the Fifteenth Century). Tallinn: Tallinna Linnaarhiiv, 2002. 218 p.
4. Бессуднова, М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2015. 488 с.
5. Бессуднова, М.Б. «Файда» Фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 6 (50) URL: https://history.jes.su/s207987840001511-1-1/ (дата обращения: 30.10.2019).
6. Бессуднова, М.Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк: ФГБОУ ВО Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2016. 464 с.
7. Mühlen, H. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts. Köln–Wien: Böhlau, 1985. 432 s.
8. Kivimäe, J. Zwischen Reval und Lübeck. Die Narve-Frage in der Handelspolitik in der späten Hansezeit // «Hansisch» oder «nicht-hansisch» das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse. Callidus, 2019. S. 57–75.

9. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Kommissions Verlag von J. Deubner, 1900. 900 s.
10. Русская Ганза. Жизнь немецкого подворья в Новгороде. 1346–1521 гг. Письма и материалы / сост. М.Б. Бессуднова. СПб.: Евразия, 2019. 288 с.
11. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 1. Bd. 10. Riga, Moskau: Kommissions Verlag von J. Deubner, 1896. 576 s.
12. Казакова, Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, Л.: Наука, 1975. 359 с.
13. «Первая Ливонская война», 1480–1481 годы. Документы / перевод, примечания, статьи М.Б. Бессудновой. СПб.: Евразия, 2018. 312 с.
14. Vogtherr, H. Livlandhandel und Livlandverkehr Lübecks am Ende des 15. Jahrhunderts // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk, 2001. S. 201–233.

Статья рекомендована к печати
доктором истор. наук, профессором Бессудновой М.Б.

УДК 130.3+572
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.36

ЧЕЛОВЕК-СИМУЛЯКР: ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Якусик С.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Nikolay.Kashchey@novsu.ru

SIMULACRUM HUMAN BEING: THE PROBLEM OF MODERN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Yakusik S.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Nikolay.Kashchey@novsu.ru

Аннотация. Проблема взаимосвязи индивида с процессом симуляции в современном мире обладает высокой степенью актуальности. Жизнь общества и индивида существенным образом модифицируется под современные технологии и всё стремительнее обретает характер симуляции. Мир больше не состоит из субъекта и объекта, а является самоорганизующейся системой, в которой существуют лишь объекты, идентифицируемые посредством набора свойств, временно приобретаемых в конкретной ситуации. Современное пространство жизни человека становится миром симулякров, в котором и сам человек становится одним из них.
Ключевые слова: *симулякр, постмодерн, симуляция, виртуальность, человек-симулякр.*

Abstract. The relationship of the individual with the simulation process in the modern world is the issue with a high degree of relevance. Life of society and the individual is substantially modified by modern technologies and increasingly becoming a simulation. The world no longer consists of a subject and an object, instead it is a self-organizing system in which there are only objects that are identifiable through a set of properties temporarily acquired in a specific situation. The modern space of human life becomes the world of simulacra, in which human being becomes one of them.
Keywords: *simulacrum, postmodern, simulation, virtuality, simulacrum human being.*

Современность как процесс перехода к постмодерну есть тенденция развития симуляции жизни, тенденция замены человека, реальности и подлинности бытия знаками. Культура эволюционирует через смену парадигм, от «отражения реальности», до «сокрытия отсутствия реальности», создавая самодостаточное пустое пространство симулякров – гиперреальность. Этот процесс настолько грандиозен и глобален, что возникает вопрос о вообще возможности будущего для «живого» человека. Современный человек становится неспособным отличить его истинное существование от клише, симулякров, образов, под которые он

подстраивается. Современное пространство информационной коммуникации, как отмечают некоторые исследователи, есть некая аналогия платоновской пещере, но в её современном воплощении как пещеры big data, условием её существования выступает информация, от которой человек зависит всё в большей степени и которая превращает его сознание в компьютерную симуляцию [1]. В эпоху власти информации, массовых коммуникаций вопрос о различении подлинного и неподлинного становится в той же степени актуальным, с какой скоростью эти феномены смешиваются, образуя новую реальность.

Тем не менее, философский дискурс о подлинности бытия начинается задолго до эпохи постмодерна. Античная философия, в лице Платона, постулирует учение о двух мирах – мире идей и феноменов, как копий тех самых идей. Из этого следует понимание необходимости соответствия сущности (эйдосу), которое начинается с простого подражания (мимесиса). Понятие мимесиса у Платона является ключевым в его теории познания. Мимесис как подражание подразделим на две составляющие – внешняя сторона подражания, как формальное, видимое, похожее, и внутренняя, как действие подражания, отражения сути. Данная дуальность позволяет дифференцировать подражание как имитационный процесс и подражание истинным идеям [2]. Если внешняя сторона практики подражания является лишь копией феномена, изначально являющегося копией идеи, то подражание сущности становится неким критерием различия симулякра и репрезентации, кои соответственно диаметрально противоположны по своей природе [3]. Однако человеческое мышление свойственно к созданию симулякров в сознании, т.е. образов, которые, будучи субъективными, не отражают действительного бытия, «предмет мышления есть мысленный призрак, это не существо и не свойство, но как бы существо и как бы свойство» [4]. Если же в античной философии копии, как иное, или небытие были частью бытия, т.е. не несли негативной коннотации, то в Средневековье появляется чёткая оппозиция образа и подобия, как сакрального и профанного. Таким образом, в попытке приближения к Богу через откровение появляется необходимость в дифференциации явлений истины и образов, созданных в сознании в результате концептуализации. «Понятие, которое, происходя от некоего подлежащего, мыслит его не так, как оно само есть… (и) возникает только там, где имеет место соединение (conjunctio)» [5]. Философия Нового времени, неся идею освобождения от Бога, несёт тем самым мысль об очищении разума, т.е. от образов, не имеющих прототипа в реальности или противоречащих здравому смыслу. Об этом мы можем судить по работам Гоббса, Декарта, Бэкона, Баумгартена, Канта, которые призывали к обнаружению фантазмов, грёз и видений с помощью проверки рациональностью или эмпирией. Человек, освобождённый от Бога, видений, самостоятельно творит видимый мир, руководствуясь «здравым

смыслом», т.е. разумом, и таким образом является мерой всех вещей. Однако постмодернистская парадигма впоследствие решает освободиться от разума, который, будучи ограниченным по своей природе, предполагает создание категорий, стратификаций и иерархий. И потому полная свобода в первую очередь должна начинаться с ликвидации разума и субъекта. Следовательно, вопрос о реальности и здравом смысле разрешается посредством шизоанализа, предполагающего снятие ограничения с бессознательного, кое в своей природе является не скоплением страхов и комплексов, а «желающим началом» [6]. Этот шаг, с учётом опыта модерна, даёт человеку право создавать абсолютно всё, и потому реальность становится виртуальностью, как полем возможностей воплощения всякого желания, возникшего у любого человека. Отныне внешний мир не постулирует человеку, что реально, а что нет, понятие здравого смысла исчезает, а мир становится способным к обретению атрибутов абсурда и иронии. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием «симулякр» уже в современной трактовке.

«Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет. Симулякр есть истина» – с этих слов начинает своё рассуждение в книге «Симулякры и симуляция» французский философ Ж. Бодрийяр. Таким утверждением он постулирует общую тенденцию постмодернизма, а именно тотальную симуляцию, разрушение и умерщвление реальности. Симуляция, по Ж. Бодрийяру, есть не что иное, как «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального», которое «ставит под сомнение различие между “истинным” и “ложным”, между “реальным” и “воображаемым”» [7]. Иными словами, симуляция – это подражание внешним признакам, ставящее сам процесс в качестве цели. Тем не менее, симулякр, как не имеющее в себе основания реального, в качестве понятия имеет в себе вполне реальное историческое обоснование. Ж. Бодрийяр утверждает, что этот процесс начался ещё в эпоху Возрождения. Так, оправившись от «тёмных» христианских веков, Европа в попытке вернуть греческую мудрость предпринимает попытку подражать, однако это оказывается не более чем профанацией или подделкой, впоследствие названной французским философом симулякром первого порядка. Затем наступает эпоха «Промышленного симулякра» (второго порядка), характеризующаяся промышленностью создания копий, где в процессе всякого технического воспроизведения рано или поздно возникает деградация копии с потерей той самой эквивалентности между знаком и реальностью. Завершающей же стадией, симулякром третьего порядка является «код», т.е. двоичная система, бинарный знак программирования [8]. Такой «переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот в истории, мировоззрении и философии. Наличие симулякров в

современном мире может показаться не столь значимым, если не учесть важные понятия сборки, сингулярности и принцип самоорганизации, которые являются ключевыми в постмодернизме.

Понятие сборки вводит в философию Ж. Делез, определяя её как множественность, состоящую из разнородных элементов и устанавливающую взаимосвязи между ними, образуя некое единство взаимодействия. Универсальную трактовку путём некоторых доработок понятия Делеза мы наблюдаем в работах М. Деланда. Так, сборка, в его понимании, представляется виртуальными множествами, которые являются структурами пространства возможных состояний, что предполагает реализацию конкретных объектов через взаимодействие с явлением. Таким образом, происходит самоорганизация множественных процессов путём воспроизведения их в системы или объекты [9]. Данный процесс самоорганизации и воплощения объекта происходит с учётом не только параметров, задаваемых сингулярностями (уникальными характеристиками, качествами явлений или событий), но и при наличии фигуры наблюдателя и процесса наблюдения. Следовательно, весь мир эпохи постмодерна представляет собой самоорганизующуюся совместность различных событий, реализующих через себя объекты, определяемые условиями этих самых событий. Такую теорию разумно применять также к социуму и процессу взаимодействия индивидов. Современный человек в ключе ранее рассмотренных процессов также является объектом постоянного становления, который проявляет различные множества признаков и свойств в различных «событиях», формируя определённый смысл. Однако, не имея в современности как таковой концепции истины или вообще ориентированности на неё, человек, не имея опыта пребывания в «событии» или не приобретая смысл, создаёт его сам либо симулирует на основе различных критериев. Примером такой симуляции бытия могут служить различные элементы нашего мира: современное образование, использующее всё новые и новые способы обучения, которые в своей форме не ведут к приросту знания, а демонстрируют лишь разнообразие моделей обучения с мнимой эффективностью; политика, выступающая, скорее, игровым пространством личных взаимодействий, нежели процессом управления; СМИ как фабрика по производству «смыслов» и «потребностей»; традиции, не несущие сакрального смысла для современного человека. Более того, наибольшим полем симуляции так или иначе было бы верным признать интернет-пространство. «Я знаю, что совсем не таков, неприятно время от времени забыть собственное “я” и надеть симпатичную маску…», – пишет С. Жижек в одной из своих статей, рассуждая о положении личности в Интернете [10]. Виртуальная личность – поле экспериментов, где человек способен воплотить абсолютно все свои желания. Такая личность подвергается схожему с реальностью процессу сборки, когда виртуальный субъект, встречаясь с виртуальными объектами, вынужден проявить то или

иное качество. На выбор демонстрируемого качества влияют окружающие индивида симулякры (модели) идеальных образов и разнообразных смыслов. Информационное пространство формирует в человеке искусственные потребности в тех или иных товарах, декларирует актуальный стиль общения, тренды в самовыражении. Как результат мы сталкиваемся с человеком-симулякром, человеком нового типа, присущего одновременно и реальному миру и виртуальному. Свойства данного индивида часто подстраиваются под глобальные изменения (тренды) в информационном и интернет-пространстве, следовательно, сам индивид не обладает внутренней или внешней целостностью. Человек-симулякр обретает своё бытие через публичность, скорость симуляции события, но так же и теряет его через процесс потери внимания к нему со стороны общества. Безразличие – процесс, выдворяющий «человека-симулякра» за пределы существующего мира, как виртуального, так и реального. Так как такой индивид определяется через временные качества, которые являются в большинстве своём симуляцией качеств «другого», то безразличие трактуется как потеря изначального качества у «другого» и, следовательно, теряется актуальность фактической симуляции у индивида. В итоге «человек-симулякр» по сути своей становится неотделим от отношений симуляции и взаимодействия с симулякрами.

Резюмируя, можем утверждать, что современный мир подчинён власти симуляции бытия и симулякров, размывающей границы между реальным и виртуальным. В таком пространстве постнеклассической культуры возникает индивид нового типа – «человек-симулякр», не являющийся субъектом, маловероятно обладающий целостной личностью, но определяемый случайно проявляемыми временными свойствами в конкретных «событиях». Данный индивид есть не что иное, как ещё один этап трансформации человека, связанной не только с техническим прогрессом, но и с философско-культурным дискурсом. Более того, такая трансформация демонстрирует нам реальную угрозу исчезновения человека «живого» и его замена на «машину» производящую и потребляющую информацию и мнимые смыслы.

Литература

1. Миронов, В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4.
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С. 661.
3. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 391.

4. Лаэртский, Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 287.
5. Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 26.
6. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
7. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 5.
8. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
9. Красавин, И.В. Устройство сборки, или Симуляция онтологии у Мануэля Деланда // Социология власти. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustroystvo-sborki-ili-simulyatsiya-ontologii-u-manuelya-delanda (дата обращения: 12.05.2020).
10. Жижек, С. Чума фантазий / пер. с англ. Е.С. Смирновой. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. С. 236.

Статья рекомендована к печати
зав. каф. философии, культурологии и социологии,
доктором филос. наук, профессором Маленко С.А.

УДК 372.8
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.37

АРГУМЕНТАЦИЯ В ШКОЛЬНОМ ИТОГОВОМ СОЧИНЕНИИ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Яшина Д.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: d.s.yashina@gmail.com

ARGUMENTATION IN SCHOOL GRADUATION ESSAY: RHETORICAL ACPECT

Yashina D.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: d.s.yashina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности аргументации в текстах школьных выпускных сочинений, написанных с опорой на произведения литературы. Аргументы рассматриваются как метатексты разных типов, в которых соотносятся интерпретационные суждения с компрессией исходных текстов. Характер организации метатекста свидетельствует об уровне подготовки испытуемого.
Ключевые слова: метатекст, интерпретация, итоговое сочинение, риторический аспект, аргументация.

Abstract. The article discusses the features of argumentation in the texts of school graduation essays written on the basis of literary works. Arguments are considered as metatexts of different types, where interpretative judgments correlate with compression of the original texts. The nature of the organization of the metatext demonstrates the level of preparation of the test subject.
Keywords: metatext, interpretation, school graduation essay, rhetorical aspect, argumentation.

Обязательным критерием оценивания школьного итогового сочинения является критерий № 2 «**Аргументация. Привлечение литературного материала**» [1]. В процессе аргументации школьники реализуют свои риторические умения: подкрепляя мысль примерами из художественной литературы, используют пересказ и интерпретируют исходный текст произведения. Цель нашего исследования – выяснить особенности применяемой школьниками аргументации.

Материал нашего исследования – 25 текстов школьных итоговых сочинений (ИС), написанных в 2018 году на тему «Что важнее для детей: совет родителей или их пример?» (Сочинений с двумя аргументами – 23, по одному сочинению с одним и тремя аргументами).

Представляет интерес то, каким образом школьники интерпретируют литературные произведения, так как интерпретационный процесс – это не «механическое обратное действие декодирования замысла автора, а *креативный* и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию *собственного* текста, то есть метатекста» [2].

Метатекст мы понимаем как форму выражения аргумента, текст, получившийся в процессе соотношения исходного текста с представлениями, опытом автора.

Л.В. Ким в своём исследовании [3] выделяет три типа метатекста.

К первой группе относятся интерпретационные суждения, представляющие собой «***высокую степень компрессии исходного текста и минимальную степень репрезентации метаязыковой деятельности»***. Такие тексты воспроизводят синтаксическую модель ***«Этот текст о ...».*** Часто лексические особенности данных метатекстов не отличается разнообразием. Это **семантизирующий** тип.

Метатексты второго типа – интерпретирующие суждения, которые с точки зрения логической структуры являются ***характеризующими текстами*** и ***обнаруживают минимальную компрессию исходного текста***. Коммуникативная цель данных суждений – ***общая оценка исходного текста.*** Такой тип метатекста **комментирующий.**

Третью группу образуют метатексты **смешанного типа**. Они имеют следующую особенность: ***состоят из двух частей – семантизирующей и комментирующей***. В первой части пересказывается содержание исходного текста. Во второй содержится выражение отношение автора к исходному тексту.

В метатекстовых фрагментах сочинений выпускников иногда трудно установить границу между комментарием и пересказом.

В рассматриваемом материале меньше половины аргументов (10) мы отнесли к ***семантизирующему*** типу метатекста. Часто подобные тексты содержат клише, коннотативная лексика в них практически отсутствует.

Рассмотрим пример из литературы, главный герой произведения «Обломов» – Илья Ильич Обломов. Он живёт в месте под названием Обломовка. Его там кормят, обувают и одевают. За состоянием голода и другими потребностями следит большое количество слуг. Илья Ильич лежит, мечтает и наслаждается жизнью. Так было и с его родителями: они тоже особо не напрягались в жизни.

Можно заметить, что в пересказе имеет место выражение испытуемым своего отношения (например, *особо не напрягались*), однако в целом это метатекст семантизирующий.

К ***комментирующему*** типу метатекста мы отнесли 8 аргументов с минимальным количеством пересказа исходного литературного произведения или же с его полным отсутствием. Учащийся выражает свою точку зрения по отношению к героям и ситуациям, изображённым в

исходном тексте. В подобных примерах реже встречаются клишированные элементы, а оценочная лексика, напротив, употребляется часто.

Бывает такое, что родители – подлые люди, которые думают только о себе. Потом их дети берут пример с родителей, то есть идут по их стопам. Например, в произведении Льва Николаевича Толстова «Война и мир» Элен и Анатоль Курагины взяли пример со своего отца князя Василия стали такими же плохими, несносными людьми.

Из пятидесяти рассмотренных аргументов 32 мы отнесли к ***смешанному типу*** метатекста. В таких аргументах компрессия исходного текста сочетается с комментариями автора, его оценкой, обращением к собственному жизненному опыту.

В романе И.А. Гончарова «Обломов» Илья Ильич лежит на диване и мечтает. ***Но почему? Если посмотреть на детство Обломова, то станет всё понятно.*** *Глядя на своих родителей, которые ленились что-либо делать, после обеда у них был сон, не придавали никакого значения своим обязанностям, маленький Илья перенимает это всё на себя.* ***Но если бы отец и мать Обломова были трудолюбивы, относились ко всему ответственно, возможно, Илья Ильич не был таким, каким описал его в романе Гончаров. Вспоминая себя лет десять назад, могу сказать, что для маленьких детей родители всегда являются теми, на кого можно равняться.*** *Вскоре, когда Обломов вырос, он считал, что жизнь его родителей идеальна, и не думал ничего делать, чтобы измениться. Его пытались поменять и Ольга, и друг Обломова, но ничего не вышло.* ***Именно пример родителей может поспособствовать тому, как будет проходить дальнейшая жизнь детей…***

В приведённом примере перемежаются семантизирующие компоненты с комментирующими, причём пересказ является основанием последующего комментария, обращения к личному опыту и размышлениям испытуемого, что делает аргумент убедительным, риторически эффективным.

При интерпретации исходного текста школьники часто прибегают к разного рода оценке. Тексты, в которых выражена оценка по отношению к чему/кому-либо, в большей или меньшей степени можно встретить среди каждого из трёх типов метатекста.

Большинство рассмотренных аргументов содержат характеристику по отношению к: 1) автору исходного текста, 2) собственно литературному произведению, 3) персонажам или же 4) определённым эпизодам художественного произведения.

Чаще всего (24 случая) в процессе интерпретации учащиеся дают оценку героям рассматриваемого произведения. 16 аргументов содержат положительную оценку персонажей, например:

…Главный герой, Пётр Гринёв, ***настоящий образец чести****.*

…У Петра Гринёва ***доброе и храброе сердце, уважаю его****: он не боится трудностей и всегда готов прийти на помощь.*

Авторы восьми ИС дают отрицательную оценку героям художественных произведений:

*…Он вел **пагубный** образ жизни, был эгоистом и ни о ком не думал и не заботился. Такие персонажи вызывают лишь **омерзение**.*

*…В данном контексте старшее поколение в лице Раневской показывает **антипример** младшему, Раневская – человек, **неправильно живущий**.*

Зачастую при попытке выразить своё отношение к тому или иному герою учащиеся используют слова *хороший* или *плохой*.

*…Он решает стать **хорошим** отцом…*

*…Пётр Гринёв – **хороший** человек…*

*…Элен и Анатоль Курагины взяли пример со своего отца князя Василия, стали такими же **плохими** людьми.*

*…В произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» **плохим** примером для своей дочери, Сони Мармеладовой, стал её отец, он был **плохим** человеком.*

Подобного рода аргументация, как видим, не отличаются лексическим разнообразием.

Часто в метатексте содержится оценка посредством отсылки к реалиям, изображённым в художественном произведении:

*Посмотрим на произведение Фонвизина «Недоросль». Имя главного героя Митрофан означает «похожий на мать». Главного героя можно сопоставить с матерью и получить множество схожестей в поведении и в отношении к людям и учёбе. Митрофан – **глупец**, **лентяй** и **грубиян**. Эти схожести с матерью **негативны**. Подводя микро- и макровывод, я хочу отметить, что эти два героя – Митрофан и Простакова – похожи, так как Митрофан берёт **нехороший** пример с матери, становится **агрессивным** и **жестоким**.*

Оценочная лексика (*лентяй, грубиян* и др.) в данном случае выступает не только как показатель метатекста комментирующего типа. Употребляемые оценочные слова отсылают читателя к исходному тексту.

Так, номинации *глупец* и *лентяй* могут указывать на эпизоды, в которых изображается процесс обучения героя Фонвизина (вспоминается известная сцена с определением части речи слова «дверь»), а также отзывы учителей о Митрофане. Например, учитель Кутейкин так высказывается о своём подопечном: *«…У нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости Господи, без склады по складам, без толку по толкам…»*. Примером могут служить и отзывы Цифиркина: *«…Дал мне Бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трёх перечесть не умеет…»*.

Слова *агрессивный* и *грубиян* отсылают сразу к нескольким сценам фонвизинской комедии, в которых Митрофан ведёт себя определённым образом по отношению к другим героям произведения, например, к своей няне, Еремеевне: *«…Ну, ещё слово молви, стара хрычовка! Уж я те*

отделаю…», к учителю: *«…Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать…»*, к матери: *«…Да отвяжись, матушка, как навязалась!»*.

Эпитет *жестокий* может отсылать к сцене, в которой Митрофан признаётся Простаковой: *«…Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку <…> Так мне и жаль стало <…> Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку…»*.

Обратимся к ещё одному подобному примеру:

Размышляя над данным вопросом, нельзя не вспомнить о семье Ростовых в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого. ***Гармония****, царящая в этой семье, незыблема. Родители подают своим детям* ***прекрасный*** *пример семейных отношений, пример того, как должны вести себя люди друг с другом, какие цели должны быть у них в жизни. И, конечно, у таких родителей вырастают* ***прекрасные*** *дети. Николай Ростов –* ***честный и храбрый*** *юноша, готовый отдать жизнь за Родину. Он –* ***гордость*** *для своего отца. И Наташа Ростова – ещё маленькая, но такая* ***добрая, рассудительная и умная*** *девочка,* ***готовая прийти на помощь*** *к каждому, кто в этом нуждается. Поэтому дети, перенимая всё самое* ***лучшее*** *от своих родителей, подражая им на этап формирования своей личности, вырастают* ***честными и добрыми*** *людьми.*

Приведённый фрагмент, как видим, содержит большое количество оценочных слов, характеризующих персонажей романа «Война и мир»: *прекрасные дети, честный и храбрый юноша, гордость для своего отца, добрая, рассудительная и умная девочка, готовая прийти на помощь к каждому.* Также испытуемый даёт оценку ситуациям, изображённым в произведении: *гармония, царящая в этой семье; прекрасный пример семейных отношений.*

В этом аргументе, как и в предыдущем примере, оценочные слова, характеризующие персонажей и ситуации, являются и показателем комментирующего типа, и, кроме того, отсылают к конкретным эпизодам исходного текста, рассматриваемого выпускником произведения.

Так, например, фраза [Наташа Ростова] *добрая, готова прийти на помощь к каждому* отсылает нас к эпизоду «Войны и мира», в котором героиня отдаёт подводы раненым солдатам. А высказывание, описывающее Николая Ростова, как *храброго, готового отдать жизнь за Родину,* персонажа, указывает на Аустерлицкое сражение и военные события 1812 года, изображённые Л.Н. Толстым. Что же касается *честности* Ростова, то, возможно, школьник отсылает нас к эпизоду, в котором герой признаётся своим родным о крупном проигрыше в карты.

Также испытуемый пишет о ***гармонии****, царящей в семье* [Ростовых], имея, очевидно, в виду особенности взаимоотношений между членами семьи. Другие персонажи «Войны и мира» также не раз дают положительную характеристику семье Ростовых: *«Всё семейство <…> теперь показалось ему составленным из* ***прекрасных, простых*** *и* ***добрых***

людей. ***Гостеприимство*** *и* ***добродушие*** *старого графа…»*; *«Да, это* ***добрые, славные*** *люди, – думал Болконский».*

Фраза сочинения *Родители подают своим детям* ***прекрасный пример*** *семейных отношений* отсылает нас к описанию взаимоотношений графа и графини Ростовых. Например, граф скучает по своей жене, находясь далеко: *«…Уу! Моя красавица! – закричал граф. – Лучше вас всех!.. – Он хотел обнять ее, но она, краснея, отстранилась, чтобы не измяться»*. Графиня Ростова также изображается как любящая жена и мать: «*...Графиня любящим сердцем чувствовала, что дети её разоряются, что граф не виноват, что он не может быть не таким, какой он есть, что он сам страдает…».*

Намного реже при аргументации выпускники дают оценку тексту литературного произведения или его автору. Во всех рассматриваемых ИС данная оценка положительна. Приведём несколько примеров.

…Я хочу обратиться к произведению ***великого*** *русского писателя Александра Сергеевича Пушкина...*

…Так, Лев Николаевич Толстой ***в моем любимом*** *произведении «Война и мир» на примере семьи Ростовых показал….*

Таким образом, анализ ИС показывает, что аргументы, выраженные метатекстами семантизирующего типа, характерны для очевидно слабых работ. Как известно, аргумент имеет две составляющие: утверждение и собственно пример (в данном случае из литературы). Утверждение – новое суждение, которое доказывает тезис. В текстах семантизирующего типа присутствует лишь одна необходимая для успешной аргументации составляющая – компрессия элементов художественного произведения.

Аргументация посредством метатекстов собственно комментирующего типа в основном демонстрируют средний уровень испытуемого. Как правило, аргумент выпускника, использующего данный тип суждений, представляет собой оценку, с некоторыми элементами анализа литературного произведения при отсутствии компрессии исходного текста (что противоречит правилам аргументации, установленным экзаменаторами).

Интерпретационные суждения смешанного типа – показатель высокого уровня подготовки учащегося. Многие школьники в процессе аргументации успешно сочетают семантизирующую часть и собственный комментарий, служащий доказательством тезиса.

Авторы сочинений нередко употребляют в аргументах оценочную лексику по отношению к автору исходного текста, собственно литературному произведению, персонажам или же определённым эпизодам.

Подробный анализ школьных ИС позволяет выявить проблемы аргументации и создать основания для продуктивной риторической подготовки учащихся.

Литература

1. Мовнар, И.В. Методические рекомендации по алгоритму написания итогового сочинения (изложения) для учителей русского языка и литературы. Вологда, 2014. 126 с, с. 2.
2. Ким, Л.Г., Голев, Н.Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 28.
3. Ким, Л.Г. Вариативность интерпретации текста как проявление особенностей русского метаязыкового мышления (на материале экспериментальных данных) // Русистика. 2009. № 3. С. 29–31.

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, доцентом Заикой В.И.

УДК 73.027.1(37)
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.38

РИМСКИЙ СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Васильева А.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail:Vasiljeva39@mail.ru

THE ROMAN SCULPTURAL PORTRAIT

Vasiljeva A.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Vasiljeva39@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются наиболее значительные для истории становления скульптурного портрета этапы его развития. Становление римского портрета вызвало огромный интерес в научном и культурном мире. Исследование показывает, что именно римский период положил основу последующего развития реалистического портрета.
Ключевые слова: *римская скульптура, портретная скульптура, реализм.*

Abstract. This article discusses the most significant stages of the history of development of the sculptural portrait. The formation of the Roman portrait caused a great interest in the scientific and cultural world. The research shows that it was the Roman period that laid the foundation for the subsequent development of a realistic portrait.
Keywords: *Roman sculpture, portrait sculpture, realism.*

С конца I в. до н.э. ведущее значение в античном мире приобретает римское искусство. В это время Рим становится мировой державой. И немаловажное значение в римском искусстве, да и во всём искусстве в целом, занимает Римский скульптурный портрет – один из самых значительных периодов в развитии мирового портрета, охватывающий примерно 5 веков (I в. до н.э. – IV в. н.э.) и характеризующийся невиданным ранее необыкновенным реализмом и стремлением окунуться во внутренний мир изображённого, передать его характер.

Большинство учёных сходятся во мнении, что одним из корней реализма римского портрета стала его религиозная функция: римский портрет развился из посмертных масок, которые было принято снимать с умерших и хранить у домашнего алтаря. Важным вкладом в развитие римского портрета оказалось искусство их ближайших соседей. Сохранившиеся образцы предметов погребальных культов этрусков

свидетельствуют об их стремлении к передаче портретного сходства. Самыми знаменитыми произведениями этрусков являются их терракотовые саркофаги, им предшествовали глиняные и бронзовые урны, а с VII в. до н.э. канопы, чьи навершия выполнялись в форме человеческой головы, а ручки в форме человеческих рук. Далее, в VIII–VII веках до н.э. крышки урн украшались масками, которые условно и примитивно передавали человеческое лицо [1]. На территории древней Италии к I веку до н.э. портреты создавались, прежде всего, этрусскими мастерами. В общем традиции этрусского искусства оказались основой, на которой выросло искусство Рима.

Рисунок 1. Этрусский «Саркофаг супругов» из Бандитачча

Наиболее характерная черта портретных изображений эпохи Республики (I в. до н.э.) – крайний натурализм, правдоподобность в передаче черт лица изображаемого, стремление изваять максимально индивидуальную личность со своим характером. Все эти тенденции восходят к этрусскому искусству. Важной причиной того, что эти аспекты позднее утрировались, стал переломный период римской истории, когда отдельные персоны стали играть значительную роль, а Республика сменилась диктатурой. Веризм – термин, который употребляют в отношении реализма, переходящего в натурализм, свойственного римским портретам конца Республики (1-я пол. и сер. I в. до н.э.). Это максимальный всплеск натурализма в римском портрете; многочисленны правдивые портреты стариков, часто уродливых. Однако стиль портрета I века до н.э. ещё не стал однородным, происходили поиски. Некоторые исследователи выделили значительное число различных групп и направлений (до 20). Но всё-таки традиционно они делятся на две линии:

1. Староримское – продолжение традиций этрусской и раннеиталийской пластики, с максимальной точностью визуальных черт. Сухой, линейно-графический стиль.

2. Эллинизирующее – в период поздней Республики (с 1-й пол. I в. до н.э.) портрет начинает испытывать влияние греческого эллинистического искусства. От этого в нём появляется интерес к внутреннему миру человека. Живописно-патетический стиль, интересующий более культурные слои. Более сложная техника – мастерство обработки мрамора, блестящая живописная лепка форм.

Позднее, в 60-х годах до н.э. обе линии слились в одну, причём старая черта – максимальная точность, сохранилась. И эта объективность в передаче точности – важная черта римского портрета, которая позднее никуда не денется.

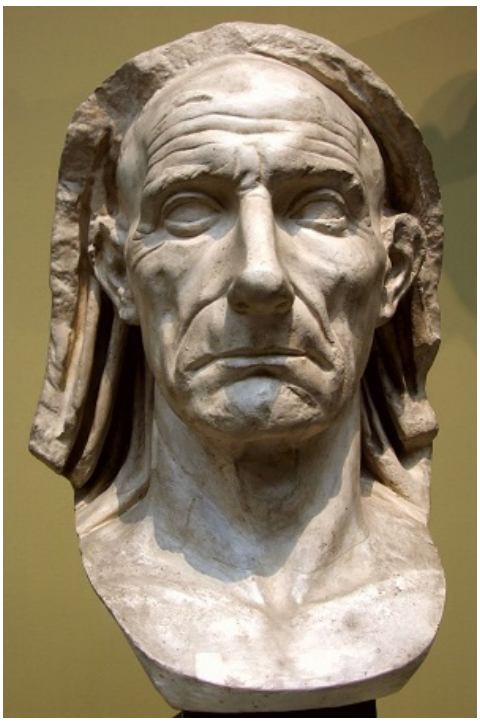

Рисунок 2. Голова старика в покрывале в музее Кьярамонти в Ватикане

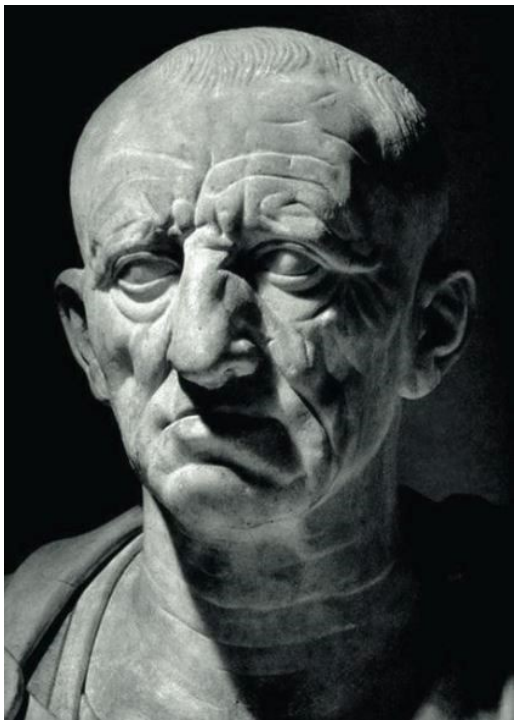

Рисунок 3. Портрет Катона Старшего

Развитие скульптурного портрета эпохи империи условно разделяют на несколько характерных периодов. Время правления императора Октавиана Августа стало золотым веком римской культуры. Важным моментом, повлиявшим на сложение римского искусства этого периода, стало греческое искусство классического периода, чья строгость формы пришлась, кстати, при создании величественной империи [1]. Скульптура этого периода именуется «Августовским классицизмом», и характеризуется своей простотой и ясностью построения, а также строгостью, сдержанностью и стремлением к условности в сочетании с традиционным стремлением к документальной точности. В портретах того

периода явно виден отход от эллинизма, который был в республиканском портрете, и интерес к более раннему классическому искусству V–IV вв. до н.э. Важное место в скульптуре конца I века до н.э. – начала I века н.э. принадлежит изображениям самого Августа. В портрете времени Августа наряду с официальным придворным портретом, имевшим преобладающее значение, сохраняется и реалистическая линия портрета [2].

В общих чертах, характеризуя августовский классицизм, можно отметить такие характерные черты, как обобщённость и идеализация, которые отлично сочетаются с индивидуальной характеристикой портретируемого.

Рисунок 4.
Император Август,
Мюнхенская глиптотека

Рисунок 5. Статуя Августа,
приносящего жертву
(в образе великого
понтифика)

Рисунок 6.
Марк Випсаний
Агриппа

В 68 году, после смерти Нерона, последнего императора династии Юлиев-Клавдиев, империя вступила в состояние острого политического кризиса, вылившегося в жестокую гражданскую войну и ряд восстаний в различных провинциях империи. Стабильная эпоха правления династии Флавиев привела к очередному взлёту культуры, который коснулся и портрета. Несмотря на то, что реализм остаётся основной чертой римского портрета на протяжении всей эпохи его развития, флавиевский портрет задаёт новые приёмы – динамические и пространственные композиции, тонкая передача фактуры при сохранении обычной чёткости построения. Большинство портретов флавиевского времени изображает представителей уже среднего сословия, а также богатых вольноотпущенников. В период Флавиев портретные головы изображались обычно погрудными, с развёрнутыми плечами.

Выделяют периоды:

- Раннефлавиевские портреты (эпоха Веспасиана и его первого сына Тита).
- Позднефлавиевские портреты (эпоха Домициана; большая утончённость в передаче внутреннего мира людей и менее целостный и здоровый взгляд на жизнь).

А также направления:

- прогрессивное и реалистическое.
- идеализирующее и классицизирующее (монументальные статуи, официальная скульптура).

Идеализирующее направление, характерное для официальных императорских портретов, ориентировано на эллинистические статуи богов и царей, поэтому, в отличие от августовских, они менее строги и более свободны. Реализм флавиевских портретов имеет выраженную эмоциональную окраску. В портрете того периода больше, чем в предшествующие периоды, ощущается отношение художника к изображаемой личности.

Рисунок 7.
Веспасиан, Лувр

Рисунок 8. Домициан, Лувр.
Пример идеализированного портрета

Время правления императора Траяна является переломным моментом в истории Римской империи. В поисках опоры общество обращается к эпохе «доблестной Республики», «простым нравам предков», в том числе её эстетическим идеалам. Возникла реакция против «разлагающего» греческого влияния. В портретах того периода заметен явный разрыв с традициями ранних эпох, причём личность самого правителя как никогда повлияет на стилистику портрета. Мастера

заинтересованы в стремлении к чёткости и строгости республиканских портретов, но не могут воспроизвести их непосредственность и свежесть с наивностью в передаче отдельных деталей; зато им удаётся задать свой собственный портретный стиль – холодный и безэмоциональный, но целостный и значительный. Однако идеализированные портреты императора всё ещё создаются. Принято разделять «псевдо-республиканские» раннетраяновские портреты, а затем «портреты десятилетия», когда к юбилею правления Траяна в его иконографии появляется образ героя-полководца. Портреты второй половины его правления намного более героизированы. В конце правления Траяна сложится новая форма большого бюста (грудь и руки пониже плеч), которая в эту эпоху будет использоваться только в его портретах, а в следующий, адриановский период, получит широкое распространение.

Рисунок 9. Император Траян, Мюнхенская глиптотека

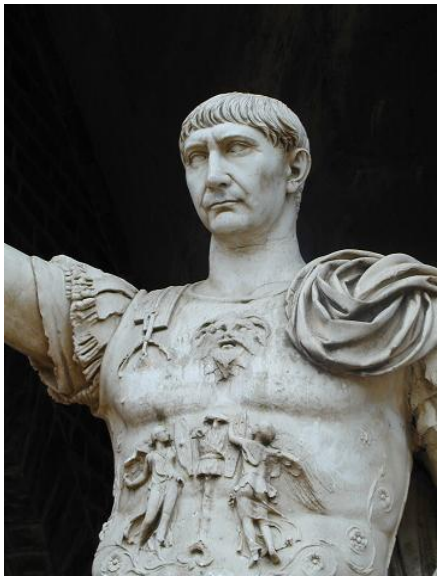

Рисунок 10. Портрет Траяна в образе полководца

Рисунок 11. Статуя римлянки (т.н. «Сабина», возможно, Салонина Матидия)

Сосредоточение на внутреннем, стремление уйти от реальности, обращение к греческой культуре – вот что было характерно для мировоззрения императора Адриана, а также для его окружения. Адриан являлся эллинофилом, это послужило причиной создания нового направления римского искусства – нового всплеска классицизма (символом которого стали портреты любовника Адриана – Антиноя). Реакцией на сухость искусства Траяна послужила более живая и пластическая передача тела человека. Угловатость сменяется мягкостью и плавностью, волосы изображаются волнистыми локонами, а не графическими прядями. Явно заметно подражание греческому портрету. Самое важное нововведение в портретной скульптуре времени Адриана – в пластическом исполнении глаз, придающем взгляду большую живость и

одухотворенность, в то время как ранее взгляд просто прорисовывали обычной краской.

Рисунок 12. Антиной, Национальный археологический музей, Афины

Рисунок 13. Адриан, Прадо

Рисунок 14. Вибия Сабина, Прадо

Распад и деградация – вот чем для истории Римской империи является смутное время III века н.э. Но, тем не менее, для искусства этот период времени оказался весьма продуктивным. Развитие портрета III века н.э. отличается противоречивостью и борьбой стилистических направлений. В портретах императора Септимия Северавидно стремление к продолжению стиля II века. Характерными чертами являются завивающиеся пряди на лбу, раздвоенная борода, контраст белизны кожи со светотенью волос, исполнение мелочно.

Рисунок 15. Септимий Север, Мюнхенская глиптотека

Зачатки уже совсем иного стиля заметны в портретах его сыновей – Геты и Каракалы. На первом плане характеристика индивидуальности портретируемого, его характера. В атмосфере смутного времени требовался новый, более наглядный и брутальный стиль. По словам Бритовой Н.Н.: «Отказ от сложившихся в эпоху Антонинов типов портретов, в которых всегда наличествовал элемент идеализации, тенденция к беспощадной правдивости, стремление найти и передать самую сущность портретируемого, обнажить её, не останавливаясь перед её порою отрицательными и даже отталкивающими чертами, – таковы особенности нового направления в скульптурном портрете начала III века н.э.» [1].

Рисунок 16. Бюст Каракаллы.
Пергамский музей, Берлин

Рисунок 17. Юлия Домна,
Мюнхенская глиптотека

При Александре Севере окончательно выработался новый тип портрета, зерно которого было посажено при Каракалле, – суровая простота стиля, брутальность и открытость характера. Большинство портретовтого периода напоминают произведения поздней Республики, но отличаются большей техничностью.

Следующий период берёт начало с правления Диоклетиана. В то время в римлянах зажигается интерес к грандиозному, к великому и мощному. Стремление к возрождению великой империи. Масштабность захватила всё, в том числе и скульптурный портрет. Ранее были популярны изображения в натуральную величину, теперь же она увеличилась в несколько раз. Портреты ещё носят переходный характер, реализм

сохранён, однако происходит появление новых черт. Такие детали, как глаза или нос, становятся более графичными, черты лица застывают, что создаёт эффект маски.

Со времён Константина начинается новый этап развития портрета. В раннеконстантиновский период принято делить два направления: продолжение традиции и поиски нового решения. При Константине устанавливается новая мода на прическу – обрамление геометрически правильной чёлкой лба по дуге. Зрачки начинают врезать широким полукругом. Начиная с Константина, портрет разрывает свои связи с традициями реализма, лежавшими ранее в основе всего развития римской портретной скульптуры. По словам Н.Н. Бритовой: «Для выразительности скульптор использует новый арсенал изобразительных средств – строго фронтальную постановку головы, симметричное построение черт лица, графичность и орнаментальность в передаче деталей. Но главными становятся глаза с их неподвижно-пристальным, застывшим взглядом, в котором концентрируется вся экспрессия лица» [1].

Рисунок 18. Колосс Константина Великого, Капитолийские музеи

Рисунок 19. Портрет Константина Великого, ок. 324–337, Метрополитен-музей

Во время наследников Константина его классицизм постепенно сходит на нет. Образуется свой собственный стиль, сочетающий условное и стилизованное изображение человека. Портрет становится лишён индивидуальности, характера портретируемого, все конкретные черты, а с

этим всем он теряет и своё значение, становится отвлечённым образом, и ничем более.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что в портрете, созданном римскими скульпторами на протяжении I–IV вв., отразились и особенности мировоззрения римлян, и их эстетические предпочтения, и идеалы их времён. Роль римского скульптурного портрета во многом определяется его глубокой правдивостью, стремлением показать портретируемого таким, каким он есть – индивидуальным, с передачей его внутреннего мира. Римский скульптурный портрет послужил эталоном для творчества скульпторов, положил основу развития скульптурного портрета в более позднее время, а также стал образцом для произведений эпохи классицизма.

Литература

1. Бритова, Н.Н., Лосева, Н.М., Сидорова, Н.А. Римский скульптурный портрет. М.: Искусство, 1975. С. 10–85.
2. Всеобщая история искусств. Том I. Искусство Древнего мира. Раздел «Искусство Древнего Рима» / Н.А. Дмитриева, В.В. Шлеев, И.М. Лосева, М.Э. Матье, Н.Н. Бритова и др.; под общей редакцией А.Д. Чегодаева. М.: Искусство, 1956. [Электронный ресурс]. URL: http://antique.totalarch.com/art_history/roma

Статья рекомендована к печати
канд. искусствоведения, доцентом Околович М.Г.

УДК 373.36
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.39

РАЗВИТИЕ ЗВУКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ДИДАКТИЧЕСКОЙ ИГРЕ

Заводова А.К.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: dopolniteln0@bk.ru

DEVELOPMENT OF SOUND CULTURE OF SPEECH OF CHILDREN OF EARLY CHILDHOOD IN DIDACTIC GAME

Zavodova A.K.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: dppolniteln0@bk.ru

Аннотация. В статье актуальность проблемы подтверждается требованиями, предъявляемыми ФГОС дошкольного образования к речевому развитию, уровню звуковой культуры детей младшего дошкольного возраста; на основе анализа позиций отечественных исследователей достаточно чётко обоснован выбор возраста, когда необходимо более углубленно заниматься представленной проблемой, выбор игр разных видов, направленных на решение задач воспитания звуковой культуры речи младших дошкольников; рассмотрена роль дидактической игры, её структура, функции, возможности в речевом развитии ребёнка, педагогическое руководство такой игрой в младшем дошкольном возрасте.
Ключевые слова: звуковая культура речи, младший дошкольный возраст, дидактическая игра.

Abstract. The article confirms the relevance of the problem by the requirements of GEF pre-school education for speech development, the level of sound culture of young pre-school children; On the basis of the analysis of the positions of domestic researchers, the choice of age when it is necessary to deal more in depth with the presented problem, the choice of games of different types aimed at solving the problems of education of sound culture of speech of junior pre-school children is sufficiently well justified; The role of didactic game, its structure, functions, opportunities in speech development of the child, pedagogical management of such game in junior pre-school age are considered.
Keywords: sound speech culture, junior preschool, didactic game.

В соответствии с ФГОС дошкольного образования образовательная область «речевое развитие» включает развитие звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха дошкольников. Решается эта одна из основных задач младшего дошкольного возраста через игру.

Н.П. Аникеева, исследователь в области психологии игры и педагогики отмечает, что у дошкольника 3–4 лет имеется малый игровой опыт, так как до этого возраста, в 2–3 года соучастником в игре выступали либо воспитатели, либо родители, поэтому дети играют просто рядом, но не вместе друг с другом. Потребность играть самостоятельно, желание пережить эту игру самому возникает у ребёнка в младшем дошкольном возрасте. Если же ребёнок всё же проявил инициативу играть вместе со сверстником, то они воспроизводят умения, которые приобрели в играх с воспитателями, родителями. Начинает развиваться ролевое поведение, в котором дошкольник отображает взрослого, хочет быть похожим на него, пытается перенять привычки, способы действия, чтобы быть похожим на него. Для помощи ребёнку в повторении действий взрослого необходимо предоставить наиболее обширный перечень атрибутов для игры [1].

Обращая внимание на наблюдения А.П. Усовой и А.В. Запорожца, дошкольники 3–4 лет начинают владеть предметами-заместителями и игровыми действиями с различными игрушками, ими приобретаются задатки ролевого поведения. С имитацией игровых действий проблем у детей не возникает, они, наоборот, стараются усердно, обращая внимание на тонкости, охотно их выполнять.

Между игровыми действиями и речью ребёнка, приблизительно до 4 лет, существуют случаи индукционных отношений, когда дошкольник говорит то, что и как собирается делать или уже делал, с лёгкостью комментирует то, что видит, но не говорит, когда выполняет свои собственные действия. Можно сказать, что дети играют рядом, а не вместе, при этом отражаются в играх те умения, которые были приобретены в совместных играх со взрослыми [2].

Игра является самостоятельной деятельностью, объединённой одной целью, где дети в первый раз вступают в общение со сверстниками, прикладывая совместные усилия к достижению этой цели, и этими усилиями выступает общение, совместные переживания и интересы. С помощью игры у детей получается соотносить свои мысли и действия к определённой цели, ребёнок потихоньку внедряется и становится частью коллектива, где приступает к оцениванию поступков и действий своих собственных, и товарищей по деятельности.

Наблюдая за детьми младшего дошкольного возраста, можно прийти к выводу, что они сами ещё не умеют организовывать наполненную смыслом и игровыми предметами деятельность. У многих дошкольников не развито воображение, самостоятельность как в деятельности, так и в мышлении, не проявляется инициатива, поэтому они просто перебирают игрушки, ходят из стороны в сторону, толкаются, не зная, как действовать с игрушками и как играть со сверстниками. Необходимо именно в дошкольном возрасте, который является сенситивным периодом возникновения одних из главных качеств, начинать их сформировывать.

Если ребёнок пытается играть с игрушками, то он говорит даже тогда, когда играет один. Существуют игрушки, которые выступают для детей хорошим мотиватором связной речи, например, собачка, то есть одушевлённый предмет, человек. Что касается игрушечной собачки, то с ней ребёнок разговаривает, как будто со своим настоящим домашним любимцем, тем самым принимая на себя роль, например, хозяина.

Но более значима и любима для детей роль куклы. Когда дошкольники играют с куклами, ухаживают за ними, их обслуживают – они приобретают навыки, которые схожи с навыками в бытовой, повседневной, трудовой жизни. Педагоги закрепляют эти навыки в игре, помогают решать повседневные задачи, воспитывают звуковую культуру речи ребёнка. Дети младшего дошкольного возраста говорят или очень-очень громко, не понижая громкость даже при разговоре шёпотом, или очень-очень тихо, что не является нормой ни в том, ни в другом случае. Упражнения, в которых звукосочетания или одни и те же звуки проговариваются с разной громкостью, способствуют развитию речевого голосового аппарата, правильной интонации, силе голоса. Для правильного произношения фраз, слов, слогов, звуков необходимо правильно поставленное речевое дыхание. Чтобы выработать у детей продолжительный, плавный, медленный выдох – им даётся задание подуть на какой-либо предмет, например, на клубочек ватки или салфетку, при этом ставится задача долго и протяжно произносить гласные звуки.

Дидактическая игра выполняет конкретную дидактическую цель, которая завуалирована как игровая задача, выполняющаяся игровыми действиями в игровых ситуациях, пробуждающая потребность и желание для решения этой дидактической задачи. Она, по словам А.И. Сорокиной, выполняет 2 основные функции – развивающую и обучающую. Обучающая функция дидактической игры производится за счёт проблемного содержания игры и дидактической цели, дидактическая же цель непосредственно ставится перед дошкольниками как задача для игры. Если присутствует дидактическая задача, тогда игра становится обучающей. Развивающая функция достигается за счёт формирования умения следовать правилам, ведь от корректного их соблюдения зависит процесс и исход самой игры [3]. Большое количество дидактических игр помогут овладеть знаниями, умениями и навыками через самообучение детей [4]. По словам Н.В. Аванесовой, обязательными структурными элементами дидактической игры являются: правила, дидактическая задача и игровые действия [5].

Дидактические игры у детей трёх-четырёх лет развивают речь по всем направлениям: формируют правильное звукопроизношение, развивают фонематический слух, связную речь, обогащают словарь, формируют умения выражать свои мысли.

А.К. Бондаренко, исследователь возможностей дидактической игры как средства для всестороннего развития и воспитания дошкольников, выделял три главных вида дидактических игр во всем многообразии дошкольной педагогики: настольно-печатные дидактические игры; дидактические игры с предметами/игрушками; словесные дидактические игры [6].

Настольно-печатные дидактические игры разнообразны и по обучающим задачам, и по содержанию, и по оформлению, например, кубики, пазлы, лото, домино, парные и разрезные картинки. Они помогают дошкольникам расширить представления об окружающем их мире, уточнять их, систематизировать полученные знания, развивать мыслительные процессы.

Дидактические игры с предметами/игрушками – это игры, которые используют реальные предметы и игрушки. С помощью наглядного материала, который можно ощутить своими руками, дети выделяют и запоминают свойства, качества, величины, цвета этих предметов; способствуют увеличению, уточнению знаний детей; раскрывают целый ряд возможностей для решения разных образовательных задач; совершенствованию речи; воспитанию произвольности поведения, памяти и внимания; развивают такие мыслительные операции, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, способствуют совершенствованию речи, то есть умению правильно называть, описывать свойства и качества, и просто приметы, действия с ними, их предназначение, правильное произношение, составление и отгадывание всевозможных загадок.

Словесные дидактические игры построены на словах, действиях игроков, условием для проведения таких игр является развитость у детей связной речи (монологической и диалогической); дети же сами в них могут решать мыслительные задачи, высказывать своё мнение, описывать предметы, выделять их свойства, характерные только для них черты, отгадывать по описанию, находить сходства и различия.

Словесные и настольно-печатные дидактические игры используются для решения всех задач речевого развития дошкольников. Эффективнее всего в развитии звуковой культуры речи использовать игровые задания и игровые упражнения, которые можно разделить на 2 группы: 1 – подготовительные упражнения на развитии речевого слуха, речевого дыхания и укрепления артикуляционного аппарата; 2 – упражнения, которые закрепляют умения детей по звуковой культуре речи, например, игры-звукоподражания, игры по развитию темпа, тембра и силы голоса.

По мнению О.А. Новиковской, в процессе развивающих игр и игр-забав происходит не только развитие звуковой культуры речи, но и мелкой моторики, что готовит руку ребёнка к письму [7].

Интересны для дошкольников игры на угадывание имитации звуков тех предметов или животных, которые их издают, основной задачей которых является развитие выразительности в интонации, уточнение и закрепление правильного произношения звуков, воспитание слухового внимания. Игровыми действиями будут являться определение на слух наличие одного или другого звука в слове, правильного произношения его в своей речи, смена силы голова, имитация звуков, которые издают животные или предметы. Примеры игр: «Угадай, что звучит», «Сначала отгадай, а потом назови», «А кто это топает?». Дидактической задачей в этих играх выступает развитие правильного звукопроизношения, верного и чёткого произношения звуков, слогов, слов, фраз, достаточного темпа и громкости речи («Узнай меня по голосу», «Кто это так кричит?», «Громко–тихо», «Медленно–быстро» и др.).

Игровые методы играют большую роль в работе с дошкольниками. Е.А. Флёрина, когда занималась проблемой речевого развития дошкольников, пришла к такому выводу, что в работе с детьми разных возрастных групп игровые приёмы и методы позволяют достигать образовательных целей, давать полное решение образовательных задач, так как с их помощью происходит создание атмосферы заинтересованности и активности детей [8]. Для работы с детьми младшего дошкольного возраста будут наиболее эффективными игровые методы, чтобы избегать утомления детей и надоедливого множественного повторения звукового и речевого материала. К приёмам можно отнести прежде всего сюрпризные моменты (появление сказочного персонажа, куклы, персонажа мультфильмов), а также имитацию движений животных, людей, растений, различных механизмов, техники с элементами звукоподражания (например, подражание большим собакам и маленьким щеночкам), чтение художественной литературы со звукоподражанием, как в песенках, приём театрализованной игры, инсценировки сказки, кукольного театра [9].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что игровая деятельность обладает большими педагогическими возможностями в развитии звуковой культуры детей младшего дошкольного возраста. В игровой деятельности дети обучаются, развиваются в непринужденной обстановке в игровой форме, с огромной радостью. Необходимо отметить, что применение дидактических игр является эффективным средством для речевого развития младших дошкольников. Дидактические игры являются неким процессом, который имеет свою цель, средства достижения этой цели, включающий руководство такими играми, что требует от педагога непрерывной работы в процессе их подготовки и чёткой организации.

Литература

1. Аникеева, Н.П. Воспитание игрой. Новосибирск: Сибирь, 1994. С. 5.
2. Развитие речи детей дошкольного возраста: пособие для воспитателей детского сада / под ред. Ф.А. Сохина. 3-е изд. М.: Просвещение, 1984. С. 51.
3. Сорокина, А.И. Дидактические игры в детском саду. М.: Просвещение, 1982. С. 60.
4. Панова, Е.Н. Дидактические игры-занятия в ДОУ: младший возраст. Вып. 1. М.: ИП Лакоценина, 2007. С. 44.
5. Аванесова, В.Н. Дидактическая игра как форма организации обучения детей в детском саду // Сенсорное воспитание в детском саду. М.: Детство-Пресс, 2009. С. 11.
6. Бондаренко, А.К. Дидактические игры в детском саду. 2-е изд. М.: Детство-Пресс, 1991. С. 69.
7. Новиковская, О.А. Развитие звуковой культуры речи у дошкольников: логопедические игры и упражнения. СПб.: Детство-пресс, 2002. С. 40.
8. Фомичева, М.Ф. Воспитание у детей правильного звукопроизношения [Электронный ресурс]. URL: https://megapredmet.ru/1-7362.html (дата обращения: 10.03.2020).
9. Ушакова, О.С., Струнина, Е.М. Методика развития речи детей дошкольного возраста. М.: Владос, 2004. С. 65.

Статья рекомендована к печати канд. пед. наук, доцентом КНДОиСУ Мигуновой Е.В.

УДК 373.367:364.277
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.40

РИСКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Иванова С.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: svetiv0109@gmail.com

PRESENT RISKS OF JUVENILE SUICIDAL BEHAVIOUR

Ivanova S.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: svetiv0109@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности суицидального поведения подростков и описываются результаты диагностики суицидальных рисков у учащихся 9–11 классов общеобразовательной школы. Проведённое исследование показало, что, несмотря на низкий уровень склонности большинства подростков к суицидальным реакциям, в 9 и 11 классах обучаются учащиеся, имеющие высокий и очень высокий уровень суицидального риска, с которыми необходимо проводить индивидуальную коррекционную работу. Подростки, склонные к суицидальному поведению, испытывают межличностную и школьную тревожность, а также средний уровень одиночества.
Ключевые слова: суицидальное поведение подростков, склонность к суицидальным реакциям, суицидальные риски у подростков, тревожность, одиночество.

Abstract. The article describes peculiarities of juvenile suicidal behaviour and presents the results of the empirical research into suicidal risks among high-school students in a Russian comprehensive school. The results show that although most adolescents have a low level of susceptibility to suicidal reactions, there are students in grades 9 and 11 who have a high or very high level of suicidal risks and who therefore need individual psychological and pedagogical help. Adolescents susceptible to suicide experience interpersonal and school anxiety, as well as some loneliness.
Keywords: juvenile suicidal behaviour, susceptibility to suicidal reactions, suicidal risks among adolescents, anxiety, loneliness.

Одной из актуальных проблем последних десятилетий является стремительно растущее количество детских и подростковых суицидов. По данным Организации объединённых наций, Россия находится на третьем месте в мире по числу самоубийств среди подростков. Согласно официальной статистике, в 2019 году число самоубийств в России составило около 2000 человек, из которых более трети – дети и подростки.

Специалисты (О.О. Андронникова, А.В. Астахова, Е.И. Горюшкин, А.В. Кизилова, Е.В. Короткова и др.) отмечают, что суицидальное поведение до 13 лет – это относительно редкое явление, тогда как с 14–15 лет суицидальная активность начинает стремительно расти и достигает своего максимума в 16–19 лет. В среднем у более 30% подростков возникают суицидальные мысли; 10% девушек и 6% юношей совершают суицидальные действия [1; 2; 3; 4]. В связи с этим актуальным является своевременное выявление рисков суицидального поведения у подростков.

В современной научной литературе подчёркивается, что суицидальное поведение несовершеннолетних имеет свои особенности, вызванные в первую очередь отсутствием у детей страха смерти по причине несформированности самого понятия «смерть» [3; 5]. Подсознательное разграничение жизни и смерти у ребёнка формируется ближе к 10–12 годам, однако смерть всё ещё воспринимается как временное, проходящее явление. Для большинства детей смерть является понятием отвлечённым, никак не связанным с их собственной жизнью [5].

В.А. Руженков и В.В. Руженкова выделяют следующие особенности суицидального поведения подростков:

– подростки недостаточно адекватно оценивают последствия своих действий; отсутствует чёткая граница между истинной суицидальной попыткой и демонстративным (шантажным) поступком;

– подростки объясняют свои попытки самоубийства несерьёзными и мимолетными мотивами;

– в суицидальных попытках подростка значимо влияние окружающей среды;

– подростковый суицид зачастую носит подражательный характер; большая часть самоубийств происходит при небольшом временном разрыве от начала формирования суицидальных мыслей [6].

В своей статье А.В. Астахова и И.Ф. Шиляева раскрывают особенности суицидального поведения младших и старших подростков. С точки зрения этих учёных, суицидальные попытки младших подростков предварительно не планируются, совершаются при помощи первых подручных средств и, как правило, не имеют серьёзных медицинских последствий. Подростки 12–14 лет не стремятся к смерти, а желают избежать конфликта, уйти от трудной ситуации. В то же время суицидальные попытки подростков 15–16 лет в большей мере носят демонстративный характер, преследуя цель отомстить обидчику или наказать окружающих. Нередко медицинские последствия таких попыток суицида имеют тяжёлый характер [5].

С целью изучения рисков суицидального поведения у современных подростков нами было проведено исследование на базе одной из средних общеобразовательных школ Окуловского муниципального района

Новгородской области. Исследование проводилось посредством методики выявления склонности к суицидальным реакциям П.И. Юнацкевича. В исследовании приняли участие 45 учащихся в возрасте от 15 до 18 лет.

Анализ обобщённых результатов показывает, что большинство участников исследования имеют либо низкий уровень склонности к суицидальным реакциям (35%), либо уровень ниже среднего (22%). Средний уровень склонности к суицидальным реакциям присущ 20% респондентов-подростков; суицидальная реакция у них может возникнуть только на фоне длительной психической травматизации и при реактивных состояниях психики. Уровень выше среднего, свидетельствующий о возможности суицидальной попытки или реализации саморазрушающего поведения при нарушениях адаптации, характерен для 16% школьников: 3 девятиклассников и 4 одиннадцатиклассников. Высокий уровень склонности к суицидальным реакциям присущ 3 учащимся (7%); все они обучаются в 9 классе.

Сравнительный анализ результатов по классам свидетельствует о том, что все 10 учащихся, имеющих высокий и очень высокий уровень склонности к суицидальным реакциям, обучаются в 9 и 11 классах. В этих двух классах учатся и подростки со средним уровнем склонности к суицидальным реакциям; в 9 классе их 7 человек, в 10 классе – 2. Примечательно, что среди десятиклассников нет ни одного учащегося со средним, высоким и очень высоким уровнем склонности к суицидальным реакциям. Для учащихся 10 класса характерен либо низкий уровень склонности к суицидальным реакциям (23%), либо уровень ниже среднего (77%). На наш взгляд, более высокие по сравнению с десятиклассниками суицидальные наклонности учащихся 9 и 11 классов могут быть вызваны тревогой в связи с предстоящей сдачей ОГЭ и ЕГЭ.

С целью более детального изучения суицидальных рисков у подростков, продемонстрировавших высокий и очень высокий уровень склонности к суицидальным реакциям, нами были тщательно проанализированы их ответы на вопросы методики П.И. Юнацкевича. Проведённый анализ показал, что все 10 подростков, склонных к суицидальному поведению, согласны со следующими утверждениями: «Жизнь может потерять ценность для человека в некоторой ситуации», «Жизнь иногда хуже смерти», «Можно оправдать безнадёжно больных, выбравших добровольную смерть», «Смысл жизни не всегда бывает ясен, его можно иногда потерять или не найти», «Я иногда думаю о своей добровольной смерти», «Удивительно, что некоторые люди, оказавшись в безвыходном положении, не хотят покончить с собой», «Чувство обречённости в итоге приводит к добровольному уходу из жизни», «Человек волен поступать со своей жизнью так, как ему хочется, даже если он выбирает смерть», «Душа человека, наверное, испытывает облегчение, если сама оставляет этот мир», «Иногда мне хочется заснуть и не проснуться». Эти высказывания, с одной стороны, отражают

антивитальные переживания подростков, связанные с осознанием бессмысленности жизни в целом, а с другой – свидетельствуют о наличии суицидальных мыслей (фантазий на тему своей смерти).

Особого внимания заслуживают ответы 8 участников исследования (2 одиннадцатиклассников и 6 девятиклассников), указывающие на суицидальные намерения («Однажды решался покончить с собой») и суицидальные действия в прошлом («В прошлом была попытка уйти из жизни», «Однажды пытался покончить с собой»). При этом никто из этих 8 подростков «никому никогда не писал предсмертную записку», что говорит о достаточно быстром протекании пресуицидального периода (от мыслей о самоубийстве к суицидальным замыслам, намерениям и действиям).

Поскольку факторами формирования суицидального риска у подростков могут служить такие психологические состояния личности, как тревожность и одиночество, нами была проведена диагностика субъективного ощущения одиночества и тревожности у 10 учащихся, продемонстрировавших высокую склонность к суицидальному поведению.

Результаты диагностики тревожности, проведённой посредством методики «Шкала тревожности» О. Кондаша, показывают, что общий уровень тревожности у 7 учащихся, имеющих высокий и очень высокий уровень склонности к суицидальным реакциям, – нормальный. У остальных 3 подростков уровень общей тревожности превышает нормативные показатели: у 2 девятиклассниц он несколько повышенный, а у 1 юноши 11 класса он высокий. При этом высокая общая тревожность одиннадцатиклассника может быть вызвана либо его реальным неблагополучием в наиболее значимых областях деятельности и общения (в частности, неуспеваемостью), либо его внутренними личностными конфликтами и нарушениями в развитии самооценки.

Согласно полученным результатам, преобладающими видами тревожности у большинства подростков, склонных к суицидальному поведению, являются межличностная и школьная тревожность. Межличностную тревожность испытывают 5 школьников, школьную тревожность – 4 подростка.

Анализ ответов 5 учащихся, имеющих несколько повышенный уровень межличностной тревожности, показывает, что очень сильное беспокойство и страх у них вызывают следующие ситуации: «выступать перед большой аудиторией», «тебя критикуют, в чём-то обвиняют», «на тебя сердятся (непонятно почему)», «замолчали, когда ты подошёл», «на тебя не обращают внимания», «слышишь за своей спиной смех», «пойти в дом к незнакомым людям». При этом они не испытывают абсолютно никакую тревогу в таких ситуациях, как «на тебя смотрят, когда ты что-нибудь делаешь» и «на тебя смотрят, как на маленького».

Ответы 4 подростков, имеющих высокий и несколько повышенный уровень школьной тревожности, свидетельствуют о том, что крайне неприятными ситуациями, вызывающими у них сильную тревогу, являются следующие: «сдаёшь экзамены в школе», «пишешь контрольную работу», «после контрольной учитель называет отметки», «отвечаешь у доски». Примечательно, что ни одного из 10 учащихся, имеющих склонность к суицидальным реакциям, не волнуют такие школьные ситуации, как «разговаривать с директором школы», «учитель смотрит по журналу, кого бы спросить», «не можешь справиться с домашним заданием».

Наибольшую тревогу у одиннадцатиклассника, имеющего несколько повышенный уровень самооценочной тревожности, вызывают следующие ситуации: «думать о своём будущем», «тебе грозит неуспех, провал», «у тебя что-то не получается», «тебе надо принять для себя решение», «предстоит важное, решающее дело».

Диагностика субъективного ощущения одиночества у подростков, склонных к суицидальным реакциям, проводилась посредством методики Д. Рассела и М. Фергюсона. Полученные результаты показывают, что общий уровень субъективно переживаемого одиночества у подростков, склонных к суицидальному поведению, средний и даже низкий. Шесть из 10 учащихся, склонных к суицидальным реакциям, имеют средний уровень субъективного ощущения одиночества, причём 4 из них обучаются в 11 классе.

Сравнительный анализ индивидуальных результатов диагностики показывает, что высокие показатели по всем трём методикам присущи одному юноше из 11 класса. Он имеет высокий уровень склонности к суицидальным реакциям, высокий уровень общей тревожности и средний уровень субъективно переживаемого одиночества. Он испытывает высокую школьную тревожность, а также несколько повышенную самооценочную и межличностную тревожность.

В целом проведённая диагностика рисков суицидального поведения у подростков показывает, что общая склонность к суицидальному поведению в старших классах низкая или ниже среднего. Несмотря на это, в 9 и 11 классах обучаются учащиеся, имеющие высокий и очень высокий уровень суицидального риска; этим подросткам присущи антивитальные переживания и суицидальные мысли. К тому же, ряд учащихся с высоким и очень высоким уровнем склонности к суицидальным реакциям имеют высокий или несколько повышенный уровень общей тревожности, а также средний уровень субъективного ощущения одиночества. Преобладающими видами тревожности для подростков, склонных к суицидальному поведению, являются межличностная и школьная.

В целом проведённое исследование подчёркивает необходимость организации в школе целенаправленной работы по профилактике

суицидального поведения у подростков, включая проведение индивидуальной коррекционной работы с учащимися, имеющими высокий риск суицидального поведения.

Литература

1. Андронникова, О.О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 120–126.
2. Кизилова, А.В. Личностные особенности подростков, склонных к суицидальному поведению // Агрессия и насилие как явления современного общества: сборник научных статей. Курск: КГМУ, 2018. С. 94–97.
3. Короткова, Е.В., Горюшкин, Е.И. Причины суицида в современном обществе // Агрессия и насилие как явления современного общества: сборник научных статей. Курск: КГМУ, 2018. С. 53–56.
4. Шиляева, И.Ф., Астахова, А.В. Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1. С. 148–152.
5. Сухинин, А.В., Яковлева, О.А. Суицидальное поведение и его социально-психологический анализ // Legal Concept. 2012. № 1. С. 148–154.
6. Руженкова, В.В., Руженков, В.А. Суицидальное поведение в подростковом и юношеском возрасте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Медицина. Фармация. 2011. № 22. С. 26–32.

Статья рекомендована к печати
канд. пед. наук, доцентом Гребенниковой О.А.

УДК 811.531:372.881.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.41

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ НА КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исмаилова Д.А.

E-mail: my-purple-world@yandex.ru

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE BY LINGUISTIC AND REGIONAL READING IN THE KOREAN LANGUAGE

Ismailova D.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: my-purple-world@yandex.ru

Аннотация. В процессе изучения иностранных языков и осуществления межязыковой коммуникации студенты сталкиваются не только с языковым барьером, но и с социокультурными различиями между странами. Особенно актуальной эта проблема становится при изучении корейского языка. Формирование социокультурной компетенции помогает преодолеть культурный барьер, развить коммуникативные навыки и преодолеть межкультурную замкнутость. В статье описывается одно из основных средств формирования социокультурной компетенции – лингвострановедческое чтение, раскрываются преимущества этого средства и описываются ожидаемые результаты обучения.
Ключевые слова: *социокультурная компетенция, лингвострановедческое чтение, иноязычная культура, межязыковая коммуникация.*

Abstract. In the process of learning foreign languages and interlanguage communication students are faced not only with the language barrier, but also with the sociocultural differences between countries. This problem becomes especially relevant in the process of studying the Korean language. The formation of sociocultural competence helps to overcome the cultural barrier, develop communication skills and overcome intercultural isolation. The article describes linguistic and regional reading as one of the main way of forming sociocultural competence, reveals the advantages of it and describes the expected learning outcomes.
Keywords: *sociocultural competence, linguistic and regional reading, foreign language culture, multylanguage communication.*

Процессы интернационализации и глобализации, характерные для современного общества, оказывают активное влияние и на сферу обучения иностранным языкам. Актуальной проблемой в области преподавания на данный момент является необходимость глубокого изучения культуры носителей страны изучаемого языка.

В процессе обучения иностранному языку большую роль, конечно, играет соответствие уровня академических знаний студентов международным стандартам знания иностранных языков, но не менее важно также дать им как можно более полные сведения о культуре страны, свойственных ей традициях и обычаях.

К тому же изучение культуры народа страны изучаемого языка делает процесс изучения разнообразнее и способствует полноценному формированию коммуникативной компетентности, которая напрямую зависит от всестороннего понимания студентом культуры народа, на языке которого он ведёт общение.

Исходя из определения, данного в федеральном государственном образовательном стандарте второго поколения, коммуникативную компетентность следует понимать как умение ставить и решать определённого типа коммуникативные задачи: определять цели коммуникации, выбирать адекватные стратегии коммуникации, оценивать ситуацию, учитывать намерения и способы коммуникации партнёра, быть готовым к осмысленному изменению собственного речевого поведения [1].

И.Л. Бим в своей монографии выделяет следующие компетенции, являющиеся ключевыми в коммуникативной компетентности: лингвистическая, тематическая, социокультурная, компенсаторная, учебная [2].

В свою очередь социокультурная компетенция, входящая в состав коммуникативной компетентности, предполагает понимание социокультурных особенностей региона изучаемого языка и применение этих знаний в процессе коммуникации.

Новый словарь методических терминов и понятий даёт следующее определение социокультурной компетенции: «Совокупность знаний о стране, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [3]. И делит её на четыре основных компонента:

- социокультурные знания;
- опыт общения;
- личностное отношение к фактам иноязычной культуры;
- владение способами применения языка [3].

Одна из первых попыток дать определение социокультурной компетенции принадлежит В.В. Сафоновой. Согласно её определению,

социокультурная компетенция характеризуется совокупностью знаний, навыков и умений, а также других качеств, формируемых в процессе языковой подготовки к межкультурному общению [4]. Автор уточняет, что основу социокультурной компетенции составляет наличие глубоких и систематизированных знаний особенностей и реалий страны, а также знание норм и правил взаимодействия между людьми, моделей речевого поведения, идей, представлений, верований, суждений, обычаев, традиций [5].

Овладение иноязычной культурой является важным элементом как в изучении иностранного языка, так и в формировании собственной культуры обучающихся. Процесс сопоставления социокультурных сходств и различий в условиях иноязычной коммуникации в последнее время привлекает к себе большое внимание. Можно сказать, что параллельное обучение иностранному языку и культуре народа страны изучаемого языка в настоящий момент является одной из основных тенденций образовательного процесса. Это подтверждает и формула образования «культура через язык, язык через культуру» Е.И. Пассова, или, другими словами, «присвоение фактов культуры в процессе использования языка и овладение языком на основе присвоения фактов культуры» [6].

Формирование иноязычной культуры у изучающих иностранный язык основано на целенаправленном, непрерывном, комплексном процессе освоения социокультурологического материала, формировании ценностного отношения к культуре страны изучаемого языка, а также к своей родной культуре.

При этом чтение остаётся одним из наиболее доступных средств приобщения к иноязычной культуре, основным источником социокультурных знаний – одного из компонентов социокультурной компетенции, о котором было сказано выше. Под чтением принято понимать «один из рецептивных видов речевой деятельности, направленной на восприятие и понимание письменного текста» [7].

Чтение относится к познавательной деятельности в силу своей специфики – направленности на получение новой информации. При этом большое значение имеет содержание текстов для чтения, которое должно представлять интерес для изучающих иностранный язык. В зависимости от целей подготовки и уровня владения языком могут быть выбраны тексты различных стилей. Газетные и журнальные статьи, к примеру, насыщены примерами использования современной и специализированной лексики, фразеологизмов или идиоматических оборотов [8]. Но чтение подобных текстов вызывает определённые сложности у обучающихся на начальных уровнях изучения языка в силу ограниченного словарного запаса и особенностей восприятия текста на данном этапе обучения.

Тексты лингвострановедческого характера в свою очередь зачастую подходят для любого уровня, к тому же в них описаны реалии страны

изучаемого языка, исторические факты, особенности культуры и традиций страны изучаемого языка.

Такое сочетание является особенно актуальным для студентов, изучающих восточные языки, в силу их специфики – зависимости выбора речевых норм и того или иного стиля общения от ситуации, а также наличия жёсткой иерархии общества по возрастному признаку и социальному статусу.

Неоспоримым является тот факт, что Корея является страной-носителем самобытной культуры, а корейский язык, тесно связанный с культурой и историей Кореи, перенасыщен тонкостями, зачастую вызывающими затруднения даже у опытных корееведов. Интерпретация информации с корейского языка на русский – «вещь непростая: слишком разный у этих языков грамматический и лексический строй, слишком разнятся и реалии» [9].

Знакомство с этими реалиями через лингвострановедческое чтение на корейском языке помогает изучающему корейский язык освоиться в чужой для него культуре, имеющей мало схожих черт с русской культурой, позволяет осознанно и внимательно относиться к элементам, отражающим культурное наследие Кореи.

Через лингвострановедческое чтение на корейском языке учащийся сравнивает социально-культурные традиции народа Кореи с теми знаниями о культуре родной страны, которые у него уже имеются. Оставаясь носителем своей собственной культуры, учащийся обогащает свои знания, приобретая элементы культуры страны изучаемого языка, «тем самым как личность он становится в какой-то мере носителем мировой культуры и начинает лучше понимать и ценить собственную культуру» [10].

При этом для каждого уровня обучения корейскому языку необходим свой вид чтения, отвечающий задачам обучения на данном этапе. Так, например, на начальном этапе обучения текст воспринимается изучающими по схеме: слово – словосочетание – предложение – смысловой блок – текст. При этом процесс синтеза будет преобладать над анализом. Таким образом, и выбор следует сделать в пользу учебных, заранее переработанных, текстов и лёгкой художественной литературы.

Знакомство студентов с культурой и языком Республики Корея – приоритетная задача Центра корейского языка и культуры Новгородского университета. На базе Центра, кроме проведения занятий по корейскому языку, организуются различные мероприятия, экскурсии и мастер-классы. Основное внимание уделяется приобщение студентов к корейской культуре, в том числе через чтение адаптированных лингвострановедческих текстов, а также чтению образцов классической и современной корейской литературы.

Наиболее ярким мероприятием, направленным на формирование, в том числе социокультурной компетенции студентов, занимающихся в Центре корейского языка, является Конкурс художественного чтения на корейском языке, проведённый впервые в 2015 году и ставший ежегодным. В рамках конкурса перед студентами стоит задача выполнить творческие задания, каждое из которых направлено на ознакомление и глубокую проработку полученных знаний о культурных ценностях и языковых особенностях Республики Корея.

Так, в рамках конкурса, проведённого в мае 2019 года, в первом туре участники демонстрировали жюри и гостям мероприятия, адаптированные ими тексты корейских традиционных сказок и легенд на русском языке, сопроводив их визуальным материалом (анимацией, видеороликом или презентацией). Задание второго тура заключалось в подготовке перевода отрывка из собрания эссе корейского автора Ли Ки Джу, ставшего абсолютным бестселлером в Корее в 2016 году.

Польза подобных мероприятий очевидна: появляется возможность формирования толерантного сознания у студентов, непосредственного участия каждого из них в диалоге культур и преодоления трудностей, неизбежно возникающих при знакомстве с иноязычной культурой. Участие в таких мероприятиях не только развивает коммуникативные способности студентов, но также способствует развитию их творческих способностей.

Лингвострановедческое чтение имеет гибкий характер, то есть данный вид чтения может использоваться на всех этапах обучения в тесной связи с изучением страноведения, лексики и грамматики, теоретическими знаниями о строе и культуре корейского языка.

Тем не менее, исходя из опыта Центра корейского языка и культуры наибольшей эффективностью, лингвострановедческое чтение будет обладать на старшем этапе обучения, который характеризуется способностью обучающихся к логическому мышлению, самоанализу, способностью вести рассуждения о нравственных, политических, социальных и прочих темах. При этом лингвострановедческое чтение способствует формированию не просто критического мышления, но и способностью принимать, обосновывать, анализировать и сопоставлять прочитанную в тексте информацию с реалиями родной культуры, что приводит к новому уровню культурной образованности индивида.

Литература

1. Анохина, Н.В. Введение Федерального государственного образовательного стандарта в малокомплектных школах // Вестник образования. 2011. № 11. С. 51–58.

2. Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 1–3 нояб. 2001 г.,

г. Уфа / редкол.: Л.Г. Саяхова, В.В. Воробьев, Н.Ш. Галлямова и др. Ч. 1. Уфа, 2001. 192 с., с. 8–9.
3. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения иностранным языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с., с. 286–287.
4. Сафонова, В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 236 с., с. 18.
5. Сафонова, В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа, Амскорт интернэшнл, 1991. 305 с., с. 19.
6. Пассов, Е.И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. М.: Глосса-Пресс, 2006. 240 с., с. 212.
7. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2007. 750 с., с. 376.
8. Саланович, Н.А. Обучение чтению аутентичных текстов лингвострановедческого содержания // Иностранные языки в школе. 1999. № 1. С. 18–21.
9. Габрусенко, Т. Корейская литература и российский читатель [Электронный ресурс] // Русский Журнал / Круг чтения. URL: http://old.russ.ru/krug/20001128-pr.html (дата обращения: 29.04.2020).
10. Томахин, Г.Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностранные языки в школе, 1996. № 6. С. 22–27, с. 25.

Статья рекомендована к печати
доктором педагогических наук, профессором Шерайзиной Р.М.

УДК 159.922.7+371.487
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.42

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кузьмина А.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Kuzya998@bk.ru

STUDYING THE LEVEL OF SCHOOL ANXIETY IN TEENAGERS IN PHYSICAL CULTURE LESSONS

Kuzmina A.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Kuzya998@bk.ru

Аннотация. В статье изучается уровень школьной тревожности у подростков 12–13 лет Великого Новгорода на уроках по физической культуре. Проводится тестирование для изучения исходного уровня школьной тревожности у подростков и устанавливается, что у данной возрастной группы наблюдаются неблагоприятные факторы в состоянии психофизического здоровья. Анализируются результаты проведённого исследования, в ходе которого обнаружено, что подростки больше всего испытывают переживание социального стресса, страх самовыражения и страх ситуации проверки знаний. На основе данных критериев обосновано внедрение фитнес-технологий на уроки по физической культуре с целью снижения уровня школьной тревожности.
Ключевые слова: *тревожность, школьная тревожность, фитнес-технология, урок по физической культуре, подросток.*

Abstract. The article examines the level of school anxiety in adolescents 12–13 years of Veliky Novgorod in physical education lessons. Testing is carried out to study the initial level of school anxiety in adolescents and it is established that unfavorable factors in the state of psychophysical health are observed in this age group. The results of the study are analyzed, during which it was found that adolescents are most experiencing the experience of social stress, the fear of self-expression and the fear of a knowledge verification situation. Based on these criteria, the introduction of fitness technologies for physical education lessons is justified in order to reduce the level of school anxiety.
Keywords: *anxiety, school anxiety, fitness technology, physical education lesson, teenager.*

В условиях современного образования отмечается неблагоприятная ситуация со здоровьем учащихся и его отрицательной динамикой на протяжении всего периода обучения. Среди причин отмечаются как воздействие различных неблагоприятных факторов окружающей среды, так и социальная незащищенность и, как следствие, психологический дискомфорт. Снижению уровня здоровья у подростков способствует

высокая учебная нагрузка, стресс, нерациональный режим дня, несбалансированное и нерегулярное питание, занятия с репетиторами, недостаток двигательной активности, неблагоприятные условия обучения и вредные привычки.

Как показывают исследования, процент здоровых выпускников общеобразовательных школ не превышает 10–15% (Е.М. Ревенко). Не вызывает сомнения, что основная причина этого в чрезвычайно низкой двигательной активности подростков. Сложившаяся ситуация во многом является следствием недооценки значимости урока физической культуры как самими учащимися и их родителями, так и учителями-предметниками [4].

В особую группу риска по психической неприспособленности к неблагоприятным факторам социальной среды и нарушениям психического здоровья в практике школьного образования входят подростки. Подростковому возрасту свойственно диспропорциональное, гетерохронное психофизическое развитие, бурные морфофункциональные перестройки организма, повышенная эрготропия, становление ряда личностных свойств (акцентуаций характера, способностей, наклонностей, интересов). На фоне ухудшения психических составляющих функционального регулирования организма наблюдается низкая двигательная активность – гипокинезия, которая негативно сказывается на психофизическом состоянии учащихся (атрофия сердечной мышцы, ухудшение взаимосвязей в нервной системе, функционирования сенсорных систем и др.) [1].

Сложившаяся ситуация во многом имеет и «внутренние» причины. Неэффективность традиционной системы организации физической культуры признают многие специалисты. В основе организации учебного процесса по физической культуре был и остаётся программно-нормативный подход, который не учитывает склонности, способности и интересы занимающихся, темпы биологического созревания, а в таких условиях сложно формировать устойчивую положительную мотивацию к занятиям [4].

Все перечисленное с очевидностью указывает на малую привлекательность уроков физической культуры, поскольку вопреки базовой потребности детей и подростков в двигательной активности немалая их часть фактически уклоняется от занятий [7].

Принципиально важным является понимание того, что в современном обществе дефицит двигательной активности может быть компенсирован только посредством активных занятий физической культурой и спортом, как в рамках школьной программы, так и вне школы. В этой связи нельзя не согласиться с выводом М. Пасека и его соавторов о том, что высшей ценностью физического воспитания подрастающего

поколения должно быть именно посещение уроков физической культуры [2].

Однако несмотря на актуальность проведения эффективных мер по сохранению здоровья школьников посредством занятий физической культурой в образовательном учреждении выявляется ряд трудностей, связанных с преподаванием учебного предмета «Физическая культура» в современной школе. Среди них можно выделить то, что уроках физической культуры процесс обучения продолжают строить на условно-сигнальных, формально-логических и принудительных принципа обучения, что в конечном счёте сводится к подавлению творческой инициативы школьников [5], а годовые, четвертные планы-графики прохождения учебного материала составлены формально или списаны с УМК и рабочих программ по физической культуре А.П. Матвеева или В.И. Ляха [5].

Учитывая неразрывное единство и взаимозависимость физического и психического состояния человека, в рамках решения оздоровительной задачи урока физической культуры представляется необходимым содействие улучшению психического состояния школьников. Существенные возможности для решения данной задачи имеет рациональное, научно-обоснованное применение фитнес-технологии на уроках физической культуры. Уроки должны затрагивать не только вопросы, связанные с физическим, но и психосоматическим здоровьем детей [7]. Они должны актуализировать регулирование эмоционального состояния учащихся на уроках физической культуры, снизить уровень школьной тревожности. Для решения указанной задачи можно использовать фитнес-технологии регулирующие, в том числе, и процесс занятий физическими упражнениями. Особое значение для достижения оптимального результата при решении тех или иных задач имеет учёт именно сопряжённого воздействия физических упражнений на процесс преодоления школьной тревожности. Чувство тревоги в школьном возрасте неизбежно. Однако интенсивность этого переживания не должна превышать индивидуальной для каждого ребёнка «критической точки», после которой оно начинает оказывать дезорганизующее, а не мобилизующее влияние. Наиболее типично возникновение школьной тревожности, связанной с социально-психологическими факторами или фактором образовательных программ. В Большом психологическом словаре даётся следующее определение тревожности: «Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги» [9]. Школьная тревожность – это наиболее лёгкая форма проявления эмоционального неблагополучия ребёнка. Школьная тревожность может проявляться в поведении самыми различными способами, маскируясь под другие проблемы. Основные признаки школьной тревожности – это: пассивность на уроках, стеснение при

ответах, приход в замешательство при малейшем замечании со стороны учителя. Из-за неуверенности в себе ребёнок может отказываться от деятельности, которая кажется слишком трудной и невыполнимой. По той же причине занижается оценка достигнутых результатов. В такой ситуации затруднено принятие решения, так как человек чересчур сосредоточен на тех неблагоприятных последствиях, которые может повлечь за собой то или иное решение. Неуверенность в себе часто приводит к трудностям в общении, особенно при вхождении в новый коллектив. Высокая тревожность способствует возникновению соматических заболеваний [3].

Проведённые исследования свидетельствуют о том, что у обучающихся среднего звена обнаруживаются повышенные показатели по факторам: переживание социального стресса у 33% и 39%, проблемы и страхи в отношениях с учителями у 30% и 26%, а также у 25% и 30% обучающихся наблюдается страх самовыражения и низкая физиологическая сопротивляемость к стрессу [3]. Для тревожных детей характерны и соматические проблемы: боли в животе, головокружения, головные боли, спазмы в горле, затруднённое поверхностное дыхание и др. Во время проявления тревоги они часто ощущают сухость во рту, ком в горле, слабость в ногах, учащённое сердцебиение.

В основу исследования было положено предположение о том, что снижение уровня школьной тревожности у подростков 12–13 лет возможно в применении фитнес-технологий на уроках по физической культуре.

Для исследования данного феномена нами были использованы такие методы, как: анализ научной литературы по теме исследования, тестирование по шкале школьной тревожности А.М. Прихожан, тест школьной тревожности Филлипса, проективная методика М.А. Панфиловой «Кактус», метод математической обработки данных. Исследование проходило на базе МАОУ «Школа № 37» Великого Новгорода. В исследовании учитывались возрастные особенности испытуемых – подростки 12–13 лет. Всего в исследовании участвовало 46 подростков 6 и 7 классов.

На основе первичного тестирования по шкале школьной тревожности А.М. Прихожан можно сделать вывод о том, что количество респондентов, обладающих высоким уровнем школьной тревожности, у подростков 6 класса выше в 6 раз, чем у учащихся 7 класса (30,3%) и (5,3%) соответственно. Количество респондентов с повышенным уровнем у подростков 6 класса выше втрое, чем у учащихся 7 класса (17,4%) и (5,3%) соответственно. Количество респондентов с нормальным уровнем у 6 и 7 класса различна (34,7%) и (52,6%) соответственно. А также количество респондентов, которым состояние тревожности не свойственно, у подростков 7 класса в 4 раза выше, чем у учащихся 6 класса (36,8%) и (8,7%) соответственно.

Полученные данные необходимо было подтвердить или опровергнуть с помощью теста школьной тревожности Филлипса. В связи с полученными данными можно сделать вывод о том, что доля лиц, обладающих высоким уровнем тревожности, не выявлено ни в 6, ни в 7 классах. С повышенным уровнем тревожности преобладают девочки и в 6, и в 7 классах, но и у мальчиков тоже присутствует данный феномен. С нормальным уровнем тревожности мальчиков больше в обоих классах. Результаты исследования показали, что у подростков 7 класса преобладает показатель – страх не соответствовать ожиданиям окружающих, что напрямую связано с самооценкой. Например, по каждому испытуемому был рассмотрен каждый показатель школьной тревожности (рисунок 1).

Рисунок 1. Результат по показателям школьной тревожности

По проективной методике М.А. Панфиловой «Кактус» были подсчитаны средние значения по каждому компоненту тревожности. При обработке результатов мы приняли во внимание данные, соответствующие всем графическим методам: пространственное положение, размер рисунка, характеристики линий, сила нажима на карандаш. Кроме того, мы учли специфические показатели, характерные именно для данной методики: характеристика «образа кактуса» (дикий, домашний, женственный и т.д.), характеристика манеры рисования (прорисованный, схематичный), характеристика иголок (размер, расположение, количество).

По результатам обработанных данных по рисунку можно диагностировать качества личности испытуемых 6 и 7 класса.

Таблица 1. Диагностика качеств личности подростков

Качества личности испытуемого	6 класс		7 класс	
	девочки	мальчики	девочки	мальчики
Агрессивность	3 (12,5%)	4 (16,6%)	1 (4,5%)	2 (9%)
Импульсивность	4 (16,6%)	2 (8,3%)	5 (22,7%)	7 (31,8%)
Эгоцентризм, стремление к лидерству	10 (41,6%)	8 (33,3%)	7 (31,8%)	3 (13,6%)
Неуверенность в себе, зависимость	2 (8,3%)	4 (16,6%)	5 (22,7%)	5 (22,7%)
Демонстративность, открытость	2 (8,3%)	3 (12,5%)	1 (4,5%)	1 (4,5%)
Скрытность, осторожность	–	1 (4,1%)	–	–
Оптимизм	3 (12,5%)	4 (16,6%)	3 (13,6%)	3 (13,6%)
Тревожность	5 (20,8%)	4 (16,6%)	–	2 (9%)
Женственность	6 (25%)	1 (4,1%)	4 (18,1%)	–
Экстравертированность	–	2 (8,3%)	2 (9%)	–
Интровертированность	12 (50%)	10 (41,6%)	10 (45,5%)	9 (41%)
Стремление к домашней защите, чувство семейной общности	8 (33,3%)	6 (25%)	5 (22,7%)	1 (4,5%)
Отсутствие стремления к домашней защите, чувство одиночества	3 (12,5%)	6 (25%)	6 (27,2%)	8 (36,3%)

Основываясь на полученных данных, мы приходим к выводу, что такой показатель, как «интровертированность», характеризующийся внутренней направленностью переживаний, склонностью к погружению в мир собственных чувств и мыслей, малой зависимостью содержания психики от контактов с окружающими, пассивностью в общении является самым высоким в процентном соотношении среди всех испытуемых. Самым же низким показателем является – демонстративность. Подростки 6 и 7 классов не стремятся быть в центре внимания, совсем малая доля испытуемых имеет черту демонстративности.

Исходя из полученных данных следует, что школьной тревожности подвержены 86% подростков, что является высоким показателем для данной возрастной группы. Одним из методов решения поставленной задачи могут быть фитнес-технологии, способные решать такие оздоровительные задачи, как содействие воспитанию нравственных и волевых качеств и развитие психических процессов и свойств личности, а в воспитательных задачах содействовать развитию психических процессов

в ходе двигательной активности и смелости во время выполнения физических упражнений. С помощью фитнес-технологий учитель опирается на такие личностные ориентации, как способность управлять своими эмоциями. Фитнес отличается как дозировкой физической нагрузки, так и построением последовательностью и разнообразием физических упражнений. Поэтому внедрять фитнес-технологии можно как непосредственно на уроках физической культуры, так и в рамках секционных занятий.

Литература

1. Черепов, Е.А. Содействие сохранению психического здоровья подростков в процессе физического воспитания в школе // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2013. Т. 13, № 1. С. 9.
2. Ревенко, Е.М. Изменение критериев оценивания учащихся как условие повышения мотивации к урокам физической культуры // Образование и наука. 2016. № 1 (130). С. 123.
3. Ширванова, Ф.В., Каримова, Д.Н. Особенности проявления школьной тревожности // Психологические науки: Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2019. С. 77.
4. Ревенко, Е.М. Здоровьесберегающие технологии // Образование и наука. Изменение критериев оценивания учащихся как условие повышения мотивации к урокам физической культуры. 2016. № 1 (130). С. 122–123.
5. Годжиев, Г.Т., Воробьева, И.Н. Актуальные проблемы современного школьного физического воспитания // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 74.
6. Пасек, М., Михайловска-Савчин, М., Новак-Залеска, А. Посещаемость занятий по физическому воспитанию и её связь с отношением к физкультуре и отдельными биологическими и социальными факторами с учётом проведения занятий в полевых условиях и школьных залах // Теория и практика физической культуры. 2014. № 8. С. 44–48.
7. Ширванова, Ф.В., Каримова, Д.Н. Особенности проявления школьной тревожности // Психологические науки: Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-shkolnoy-trevozhnosti (дата обращения: 04.03.2020).
8. Рогов, Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании. М.: Владос, 1961. 538 с.
9. Айсмонтос, Б.Б. Общая психология. М.: Владос-Пресс, 2002. 288 с.
10. Айзенк, Х. Психологические теории тревожности. Тревога и тревожность / сост. В.М. Астапова. СПб.: Питер, 2001. 256 с.

Статья рекомендована к печати
канд. психол. наук, доцентом Колпаковой А.Н.

УДК 374.6+783.65
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.43

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО СЛУХА ВОСПИТАННИКОВ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЦЕРКОВНОМУ ПЕНИЮ

Куриленко А.П.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: Sulimiel@yandex.ru

CHURCH SINGING IN A PERSON'S LIFE. DEVELOPMENT OF MUSICAL HEARING OF PUPILS OF SUNDAY SCHOOLS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN CHURCH SINGING CLASSES

Kurilenko A.P.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: Sulimiel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния православного хорового искусства на формирование нравственных качеств личности. Церковная музыка является неотъемлемой частью русской национальной культуры. Церковное пение формирует нравственные и эстетические чувства человека, а также оказывает благотворное влияние на его здоровье. В статье рассматривается необходимость качественного развития музыкального слуха будущего церковного певчего, представлен эксперимент по развитию музыкального слуха воспитанников воскресной школы при храме святого великомученика Димитрия Солунского в городе Великий Новгород.
Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание детей, пение, церковное пение, певчие церковного хора, развитие музыкального слуха, воскресная школа.*

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of Orthodox choral art on the formation of moral qualities of a person. Church music is an integral part of Russian national culture. Church singing forms the moral and aesthetic feelings of a person, and also has a beneficial effect on his health. The article discusses the need for the qualitative development of the musical ear of the future church singer, presents an experiment on the development of musical ear for pupils of the Sunday school at the Church of the Holy Great Martyr Dimitry of Solunsky in the city of Veliky Novgorod.
Keywords: *spiritual and moral education of children, singing, church singing, singers of the church choir, the development of musical hearing, Sunday school.*

7 мая 2018 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской

Федерации на период до 2024 года», в котором одной из важнейших задач образования выделено «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

Наиважнейшим фактором в духовно-нравственном воспитании детей является искусство, в том числе и занятие хоровым пением. О пользе пения создано большое количество научных трудов как отечественными, так и зарубежными учёными.

С медицинской точки зрения в процессе пения голосовые вибрации затрагивают многие внутренние органы поющего, при этом могут излечиваться не только физические заболевания, такие как бронхиальная астма, мигрени, но и психические, например депрессия.

С духовной точки зрения ясно и точно пение охарактеризовал греческий монах Евфимий Зигабен: «Пение имеет огромное влияние на образование характера человека, на его изменение и упорядочение» [2].

Протоиерей И. Вознесенский в своих исследованиях, посвящённых психологии хорового пения, отмечал то, что поющий человек «развивает и совершенствует те высшие телесные свои орудия, которыми Творец отличил человека от животных, – это органы голоса, речи и музыкального слуха, и тем более возвышается над прочею земною тварью» [1, с. 9].

Также стоит отметить, что пение является необходимым и неотъемлемым элементом любого христианского богослужения. Даже молитвы и псалмы, которые произносятся псаломщиками и священнослужителями, должны звучать нараспев, по мнению Ефимия Зигабена это обуславливается тем, что «наслаждение (отпения) одинаково овладевает разумною и неразумною частью души человека» [2] Недаром во все времена христиане посещали храмы, не ощущая усталости на достаточно продолжительных богослужениях.

Русскую музыкальную и духовную культуру невозможно представить без церковного пения, это история нашей Родины, многие песнопения стали культурным наследием нашей страны. Изучение церковной музыки детьми способствует не только их музыкальной образованности, но и эстетическому, духовно-нравственному развитию. Разбор текстов песнопений оказывает благотворное влияние на формирование языковой грамотности ребёнка.

Церковное пение изучается на занятиях во многих воскресных школах несмотря на то, что в действующем Стандарте учебно-воспитательной деятельности в воскресных школах, принятом в 2017 г., этот курс не входит в список обязательных, а является дополнительным.

На певческих занятиях воспитанники приобщаются к церковным песнопениям и, соответственно, к богослужениям. Перед преподавателями церковного пения стоят две главные задачи: развитие вокальных данных воспитанников и их музыкальная грамотность (это немаловажно для творческой жизни воскресной школы и развития будущих церковных певчих) и воспитание духовно-нравственной и художественно-эстетической культуры детей, приобщение к церковной жизни.

По мнению церковного историка и философа В.И. Мартынова, церковное пение «включает в себя два уровня – неслышимый уровень организации сознания и слышимый уровень организации звукового материала» [4, с. 90].

Эксперимент, проводимый на базе воскресной школы при храме святого великомученика Димитрия Солунского в Великом Новгороде, был направлен на изучение уровня развития музыкального слуха воспитанников, то есть изучался «слышимый уровень организации звукового материала».

Развитие музыкального слуха воспитанников воскресной школы на занятиях церковного пения необходимо в силу ряда следующих причин:

– будущий церковный певчий должен чисто интонировать, гармонично звучать в хоре, пение хора должно оказывать благотворное влияние на молитву прихожан, а не отвлекать «фальшивым звучанием»;

– хороший церковный хор – залог успеха каждого прихода, в современном мире так сложилось, что церковный хор является визитной карточкой храма, поэтому будущие певчие должны иметь хороший уровень музыкальной подготовки;

– детские хоры должны представлять свою воскресную школу и приход на многих епархиальных мероприятиях, например Пасхальных и Рождественских концертах, выступления должны быть качественными и благозвучными;

– у воспитанника, осознающего, что у него имеются успехи в певческом деле, развивается мотивация для дальнейшего развития, проявляется интерес к изучению церковных песнопений;

– развитие интонационного музыкального слуха направлено на тонкое восприятие смысла, содержания песнопений и их передачи через исполнение; это необходимо для эффективного процесса духовно-нравственного воспитания детей.

Для более точного описания педагогического эксперимента дадим краткую количественно-качественную характеристику экспериментальной группы.

Воскресная школа при храме святого великомученика Димитрия Солунского открылась в 2012 г.

Согласно «Стандарту учебно-воспитательной деятельности в воскресных школах (для детей) Русской православной церкви на территории Российской Федерации» воспитанники разделены на несколько возрастных групп:

– первая (в возрасте 5–7 лет);

– вторая (в возрасте 8–10 лет);

– третья (в возрасте 11–13 лет);

– четвёртая (в возрасте 14–17 лет – подростки).

Кроме того, проводятся занятия для взрослых. Помимо посещения музыкальных занятий, воспитанники принимают активное участие в музыкально-богослужебной жизни храма, а именно: принимают участие в богослужениях и концертной деятельности, организованной храмом и епархией в целом. Вторая группа, которая состоит из детей младшего школьного возраста, была выбрана для нашего экспериментального исследования.

В период проведения исследования состав группы изменялся: часть воспитанников перестала посещать воскресную школу по разным причинам, другая часть начинала посещать занятия посреди учебного года. В начале учебного года вторая группа воспитанников воскресной школы состояла из 22 человек: 12 девочек и 10 мальчиков. За время учебного процесса количество воспитанников изменилось: стало 10 девочек и 10 мальчиков. Поэтому в экспериментальном исследовании участвовало 20 человек.

Эксперимент проходил в три этапа:

1 этап – констатирующий (диагностика исходного уровня развития музыкального слуха);

2 этап – формирующий (работа, целью которой было развитие музыкального слуха воспитанников);

3 этап – контрольный эксперимент, в ходе которого выяснилось, как изменился (и изменился ли) уровень развития музыкального слуха воспитанников после проведённой работы.

На первом констатирующем этапе эксперимента для диагностики уровня развития музыкального слуха были использованы следующие методы: анализ, беседы, анкетирование воспитанников и их родителей, диагностирование с включением педагогического наблюдения. За основу был взят диагностический материал, разработанный психологом Анисимовым В.П., но он был адаптирован под условия и особенности воскресной школы.

Были проведено анкетирование среди воспитанников и их родителей, которое позволило выявить музыкальные предпочтения семей

и их отношения к развитию музыкальной грамотности ребёнка в воскресной школе.

Также была осуществлена диагностика звуковысотного чувства воспитанников воскресной школы по Анисимову В.П. и педагогическое наблюдение. Результаты констатирующего этапа эксперимента отражены на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Таким образом, 25% воспитанников находятся на высоком уровне развития музыкального слуха; 40% воспитанников находятся на среднем уровне развития музыкального слуха; 35% воспитанников находятся на низком уровне развития музыкального слуха. На констатирующем этапе эксперимента было установлено, что уровень развития музыкального слуха в исследуемой группе оказался недостаточным.

Кроме того, был сделан вывод, что:

– все опрашиваемые воспитанники положительно относятся к музыкальному искусству;

– музыкальные предпочтения воспитанников разнообразны – от современных направлений до классики;

– большинству воспитанников нравится петь и многие желают стать певчими церковного хора;

– уровень музыкального развития опрашиваемых различен;

– некоторые воспитанники считают себя неспособными к музыкальной деятельности, но желают развиваться в пении.

– большинство родителей считают музыкальное развитие важным в жизни ребёнка, так как влияет на желание воспитанника заниматься церковным пением;

– музыкальные предпочтения в семьях достаточно разнообразны – отсовременных направлений до классики, но не все родители хорошо знакомы с музыкальными предпочтениями своих детей;

– некоторые из опрашиваемых родителей считают собственных детей не способными к пению, при этом навязывают им свою точку зрения;

– большая часть семей довольно редко посещают концерты, ссылаясь на нехватку свободного времени;

– многие семьи стали посещать богослужения недавно, находятся на начальном этапе воцерковления.

Второй этап эксперимента, формирующий, направлен на развитие музыкального слуха воспитанников. В рамках данного этапа была проделана следующая работа:

– определена структура индивидуального маршрута развития музыкального слуха у каждого воспитанника;

– использованы методы и средства, которые предполагают духовно-нравственное воспитание ребёнка через тексты церковных песен и понимание ребёнком заложенных в них духовных истин;

– научные разработки в области развития музыкального слуха корректировались нами под условия и особенности воскресной школы.

Был налажен контакт с родителями, подготовлен раздаточный материал для разучивания музыкальных произведений дома.

Организация праздничных мероприятий в воскресной школе осуществлялась в сотрудничестве с другими педагогами и родителями воспитанников. Таким образом, времени на разучивание музыкального материала стало больше. Введена традиция записи концертов на видеокамеру в целях дальнейшего просмотра с учащимися. Взгляд на себя со стороны, анализ собственного выступления с выявлением недочётов и ошибок способствовали дальнейшему развитию и самосовершенствованию. Основными принципами обучения церковному пению были:

– принцип воспитания и всестороннего развития (воспитание доброжелательного отношения друг к другу);

– принцип сознательности и творческой активности (воспитание сознательного отношения к смыслу песнопений; усвоение и понимание воспитанниками вопросов музыкальной теории);

– принцип преемственности в обучении (навыки, приобретенные ранее, не утрачиваются, но совершенствуются в дальнейшем);

– принцип положительного фона обучения (заинтересованность воспитанников к обучению);

– принцип перспективности (постоянное развитие воспитанников; от воспитанников требовалось немного больше, чем положено);

– принцип систематичности (постепенное усложнение песнопений и упражнений);

– принцип учёта индивидуальных особенностей воспитанников при коллективном характере обучения (индивидуальное прослушивание воспитанников на занятиях; организация дополнительных репетиций для постановки спектаклей, в которых воспитанники поют соло или небольшими ансамблями);

– принцип доступности и посильной голосовой и исполнительской трудности хористов (путь обучения «от простого к сложному»; отобранный песенный репертуар должен быть доступным, но не лёгким; трудный репертуар снижает у воспитанников интерес к музыке);

– принцип единства художественного развития воспитанников и технического совершенствования их голоса (гармоничное сочетание певческой техники с художественным развитием воспитанников);

– принцип предшествования слухового восприятия музыкального явления его теоретическому осознанию (новое понятие опирается на слуховое восприятие, полученное ранее);

– принцип целенаправленного управления регистровым звучанием голоса (основополагающий принцип в вокальном воспитании; управление певческим процессом за счёт регулирования качества звучания голоса) [6, с. 130–135].

Каждое занятие было наполнено большим количеством вокальных упражнений, особое внимание уделялось правильной постановке певческого дыхания.

После дыхательной гимнастики проводилось распевание. Задачи данного этапа – подготовка голосового аппарата к вокально-хоровой работе, а также формирование вокально-певческих навыков.

При распевании требовалось чистое звучание голосов, чёткая артикуляция, ровность звучания, ведь качественное распевание настраивает певчих на всю дальнейшую работу.

Проводились индивидуальные занятия вокалом с желающими воспитанниками после учебного дня в воскресной школе.

На занятиях разучивались старинные одноголосные знаменные распевы, которые хорошо развивают интонационный и мелодический слух воспитанников.

Были организованы собрания педагогов, направленные на анализ развития и воспитания каждого воспитанника в разных видах деятельности.

Диагностика контрольного этапа эксперимента проводилась по тем же критериям, что и начальная. Формулировка и суть заданий остались

прежними, но был изменён музыкальный материал. Результаты контрольного этапа эксперимента представлен на диаграмме 2.

Диаграмма 2

Таким образом, 40% воспитанников находятся на высоком уровне развития музыкального слуха; 45% воспитанников находятся на среднем уровне развития музыкального слуха; 15% воспитанников находятся на низком уровне развития музыкального слуха.

На диаграмме 3 можно проследить за динамикой развития музыкального слуха воспитанников.

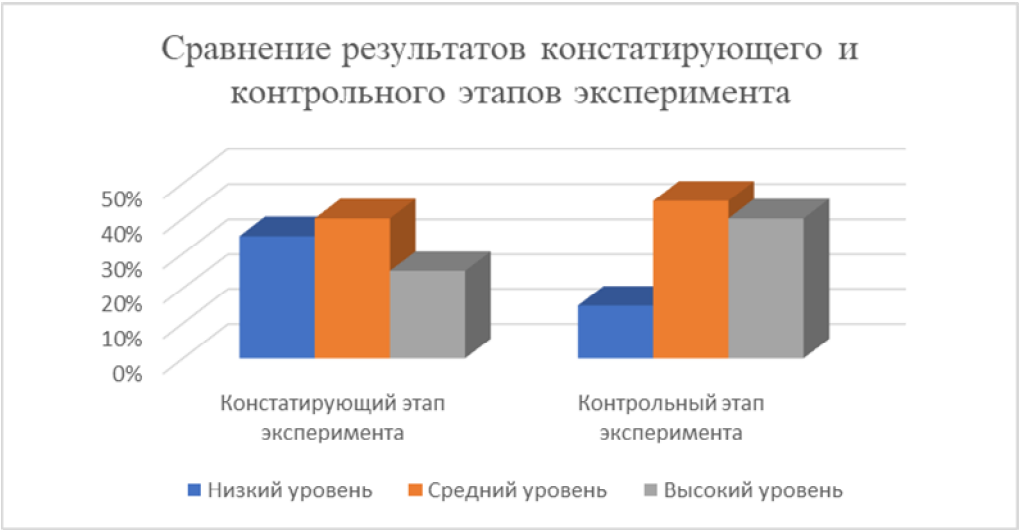

Диаграмма 3

Таким образом, работа, осуществленная на формирующем этапе эксперимента, оказалась эффективной для развития музыкального слуха воспитанников воскресной школы при храме святого великомученика Димитрия Солунского в Великом Новгороде.

В заключение стоит сказать, что церковное пение:

– является неотъемлемой частью духовно-нравственного воспитания христианина;

– оказывает благотворное влияние на становление личности;

– формирует эстетические качества человека;

– приносит пользу физическому и психическому здоровью человека;

– настраивает на молитвенный лад, удовлетворяя духовные и религиозные потребности человека. Церковное пение соединяет земное с небесным, сознательное с бессознательным. Поэтому необходимо проводить качественную работу по развитию и воспитанию будущих церковных певчих, «лекарей духовных» по мнению многих прихожан.

Литература

1. Вознесенский, И.И. Общедоступные чтения о церковном пении: сб. статей. М.: О.В. Лада, 2001.
2. Евфимий, Зигабен. Толковая Псалтирь [Электронный ресурс]. URL: http://mstud.org/bible/ot/psalms/zigaben/000.html (дата обращения: 29.04.2020).
3. Кошмина, И.В. Русская духовная музыка. Программы. Методические рекомендации. Кн. 2. М., 2001.
4. Мартынов, В.И. История богослужебного пения: учеб. пособие. М.: РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. 240 с.
5. Осеннева, М.С., Самарин, В.А. Хоровой класс и практическая работа с хором. М.: Академия, 2003. 192 с.
6. Стулова, Г.П. Теория и практика работы с детским хором: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2002. 162 с.

Статья рекомендована к печати
доктором пед. наук, профессором Шерайзиной Р.М.

УДК 372.2+001.894
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.44

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТРИЗ-ТЕХНОЛОГИИ ПО РАБОТЕ С КАРТИНОЙ В РАЗВИТИИ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Леонтьева Ю.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: ya.leontieva2018@yandex.ru

PEDAGOGICAL CAPABILITIES OF TRIZ-TECHNOLOGY TO WORK WITH THE PICTURE IN THE DEVELOPMENT OF MONOLOGICAL SPEECH OF OLDER PRESCHOOLERS

Leontieva J.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: ya.leontieva2018@yandex.ru

Аннотация. В статье описана проблема выбора разнообразных приёмов триз-технологии по работе с картиной при организации образовательного процесса по развитию монологической речи старших дошкольников; триз-технология по работе с картиной рассмотрена как альтернатива традиционно используемым методам в развитии речи детей; представлены педагогические возможности этого метода, которые могут быть использованы в практической деятельности воспитателей, быть интересны родителям, студентам педагогических вузов.
Ключевые слова: теория решения изобретательских задач, картина, монологическая речь, старший дошкольный возраст.

Annotation. The article describes the problem of choosing a variety of techniques of trise technology for working with the painting in the organization of the educational process for the development of monologous speech of senior pre-school children; trise painting technology is seen as an alternative to traditionally used methods in the development of children 's speech; the pedagogical possibilities of this method are presented, which can be used in the practical activity of educators, be interesting to parents, students of pedagogical educational institutions.
Keywords: theory of solving inventive problems, painting, monological speech, senior pre-school age.

В современной системе образования РФ одним из главных принципов выступает вариативность образования. При использовании вариативности (методов, форм, средств) в организации образовательного процесса в дошкольной образовательной организации (ДОО) нужно учитывать возрастные особенности дошкольников, их индивидуальные

образовательные потребности, личные интересы, мотивы, ожидания и желания детей. Используя такой подход в развитии ребёнка, педагог способствует обеспечению индивидуализации и личностно-ориентированному воспитанию. Сейчас в ДОО есть категория детей с особыми образовательными потребностями, которые в высшей степени нуждаются в гибкой и вариативной образовательной среде. Также детские сады часто встречаются и с культурной инклюзией. Разнообразие культур, языков, традиций требует от педагога выбора наиболее подходящих методов, форм и средств, позволяющих строить содержание образования в соответствие с возникшей ситуацией. В таких обстоятельствах в образовании вариативность оказывается единственно возможным решением [1].

Одним из самых интересных методов является теория решения изобретательских задач, который мы рассмотрели более подробно.

В середине XX века Генрих Альтшуллер создал теорию решения изобретательских задач (далее – ТРИЗ). Её отличительной особенностью является усвоение обобщённых алгоритмов организации собственной творческой деятельности. На основе ТРИЗ Т.А. Сидорчук и Н.Н. Хоменко разработали технологии для дошкольников по развитию умственных способностей и связной речи [2].

В данном исследовании мы рассмотрим возможности картины во взаимосвязи с ТРИЗ для развития монологической речи у старших дошкольников. В пособии Ф.А. Сохина под монологом понимается речь одного лица, требующая развёрнутости, чёткости, полноты и взаимосвязи звеньев в высказывании. Монологическую речь можно развивать не только посредством художественной литературы, но и используя наглядный материал – картины [3]. Наглядность способствует формированию конкретных представлений и понятий, обогащает чувственный опыт, содействует развитию логики мышления, способности к поиску наиболее точных выразительных средств [4].

В словаре С.И. Ожегова картина подразумевает «произведение живописи в красках». Картину следует отличать от иллюстрации [5].

По мнению А.П. Горкина, иллюстрация – это «изображение, сопровождающее и дополняющее текст (рисунок, фотография)». Иллюстрация является помощником для детей. Она помогает им воспринимать содержание художественного произведения, обогащает опыт детей [6]. Картина, как наглядный материал, является мощным средством в развитии речи ребёнка. С помощью неё можно развивать все стороны речи, которые в себя вбирает связная речь. Преимущественно по картине дети составляют рассказы. В старшем дошкольном возрасте речь в своём развитии достигает пика, в связи, с чем появляются возможности самостоятельного составления рассказов по картинам. Восприятие картины играет важную роль для рассказа по ней. Картина яркая

красочная, соответствует действительности (томаты красные, а не синие). Она может изображать повседневные дела и потребности людей (натюрморт). Картина воздействует на эмоции ребёнка, способствует появлению интереса к составлению рассказа, побуждает детей говорить, даже молчаливых и застенчивых. Дети стараются наиболее точно выразить те эмоции, которые она вызвала в словесной форме. В.В. Гербова зафиксировала, что уровень связности речи, её развёрнутости повышается, когда дети понимают важность задания, чувствуют потребность в связном высказывании. Картина своим внешним видом как раз и вызывает эту потребность у детей [7].

В технологии ТРИЗ предлагаются разнообразные методы и приёмы по развитию речи детей. Дети учатся рассматривать картину, выделять объекты, изображённые на ней. Уровень подробности может быть разным: максимальный (выделение объектов и их деталей), средний (выделены основные и второстепенные объекты, но без деталей) и низкий (выделены главные объекты). Роль воспитателя в развитии монологической речи заключается также и в том, чтобы эмоционально откликаться на ответы детей, проявлять неподдельный интерес. Если есть необходимость в усилении эмоциональной вовлечённости, привлечении внимания детей, в назывании объектов картины используют такие методы: «Подзорная труба», «Аукцион», «Кто самый внимательный» и др.

Рассказ по картине будет более осмысленным, если дети научатся устанавливать взаимосвязи между объектами картины. Позже это позволит составить рассказ, связать микротемы. Необходимо выделить два объекта и определить, что их объединяет на физическом уровне (касание, давление), на эмоциональном уровне (нравится/не нравится, заботится, любит), на уровне родственных связей (мать – дети). Ребёнок начинает понимать, что, оказывается, все предметы взаимосвязаны между собой, объединены определённой логической ситуацией, а затем доказывает это. Нахождение взаимосвязей объектов на картине позволит ребёнку составить краткий рассказ-рассуждение [2].

По картине дети могут составлять рассказы по ведущему психическому процессу. Так, рассказ по восприятию можно составить при помощи слухового и обонятельного анализаторов. Дети, используя их, могут представить запахи и звуки, исходящие от объектов картины. Вкусовой анализатор позволяет определить, какие объекты картины съедобные – несъедобные, как относятся герои картины к этому признаку. Рассказ на основе осязания объекта на картине даёт представление о температуре, влажности, материале, форме и т.д. Для того чтобы ребёнок сумел описать объекты картины при помощи органов чувств, воспитатель может использовать приём «вхождение в картину». Дети представляют, будто находятся внутри картины. Вопросами педагог подталкивает ребёнка к описанию ощущений, которые он испытывает, находясь внутри

неё (предлагает прислушаться, вдохнуть запахи, определить вкус, коснуться рукой и т.д.).

Часто картина рассматривается как остановившийся миг, но дети могут развить сюжет во времени. Время года, части суток важны для преобразования объектов во времени. Так, выбранный на картине объект трансформируется в рамках прошлого и будущего. В таком случае это уже будет рассказ по воображению. В пособии предложен приём перемещения во времени. Его можно назвать «Машина времени». Происходит это так:

1) ребёнок выбирает объект на картине и описывает таким, каким выглядит сейчас;

2) затем предлагается поразмышлять, кем или чем объект был в прошлом;

3) что с выбранным объектом будет в будущем (далёком или близком).

Также для составления детьми рассказов-фантазий по картине ребёнка нужно познакомить с основными приёмами фантазирования:

– «увеличение – уменьшение» (изменение размера, формы, цвета, уровня проявления какого-либо свойства объекта);

– «деление – объединение» (расчленение объектов на части, объединение их в другой последовательности или обмен частями между объектами);

– «оживление–окаменение» (объект можно наделить свойствами динамики и статики) и др.

Педагог знакомит детей с этими приёмами, используя игровой приём «Пришёл в гости волшебник…». Волшебника обычно называют в соответствии с приёмом фантазирования. Например, Волшебник Увеличения–Уменьшения (ребёнок выбирает объект картины и его свойства, затем совершает их преображение). После этого ребёнку предлагается выбрать одно из преобразований объекта и ответить на вопросы: Что происходит с объектом? Что ощущает объект? Как окружающие относятся к изменившемуся объекту? Что является положительным и отрицательным после такого преобразования? Какие проблемы возникли у объекта с окружающим миром? Как изменившийся объект может помочь в решении проблем других героев картины? Далее по результатам этого обсуждения дети могут составить фантастический рассказ.

На практике дети могут соединять несколько видов рассказа в одном высказывании. Например, сначала ребёнок выбирает объект на картине, исследуя его на ощупь (мысленно) определяет характерные признаки. На основании выделенных признаков ему необходимо вообразить, каким объект был в прошлом и будет в будущем. Или как можно преобразовать объект, и каковы будут последствия этого преобразования.

Картина уточняет знания детей об эмоциональных состояниях и настроениях (грустный – весёлый, радостный – печальный), о чертах характера (добрый – злой, трудолюбивый – ленивый), о том, как проявляются те или иные эмоциональные состояния (выражение лица, поза, место положение относительно других героев). Прежде чем начать составление рассказа детям предлагается творческое задание: «Я назову тебе черту характера, а ты скажи наоборот», «Покажи действием и мимикой изменение твоих чувств». Далее при обучении составлению творческих рассказов от первого лица применяется приём эмпатии. При его использовании ребёнку нужно представить себя одним из объектов картины, для этого он «входит» в его эмоциональное состояние, старается передать его черты характера. Следует подробное описание его состояния, отношение к окружающим объектам, возникающим проблемам. Воспитатель же побуждает детей к решению проблем героя картины. На этом этапе от ребёнка требуется точный подбор слов и словосочетаний, характеризующих эмоциональное состояние героя, изложить его действия в логической последовательности, так, чтобы это было ясно и понятно окружающим [2].

Умело используя такие интересные приёмы, педагогу не составит труда удержать внимание детей на этой деятельности. При самостоятельном составлении рассказов у ребёнка, несомненно, задействовано мышление, которое тесно взаимосвязано с развитием речи. Так как связная речь вбирает в себя все разделы речевого развития ребёнка, то, занимаясь с детьми по данной технологии, мы будем активно совершенствовать и другие стороны речи. При таком детальном рассмотрении картины ребёнок сможет составить наиболее связное, логически последовательное, объёмное и плавное высказывание. Такие приёмы воспитатель может использовать с любым видом картины.

Разнообразие видов картин также привлекает детей. Дети 5–7 лет уже способны оценить и эстетическую красоту, благодаря взрослому. Им нравится составление серий сюжетных картин. И если у ребёнка это получается хорошо, то можно судить о том, что он видит логику последовательности действий (связность). Натюрморт привлекает детей из-за своей бытовой составляющей. Ведь он отражает повседневные дела и потребности человека, выраженные в предметах – еде, питье, домашней утвари и инструментах труда – всего того, что окружает ребёнка, близко ему, соответствует интересам.

Картина является универсальным средством в развитии монологической речи детей. Своим красочным, привлекательным внешним видом, она вызывает у них эмоции, которые стимулируют речевую активность дошкольников.

Таким образом, рассказы детей будут более содержательными, логически связанными, плавными и ясными, если педагоги в своей

практике будут использовать разнообразие приёмов, которые представлены в ТРИЗ-технологии. Ребёнок научится выделять объекты картины, находить взаимосвязи между ними, определять отличительные особенности объектов через их восприятие разными органами чувств, сочинять творческий рассказ, используя приёмы фантастического преображения объектов, воображать объекты в рамках всего времени их существования (прошлое и будущее), описывать местонахождение объектов на картине, представлять себя в качестве одного из героев картины.

Разнообразие видов картин позволяет педагогу использовать все приёмы, включённые в триз-технологию по развитию связной речи. Эти приёмы позволяют удержать внимание детей, совершенствовать все стороны речи, развивать мышление, которое тесно взаимосвязано с развитием речи. При детальном изучении картины ребёнок способен составить связное, логически последовательное, объёмное и плавное высказывание. Представленные и проанализированные нами приёмы воспитатель может использовать при составлении рассказов по любой картине и в разных формах организации педагогического процесса, в том числе при подготовке ребёнка к школе.

Литература

1. Смелова, Е. Вариативность дошкольного образования как условие качественной реализации ФГОС ДО. [Электронный ресурс] // МААМ. URL: https://www.maam.ru/detskijsad/variativnost-doshkolno.
2. Сидорчук, Т.А. Хоменко, Н.Н. Технологии развития связной речи дошкольников. Ульяновск: Волга-ТРИЗ, 2004. 52 с.
3. Развитие речи детей дошкольного возраста / под ред. Ф.А. Сохина. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1979. 223 с.
4. Ёлкина, Н.В. Психологические аспекты развития связной речи у детей дошкольного возраста // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-razvitiya-svyaznoy-rechi-u-detey-doshkolnogo-vozrasta (дата обращения: 19.11.2019).
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2008. 640 с.
6. Горкин, А. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2007. Кн. 2. 260 с.
7. Стародубова, Н.А. Теория и методика развития речи дошкольников: учеб. пособие для студ. высш. образования. М.: Академия, 2016. 256 с.

Статья рекомендована к печати
канд. пед. наук, доцентом КНДОиСУ Мигуновой Е.В.

УДК 372.3
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.45

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА ИНТЕГРАЦИИ

Лепёхина Д.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: diaanalaa@icloud.com

LITERARY DEVELOPMENT OF OLDER CHILDREN ON THE BASIS OF THE PRINCIPLE OF INTEGRATION

Lepyokhina D.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: diaanalaa@icloud.com

Аннотация. В статье рассмотрен основополагающий принцип развития современного дошкольного образования, предложенный ФГОС дошкольного образования, – принцип интеграции образовательных областей в процессе литературного развития детей старшего дошкольного возраста, реализующийся в форме проектной деятельности; предложен способ организации такой деятельности внутри проекта с разделением по центрам активности, который позволяет добиться значительных результатов посредством объединения общих усилий педагога, родителей, детей в освоении всех образовательных областей в педагогическом процессе детского сада.
Ключевые слова: *литературное развитие, принцип интеграции, проектная деятельность, старший дошкольный возраст.*

Abstract. The article considers the fundamental principle of the development of modern pre-school education proposed by GEF pre-school education – the principle of integration of educational areas in the process of literary development of older pre-school children, implemented in the form of project activities; Disclosed is a method of organizing such activities within a project divided by activity centers, which enables to achieve significant results by combining common efforts of a teacher, parents, children in mastering all educational areas in the pedagogical process of kindergarten.
Keywords: *literary development, integration principle, project activity, senior preschool age.*

На современном этапе развития общества актуальной темой для обсуждения является проблема литературного развития дошкольников, так как литературное развитие объективно больше подвержено влиянию разрушительных внешних факторов, которые особенно сильно проявляют себя в это десятилетие. А между тем художественная литература играет большую роль в личностном развитии человека. Входя в жизнь ребёнка с ранних лет, художественная литература служит действенным средством

умственного, нравственного, эмоционального и эстетического развития детей, оно развивает воображение и даёт прекрасные образцы русского литературного языка.

Итак, приобщение дошкольников к литературе является одним из приоритетных направлений современного образования. Очевидно, что в решении проблемы литературного образования детей дошкольного возраста существенную роль играет деятельность дошкольных учреждений по приобщению детей к литературе, так как процесс формирования читателя у ребёнка начинается именно в дошкольном детстве при совместных усилиях педагогов и родителей.

Основополагающим принципом развития современного дошкольного образования, предложенным ФГОС, является принцип интеграции образовательных областей. Именно поэтому литературное развитие детей старшего дошкольного возраста наиболее эффективно реализуется в рамках проектной деятельности, в ходе которой успешно интегрируются все образовательные области. Учитывая большой интерес в учебном мире к проблеме литературного развития детей дошкольного возраста, мы считаем актуальным вопрос литературного развития детей старшего дошкольного возраста в условиях интеграции образовательных областей актуальным.

Рассмотрев проблему литературного развития у детей дошкольного возраста в исследованиях отечественных и зарубежных писателей и педагогов таких, как О.В. Акулова, А.Г. Ковалев, Н.Д. Молдавская, мы пришли к выводу о том, что это смежное определение с понятием «читательского развитие», которое заключает в себе следующее содержание: это процесс, который предполагает чтение художественного произведения, восприятие ребёнком этого произведения, получение эмоциональных реакций от произведения, понимание нравственных переживаний, заложенных в тексте, который направлен на развитие интереса к литературе, к творчеству и биографии писателя, к определённому жанру, заключительная часть которого выражается в самостоятельной творческой деятельности ребёнка.

Основополагающий принцип развития современного дошкольного образования, предложенный Федеральным государственным образовательным стандартом к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования, – принцип интеграции образовательных областей.

По мнению таких исследователей, как А.Г. Гогоберидзе, М.В. Крулехт, М.В. Лазаревой, реализация принципа интеграции способствует формированию у детей целостной картины мира, развитию коммуникативных навыков и умения свободно делиться впечатлениями, даёт возможность реализовать творческие способности [1].

Прежде всего важно определить, что представляет собой интеграция. В педагогику это понятие пришло из философии. Педагогическая интеграция, по мнению В.С. Безруковой, – это установление связей и отношений педагогическими средствами и ради педагогических целей. Она осуществляется в рамках педагогической теории и практики, поэтому используются педагогические принципы, формы и методы интегрирования [2].

Интеграция в дошкольном образовании обеспечивает суммарное воздействие образовательных компонентов на воспитанников, которое во много раз активнее и предпочтительней, чем влияние каждого из них по отдельности, что обеспечивает положительный результат образовательной работы.

Литературное развитие детей старшего дошкольного возраста наиболее эффективно реализуется в форме проектной деятельности, в ходе которой успешно интегрируются все образовательные области, такие как: «Социально-коммуникативное развитие», «Познавательное развитие», «Речевое развитие», «Художественно-эстетическое развитие» «Физическое развитие», различные виды детской деятельности и формы работы с детьми.

Рассмотрим подробно каждую образовательную область с точки зрения литературного развития детей дошкольного возраста.

Социально-коммуникативное развитие направлено на присвоение норм и ценностей, принятых в обществе, включая моральные и нравственные ценности с помощью регулярного чтения художественной литературы детям дошкольного возраста; развитие общения и взаимодействия ребёнка с взрослыми, сверстниками; становление самостоятельности, целенаправленности и осознанности собственных действий; развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания героям литературного произведения, формирование готовности к совместной творческой деятельности со сверстниками на основе известных литературных произведений, формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье, малой родине и Отечеству, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках; формирование основ безопасности в быту, окружающем социуме, природе, с помощью чтения произведений литературы [2].

Познавательное развитие предполагает развитие любознательности и познавательной мотивации к чтению произведений художественной литературы, желанию вызвать читательский интерес у ребёнка-дошкольника; происходит формирование познавательных действий, становление сознания, развитие воображения и творческой активности; формирование первичных представлений о себе и других людях, объектах окружающего мира, о свойствах и отношениях объектов окружающего мира, о планете Земля как общем доме людей, об особенностях её

природы, многообразии стран и народов мира с помощью чтения литературы [2].

Речевое развитие включает овладение речью как средством общения и взаимодействия с другими; обогащение активного словаря; развитие связной, грамматически правильной диалогической и монологической речи; развитие звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха, формирование звуковой аналитико-синтетической активности как предпосылки к обучению грамоте.

Художественно-эстетическое развитие предполагает развитие предпосылок ценностно-смыслового восприятия и понимания литературных произведений и произведений искусства, становление эстетического отношения к окружающему миру; формирование элементарных представлений о видах искусства; восприятие музыки, художественной литературы, фольклора; стимулирование сопереживания персонажам художественных произведений; реализацию самостоятельной творческой деятельности детей дошкольного возраста [2].

Физическое развитие включает приобретение опыта в следующих видах поведения детей: двигательном, в том числе связанном с выполнением упражнений, направленных на развитие таких физических качеств, как координация и гибкость способствующих правильному формированию опорно-двигательной системы организма, развитию равновесия, координации движения, крупной и мелкой моторики обеих рук, а также с правильным, не наносящем ущерба организму, выполнением основных движений, формирование начальных представлений о некоторых видах спорта, овладение подвижными играми с правилами, на основе прочитанных литературных произведений; становление целенаправленности и самоконтроля в двигательной сфере; овладение элементарными нормами и правилами здорового образа жизни [2].

Необходимо учесть тот факт, что проектная деятельность является одним из самых эффективных методов по литературному развитию детей дошкольного возраста, в котором происходит интеграция образовательных областей. Под проектом Л.В. Михайлова-Свирская подразумевает отрезок жизни группы, в процессе которого и дети, и взрослые совершают увлекательную поисково-познавательную творческую работу, а не просто участие детей под руководством воспитателя в серии связанных одной темой занятий и игр.

Одной из наиболее эффективных форм интеграции образовательных областей по литературному развитию детей старшего дошкольного возраста в детском саду является разделение по центрам активности в рамках проектной деятельности. Все центры интегративны по своей сути. Центр книги может быть одновременно и центром грамоты, центром книгоиздательства, центром драматизации. Это особенно результативно в разновозрастных группах, где помимо возможностей, определённых возрастом, есть и индивидуальные интересы, возможности и потребности

детей, а также реальная возможность ориентации на зону ближайшего развития ребёнка [4].

Такой способ организации работы внутри проекта с разделением по центрам активности позволяет добиться значительных результатов посредством объединения общих усилий педагога, родителей, детей и позволяет добиться эффективности использования всех образовательных областей.

В рамках проектной деятельности по литературному развитию, формы работы с детьми включают в себя непосредственно образовательную деятельность, в которой происходит интеграция образовательных областей.

Осуществляется чтение произведения, его обсуждение, интерпретация замысла, знакомство с автором, обсуждение эмоционального отношения детей к прочитанному литературному произведению. Всё это относится к первому компоненту литературного развития – читательский интерес. Восприятие художественной литературы и фольклора – форма активности ребёнка, предполагающая не пассивное созерцание, а деятельность, которая воплощается во внутреннем содействии, сопереживании литературным героям, в воображаемом перенесении на себя событий, в «мысленном действии», в результате чего возникает эффект личного присутствия, личного участия в событиях излагаемых в книге [5]. В данном виде работы центральным компонентом литературного развития выступает восприятие художественного произведения ребёнком дошкольного возраста.

Второй вид работы – это самостоятельная деятельность ребёнка, в которой происходит решение проблемно-поисковых задач, работа с дидактическим материалом по литературному развитию. Данная работа проводится с использованием совместной деятельности детей: продуктивной, творческой, игровой, коммуникативной, познавательно-исследовательской, двигательной, музыкально-художественной и театральной. На данном этапе предполагается возможность использования литературного опыта в самостоятельной творческой деятельности в центрах активности по желанию ребёнка [6]. А это уже является третьим компонентом литературного развития – активным использованием накопленного литературного опыта в разнообразных видах детской деятельности. На прогулке (режимный момент) происходит наблюдение за явлениями живой и неживой природы, подвижные игры по теме прочитанного литературного произведения. Здесь осуществляется игровая, двигательная и познавательно-исследовательская деятельность, которая поддерживает читательский интерес у ребёнка дошкольного возраста.

Ещё одной формой работы является взаимодействие педагогов и детей с родителями, где совместно решаются задачи подготовки и планирования предстоящей проектной деятельности в виде беседы,

«круглого стола». Заключительной работой в рамках проектной деятельности совместно с родителями считается выполнения итоговых домашних заданий вместе с детьми по литературному развитию [6].

На основе изученного материала мы пришли к выводу, что литературное развитие детей старшего дошкольного возраста наиболее эффективно реализуется в форме проектной деятельности, в ходе которой успешно интегрируются все образовательные области. У детей развивается читательский интерес к происходящим событиям в литературном тексте, что порождает желание самостоятельно создать творческий продукт на основе содержания воспринятого произведения. Дети легко могут интерпретировать литературный текст, свободно выражать свои мысли, отношение к персонажам и событиям, выражать своё мнение и грамотно аргументировать его. Работа с учётом интеграции разных образовательных областей в рамках проектной деятельности позволяет расширить кругозор детей дошкольного возраста.

Литература

1. Запорожец, А.В. Психология восприятия ребёнком дошкольником литературного произведения // Избр. псих. труды. М.: Педагогика, 2009. Т. 1. 128 с.
2. Акулова, О.В., Сомкова, О.Н. Диагностика литературного развития старших дошкольников // Педагогическая диагностика как инструмент познания и понимания ребёнка дошкольного возраста. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
3. Вербенец, А.М. Интегративные возможности образовательной области «Художественное творчество». [Электронный ресурс] // Дошкольное образование в современной России: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.Г. Каблукова; Краснояр. гос. университет. Красноярск. 2012 г.
4. Тимофеева, И.Н. Что и как читать вашему ребёнку от года до десяти: Энциклопедия для родителей по руководству детским чтением. СПб., 2000. С. 111.
5. Интеграция образовательных областей в педагогическом процессе ДОУ / под ред. О.В. Дыбиной. М.: Мозаика-Синтез, 2012. 80 с.
6. Фишер, В.Я. Способы организации работы по литературному развитию детей дошкольного возраста в образовательном учреждении. [Электронный ресурс] // Дошкольное образование в современной России: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.Г. Каблукова; ред. кол. Краснояр. гос. университет. Красноярск, 2012.

Статья рекомендована к печати
канд. пед. наук, доцентом КНДОиСУ Мигуновой Е.В.

УДК 372.4:372.87
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.46

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА КАК ГРАМОТНОГО ЗРИТЕЛЯ

Никандрова А.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: alexandranikadrova@yandex.ru

OPPORTUNITIES FOR INTERACTIVE LEARNING IN FINE ART LESSONS FOR THE DEVELOPMENT OF A YOUNGER STUDENT AS A LITERATE VIEWER

Nikandrova A.V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: alexandranikadrova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается один из аспектов в преподавании изобразительного искусства в начальной школе – воспитание грамотного зрителя, что связано как с содержанием и педагогическими характеристиками предмета, отражёнными в нормативных документах (ФГОС НОО, Примерная основная образовательная программа), так и направлениями теоретических положений и их методическим сопровождением. Одним из таких направлений становится использование интерактивного обучения на уроках изобразительного искусства. Представлено диагностическое исследование, содержание и формы которого направлены на выявление того, насколько ребёнок проявляет себя в качестве грамотного зрителя.
Ключевые слова: *грамотный зритель, интерактивное обучение, интерактивные методы обучения, интерактивная экскурсия.*

Abstract. The paper considers one of the aspects of teaching Fine Arts in elementary school – the education of a literate audience that is related to content and pedagogical characteristics of the subject, reflected in the normative documents (FSES PGE, the Approximate basic educational program of primary education), and areas of theoretical points and methodological support. One of these areas becomes the use of interactive learning in art classes. The article presents a diagnostic study, the content and forms of which are aimed at identifying to what extent children manifest themselves as competent viewers.
Keywords: *literate audience, interactive training, interactive trainingmethods, interactive tour.*

Изобразительное искусство занимает особое место в образовательном пространстве и играет важную роль в формировании художественного опыта учащихся, в том числе младшего школьного

возраста. Оно раскрывается с помощью произведений живописи и графики, восприятие которых проявляется в выражении ребёнком эмоционального отклика на увиденное, что свидетельствует об определённом уровне его художественно-эстетического образования.

Как отмечает В.И. Жуковский, образовательное пространство – это взаимодействие и общение с произведением искусства, в том числе с произведением изобразительного искусства. В то же время в образовательной среде в большей степени преобладает ориентация на иллюстративные возможности произведений искусства, иными словами произведения искусства в образовании используются как наглядные средства обучения, при этом упускается их коммуникативная функция, а именно диалог со зрителем. Картины «вступая в диалог» со зрителем, открывают перед ним путь к познанию личности человека, отношению человека к самому себе. Грамотно организованный диалог как один из принципов педагогической деятельности предполагает, что путь к познанию произведения искусства должен открыть доступ зрителю к вечным ценностям человечества [1].

В связи с этим общественный заказ, выраженный в федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования 2015 г., подтверждает нацеленность на развитие умения ребёнка вступать в диалог с автором-художником. Поэтому основные предметные результаты по «Изобразительному искусству» должны отражать: сформированность потребности в художественном творчестве и в общении с искусством, а также овладение практическими умениями и навыками в восприятии, анализе и оценке произведений искусства [2]. Не случайно содержательный раздел «Примерной основной образовательной программы начального общего образования» по изобразительному искусству начинается с раскрытия темы «Восприятие произведений искусства», в котором предлагается рассмотреть отношения художника и зрителя [3], следовательно, образование младшего школьника как зрителя выступает одним из ведущих направлений в начальной школе.

Одной из основных задач предмета «Изобразительное искусство» необходимо рассматривать воспитание грамотного зрителя. Согласно определению Е.О. Орловой, это тот, кто открыт к диалогу с художником и умеет читать художественный текст, владеет языком живописи, знает законы построения (написания) картины для того, чтобы понять идею-образ автора [4]. Ведущие специалисты в области художественного образования разрабатывают в этом направлении теоретические положения и их методическое сопровождение. Одним из таких направлений становится использование интерактивного обучения на уроках изобразительного искусства. Под интерактивным обучением будем понимать обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого

опыта. Учащийся становится полноправным участником учебного процесса, его опыт служит основным источником учебного познания. Педагог не даёт готовых знаний, но побуждает участников к самостоятельному поиску [5].

Среди ведущих направлений интерактивного обучения называют способность взаимодействовать или находиться в диалоге/полилоге. Важным становится осмысление особенностей диалога при интерактивном обучении, ведь, как справедливо отмечает Л.С. Подымова, диалог возможен и при традиционных методах обучения, но лишь как взаимодействие «учитель – ученик» или «учитель – группа учащихся (аудитория)». При интерактивном обучении в дополнение к этим позициям добавляется взаимодействие «ученик – ученик» (работа в парах), «ученик – группа учащихся» (работа в группах), «ученик – аудитория» или «группа учащихся – аудитория» (презентация работы в группах), «ученик – компьютер», «ученик – художественное образование» и т.д. [6].

Вслед за Р.Л. Хоном к ведущим характеристикам учебных занятий в режиме технологии интерактивного обучения будем относить:

– положительную взаимозависимость (понимание, что общая учебная деятельность приносит пользу каждому);

– непосредственное взаимодействие (тесный контакт друг с другом членов группы);

– индивидуальную ответственность, при этом более способные ученики не должны выполнять чужой работы;

– развитие навыков, необходимых для успешной работы совместной работы;

– оценку работы [7].

В связи с этим педагогу необходимо ориентироваться во всём многообразии существующих в педагогике методов интерактивного обучения.

Подробнее остановимся на методе *интерактивная экскурсия*, которая позволяет привлечь учащихся к самостоятельному исследованию объекта экскурсии, что значительно повышает эффективность восприятия нового материала. По мнению Н.М. Конышевой, уже не первое десятилетие идут поиски оптимальных методик художественно-эстетического образования детей. В связи с этим многие педагоги и методисты рекомендуют систематически прибегать к практическому применению интерактивных экскурсий в начальной школе и, в частности, на уроках изобразительного искусства, так как эти занятия, в большей степени, способствуют проявлению активности школьника, что и создаёт особенно благоприятные условия для развития личности [8].

Несомненно, что интерактивные методы обучения в современном образовании играют заметную роль. Важным является организация взаимодействия учащихся с окружающей образовательной средой, что в

большей степени зависит от выбора методов обучения. Нами было проведено диагностическое исследование, которое проходило в течение II четверти 2019/2020 учебного года, в нём приняло участие 25 учащихся 3 класса МАОУ «СОШ № 8» Великого Новгорода. 3 класс занимается по программе «Перспектива», по предмету «Изобразительное искусство» используются учебники Т.Я. Шпикаловой (УМК «Перспектива»). Предметом изучения для нас выступило понимание, насколько ребёнок проявляет себя в качестве грамотного зрителя. Для диагностики мы использовали ряд методик: анализ изображения, интерактивная экскурсия, творческое задание в виде изображения картин разных жанров. В ходе диагностического исследования мы выделили следующие аспекты изучения:

– понимание младшими школьниками, что такое музей изобразительного искусства;

– наличие характеристик грамотного зрителя;

– восприятие информации учащимися в форме интерактивной экскурсии;

– выявление у учащихся их субъектной позиции к наполнению музея изобразительного искусства.

Диагностика характеристики грамотного зрителя включала четыре основных задания:

1. Вопрос, чем музей изобразительного искусства отличается от других музеев. Какие музеи изобразительного искусства знает младший школьник.

2. Задание, где необходимо дать описание картине с точки зрения средств художественной выразительности.

3. Задание, включающее в себя просмотр фрагмента интерактивной экскурсии, в котором младшему школьнику необходимо представить себя в зале Эрмитажа и описать наиболее запомнившиеся моменты экскурсии.

4. Творческое задание: младшим школьникам предлагается представить, что классу поручили организовать музей изобразительного искусства в школе, который зрители смогут посетить дистанционно. Учащиеся должны нарисовать картины любых жанров, которые, по их мнению, должны быть выставлены в данном музее. Опишем некоторые результаты проведённой диагностики.

Первое задание было направлено на то, чтобы определить, насколько школьники различают музей изобразительного искусства как самостоятельный среди других музеев, для чего ученикам предложили дать характеристику такому музею и привести примеры.

Рассмотрим ответы учащихся:

– 14 учащихся ответили, что музей изобразительного искусства – это музей, в котором находятся картины; кроме того, 2 ученика из 14 написали, что в музее изобразительного искусства хранятся не только картины, но и скульптуры;

– 2 школьника ответили, что в данном музее представлено искусство разных художников;

– 1 ученик предположил, что музей изобразительного искусства учит делать что-то хорошее;

– 1 школьник отметил, что музей изобразительного искусства строили знаменитые люди;

– 7 учеников не смогли дать определение музея изобразительного искусства.

Итак, судя по цифрам, большинство – 14 человек из 25 – знают, что такое музей изобразительного искусства, 11 учащихся не справились с заданием, они либо совсем не ответили, либо ответили неверно. Однако, по нашему мнению, полученный результат нельзя считать успешным, т.к. практически все ученики 3-го класса, согласно требованиям стандартов и содержанию программ, должны иметь точные представления по данному вопросу. Возможно, такая ситуация вызвана тем, что в программе Т.Я. Шпикаловой задание по знакомству с музеями изобразительного искусства помещено в рубрике «Страница для любознательных».

Показательно, что затруднение вызвало вторая часть задания, где учащимся предлагалось привести примеры известных им музеев изобразительных искусств: 7 учащихся из 25 в качестве примера приводят Государственный музей Эрмитаж (один из этих учащихся также указал Государственную Третьяковскую галерею); 2 ученика назвали Государственный Русский музей; 3 школьника отметили Новгородский музей изобразительных искусств. Также среди музеев изобразительного искусства были названы – Музей русского народного творчества (2), Музей архитектуры (1), Музей кино (1). 9 учащихся не смогли привести примеры. Можно сказать, что, с одной стороны, большинство школьников имеют представление о музеях изобразительного искусства, они могут дать ему определение. С другой стороны, показательно, что есть ошибочные ответы, а 9 учащихся не смогли назвать такие известные музеи, как Третьяковская галерея, Эрмитаж, Русский музей, следовательно, они им либо не знакомы, либо не осознаются как музеи изобразительного искусства.

В целом, диагностическое исследование показало, что младшие школьники различают некоторые жанры изобразительного искусства, при этом не обязательно владея знаниями о характеристиках того или иного жанра. Самым известным для них музеем изобразительного искусства является Эрмитаж, возможно потому, что он находится в городе Санкт-Петербург, который находится недалеко от Великого Новгорода. Восприятие произведений изобразительного искусства вызывало у учащихся затруднения, т.к. они слабо владеют языком живописи, мало

знакомы с законами построения картины, а значит, они не могут в достаточной степени проявлять себя в качестве грамотных зрителей.

Литература

1. Жуковский, В.И. Характер и особенности диалога зрителя с произведениями изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2010. С. 1–7.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования с изменениями от 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fgos.ru (дата обращения: 29.08.2019).
3. Примерная основная образовательная программа начального общего образования. М.: Просвещение, 2015. С. 169.
4. Орлова, Е.О. Грамотный зритель: учитель и ученик // Вестник Новгородского государственного ун-та. 2017. № 1 (99). С. 36–39.
5. Популярный Энциклопедический словарь // сост. Б.М. Бим-Бад. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 107.
6. Подымова, Л.С. Интерактивные методы в обучении и воспитании школьников: метод. пособие. М.: УЦ «Перспектива», 2011. С. 6.
7. Коротаева, Е.В. Обучающие технологии в познавательной деятельности школьников. М.: Сентябрь, 2013. С. 167.
8. Конышева, Н.М. Современная практика использования средств искусства в образовании // Начальная школа. 2012. № 1. С. 20–26.

Статья рекомендована к печати
канд. пед. наук, доцентом Орловой Е.О.

УДК 745.522.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.47

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОБЕЛЕНА

Петрова И.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: zirina1452@gmail.com

SPATIALLY-FIGURATIVE POSSIBILITIES TAPESTRY

Petrova I.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: zirina1452@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрено развитие искусства гобелена от простого ткачества и его преобразования к иному произведению, иной форме искусства. В конце 20 века в гобелене обнаружились не только утилитарные возможности. Гобелен приобретает и новые пластические формы, смыслы и звучания, выходит за рамки пространства стены. Целью работы является изучение этого перехода от искусства ткачества к современным пространственно-пластическим формам гобелена и тем особенностям, которые появляются в этот период. Гобелен выходит за рамки прикладного ремесла и переходит в разряд объёмной скульптуры, приобретая всё новые необычные и экспериментальные формы.
Ключевые слова: гобелен, ткачество, художник, мастер, шпалера, текстиль, искусство.

Abstract. This article reviewed development of the art of tapestry from simple weaving and its transformations to another work, art form. At the end of the 20th century in the tapestry showed up not only utilitarian opportunities. Tapestry acquires and new plastic molds, meanings and sound, goes beyond wall space. The purpose of the work is the study of this transition off art of weaving to modern spatially-figurative tapestry shapes and those features, which appear in this period. Tapestry goes beyond crafts and passes into the discharge volumetric sculpture. Acquiring all new unusual and experimental forms.
Keywords: tapestry, weaving, artist, artisan, arras, textile, art.

В XX веке традиционные ремесленные материалы – глина, стекло, металл, текстиль – преобразуются, становясь обновлённым материалом современных художников. С этим связано то, что XX век стал веком нового расцвета искусства ткачества. Для гобеленов создавали картоны такие именитые художники, как: Рауль Дюфи, Жорж Брак, Пабло Пикассо, Жаон Миро, Сальвадор Дали, Василий Кандинский, Фернан Леже. Но решающую роль в возрождении гобелена сыграл художник Жан Люрса. Благодаря художнику шпалере были возвращены её основные качества – органичность процессов создания и образной выразительности,

плоскостность и декоративность. Главным условием в работе для художника является собственноручное создание произведения [2].

Жан Люрса с 1916 г. занимался экспериментами в области искусства текстиля. Живя во Франции, стране с богатейшими традициями шпалерного ткачества, он столкнулся с тем, что здесь в начале XX в. не существовало ни вертикального, ни горизонтального ткацкого станка, об оплате труда профессионального ткача не было никакого понятия. Таким образом, искусство ручного ткачества было как бы заново «открыто» и вызвало интерес.

В основе работ Ж. Люрса лежит принцип декоративности, изобразительности. Создавая свои работы, художник обратился к средневековым шпалерам и выявил основные принципы ручного ткачества:

1. Должно использоваться ограниченное количество цветов.
2. Шпалера должна создаваться для стены, т.е. быть плоскостной и предназначенной для конкретной стены.
3. Шпалера должна выполняться по картону.
4. Соотношение плотности основы и утка должно вызывать впечатление равновесия.

Выведенные Ж. Люрса принципы ткачества можно считать своеобразной «формулой декоративности» в текстиле XX в., блестяще реализованной на практике как самим мастером, так и его многочисленными последователями.

Рисунок 1. Жан Люрса «Ширма из четырёх гобеленов», 1927 г.

Утверждение декоративным искусством своего равноправия с другими видами художественного творчества привело и к метаморфозе гобелена: от классического плоскостного через фактурно-рельефный к самостоятельным текстильным конструкциям, создание которых

невозможно без одновременного использования приёмов ткачества, живописи, скульптуры.

Благодаря открытию новых стилей и технологий в начале XX в. в ручном ткачестве появляются экспериментальные решения. Художники разных стран вели активные поиски новой пластики гобелена. Шпалера становится не просто предметом с конкретным функциональным назначением, она становится художественным объектом, иным произведением искусства.

В 60-х годах интерес к гобелену вырос настолько, что заниматься ткачеством начали в том числе и художники, гобелен стал трансформироваться. В этот период художники проявили большой энтузиазм, возникли эксперименты в ручном ткачестве.

В гобелене середины XX в. обнаруживается огромный пласт возможностей, связанный с его пластическими решениями, фактически неисчерпаемый. В работе с гобеленом были проведены наиболее неожиданные эксперименты формообразования. Гобелен – это та область, где были проведены наиболее дерзкие эксперименты формообразования, фундаментальные реформы традиционного ремесла, совершён крутой поворот от искусства прикладного – к искусству монументальному. За последние полвека в корне изменились и требования, предъявляемые к этому виду декоративного творчества, и сами приёмы работы в этой сфере. Именно в этот период происходит «пластический взрыв». Было отмечено появление новых модификаций, «сплавленных» видов декоративного творчества: появилась «новая таписерия» (сотканное произведение), которая ещё называется «мягкая скульптура» или «искусство подвижного волокна» [1].

Этот период характеризуется повышенным вниманием к пластическим свойствам шпалеры, интересом к фактуре, текстуре, применением нетрадиционных современных материалов. Мастера экспериментировали с новыми красителями и материалами. Использовали для этого натуральные природные материалы, такие как: цветы, листья, коренья, мох, кора. Всё это значительно расширило рамки творческих возможностей художника. Художники разных стран активно искали новую пластику гобелена. Интерес к гобеленам вырос и ярче всего проявляется в Польше, Югославии, Чехословакии, США, Канаде, Японии, странах Балтии и Скандинавии [2].

Эксперименты художников следовали один за другим: колористические и фактурные, структурно-пластические, усложнённая ритмическая трактовка цвета, формы и объёма в пространстве. Поиск новых структур и фактур привёл интегрирование в гобелен синтетических материалов, таких как: кожа, металл, полиэтилен, даже дерево и камень. В сочетании с привычными материалами гобелена, такими как: шерсть, лен,

шёлк. Художники активно вводят в поверхность гобелена металлические нити и различные плёнки [3].

Многие текстурные объекты этого периода можно назвать «мягкой скульптурой», расположены в пространстве и предполагают, что зритель может их обойти вокруг. Такие произведения можно назвать арт-объектами.

В это время такие художники, как Элзи Жиак и Франсуаз Гроссен (Швейцария), Клер Цайслер и Ленор Тауни (США), Магдалена Абаканович (Польша) и Ягода Буич (Югославия) создавали текстильные пространственные конструкции, отрывая ткань от стены и заставляя её жить самостоятельной жизнью [4].

Тут стоит выделить работы Магдалена Абаканович, её серию Абакан. Произведения художницы могут быть расположены в любом помещении и даже вне пространства помещения. Её произведения носят уникальный характер, исходя из их необычной формы и размера.

Рисунок 2. Франсуаз Гроссен «Five Rivers», 1974 год

Рисунок 3. Ленор Тауни «Floating Shapes», 1958

Рисунок 4. Магдалена Абаканович, «Красный Абакан», 1969

Модернизировалась и сама технология ткачества. Мастера пробуют вводить более свободную систему переплетения, показывающую основу (делают сквозные прорези), саму структуру ткани, перемежают грубые стежки с мелкими. Гобелен с полным правом был назван активной пластикой [3].

Художественный мир в начале 1970-х годов разделился на два лагеря: некоторые исследователи считали, что выход текстиля в пространство предвещает ему будущее, а другие категорически выступали против дальнейшего деформирования гобелена, считая, что «художественная ткань по мере освобождения от своей прикладной функции, от места на стене, от жанра на наших глазах освобождается от всего и становится калекой» [1].

Исследователь ручного ткачества Андре Кензи, выделил три вида новых текстильных форм: 1) висящие на стене: «Funcube» Харука Кодзима (2010 г.); 2) пространственные: «Красный Абакан» Магдалены Абаканович, Шигео Кубота «Тканый коридор – из Италии» (2001 г.); 3) представляющие собой среду (энвайронмент): Акио Хаматами «Белая Арка 9», Шихоко Фукумото «Морской пейзаж» [4].

«Fun cube» Харука Коджима состоит из большого количества одинаковых кубических модулей, соединённых с помощью клея, им предавалось трёхмерная форма. Работа Шигео Кубота «Тканый коридор – из Италии», представляет собой замкнутые трёхмерные структуры сложной формы, расположенные в пространстве.

Рисунок 5. Харука Коджима
«Fun cube», 2010

Рисунок 6. Шигео Кубота
«Тканый коридор – из Италии», 2001

Гобелен был подвержен законам воздействия не только ткачества и живописи, но и пластики, и тем самым он включается в новую систему пластического мышления, которая опирается на новое восприятие

пространства, времени и внутренней структуры предмета. Новая система предполагает и иной метод работы над гобеленом, в основе которой лежали умение конкретно мыслить, думать не только о цвете, но и о самой структуре, пространственной конструкции, для которой использовались все технологические возможности живописного материала и пластических в том числе.

Рисунок 7. Акио Хаматами «Белая Арка 9»

Опыт, накопленный художниками советского периода, заставляет по-иному оценить этническую специфику искусства гобелена.

На постсоветском пространстве можно видеть интерес к самым разным пластам истории национальной культуры.

В 60-х годах в России – это обращение к шитью, фреске и миниатюре Древней Руси. В работе «Московская Русь» Валентины Платоновой виден лаконизм цветовых сочетаний, проработка деталей в рисунке композиции. Она придерживается гладкого ручного ткачества, множества цветовых оттенков. Это отличает её от художников данного периода тем, что многие мастера уже экспериментируют с цветом [5].

Рисунок 8. «Московская Русь» Валентины Платоновой (1968)

В Грузии у мастеров того же периода, занимающихся гобеленом, явно присутствует строгое изящество грузинского народного костюма, классическая завершённость старинной стенописи и наивная прямота росписей.

В Прибалтике художники черпают вдохновение в мозаиках и в работах монументалистов 20-х годов. Это можно увидеть в гобелене второй половины XX в. на примере работ рижского мастера И. Скуиня. Гобелен состоит из четырёх панно, на которых изображены аллегорические композиции. Цветовое решение в панно отображают образ времени года. Художник объединил традиции старинного гладкого ткачества с виденьем нового гобелена как картины [3].

Рисунок 9. И. Скуиня «Времена года» (фрагмент), 1975

В начале 70-х годов, в период авангардных поисков отечественного декоративного искусства возникают новые формы, фактуры, материалы и пространственные решения.

В насыщенной силе пластических образов и в гуманистической направленности проявлялись достоинства гобелена советского периода. Гобелен середины XX в., как правило, связывает в себе и старинную шпалеру, и объёмный гобелен. В основном имеет утилитарное назначение. Советский художник нередко объединяет некую утилитарность гобелена и выступает одновременно как живописец, скульптор.

В основе текстиля, созданного в период «пластического взрыва», заложены принципы, прямо противоположные «декоративным»: 1) текстиль перестал быть двухмерным; 2) картон перестал являться необходимой составляющей процесса создания текстильного объекта;

3) вопросы цвета, качества материала и плотности основы и утка решались теперь автором самостоятельно в соответствии с творческой задумкой [2].

В связи с отменой основных принципов шпалерного ткачества в работах этого направления исчезла изобразительность. Появление трёхмерных арт-объектов перевело текстиль из категории живописных плоскостных произведений в категорию объёмных скульптур. В новых формах текстиля часто отсутствует изобразительное начало, работа выражает идею художника иными способами – масштабом, материалами, цветом, фактурой, расположением в пространстве, вкраплением иных материалов, ранее не используемых, в гобелен. Гобелен оказался вовлеченным во всеобъемлющий процесс интеграции видов искусства. Художники второй половины XX в. доказали возможность выхода гобелена за рамки прикладного ремесла и предали новое звучание этому искусству.

Дизайнеры и художники по текстилю активно вводят в поверхность ткани металлические нити и различные плёнки. Наряду с современными техниками и материалами используются коптские, перуанские, кавказские, турецкие приёмы. В традиционное плетение интегрируются различные авторские вариации.

В настоящий момент искусство таписерии развивается и продолжается на новом витке развития. В России работает большое количество художников в этом виде декоративно-прикладного искусства. Они работают не только в столичных центрах, но и городах: Самара, Саратов, Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск, где на базе высших учебных заведений существуют отделения и кафедры художественного текстиля.

Литература

1. Векслер, А.К. Ручное ткачество: учеб.-метод. пособие. СПб.: МЕТ 006, 2013. С. 104.
2. Газизова, А.Т. История развития ручного ткачества от гобелена до таписерий // Известия Самарского научного центра РАН, 2015.
3. Семизорова, Л.Б. Особенности ручного ткачества советского периода второй половины XX в. // Вестник Челябинского государственного университета, 2007. С. 350.
4. Цветкова, Н.Н. Искусство текстиля XXI в.: направления развития // Общество. Среда. Развитие, 2011. № 4. С. 169.
5. Юревич-Малащук, В.Е. Объёмно-пространственный художественный текстиль: вопросы историографии и терминологии // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств, 2013. № 1 (19). С. 52.

Статья рекомендована к печати
канд. пед. наук, доцентом Поровским А.Г.

УДК 821.161.1-93
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.48

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПОБЕДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Фёдорова О.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: olga_m.j_all@mail.ru

NRAVSTVENNYYE OSNOVY POBEDY V PROIZVEDENIYAKH SOVETSKIKH PISATELEY VOYENNOGO POKOLENIYA

Fedorova O.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: olga_m.j_all@mail.ru

Аннотация. Итогом Великой Отечественной войны стала победа советского народа. Немецкие войска превосходили советские по численности и оснащению, а потому рассчитывали захватить территорию СССР в кратчайшие сроки, но потерпели поражение по той причине, что не учли высокий уровень духовности своего противника. Нравственные и моральные устои – то, что помогло советским воинам стойко выдержать все испытания. Многие их подвиги и свершения отражены в произведениях писателей военного времени.
Ключевые слова: *нравственность, героизм, подвиг, Родина.*

Abstract. The result of the Great Patriotic War was the victory of the Soviet people. German troops outnumbered the Soviet in numbers and equipment, and therefore hoped to seize the territory of the USSR as soon as possible, but were defeated for the reason that they did not take into account the high level of spirituality of their opponent. Moral and moral principles – that helped the Soviet soldiers to withstand all the trials. Many of their exploits and achievements are reflected in the works of wartime writers.
Keywords: *morality, heroism, exploit, Homeland.*

Алексей Толстой в статье «Русская сила» (1943 г.) указал причину приближающейся Победы в Великой Отечественной войне: «...Итак, произошла проверка на деле. Бешеный натиск решающего всю судьбу войны немецкого наступления был подобен удару кулаком о каменную стену. Выяснилось, что русские искусней и сильней немцев, и не потому не удалось врагу июльское наступление, что немецкая армия оказалась слаба, но потому именно, что Красная Армия оказалась сильна» [1]. Но в чем суть этой таинственной победительной силы? Многие сходно отвечали

на этот вопрос. Так, М.И. Козлов в статье «Духовный потенциал советского народа как фактор Победы в Великой Отечественной войне» говорит о том, что не только военно-экономический потенциал, численность населения, оснащение войск – те факторы, благодаря которым одна из сторон может одержать победу. Ещё более важен дух народа, его нравственная стойкость. Гитлеровцы были уверены в том, что смогут выиграть в первых же сражениях и, кроме того, переломить духовно советских воинов. Но несмотря на то, что СССР терпел одну за другой неудачи в первые месяцы войны, сопротивляться бойцы не переставали. Поражения, напротив, закаляли их дух. Враг рассчитывал увидеть податливость, но, к своему удивлению, обнаружил непоколебимую моральную стойкость противника [2].

О готовности выдержать все испытания советские воины говорили даже в письмах к семье. В 1979 году была издана книга «Говорят погибшие герои», где письма были опубликованы. Василий Степанович Краюшин в статье «Духовно-нравственные основы Великой Победы» приводит в пример несколько строк из них, в числе которых – известная всему миру надпись, выбитая штыком на стене казармы в Северо-Западной части Брестской крепости: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII–41 г.» [3].

Писем, надписей советских бойцов опубликовано в книге более ста шестидесяти.

Нельзя не согласиться с мнением автора, что это – свидетельство духовно-нравственной готовности народа идти на свершение подвигов. Ту же мысль, которую выражает М.И. Козлов, мы видим и в данной статье, вновь убеждаясь, что превосходство даёт не физическая сила.

В.Н. Ксенофонтов – доктор филологических наук и полковник в отставке в своей статье «Духовно-нравственные основы Великой Победы и современные реалии» отмечает, что многие печатные издания военного времени призывали помнить о героическом прошлом многонациональной Красной Армии, о том, что дружба связывает бойцов разных стран, которым в такое непростое время приходится прикладывать все силы в борьбе с фашистской армией, стоя плечом к плечу. Автор пишет: «На страницах газет, издававшихся на национальных языках, воинам широко разъяснялись цели войны и освободительная миссия Красной Армии, велась пропаганда дружбы народов и популяризировались боевые подвиги бойцов и командиров нерусской национальности. Примечательно, что фронтовые газеты выходили не только на русском, но и на других языках народов нашей страны» [4].

Также, по мнению Владимира Николаевича, важным слагаемым духовно-нравственных основ Победы явилось отечественное искусство, его различные виды и жанры. По своей популярности, воздействию на сознание людей первое место занимала, несомненно, литература. Родное

слово сильнее всего укрепляло народный дух. Это становится очевидным при обращении к творчеству писателей военного времени. Как мы знаем, многие их стихотворения, рассказы, повести основаны на реальных событиях. И первое произведение, которое хотелось бы рассмотреть, относится к их числу.

30 апреля, 1945 год. Остаётся немного времени до решающей атаки во время боёв за взятие Берлина. Наступает абсолютная тишина, которую разрывает плач ребёнка. Сержант Николай Масалов обращается к командиру с просьбой разрешить ему спасти малыша. Получив разрешение, ползком, укрываясь от осколков и пуль, добирается под мост, хватает ребёнка и спешно возвращается назад. Остаться незамеченными не смогли – девочка громко кричала. Противники открыли атаку. Советские воины ответили шквальным огнём, и под этим прикрытием сержант добрался до своих и передал спасённого ребёнка.

В августе 1946 года у маршала К.Е. Ворошилова возникла идея создать мемориал в берлинском Трептов-парке, где были захоронены около 7000 советских воинов, о чём он рассказал скульптору, бывшему фронтовику Евгению Викторовичу Вучетичу. В результате беседы о создании памятника Евгений Викторович вспомнил про случаи, когда немецких детей спасали от гибели наши солдаты, и об одном из таких случаев – подвиге старшего сержанта Николая Масалова – ему рассказал В.И. Чуйков. Памятник Воину-освободителю был изготовлен в 1949 году в Ленинграде и 8 мая был открыт советским комендантом Берлина генерал-майором Александром Георгиевичем Котиковым.

Чуть позже Георгий Рублёв посвятил Воину-освободителю стихотворение «Памятник».

…Тут он вспомнил, как прощаясь летом,
Он свою дочурку целовал.
Может быть отец девчонки этой
Дочь его родную расстрелял.
Но тогда, в Берлине, под обстрелом
Полз боец, и телом заслоня,
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня
Скольким детям возвратили детство,
Подарили радость и весну
Рядовые Армии Советской –
Люди, победившие войну! [5]

При знакомстве с историей создания произведения на ум приходит одна из сцен кинокартины Леонида Быкова «В бой идут одни старики», где младший лейтенант Сагдуллаев говорит о лётчице Маше, обращаясь к лейтенанту Александрову: «Я не знаю, какой подвиг мы совершим, но то,

что эта девочка на войне, – это...». Когда пришла война, Николай Иванович Масалов был также очень юным. Ему было всего 18 лет. В восемнадцать лет ребята заканчивают школу, мечтают о прощальном вальсе, о поступлении в институт, о любви, о светлом будущем, но вдруг приходит беда. И пройти такой тяжёлый путь вместе со всей страной до самого конца – уже подвиг. Старший сержант был дважды ранен, но всегда шёл в бой. И во время одного из решающих боёв вышел на защиту не только своего народа.

Русский солдат – это не разрушитель. Русский солдат – это защитник. В произведении говорится о силе духа, о высокой нравственности и самоотверженности. Эти особенные качества и отличают фронтовиков. Что, если бы Николай Масалов не был таким настойчивым и смелым? Что, если бы другие солдаты не сохранили эти качества в такое непростое время? Ведь, как известно, подвиг старшего сержанта – не единичный случай. Нам, последующим поколениям, было бы не на кого оглядываться, у нас бы не было внутренней опоры и веры в то, то всё возможно преодолеть, а без этого невозможно стать настоящим человеком. Максимализм, упорство, стремление разрешить любую ситуацию, готовность в любую минуту прийти на помощь и подставить товарищу плечо – вот то, что отличало поколение уходящее.

Как мы знаем, есть ещё стихотворения с названием «Памятник» у других авторов [см. 6]. И стихотворение, и судьба одного из них пробивает до слез. В 22 года добровольцем ушел на фронт в октябре 1941 года и стал политруком пулеметной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии Николай Петрович Майоров. В 1942 году поэта не стало. Но за такую короткую жизнь он создал не одно произведение. Стихотворение «Памятник» написано за 3 года до начала Великой Отечественной войны, но актуальность свою оно никогда не теряет. Автор говорит о мужестве, стойкости, о стремлении идти в бой несмотря ни на что.

Эхо войны звучит и в произведениях других поэтов-фронтовиков. В их числе Алексей Фатьянов, чьи стихи были положены на музыку. Эти песни у многих на слуху. Разве кто-то не слышал песню «Соловьи»? Не нужно даже закрывать глаза и представлять различные картины, они появятся сами собой, как только слуха коснутся эти тревожные ноты и слова. Однако Фатьянов писал не только о войне. Многие его произведения мы слышали в фильмах. Например, «Когда весна придёт» в исполнении героя Николая Рыбникова – Саши в кинофильме «Весна на Заречной улице» и «Комсомольцы тридцатых годов» – песня, которую директор совхоза Барабанов (актёр – Константин Синицын) исполнял под аккомпанемент Ивана Бровкина в кинофильме «Иван Бровкин на целине». Фильмы разные, песни тоже отличаются, но суть мы видим одну. Недаром Алексея Фатьянова назвали «Гением песни», ведь его произведения стали практически народными. Только их услышишь – и на душе становится

светлей. Сашка – простой рабочий парень, который не отступается от своего, он пел о любви к девушке, к Родине. А товарищ Барабанов – строгий, но справедливый руководитель, видевший жизнь со всех сторон, – пел о настоящей дружбе, которую нужно хранить. Чувства любви и дружбы помогают народу выстоять и победить в войне.

О настоящей дружбе миру рассказывал корреспондент, в военные годы – подполковник – Константин (Кирилл) Симонов в стихотворении «Умер друг у меня». Может быть, о нём слышали не все, но каждый слушал или читал знаменитое произведение, также принадлежащее перу поэта, – «Жди меня» [см. 7], где каждое слово о силе веры, любви и правды. Изначально поэт не планировал печатать «Жди меня». Но в 1942 году стихотворение всё же было опубликовано, после чего многие люди обрели надежду на то, что их сыновья, братья, отцы, любимые всё же остались в живых. А по воспоминаниям медсестёр, многие солдаты читали «Жди меня», когда было очень больно, и им становилось легче.

Вам не напоминает это стихотворение мотивы другого, также положенного на стихи? У Алексея Суркова есть также невиданной силы произведение – «В землянке» [см. 8]. 27 ноября 1941 года под Истрой Сурков попал в окружение на командном пункте. Когда он все-таки смог выбраться из землянки и добраться до своих, то вся его шинель была рассечена осколками от снарядов. «Дальше штаба полка не сделал ни шага. Ни единого. А до смерти – четыре шага». По приезде в Москву он и написал «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага».

Вот такие прекрасные стихи замечательных авторов, поэтов-фронтовиков стали известными песнями. Говоря об этом, нельзя не вспомнить поэта, который, кажется, никогда не расставался со своим любимым инструментом – семиструнной гитарой. Речь идёт про Булата Окуджаву. Каждое девятое мая мы слышим строки «Ах война, что ж ты сделала, подлая…» из песни «До свидания, мальчики» [см. 9]. Если проглядеть текст мельком, можно подумать, что Булат Шалвович говорит о том, как несправедлива война. Но основные мысли поэта на этом не заканчиваются. Он говорит о том, что нужно принять это, отстоять свою Родину, не сделав ни единого шага назад:

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.

Невозможно охватить разом все стихотворения военной тематики и рассказать обо всех, но вспоминать их можно бесконечно. И хочется отметить, что это удивительно – поэты, несмотря на все тяготы военного времени, не переставали создавать потрясающие произведения, пронзающие в самое сердце. Авторы говорили о безграничной любви к

близким людям и Родине, о важности дружбы, умении её сохранить, а также об умении не терять лицо и оставаться собой до самого конца. Это надо хранить всегда – и в военные годы, и в мирное время.

В числе писателей-фронтовиков и Василь Быков – автор повести «Сотников» [см. 10]. Это произведение, где война показана без прикрас и романтизации. Автор показывает двух главных героев, постепенно раскрывая их истинную сущность перед читателем. В ходе прочтения читатель старается найти причины поведения Сотникова и Рыбака в той или иной ситуации, изначально сомневается в своих догадках, но все они находят подтверждение во время сцены допроса. Рыбак старается угодить следователю, не думая о том, что теряет самое важное – честь. Сотников же остаётся человеком до конца. Для него главное – не выжить. Для него главное – не предать товарищей. Он с достоинством смотрит в лицо смерти. Он готов её принять.

А у войны не женское лицо. В повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие…» [см. 11] ведётся рассказ о том, как совсем молодые девушки уходят на войну, но при этом их идеалы и представления остаются прежними. Лейтенант Васков по-отечески относился к каждой, и когда в живых осталось двое, уже не скрывал своих чувств. Он не находил себе места от осознания того, что полегли все пятеро. Винил в этом себя, мучал себя вопросами, которые, как он считал, ему бы задали по возвращении домой. Васков выполнил последнюю волю Осяниной, разыскал её сына и забрал себе. Это ли не поступок настоящего человека? Ведь Васков мог бы пообещать и не выполнить.

Очень много подвигов было совершено во время Великой Отечественной войны. Но один из главных, дарующий нам веру, – способность русских солдат оставаться человечными всегда. Героизм, мужество, стойкость – вот то, что оставалось с ними до самого конца. Читая произведения о войне, слушая воспоминания немногих оставшихся в живых очевидцев, мы должны задуматься о ценностях жизни и о том, что главная цель – быть настоящим человеком и достойно хранить память о безвременно ушедших, положивших свою жизнь во имя Родины.

Литература

1. Толстой, А.Н. Русская сила. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/informburo/ 81.htm
2. Козлов, М.И. Духовный потенциал советского народа как фактор Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс]. URL: https://narfu.ru/university/ library/books/0573.pdf
3. Краюшин, В.С. Духовно-нравственные основы Великой Победы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.comparty.by/duhovno-nravstvennye-osnovy-velikoy-pobedy

4. Ксенофонтов, В.Н. Духовно-нравственные основы Великой Победы и современные реалии. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.oboznik.ru%2F%3Fp%3D51409
5. Рублёв, Г. Памятник. [Электронный ресурс]. URL: https://stihiru/diary/tg1504/2020-.02-10/
6. Майоров, Н.П. Памятник. [Электронный ресурс]. URL: http://www.verav.ru/common/message. php?table=calend&num=1029
7. Симонов, К.М. Жди меня. [Электронный ресурс]. URL: https://stihi.ru/2020/04/03/5829
8. Сурков, А.А. В землянке. [Электронный ресурс]. URL: https://stihi.ru/diary/severylena/2013-01-31
9. Окуджава, Б.Ш. До свидания, мальчики. [Электронный ресурс]. URL: https://rustih.ru/bulat-okudzhava-do-svidaniya-malchiki/
10. Быков, В.В. Сотников. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PROZA/BYKOW/sotnikov.txt
11. Васильев, Б.Л. А зори здесь тихие. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/ br/?b=567&p=1

Статья рекомендована к печати
доктором филол. наук, профессором Моториным А.В.

УДК 373.5:371.381:371.333
DOI: 10.34680/978-5-89896-666-9/2020.DN-1.49

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ КРОССВОРДОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ТЕХНОЛОГИИ

Кощейкова Р.С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: koshhejkovaruslana@yandex.ru

APPLICATION OF INTERACTIVE CROSSWORDS FOR DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING IN PUPILS AT TECHNOLOGY LESSONS

Koscheykova R.S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
E-mail: koshhejkovaruslana@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются психолого-педагогические основы развития творческого мышления у учащихся в современной школе. Рассматриваются особенности применения интерактивных дидактических средств в технологическом образовании школьников. Доказывается эффективность использования интерактивных кроссвордов для развития творческого мышления учащихся на уроках технологии.
Ключевые слова: *технологическое образование, информационные технологии, творческое мышление, интерактивный кроссворд.*

Abstract. The article reveals the psychological and pedagogical foundations for the development of creative thinking in students in modern schools. The article considers the features of using interactive didactic tools in the technological education of schoolchildren. The effectiveness of using interactive crosswords for the development of creative thinking of students in technology lessons is proved.
Keywords: *technological education, information technology, creative thinking, interactive crossword.*

В эпоху стремительного развития научно-технического прогресса в обществе требуются работники, которые были бы способны мыслить не шаблонно и действовать не по инструкции, обладающие творческим мышлением и креативностью. Если учесть, что доля умственного труда в большинстве сфер деятельности продолжает возрастать и часть деятельности смещается в область технических изобретений, то становится ясно, что творческий ум и творческое мышление человека должны признать значительной частью его интеллекта, а задачу его развития – одной из важнейших задач современного образования. Поэтому стоит сделать вывод о необходимости развития способностей у обучающихся,

начиная с самого раннего школьного возраста, так как именно на этом возрастном этапе закладываются основы творческой деятельности. Особое внимание необходимо уделять развитию творческого мышления в школьном образовании.

Школьный предмет «Технология» – это одна из самых креативных учебных дисциплин, которая является составной частью технологической культуры выпускников общеобразовательных организаций. Технологическое образование позволяет создать условия для воспитания разносторонней, творческой личности школьников. В связи с этим возникает актуальность разработки и внедрения в учебный процесс новых подходов и методов, направленных на развитие творческого мышления учащихся по предмету «Технология». В результате учителя технологии сталкиваются с задачей более тщательного изучения особенностей творческого мышления школьников и условий его развития в процессе обучения.

Одной из тенденций деятельности современного педагога является внедрение в учебный процесс современных информационных технологий, которые способствуют повышению эффективности работы с учащимися. Очень важно, чтобы учитель не только наделял учащихся знаниями, но также формировал у них умения и навыки извлекать из различных источников информацию, анализировать её и применять на практике, ставить перед собой проблемную задачу, находить методы и пути её решения. Для этого необходимо использовать в процессе обучения такие технологии, методы, нестандартные формы и способы обучения, которые будут развивать творческое мышление, стимулировать познавательную активность и деятельность учащихся, проявлять желание к самостоятельному поиску и овладению знаниями, новыми учебными приёмами и действиями [1].

В современной научной литературе представлены различные подходы к понятиям «мышление» и «творческое мышление». Так, в научных исследованиях С.Л. Рубинштейна мышление определяется, с одной стороны, как высшая познавательная способность, а с другой – как активный процесс целенаправленного, обобщённого и опосредованного отражения в сознании человека объективной реальности в утверждениях, понятиях, суждениях путём творческого создания новых идей и прогнозирования событий, составляя высшую ступень познания [2]. Из приведённого определения следует, что мышление в большей степени является познавательным процессом. Если рассматривать познавательный процесс с точки зрения педагогики, то он включает в себя, в первую очередь, поиск и обработку обучающимися информации, которая уже имеется, и которую они получили впервые в процессе решения возникающих задач и ситуаций на занятии. Мышление также помогает учащимся не только находить решения предложенных учителем задач, но и направлять их в осознание реальности. Однако стоит подчеркнуть, что в

процессе обучения развивают творческое мышление не только учащиеся, но также и учителя.

С точки зрения известных психологов Г. Линдсея, К. Халла, Р. Томпсона, творческое мышление – это мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи [3]. Во время занятий учитель развивает творческое мышление и способности школьников с одной главной целью – выявить и раскрыть способности каждого учащегося. Для этого педагоги организуют практические занятия с учащимися, создают условия для применения ими ранее уже усвоенных знаний в процессе решения различных проблем. Всё это формирует у учащихся гибкость мышления, так как им приходится прилагать большие усилия для достижения поставленной учебной цели.

Для развития творческого мышления у учащихся на уроках технологии педагоги совершенствуют подходы к организации учебного процесса. В последнее время в учителя технологии своей деятельности довольно успешно используют различные интерактивные дидактические средства, одним из которых является интерактивный кроссворд.

По мнению Е.А. Бровиной, интерактивный кроссворд – это своего рода обучающая игра, которая позволяет угадывать слова через взаимодействие со специальным программным обеспечением [4]. Использование интерактивных кроссвордов на уроках технологии может стать дополнительным звеном к любой методике преподавания. Такие кроссворды могут быть применены в рамках большинства разделов программы «Технология», в частности таких, как «Технологии домашнего хозяйства», «Электротехника», «Кулинария», «Создание изделий из текстильных материалов», «Художественные ремесла», «Семейная экономика», «Профессиональное самоопределение» и др.

Чаще всего для создания интерактивных кроссвордов используются базовые компьютерные программы, такие как Microsoft Power Point, Microsoft Excel и др. Причём программа Power Point может стать отличным помощником для учителей технологии и при создании кроссвордов с автоматической проверкой результатов, и при разработке различных интерактивных игр. Процедура создания интерактивного кроссворда состоит из пяти основных этапов: планирование слов в кроссворде, создание формы с применением компьютерной программы, наполнение формы текстом, создание поля вопросов и нумерации ячеек с элементами анимации для большей эффективности. В своей работе педагог может использовать также программы-генераторы кроссвордов, например, генератор кроссвордов с сайта Childdevelop. Компьютерная программа на этом сайте самостоятельно сгенерирует ячейки при введении подготовленных слов и вопросов, что значительно сократит время учителю для создания интерактивного кроссворда. При разработке кроссвордов учителю необходимо также учесть и отрицательную сторону программы

Power Point. Так как формат слайда в данной программе не даёт больших возможностей, например, применения средств наглядности для повышения интереса учащихся к решению кроссвордов на уроках, то можно использовать более сложную программу Microsoft Visual Basic. Visual Basic – это последняя версия одного из популярных в настоящее время языков программирования. С помощью Visual Basic можно быстро создавать различные приложения, работающие в среде Windows для любой области компьютерных технологий: бизнес-приложения, мультимедиа и т.д. [5]. Однако, как показывает школьная практика, учителя технологии, как правило, не применяют данную программу, так как для работы с ней необходимо дополнительно знать языки программирования.

Интерактивные кроссворды эффективно применять в учебной деятельности, а также во внеурочной работе по предмету «Технология» не только для развития творческого мышления учащихся, но и их памяти, умений контроля и самоконтроля освоенных знаний. Педагоги, которые часто применяют интерактивные технологии (кроссворды, игры, тренажёры и т.д.) в образовательном процессе, отмечают, что такие формы проведения занятий позволяют сделать интересными даже самые «скучные» темы учебной программы.

Стоит так же отметить, что использование интерактивных кроссвордов способствует активному вовлечению учащихся в образовательный процесс. Создаваемая при этом игровая атмосфера включает в себя некий момент состязательности – бросает вызов посоревноваться со своими одноклассниками. В конце игры компьютерная система выставляет оценки учащимся за их работу и при этом не наказывает за допущенные ошибки. В случае неудовлетворительного результата школьник может вновь повторить решение кроссворда и добиться желаемого результата.

Организуя работу учащихся с интерактивными кроссвордами на уроках технологии, педагоги достигают следующих образовательных эффектов:

– *дидактических:* школьники лучше усваивают учебный материал, в том числе понятия и терминологию; учатся выделять главное; делают логические выводы, используя опорные слова; проверяют и контролируют свои знания;

– *развивающих*: учащиеся развивают творческое и креативное мышление, внимание; активно мыслят и анализируют; систематизируют и обобщают информацию, пользуюсь различными источниками;

– *воспитывающих*: обучающиеся проявляют больший интерес к предмету; развивают самостоятельность и коммуникабельность;

– *валеологических*: дети испытывают положительные эмоции; снимают эмоциональное напряжение в учебном процессе, что способствует предупреждению их психологической перегрузки.

Как показало исследование, проведённое в период педагогической практики, во многих школах Великого Новгорода на уроках технологии активно практикуется применение интерактивных кроссвордов. Учителя технологии используют их при повторении и закреплении пройденного материала, при фронтальной и индивидуальной работе с учащимися. Учебные достижения школьников по технологии показывают, что интерактивные кроссворды действительно повышают интерес школьников к учебной деятельности и развивают их творческое мышление. Процесс решения кроссвордов для школьников является увлекательным занятием и помогает им в усвоении нового учебного материала.

Построенный в игровой форме учебный процесс является для детей действенным подкреплением познавательному мотиву, способствует активности мыслительной деятельности, повышает концентрацию внимания, настойчивость, работоспособность, создаёт дополнительные условия радости, удовлетворенности, чувства коллективизма и веры в собственные силы. В итоге учащиеся по собственному желанию начинают обращаться за помощью к различным источникам информации: учебникам, дополнительной литературе, сети Интернет и др. [5].

Таким образом, применение интерактивных кроссвордов в образовательном процессе не только позволяет разнообразить формы организации уроков, но и способствует развитию творческого и логического мышления школьников, активизации их мыслительной деятельности и интеллектуальной самостоятельности, формированию у учащихся коммуникативных навыков, то есть тех личностных качеств, которые необходимы выпускникам школы в современном информационном обществе.

Литература

1. Мещерякова, Е.В., Иващенко, Г.А., Камчаткина, В.М. Применение информационных технологий в педагогических исследованиях // Системы. Методы. Технологии. 2012. № 2. С. 117–125.
2. Психология мышления. Хрестоматия по психологии / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1982. С. 554–555.
3. Линдсей, Г., Халл, К., Томпсон, Р. Творческое и критическое мышление // Общая психология. Хрестоматия: учеб. пособие / сост. Л.Б. Бровина, Т.А. Сергеева. 2-е изд., испр. М: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2008. С. 115–121.
4. METOD-KOPILKA [Электронный ресурс]. URL: https://www.metod-kopilka.ru/ispolzovanie-interaktivnih-krossvordov-v-processe-obucheniya-razrabotannih-v-onlayn-servise-fabrika-krossvordov-72346.html (дата обращения: 04.05.2020)
5. ЯКласс [Электронный ресурс]. URL: https://www.yaklass.ru/materiali?mode=cht&chtid=475 (дата обращения: 04.05.2020)

Статья рекомендована к печати
доктором пед. наук, доцентом Петряковым П.А.

Научное издание

ДНИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ НовГУ

Материалы XXVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.

Часть 1

Составители

Волошина Галина Викторовна
Тетерина Ольга Игоревна

Редактор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 20.11.2020. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 500 экз. Заказ №
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано в